

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ IX, вып. 2.

ПЕРМЯКИ.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

И. И. Смирнова.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.
1891.

Цѣна 1 р. 75 к.

MILUKOV LIBRARY

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ IX, вып. 2.

ПЕРМЯКИ.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Н. Н. Смирнова.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1891.

Печатано по опредѣленію Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь П. Траубенбергъ.

ВЪ КАЗАНЬ

Памяти Михаила Петровича Вессе
посвящаетъ авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль, которую я преслѣдовалъ, выпуская свой третій историко-этнографическій очеркъ, остается также, что и прежде: дать научно систематизированный и восполненный личнымъ наблюденіями сводъ данныхъ объ избранной народности. Для выполненія ея пришлось совершить путешествіе по Чердынскому и Соликамскому уѣздамъ Пермской губерніи—и за содѣйствіе, оказанное мнѣ въ этомъ отношеніи, считаю своимъ пріятнымъ долгомъ принести благодарность Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета.

Оглавленіе.

	<i>Стран.</i>
Глава I.	
Обзоръ литературы, посвященной исторіи и этнографіи Перми (Коми)	3—77.
Глава II.	
Очеркъ исторіи Пермьковъ	77—177.
Глава III.	
Внѣшній бытъ Пермьковъ	177—207.
Глава IV.	
Семейныя и общественныя отношенія	207—232.
Глава V.	
Духовное творчество Пермьковъ	232—289.

Глава I.

Обзоръ литературы, посвященной исторіи и этнографіи Перми
(Коми).

*Periplus Otheri et Wulfstani. Script. rer. Danic. T. II. Hafniae. Ed.
Langebeki. 1773.*

Отеръ, современникъ Алфреда Великаго, совершилъ путешествіе къ С. Двинѣ во второй половинѣ IX в. Въ разсказѣ объ этомъ плаваніи, записанномъ съ его словъ Алфредомъ В., онъ первый упомянулъ о Біарміи. Мы находимъ необходимымъ привести его извѣстіе цѣликомъ въ виду искаженій, которымъ оно подвергалось въ нашей литературѣ. „Тутъ увидалъ онъ огромную рѣку, которая далеко (*longissime*) проникала въ глубь страны. У устьевъ ея онъ остановился и не рѣшался войти въ рѣку изъ страха предъ жителями, такъ какъ земля по другую сторону рѣки имѣла многочисленное населеніе. Страна по правую сторону рѣки была-бы совсѣмъ пустыней, еслибы случайно не появлялись по мѣстамъ немногіе рыболовы, охотники, которые всѣ были Финны... Біармы въ большомъ количествѣ населяютъ свою страну, но онъ не рѣшился въ нее проникнуть. Страна же Терсвихъ Финновъ (*Terfinna Land*) была пустынна... Біармы много съ нимъ разговаривали о своей землѣ и сосѣднихъ земляхъ, но онъ не знаетъ, правду-ли они рассказывали, такъ какъ не видалъ этого собственными глазами. Ему кажется (*arbitrari se*), что Финны и Біармійцы говорятъ однимъ языкомъ“ (р. 71).

Немного свѣдѣній даетъ намъ человекъ, который лично посѣтилъ Двинскій край и былъ въ состояніи объясняться съ Біармійцами на родномъ для нихъ языкѣ. Въ пересказахъ и вольной передачѣ извѣстія Отера значительно измѣняются. Strinholm, а за нимъ Г. Полевой въ своихъ „Очеркахъ Русской Исторіи“ приписываютъ Отеру вещи, которыхъ онъ нигде не говорилъ: будто онъ нашелъ Біармію хорошо обработанной съ густымъ осѣдлымъ населеніемъ¹⁾; заблужденіе это встрѣчаемъ мы и у почтеннаго изслѣдователя пермской старины А. А. Дмитріева²⁾. У Отера, какъ мы уже видѣли, нѣтъ никакого намека на осѣдлость Біармійцевъ; онъ говоритъ только объ ихъ многочисленности; что-же касается словъ объ обработанности страны, то они относятся не къ Біарміи, а къ той подчиненной Норвегіи (Halogaland) Финнской области, въ которой Отеръ былъ сборщикомъ дани ранѣе, чѣмъ поступилъ на службу къ Альфреду. Самую крупную цѣнность въ извѣстіяхъ Отера, конечно, имѣютъ слова, относящіеся къ тождеству языковъ Финнскаго и Біармійскаго. Эти слова, сказанныя человекомъ, который зналъ финскій (лопарскій) языкъ, имѣютъ капитальное значеніе въ вопросѣ о народности жителей двинскаго низовья.

2. Скандинавскія саги. Scripta Hist. Islandorum. T. I—XII. Hafniae. 1828—1846.

Путешествіе Отера открыло для предприимчивыхъ Норманновъ новый край, въ которомъ они могли искать себѣ славы и богатства. Въ теченіе IX—XII вѣковъ сюда направляется рядъ походовъ, которыя болѣе или менѣе подробно воспѣты въ сагахъ. Мы не можемъ къ сожалѣнію воспользоваться этимъ матеріаломъ во всемъ его объемѣ—частію потому, что онъ недоступенъ намъ по языку, частію потому, что не все изданное оказалось возможнымъ найти подъ руками.

¹⁾ Strinh.—Wikingszüge. Полевой I. с. 148—150.

²⁾ Перм. Стар. I, 32.

Къ періоду отъ половины IX в. до конца X в. по со-
держанію и къ XII в. по времени составленія относится Eíglar
или Eígills Saga. Эта сага съ латинскимъ переводомъ и примѣ-
чаніями издана въ 1869 г. и составляетъ объемистую книгу
въ 772 стр. Отрывки изъ нея также съ латинскимъ пере-
водомъ помѣщены въ Antiquitates Celto-Scandicae. Ни того,
ни другаго изданія мы не имѣемъ подъ руками. Изъ крат-
каго изложенія Саги у Мюллера („Sagenbibliothek“) мы узнаемъ
только то, что Эйгиль, современникъ Эрика Кровавой Сѣкиры,
предпринималъ экспедицію въ Біармію для сбора даней.

Сагами, рассказывающими о походахъ въ Біармію Эри-
ха Кровавой Сѣкиры, сына его Гаральда Графалля, Гагена
Адельстейна, Hǫrǫld Hǫrfagers Saga, Gǫkon Iarls Saga — (по-
мѣщены, кажется, всѣ въ сборникѣ Heimskringla) мы не могли
воспользоваться, такъ какъ переводы ихъ намъ неизвѣстны.

О Herrods-Saga, отрывки изъ которой приведены въ кни-
гѣ Schaeffer'a Lapponia, мы можемъ судить только по вы-
держкамъ изъ нея, помѣщеннымъ у Мопе въ его „Gesch. d.
Heidenthum in Nördl. Europa“. Она, какъ и разсматриваемая
ниже сага о походѣ Торера-Собаки, между прочимъ гово-
ритъ о роцѣ и идолѣ біармійскаго божества Юмала, но фан-
тастичнѣе по своему содержанію: заборъ вокругъ святилища
и самый идолъ, оказывается, были очень искусно сдѣланы изъ
драгоценнаго дерева, украшены золотомъ и драгоценными
камнями, которые своими лучами освѣщаютъ окрестности;
корона Юмала украшена была 12 драгоценными камнями; его
вольцо стоитъ 300 марокъ; его золотая чаша такъ велика,
что изъ нея могутъ напиться четверо мужчинъ; всѣ эти богатства
(роща и дворъ) принадлежали, по словамъ саги, біармійско-
му королю Геркеру.

Нашъ разборъ ограничивается главнымъ образомъ той
частью сагъ, которая въ извлеченіи нашла себѣ мѣсто въ
жизнеописаніяхъ Олафа Труггсона и Олафа Святаго.

Въ „Исторіи Олафа Труггсона“ помѣщенъ между прочимъ
сжатый рассказъ объ экспедиціи Гаральда Графальда въ Біар-

мію около 965 г. Гаральдъ выдержалъ борьбу съ Біармійцами у устья Двины и опустошилъ страну на значительномъ пространствѣ. Разсказъ интересенъ по отрывку изъ Harald Græfols Saga, въ которомъ говорится, какъ Гаральдъ заставилъ біармійскіе роды бѣжать.

Изъ латинскаго перевода этого отрывка оказывается, что Біармійцы, повидимому, имѣли укрѣпленія (городки). Приводимъ его:

Loquens animose oppressor regulorum
Ardentem gladium rubefecit
In oriente, ubi fecit gentes
Trans oppida fugere Bjarmicas
... nactus est arbiter virorum
In ripa Vinae clarum nomen.

Стрингольмъ даетъ нѣсколько отличный переводъ этого отрывка

Der Weitfeierte, der Könige gezwungen,
Färbte in Osten sein Schwert,
Da sach ich Bjarmalands Männer fliehen
Nordwärts vom brennenden Dorf.

Разнорѣчіе двухъ переводовъ имѣетъ для насъ существенное значеніе. Вопросъ идетъ о томъ, имѣли-ли Біармійцы укрѣпленные городки, подобно Коми, Югрѣ и Лопи, или жили въ открытыхъ деревняхъ.

„Исторія Олафа Св.“ нашла себѣ мѣсто 1) въ сборникѣ извѣстномъ подъ названіемъ Heimskringla и составленномъ Снорро-Стурлезономъ въ XIII в. 2) въ такъ называемомъ Codex Flateyensis и цѣломъ рядѣ другихъ рукописныхъ сборниковъ XIII в. Исландскій текстъ, помѣщенный въ одномъ изъ сборниковъ, составленныхъ нѣсколько позже Снорро-Стурлезона, въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія изданъ въ латинскомъ переводѣ въ коллекціи Scripta Hist. Island. IV—V. Оригиналъ, которымъ пользовались переводчики,

отличается лишь стилистически отъ текста, помѣщеннаго въ Heimskringla.

Въ „исторіи Олафа Св.“ имѣетъ мѣсто наиболѣе извѣстная у насъ сага о походѣ Тореръ-Гунда и Карли въ Біармію. Сага эта передана Карамзинымъ, Савельевымъ въ книгѣ „Мухамедд. нумизматика“ и въ „Очеркахъ Русской Исторіи“ Полеваго. Савельевъ приводитъ ее въ редакціи „Heimskringla“ по Стрингольму. Пересказъ г. Полеваго сдѣланъ, какъ кажется, независимо отъ Савельева. Въ „Очеркахъ“ его мы читаемъ, что къ Карлу и Гунштейну присоединился Тореръ-Гундъ. Въ „исторіи Олафа“ по этому поводу сказана болѣе содержательная и характерная фраза: „Тореръ Собака послалъ къ братьямъ гонцовъ съ извѣстіемъ, что онъ то же въ это лѣто рѣшилъ отправиться въ Біармію, и желалъ-бы плыть вмѣстѣ и поровну раздѣлить барышъ и добычу, которые приобрѣтутъ“. Затѣмъ у г. Полеваго мы имѣемъ фразу „у кого было золото или товаръ, получили хорошій барышъ“; въ „И. О.“ сказано менѣе опредѣленно: „У Карла было много денегъ и онъ купилъ большое количество шкуръ“. Погребальныя обычаи Біармійцевъ у г. Полеваго представляются хорошо извѣстными всѣмъ викингамъ, участвовавшимъ въ экспедиціи, въ „И. О.“ о нихъ сообщаетъ Тореръ, какъ человѣкъ бывалый; онъ-же предлагаетъ и грабежъ. Самый погребальный обычай у г. Полеваго описанъ не точно; помѣщаемъ для сравненія его текстъ и текстъ „И. О.“

„Оч. Р. И“.

„долю (умершаго) хоронили у нихъ въ землю на священномъ мѣстѣ за городомъ, а надъ могилой ссыпали высокій холмъ или ставили надъ ней небольшую лачужку...“

„И. О.“ (S. H. I. IV, 276).

„quam rescipiam in sylvas, extructis tumulis aut domibus conditam abdi, terra et argento commixtis“
(„каковыя деньги уносили въ лѣса, устраивая надъ ними холмы (курганы) или дома и смѣшивая деньги съ землей“...)

Въ ближайшій такой лѣсъ отправились и викинги. Ни о какомъ храмѣ Юмала, который будто-бы стоялъ рядомъ съ мѣстомъ погребенія и о которомъ говорятъ Стрингольмъ, Савельевъ и Полевой, въ „И. О.“ нѣтъ ни слова. Нѣтъ рѣчи о храмѣ, нужно думать, и въ редакціи Olaf-Saga въ Heimskringla. Моне, пользовавшійся этой редакціей, положительно заявляетъ, что у Біармійцевъ не было храмовъ.

Въ глубинѣ лѣса викинги нашли деревянную загородъ (*sepimentum ligneum*, а не храмъ Юмалы) съ воротами. Тореръ и Карли перелѣзли черезъ тынъ отодвинули засовы и отворили ворота. Тореръ сообщилъ своимъ спутникамъ, что въ этой оградѣ (*in hac agra*) есть курганъ (*tumulus*), въ которомъ золото перемѣшано съ серебромъ и землей. Викинги поднялись на курганъ, собрали сколько могли денегъ, выбирая изъ одеждъ (*vestibus excerptas*) вмѣстѣ съ землей, которую не отдѣляли въ торопяхъ. Затѣмъ Тореръ высыпалъ за пазуху деньги изъ чаши, стоявшей на колѣнахъ у идола Юмалы, и захватилъ ее за дужку (*ansam*), которой была она снабжена. Карли воспользовался массивнымъ ожерельемъ (*crasso monili*). Въ передачѣ г. Полеваго дѣло представляется такъ, какъ будто викинги ограбили не могильникъ, а храмовое имущество. „Добыча, выпавшая на долю викинговъ была такъ велика, что каждый захватилъ съ собою серебра столько, сколько могъ унести. Но имъ все казалось мало; добрались они и до самаго изображенія Юмалы... Трескъ и возню викинговъ въ храмѣ услышали подошедшіе между тѣмъ сторожа...“ О храмѣ и хранящихся въ немъкладахъ говоритъ и Савельевъ, хотя рядомъ упоминаетъ и могилы.

Эймундова сага, извѣстная у насъ по переводу Сенковского, относится также къ циклу сагъ, повѣствующихъ объ эпохѣ Олафа Святаго. Интересъ ея по отношенію къ Біарміи заключается въ томъ, что она даетъ до нѣкоторой степени возможность судить о южныхъ границахъ Біарміи по норманскимъ представленіямъ. Святополеъ, разби-

тый братомъ своимъ Ярославомъ въ борьбѣ изъ-за Кіевского Стола, бѣжитъ въ Біармію и возвращается оттуда къ Кіеву съ войскомъ, состоявшимъ изъ біармійскихъ всадниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Біармія Эймундовой саги начиналась не особенно далеко отъ Кіевской или южной Руси т. е. захватывала собой полосу средней Россіи.

Къ началу XIII вѣка относится помѣщенный въ X т. I. S. H. (р. 266) рассказъ о послѣднемъ набѣгѣ викинговъ на Біармію—Андрея Скιάльдарбанда и Ивара Утвики. Рассказъ этотъ любопытенъ между прочимъ по тому, что въ немъ заключается извѣстіе о торговлѣ Норманновъ съ Суздалемъ. Раньше Скιάльдарбанда въ Біармію отправился между прочимъ нѣкій Огмундъ родомъ изъ Spanheim'a. Этотъ Огмундъ отправился съ товарами въ Regnum Sudurdalorum или Sursdali. По отношенію къ Біармійцамъ онъ заключаетъ извѣстіе, что ихъ король былъ въ это время во враждѣ съ Норвежцами (Halogenses) и Біармійцы перебили спутниковъ Огмунда, выждавъ зимы. Скιάльдарбандъ съ товарищами произвели въ отмщеніе большой грабежъ въ Біарміи и привезли громадную добычу изъ шкуръ и чистаго серебра.

Какую историческую и этнографическую цѣнность имѣютъ наши саги? Шлецеръ очень сурово отнесся къ этому источнику, усматривая въ немъ одиѣ глупыя выдумки. Въ болѣе мягкой формѣ подобное-же скептическое отношеніе проявляютъ въ сагамъ Карамзинъ, Савельевъ и позднѣйшіе изслѣдователи. Въ наше время, благодаря развитію археологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, возможна другая оцѣнка. Установимъ сначала тѣ черты быта Біармійцевъ, которыя можно констатировать изъ сагъ. Біармійцы имѣли князей. Богатства ихъ состояли изъ шкуръ, серебра въ слиткахъ и денегъ. Въ области вѣрованій саги отмѣчаютъ, что Біармійцы имѣли бога по имени Юмала, поклонялись его деревянному истукану, хоронили въ курганахъ и клали съ усопшимъ его имущество—въ вещахъ и деньгахъ. Ни одна изъ этихъ бытовыхъ чертъ не находится въ противорѣчій съ тѣми данными, которыми мы располагаемъ относительно древнихъ обитателей

нашего сѣвера. Саги говорятъ о Біармійскихъ конунгахъ — мы знаемъ князей у Суми, Лопарей, Перми, Югры. Если послѣдующіе историки, какъ Саксо Грамматикъ, заговорили о Біарміи, какъ могущественномъ государствѣ, существовавшемъ еще до Р. Х., то это уже ихъ вина. Саги говорятъ объ укрѣпленіяхъ въ которыхъ скрывались отъ Норманновъ Біармійцы; земляныя укрѣпленія (города, linna, kar) извѣстны съ XII в. у западныхъ Финновъ, Перми и Югры. Саги представляютъ Біармійцевъ обладателями мѣховъ, серебра и денегъ; что мѣха, были главнымъ богатствомъ нашихъ сѣверныхъ инородцевъ, не нужно доказывать. Не противорѣчатъ даннымъ исторіи и особенно современной археологіи и извѣстія о серебрѣ въ слиткахъ и деньгахъ. Мы знаемъ, что еще московскій князь просилъ съ Новгорода серебра закамскаго или закаменскаго; слитки серебра въ видѣ прутьевъ открыты были въ нынѣшнемъ столѣтіи не въ одномъ пунктѣ пермской территоріи; воспоминаніе объ этихъ слиткахъ, какъ мы увидимъ ниже, до сихъ поръ сохранилось въ языкѣ Пермьяковъ называющихъ рубль — ш а т ь, т. е. п р у т ь. О томъ, что сѣвернымъ инородцамъ извѣстны были и монеты, свидѣтельствуетъ археологія, константировавшая присутствіе персидскихъ, арабскихъ и другихъ восточныхъ монетъ на нашемъ Сѣверѣ. Въ области вѣрованій саги также въ основныхъ чертахъ не представляютъ ничего невѣроятнаго. Имя Юмала извѣстно западнымъ Финнамъ-Чухнамъ, Эстамъ и Лопарямъ (Юммаль, Юбмаль). Курганное погребеніе констатировано на С. З. и въ средней Россіи многочисленными археологическими изслѣдованіями; тѣже изслѣдованія обнаружили обычай класть съ усопшимъ его вещи и деньги.

Что кладбища и мѣста моленія у Финновъ соединяются, мы знаемъ изъ данныхъ относительно Вотяковъ. Обычай огораживанія кладбищъ или мольбищъ широко распространенъ у всѣхъ нашихъ Финновъ — Черемисъ, Вотяковъ. Обычай устраивать надъ усопшимъ нѣчто вродѣ домика извѣстенъ у Маньсовъ и у современныхъ русскихъ Двинянъ. Деревян-

ные идола известны у Лопарей, Пермьковъ, Югры; идола съ чашей на колѣнахъ известны были въ Обдоріи. Обычай одѣвать идоловъ, украшать ихъ серебромъ былъ въ ходу у Пермьковъ эпохи св. Стефана и у Югры. Сотникъ Памъ обвиняетъ Стефана предъ Пермьками въ томъ, что онъ «съ нарочитыхъ кумировъ сѣмавъ пелено и помета отрочищу своему и сей створи въ нихъ гащи и онуща и ногавища...» Новицкій говорить относительно Вогульскихъ и Остяцкихъ кумировъ, что они повиваются холстами, сукнами, кожами; „Старикъ Обскій“ былъ «одѣянъ одеждою червленою съ золотой грудью». Нахрачевъ истуканъ описывается «одѣянъ одеждою зеленою»; предъ нимъ лежали принесенные поклонниками кафтаны. Можетъ быть обиліе одежды надѣтыхъ на идола Біармійцевъ и наложенныхъ около него вызвало слова Herrods Saga: „его одежда была дороже трехъ кораблей наполненныхъ богатѣйшимъ грузомъ, плавающихъ по греческому морю“. Существованіе при идолахъ стражей также известно у сѣверныхъ инородцевъ. Кондійскаго идола, по словамъ Новицкаго, охраняли два стража въ червленыхъ одеждахъ, съ украшенными копьями въ рукахъ. Даже такія известія сагъ, какъ упоминаемая въ Herrods Saga принадлежность кладбища и идола Юмалы пермскому королю или князю не противорѣчитъ тому, что мы знаемъ относительно сѣверныхъ инородцевъ. У Новицкаго въ его „Описаніи Остяцкаго народа“ мы находимъ слѣдующее сообщеніе „...достигохомъ жилища сихъ нарицаемые юрты Нахрачевы отъ имени начальствующаго тамъ Нахрача Евплаева, иже есть начальникъ, державецъ и служитель того сквернаго истукана... Сей Нахрачъ державецъ баше сего кумира... Обскіе и прочихъ протоковъ шайтанчики, сиесть служителие кумировъ, прихождаху къ сему державцу кумира и дарами умоляху, да въ ихъ селенія отпустить“.

Подводя итогъ всѣмъ этимъ сопоставленіямъ, мы имѣемъ полное право сказать, что видимъ въ исландскихъ сагахъ очень цѣнный историко-этнографическій источникъ. Думаемъ,

что сопоставленіе бытовыхъ чертъ, которыя окажутся въ незатронутыхъ нами сагахъ, съ историко-этнографическими данными, которыми мы располагаемъ относительно отдѣльныхъ Финскихъ племенъ и разширеніе этихъ свѣдѣній, только подтвердитъ нашъ выводъ.

Но этотъ народъ, культура котораго обрисовывается предъ нами въ сагахъ—эти *Vjagmas* не были нашими Пермяками и Зырянами. Почитаніе Юмала, курганное погребеніе, согласно съ извѣстіями Отера и филологическихъ данными, которыя констатированы Кастреномъ, Шöгренемъ и Веске относительно древняго населенія Подвинья, заставляютъ насъ считать древнихъ Біармійцевъ представителями западно-финской вѣтви.

Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. т. т. I—X. Спб. 1841—1885.

Первый русскій лѣтописецъ приводитъ въ своемъ перечнѣ народовъ, населявшихъ восточно-европейскую равнину сдѣлавшееся извѣстнымъ на западъ уже за два слишкомъ вѣка имя народа *Пермь*. Онъ не входитъ, какъ Отеръ, въ область вопросовъ о языкѣ, которымъ говорила Пермь, но даетъ болѣе точное опредѣленіе занимаемой ею территоріи. Въ то время, какъ Отеръ говоритъ только, что Біармы жили на В. отъ устья Двины, нашъ лѣтописецъ отводитъ своей Перми болѣе опредѣленное мѣсто между Заволоцкой Чудью съ одной стороны, Печерой и Югрой съ другой. Въ виду того, что Печерой является народъ, жившій въ бассейнѣ рѣки того же названія, территорію Перми нужно искать по первоначальному лѣтописцу на З. отъ Печеры, ближайшимъ образомъ въ бассейнѣ Вычегды.

Новгородскія лѣтописи представляютъ нѣсколько новыхъ данныхъ, уясняющихъ положеніе земель, занятыхъ Пермью и отношеніе ихъ на В. Новгороду. Мы узнаемъ изъ нихъ, что Югра и Печера занимали земли въ бассейнѣ Печеры. Подъ 1185 г. лѣтопись сообщаетъ, что «избіени быша Печерскія данники и Югорскіе на Печерѣ». Западная гра-

ница Перми опредѣляется тѣмъ, что Двинская область входила въ составъ Заволочья («идоша Новгородцы съ княземъ Юрьемъ на Заволочье, и придоша на Двину», «посла рать на Двину за волокъ», «взя всю землю Заволоцкую, на Двинѣ погосты вси на щить»).

Эпоха Стефана привлекаетъ къ Пермскому краю вниманіе всей Русской земли и заставляетъ лѣтописцевъ обмолвиться нѣсколькими словами о древней религіи Перми. Эти немногія слова имѣютъ очень крупную цѣнность для историка: они дополняютъ, какъ мы увидимъ ниже, новыми чертами картину вѣрованій, набросанную Епифаніемъ. Изъ Новгород. лѣтописи мы узнаемъ о поклоненіи звѣрямъ, деревьямъ, огню и золотой бабѣ. Никоновская лѣтопись даетъ дальнѣйшія черты—говоря о поклоненіи „домомъ, водѣ, солнцу, каменію, волотъ, козамъ (лѣтопись, кажется смѣшиваетъ боговъ, храмы и жертвы). Другое крупное событіе въ жизни Перми—подчиненіе подъ власть Москвы—даетъ лѣтописцамъ поводъ сообщить нѣсколько цѣнныхъ свѣдѣній относительно организаци и культуры Перми—таковы напр. извѣстія о городкахъ и князькахъ въ Никоновскомъ лѣтописцѣ.

Житіе св. Стефана. Памят. Стар. Р. Лит. Изд. Куш.-Безб. IV. Спб. 1862.

Житіе св. Стефана при всѣхъ своихъ несовершенствахъ является цѣннымъ источникомъ для древней исторіи народа Перми. Епифаній былъ современникомъ Стефана и составилъ свой разсказъ на основаніи того, что слышалъ отъ самаго Стефана и его учениковъ. Реторичность и искусственность формы не помѣшала ему сообщить цѣнные свѣдѣнія о предѣлахъ страны, занятой Пермскими, и ихъ внутреннемъ бытѣ. Для того, чтобы оцѣнить географическія извѣстія біографа, слѣдуетъ принять во вниманіе то, что мы знаемъ о Перми изъ предшествующей эпохи. О Перми, Печерѣ и Югрѣ упоминаетъ первоначальная лѣтопись; объ этихъ странахъ, какъ владѣніяхъ Новгорода, говорятъ договорныя грамоты—но большее, что можно извлечь изъ обоихъ источниковъ, заключается въ томъ, что Пермь можно считать на 3. отъ Печеры, какъ

сама Печера является на З. отъ Югры. Въ договорныхъ граматахъ границы Перми выставляются нѣсколько подробнѣе. Пермь стоитъ между Заволочьемъ и Терской областью съ одной стороны, Печерой и Югрой съ другой. Мы узнаемъ не только восточныя, но и западныя границы ея. Вопросъ о томъ, до какихъ предѣловъ доходила Пермь на З., зависитъ отъ того, что понимать подъ именемъ Заволочья и Трѣ. Если мы Заволочье ограничимъ страной на В. отъ Бѣлозера и Подвиньемъ, а Трѣ нынѣшнимъ Кольскимъ полуостровомъ, то можно будетъ принять, что Пермь представляла страну, заключенную между С. Двиной и Печерой. У Епифанія свѣдѣнія о Перми обильнѣе: онъ говоритъ намъ о рѣкахъ, орошающихъ страну, и областяхъ, съ которыми она сосѣдитъ. Съ точки зрѣнія современныхъ примемовъ топографіи можно, конечно, многое сказать относительно описанія Перми, сдѣланнаго „премудрымъ“ монахомъ XIV в. Прежде всего онъ не ориентировать читателя. Мы не знаемъ, что лежало на С., что на Ю., какая область откуда примыкала, какое значеніе имѣли рѣки при разграниченіи страны. Затѣмъ Епифаній не достаточно отдѣляетъ одну отъ другой двѣ Перми, о которыхъ онъ знаетъ. Въ перечнѣ народовъ, сосѣдившихъ съ Пермью, оказывается Пермь Великая, глаголемая Чусовая. Въ перечнѣ рѣкъ мы встрѣчаемъ съ одной стороны, что Вымь обходитъ всю землю Пермскую, съ другой стороны обходитъ и проходитъ сквозь всю землю Пермскую и Кама. Ясно, что біографъ слышалъ о двухъ областяхъ, носящихъ имя Пермь, но не считалъ нужнымъ отдѣлить ихъ одну отъ другой, хотя довольно точно опредѣлилъ территорію Перми Чусовской (область нынѣшнихъ Пермскихъ): Кама, дѣйствительно, обходя своимъ верхнимъ теченіемъ на З. и С. Пермскую территорію, проходитъ сквозь нее, когда поворачиваетъ къ Ю. близъ Чердыни. Границы Перми Сѣверной также выяснятся нѣсколько, если мы примемъ во вниманіе, что Вычегда, по Епифанію, истекаетъ изъ земли Пермской—ясно, что Пермь простиралась на В. по крайней

мѣръ до истоковъ этой рѣки. Дальнѣйшимъ указаніемъ на границы Вымской или Вычегодской Перми является то обстоятельство, что Епифаній отграничиваетъ ее съ С. З. отъ Пинежанъ (Пинежи)—иноязычниковъ, съ В. отъ Печеры, Югры и Вогуличей, съ Ю. и Ю. З. отъ Вилежанъ, Вычегжанъ, Двинянь, Устюжанъ, Южанъ, Сырьянь, Гайанъ, Вятчанъ, съ Ю. В. отъ Перми Чусовской. Всматриваясь въ эти сбитыя безпорядочно названія пограничныхъ мѣстъ и народовъ, мы приходимъ къ заключенію, что границы Вымской Перми эпохи Епифанія совпадаютъ съ границами нынѣшняго Зырянскаго племени. Начиная съ Ю. В. Зыряне дѣйствительно имѣютъ на своей границѣ Пермскій край, Кайскій округъ, земли по теченію р. Вятки въ предѣлахъ Слободскаго у. и примыкавшую къ нимъ Сырьянскую волость, съ Ю. З. бассейны Виледи и Юга, течение Вычегды, С. Двины и верховья Пинеги на З. (близъ границъ Яренскаго у.), на С. Тиманскую тундру и бассейны Печеры съ Самоѣдами. Что представляется болѣе или менѣе неяснымъ въ топографіи Епифанія, это сосѣдство Перми съ Лопью и Корелой. Нѣтъ сомнѣнія, что это сосѣдство имѣло мѣсто на З., но въ настоящее время Корелы живутъ на С. З. отъ Двины главнымъ образомъ въ Кемскомъ уѣздѣ и только незначительный процентъ ихъ встрѣчается въ Архангельскомъ и Онежскомъ уѣздахъ, а Лопари занимаютъ исключительно Кемскій уѣздъ. Затрудненіе это устраняется однако результатами, въ которыхъ пришли Шюгрень, Кастренъ и Веске въ своихъ изслѣдованіяхъ о древнихъ жителяхъ Заволочья. Названные изслѣдователи совершенно точно, какъ увидимъ мы далѣе, доказали, что бассейнъ Пинеги входилъ въ область поселеній Западныхъ Финновъ, которые у русскихъ назывались Корелами, и самая рѣка обязана имъ своимъ названіемъ. Пинежане-иноязычники, нужно думать, составляли одно и тоже съ Корелой и Лопью.

Обращается къ бытовымъ даннымъ относительно Перми. Критика этой части труда Епифанія должна быть построе-

на на сравненіи его извѣстій съ тѣмъ, что мы знаемъ относительно быта родичей и сосѣдей Зырянъ. Важнѣйшую часть извѣстій „премудраго“ монаха составляютъ указанія, относящіяся къ вѣрованіямъ и культу древнихъ Пермлянъ. Мы узнаемъ, что Пермь была народомъ, видѣвшимъ вокругъ себя массу боговъ—въ лѣсахъ, рѣкахъ, озерахъ, — боговъ, которые подавали своимъ поклонникамъ удачу въ ловѣ. Какъ назывались эти боги, Епифаній не считаетъ нужнымъ говорить, но его извѣстія о существѣ ихъ окажутся безусловно достоверными, если мы сравнимъ то, что онъ сообщаетъ, съ тѣмъ, что мы знаемъ о Вотякахъ и другихъ родичахъ и сосѣдяхъ Перми. Въ области культа сравнительное изслѣдованіе констатируетъ также полную достоверность извѣстій Епифанія. Разберемъ эти извѣстія по группамъ.

1. Идолы боговъ. Изъ отдѣльныхъ мѣстъ житія св. Стефана оказывается, что Пермiane дѣлали изъ дерева челоуѣкообразныя изображенія своихъ боговъ, большаго или меньшаго размѣра. Намеки на существованіе идоловъ встрѣчаются и у Вотяковъ. О деревянныхъ идолахъ Лопарей говорятъ писатели XVI и XVII в. Деревянныхъ идоловъ имѣли и имѣють до настоящаго времени Остяки.

2. Мѣста моленія. Помѣщенія, гдѣ стояли изображенія боговъ, у Епифанія называются „кумирницами“, „мольбищами“. Какой видъ они имѣли, изъ житія не видно: но можно догадываться, что это были деревянные постройки, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ они называются храмами и ихъ можно было истреблять огнемъ. Въ кумирницахъ стояли идолы и передъ ними жертвенные столы — „жертвища“, „требища“, которые Стефанъ опрокидывалъ; здѣсь-же помѣщался складъ жертвенныхъ вещей. Кумирницы находились подъ охраной особыхъ лицъ, которыхъ Епифаній называетъ „кумирниками“ и „идолослужителями“. Особые деревянные сооруженія для религіозныхъ цѣлей сохраняются до сихъ поръ, какъ мы знаемъ уже, у Вотяковъ (куа, бадзымъ-куа). Деревянные сараи, какъ помѣщенія для боговъ и хранилища приносимыхъ

ими жертвъ, извѣстны и Уграмъ. При этихъ сараяхъ живутъ у Маньсовъ служители „шайтанщики“ боговъ, которые по временамъ разбѣзжаютъ за подаяніями и охраняютъ ихъ имущество.

3. Жертвы. Жертвы состояли у Пермянъ изъ звѣриныхъ шкуръ, которыя они надѣвали на идоловъ или вѣшали около нихъ, и изъ металлическихъ вещей—золота, серебра, олова. Въ такомъ видѣ жертвоприношенія остаются и до сихъ поръ у сибирскихъ инородцевъ.

4. Жрецы. Посредниками между толпой и богами являлись у Пермянъ особые люди, которые называются у Епифанія одержимыми волшебеніемъ, кудесниками, обаянниками. Эти люди имѣютъ способность „напускать боговъ“ на того или другого человѣка, добывать черезъ нихъ свѣдѣнія съ самыхъ дальнихъ концовъ міра; они получаютъ это искусство отъ своихъ родителей и передаютъ его дѣтямъ. Черты, которыми характеризуются пермскіе кудесники, хорошо знакомы всякому, кто занимался бытомъ вапихъ сѣверныхъ инородцевъ. Эти „одержимые волшебеніемъ“ — близкіе родичи лопарскихъ нойдовъ XVI в. и современныхъ сибирскихъ шамановъ. Какъ колдуны кудесники и обаянники, они наконецъ являются предками вотяцкихъ туно и пермяцкихъ „вѣжливецъ“. Препирательство Стефана съ Памомъ — яркая картина изъ древняго пермяцкаго быта; pendant къ ней мы имѣемъ въ книгѣ Харузина „Русскіе Лопари“. На стр. 223 г. Харузинъ приводитъ разсказъ объ испытаніи, которому подвергнулъ искусство лопарскихъ нойдовъ узнавать, что „сдѣлается въ дальней странѣ“, одинъ путешественникъ, и тождественное съ памовскимъ объясненіе, которое далъ нойда своей неудачѣ.

Кромѣ этихъ важнѣйшихъ указаній испорченный реторикой разсказъ Епифанія заключаетъ въ себѣ данныя, на основаніи которыхъ мы можемъ составить нѣкоторое, хотя блѣдное, представленіе о внѣшнемъ бытѣ Пермянъ—ихъ жилищахъ, занятіяхъ, оружіи, объ ихъ общественныхъ отноше-

ніяхъ и характеръ зависимости отъ Москвы. Въ то время, какъ Новгородцы продолжаютъ называть Пермскія земли своей областью, онѣ, по Епифанію, были уже въ рукахъ Москвы, платили туда дань и получали оттуда чиновниковъ (тивуновъ, доводчиковъ и приставниковъ). Новгородцы рисуются въ трудѣ Епифанія какъ временные, хотя и не желанные для Пермичей, гости—(ушкуйники, разбойницы). Эти извѣстія Епифанія нуждаются въ обстоятельномъ комментарий, такъ какъ находятся въ противорѣчій съ тѣмъ, что мы знаемъ о Вымской Перми въ XV в. Едва-ли при существованіи Вымскихъ князей въ краѣ могли имѣть мѣсто Московскіе чиновники, состоявшіе обыкновенно при намѣстникахъ, тиуны и ихъ доводчики. Примирить эти противорѣчія можно только при предположеніи, что рѣчи Пама относятся къ Пермьякамъ, жившимъ въ Устюжскомъ округѣ, который дѣйствительно еще до Стефана перешелъ въ руки Москвы. Большое мѣсто житія св. Стефана—обиліе реторики; упрекнуть его въ невѣжествѣ, шарлатанствѣ или искаженіи фактовъ мы не можемъ. Суровые приговоры митрополита Евгенія и акад. Шюгрена, изъ которыхъ первый говоритъ, что „житіе“ Епифанія отличается болѣе риторическими разсужденіями, чѣмъ историческими разъясненіями, а второй по поводу топографіи Перми замѣчаетъ, что она можетъ только спутать, но не выяснить представленія о предѣлахъ Перми—мы считаемъ несправедливыми и неосновательными. То, что сообщаетъ Епифаній, блѣдно, неполно, но всегда вѣрно дѣйствительности. Мы оцѣнимъ трудъ нашего монаха, если сравнимъ его извѣстія съ тѣмъ, что осталось на З. отъ географическаго наслѣдства викинговъ.

Descriptio Groenlandiae auctore Ivare Bardsonio (Antiquitates Americanae. Ed. Rafn. Hafniae. 1837. p. 281—318).

Хорографическій трудъ Ивара Бардсона представляетъ собою яркое проявленіе того упадка географическихъ свѣдѣній, который наступилъ въ Скандинавіи съ прекращеніемъ норманскихъ походовъ. Иваръ былъ Гренландецъ по

происхожденію и жилъ въ XIV или XV в. т. е. былъ почти современникомъ Епифанія. Описанію Гренландіи у него предшествуетъ краткое описаніе всей земли. Описывая Европу, Иваръ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о Біармінъ: „На С. отъ Норвегіи находитъ Финмархія. За ней береговая линія склоняется на Ю. и потомъ на В., прежде чѣмъ дойдемъ до Біарминъ, которая находится въ данническихъ отношеніяхъ къ русскому царю (*Gardensi regi*). Отъ Біарминъ тянутся земли до пустынь на С. до границъ Гренландіи“. Другой отрывокъ повторяетъ это извѣстіе съ легкими измѣненіями: „близъ Даніи лежитъ малая Швеція, тутъ находится Эйляндія, потомъ Готландія, потомъ Гельсингія, потомъ Вермія и двѣ Квепландіи, которыя дальше, чѣмъ Біармія, простираются къ С. Отъ границъ Біарминъ идутъ чрезъ Гиперборейскія страны различныя необитаемыя земли до границъ Гренландіи“. Свообразныя представленія о Біарминъ ясно свидѣлствуютъ о томъ, что потомки викинговъ основательно забыли край, который эти послѣдніе такъ охотно посѣщали.

Карта *Fra Mauro*. Матеріалы для историко-географическаго атласа Россіи. Спб. 1871.

На этой картѣ, составленной въ 1459 г., имѣется примѣчаніе относительно Пермій и Пермлянъ, въ которомъ составитель карты рисуетъ Пермлянъ чертами сѣверныхъ звѣролововъ инородцевъ: они изображаются живущими въ землѣ, въ пещерахъ, одѣвающимися въ звѣриныя шкуры. Пермяне снабжали, по *Мауро*, русскихъ торговцевъ соболями и горностаями. Извѣстія *Мауро* не совпадаютъ съ тѣмъ, что говоритъ Епифаній—напр. въ отношеніи жилищъ, но мы не имѣемъ основанія заподозрить ихъ въ виду тѣхъ данныхъ о развитіи пермскаго жилища, которыми располагаемъ. *Мауро*, по всей вѣроятности, говоритъ о восточныхъ, пещерскихъ Пермьяхъ—такъ какъ въ этой области между Печерой и Ураломъ преимущественно водились соболи. *Мауро* не помѣщаетъ на картѣ ни Камы, ни Печеры, ни С. Двины.

Дорожникъ или «Указатель пути въ Печеру, Югру и къ р. Оби».
Около нач. XVI в.

Этотъ памятникъ русской географической литературы мы знаемъ по латинскому переводу помѣщаемому въ „Запискахъ о Московіи“ Герберштейна. Сообщая рядъ новыхъ географическихъ данныхъ о сѣверномъ краѣ, дорожникъ знакомитъ насъ и съ обитателями русскаго сѣвера — европейскаго и азіатскаго — Самоядью близъ Пустозерска, Вогуличами съ Сосвы и Оби и Югричами съ Оби. Заключались-ли въ „дорожникѣ“ тѣ этнографическія данныя о Пермяхъ, которыя мы находимъ у Герберштейна, опредѣленно сказать нельзя. Мы склоняемся къ предположенію, что Герберштейнъ заимствовалъ ихъ изъ другихъ русскихъ источниковъ.

Герберштейнъ. Записки о Московіи. Спб. 1866.

О Перми и Пермичахъ въ мемуарахъ Герберштейна находятся скудныя свѣдѣнія. Любопытны извѣстія о дани лошадей и мѣхами, которую будто-бы платили Пермяки, о продолжающемъ идолослуженіи язычниковъ Пермьковъ и объ употребленіи собакъ въ качествѣ вьючныхъ животныхъ.

Discorso di Moscovia. del Franco Tiopolo. Monumentum. histor. Russiae. Tom. I.

Нѣсколько замѣчаній о Перми брошенныхъ Тіероло показываютъ только его полное невѣдѣніе относительно этой области. Г. Тіероло увѣряетъ, что Пермь была завоевана Батыемъ (da Baido Tartaro) и освобождена Иваномъ III. Физическія свойства и границы страны намѣчены самыми общими чертами.

Писцовыя книги.—Книги сошнаго письма Чердынскія и Чердынскаго уѣзда. Писца Яхонтова. Изд. Шишонко. Пермь. 1880.

Писцовыя книги Соликамскаго и Кунгурскаго у.у. Изд. Шишонко. Пермь. 1872.

Извлеченія: Пермская лѣтопись—изд. Шишонко, «Пермская Старина» Дмитріева. Вып. 1—2.

Писцовыя книги по Чердынскому, Усольскому уѣздамъ и Строгановскимъ вотчинамъ Яхонтова, Кайсарова, Елиза-

рова и Бѣльскаго являются важнѣйшимъ послѣ лѣтописей и актовъ источникомъ для исторіи Пермскихъ въ XVI и XVII в. Библиографическія свѣдѣнія объ этихъ книгахъ читатель найдетъ въ почтенномъ трудѣ А. А. Дмитріева. Мы отмѣтимъ здѣсь лишь то значеніе, которое имѣютъ они для изученія прошлаго Пермскихъ. Составители писцовыхъ книгъ не говорятъ, къ сожалѣнію, о народности тѣхъ тяглыхъ людей, земли которыхъ они описываютъ, не отдѣляютъ отчетливо пришлаго русскаго населенія отъ туземнаго, но ихъ записи позволяютъ все-же хотя до нѣкоторой степени судить о составѣ населенія отдѣльныхъ уѣздовъ Пермской земли. Чисто русскія населенія можно отличить отъ пермяцкихъ по характернымъ русскимъ названіямъ—Блиново, Гузничево, Распопино, Красноперово, Хребтово и др. Не такъ ясно дѣло относительно селеній, которыя имѣютъ не русскія названія, но русскихъ по именамъ насельниковъ. Очень вѣроятно, что между ними большинство составляли крещенные Пермяки, но положительныхъ указаній книги все-же не даютъ. Затѣмъ мы встрѣчаемъ указанія на поселки, обязанные своимъ происхожденіемъ другимъ инородцамъ—родичамъ и сосѣдямъ Перми. Въ Чердынскомъ уѣздѣ Кайсаровъ описываетъ деревни Вотскую, гдѣ судя по прозвищамъ жителей Вотяки жили рядомъ съ Пермяками и Зырянами (Оверька Лунеговъ, Сенка Зырянъ), Остяцкую на Вишерѣ, Чувашево тамъ-же; кромѣ цѣлыхъ селеній, основанныхъ чуждыми Перми элементами, мы встрѣчаемъ инородцевъ-одиночекъ въ Пермяцкихъ селеніяхъ—Вотиновъ (Я. 28, 34, 39), Югриновъ (31), Зырянъ (15, 33). Писцовыя книги заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ древнихъ Пермяцкихъ именъ, которыя позволяютъ намъ съ одной стороны опредѣлить долю Пермскихъ въ посадскомъ и деревенскомъ населеніи края, съ другой стороны связь съ Пермью ряда Ч у д с к и хъ городищъ.

Другой рядъ цѣнныхъ указаній, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ, представляютъ собою данныя, относящіяся

въ внѣшнему быту. Писцовыя книги позволяютъ дѣлать заключенія о характерѣ оскѣдой жизни (размѣръ деревень), количествѣ поземельной собственности и формахъ земледѣльческаго хозяйства; мы встрѣчаемъ здѣсь указанія на двупольную систему, перелогъ, пашенные лѣса—однимъ словомъ на всѣ тѣ черты, которыя характеризуетъ современное хозяйство Вотяковъ и Пермьяковъ, затѣмъ свѣдѣнія о характерѣ владѣній другими угодьями, напр. рыбными ловлями. Раскрывая картину экономического быта страны въ пору своего составленія, писцовыя книги позволяютъ заглянуть и въ прошлое, сообщая рядъ извѣстій о покинутыхъ древними насельниками городищъ и селищъ.

Не слѣдуетъ, наконецъ, оцѣнивая значеніе писцовыхъ книгъ, игнорировать и то расширеніе чисто-географическихъ свѣдѣній о Пермской землѣ, которое создаютъ онѣ, сообщая намъ длинный рядъ названій мелкихъ рѣчекъ, озеръ и другихъ водъ. Многія изъ этихъ названій служатъ показателями предѣловъ бывшей Пермской территоріи. При всѣхъ своихъ крупныхъ достоинствахъ этотъ источникъ не всегда однако внушаетъ къ себѣ довѣріе. Мы увидимъ въ текстѣ примѣры крайне небрежнаго, а можетъ быть и недобросовѣстнаго отношенія къ фактамъ (извѣстія Кайсарова о пустынности рѣкъ, принадлежащихъ Строгановымъ).

Книга большому чертежу. Спб. 1838. «Древ. Рос. Идрогр.» Спб. 1773.

Книга большому чертежу—первый и драгоцѣнный памятникъ московской гео-и-картографіи—представляетъ обобщеніе тѣхъ свѣдѣній о сѣверо-востокѣ Россіи, которыя накопились у русскихъ людей. Памятникъ этотъ даетъ опредѣленный смыслъ термину «Пермь Великая», приурочивая его къ теченію Камы. По сравненію съ писцовыми книгами „Книга Большому Чертежу“ бѣднѣе данными; она даетъ нѣсколько новыхъ географическихъ фактовъ (притоки Вишеры Вельсуй и Ульсуй), но обходитъ молчаніемъ всѣ притоки Камы между Усольемъ и устьемъ Чусовой. Въ изданіи 1680 г. эти пропуски въ

нѣкоторыхъ отношеніяхъ дополненъ. Упомянуты рѣки Зырянка, Ленва, Яйва. Но съ дополненіями возникли и неточности. Составители книги слышали о чудскихъ городищахъ и Майкорѣ, но помѣстимъ ихъ не на Иньвѣ, о которой они умалчиваютъ, а на Зырянѣ. Строгановскія владѣнія на правомъ берегу Камы остались безъ вниманія, можетъ быть—потому, что для государственныхъ цѣлей свѣдѣнія о нихъ были ненужны.

АКТЫ И ГРАМАТЫ.—Собраніе Госуд. грам. и догов. т. I—V. Актъ историч. т. I—V. Спб. 1841—43. Дополн. къ акт. историч. т. I—V. 1846—1853. Актъ Археограф. Экспедиціи. т. I—IV. Спб. 1836—1838. Перм. лѣтопись—Изд. Шишонко.

Въ ряду актовъ, относящихся во множествѣ къ исторіи пермской земли мы должны прежде всего упомянуть о договорныхъ грамотахъ Новгорода съ великими князьями Владимірскими и Московскими, въ которыхъ Пермь упоминается въ числѣ Новгородскихъ волостей; исключительно-важное значеніе имѣютъ посланіе митрополита Симона, уставная грамота Пермичамъ и дарственные грамоты Строгановымъ. Посланіе Симона заключаетъ въ себѣ черты для характеристики вѣрованій и быта Пермьковъ (указаніе на левиратъ). Уставная грамота 1553 г. имѣетъ значеніе первостепеннаго историка для характеристики тѣхъ отношеній, въ которыя стали Пермьки къ Москвѣ послѣ прекращенія власти собственныхъ князей. Къ великому сожалѣнію, издана эта грамота съ большими пропусками, касающимися существеннаго промысла Пермьковъ — охоты. Текстъ уставной грамоты не даетъ возможности опредѣлить, что въ ней относится къ Пермькамъ, какъ народности, и какъ жителямъ пермской территоріи. Грамота употребляетъ выраженіе Пермичъ, Пермитипъ, Пермькъ безразлично въ смыслѣ „людей пермскіе земли“.

Можно предположить, что люди, считающіеся по луткамъ, должны быть Пермьками. Неясность границъ между двумя группами пермскаго населенія даетъ себя особенно

чувствовать въ отдѣлѣ о судебномъ процессѣ. Единственнымъ средствомъ разобраться въ терминахъ является характеръ судебной пошлины—денежной или бѣлками. Можно предположить, что всѣ тѣ статьи, въ которыхъ денежной единицей является бѣлка, имѣютъ отношеніе непосредственно къ Пермьямъ. Уставная грамота важна помимо приведенныхъ уже отношеній еще и тѣмъ, что она даетъ возможность уяснить до нѣкоторой степени характеръ управленія Перми въ пору самостоятельнаго и вассальнаго существованія—мы встрѣчаемъ въ ней указанія на отношенія, установленныя грамотами пермскихъ князей.

Грамоты уясняютъ вопросы, которые остаются темными въ писцовыхъ книгахъ. Мы говорили уже, что писцовыя книги говорятъ просто о крестьянахъ, не входя въ подробности относительно ихъ происхожденія. Грамоты позволяютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ подставить вмѣсто неопредѣленнаго „крестьянинъ“ опредѣленное Пермскъ. Примѣръ представляетъ челобитная Инвенскаго крестьянина Баяндина и Обвинскаго Плотникова о причисленіи ихъ по платѣ дани къ Усолю. Изъ книги сошнаго письма Яхонтова мы знаемъ, что въ 1579 на Инвѣ были деревни Купросъ, Кудымкоръ, Туманское городище (Майкоръ), на Обвѣ—погость Обва, Кривая, Наволока, Федорова; по именамъ и прозваніямъ насельниковъ можетъ догадываться, что между этихъ селеній значительный процентъ составляли Пермьки, но положительныхъ основаній для того, чтобы признать эти селенія пермскими, книги Яхонтова все-же не даетъ. Челобитная Баяндина и Плотникова проливаетъ яркій свѣтъ на этотъ вопросъ. Пермичи уставныхъ грамотъ, крестьяне писцовыхъ книгъ выступаютъ здѣсь, какъ представители опредѣленной національности. „Обвинскаго и Инвенскаго стану крестьяне, писали Чердынцы или Пермичи въ отвѣтъ на челобитіе названныхъ крестьянъ, были съ ними истари, какъ и Пермь во крещеніе приведена...“

Пермичи обнищали и врозь разбрелись по льготнымъ мѣстамъ—къ нимъ на Обву и на И л ь в у.

Особенную цѣну имѣютъ грамоты для исторіи колони-заціоннаго движенія. Для характеристики экономического бы-та грамоты важны своими указаніями на вліяніе климата. Ка-питальное значеніе для уясненія разнообразныхъ сторонъ перм-скаго быта имѣютъ акты, относящіеся къ владѣніямъ Стро-гановыхъ. Длинный рядъ ихъ открывается грамотой 4 апр. 1558 г. Мы знакомимся изъ этихъ грамотъ съ характеромъ, который имѣла страна отъ устья Лысьвы до устья Чусовой, съ отношеніямъ, въ которые становились новые владѣльцы къ отхожимъ Пермьямъ, съ составомъ колонистовъ. Акты раскрываютъ присутствіе пермцакаго населенія тамъ, гдѣ мы предположили его на основаніи мѣстныхъ названій („средняя Пермская дуброва, гдѣ Пермьяки живутъ“), освѣщаютъ про-цессы, путемъ котораго свободные люди постепенно обрати-лись въ крѣпостныхъ.

Подобно писцовымъ книгамъ акты обогащаютъ изслѣдо-вателя значительнымъ количествомъ географическихъ, архе-ологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній. Укажемъ для примѣра два названія урочищъ — Молебный врагъ близъ р. Шаквы, Молебный камень по Сылвѣ, дающія указаніе на мѣста моленій, на рядъ названій неизвѣстныхъ по писцо-вымъ книгамъ городищъ: Анюшкоръ, Рябово городище (?), Лашкаръ, Патрино городище, Гурдино городище, Атламы-шево городище, Ашкаръ, Кашкарово городище.

Эбергартъ Избраннедесъ. Путешествіе и журналъ по указу Вели-кихъ Государей, Царей и Великихъ князей Іоанна Алексѣ-евича и Петра Алексѣевича отправленнаго изъ Москвы въ Китай 9. Я. посланникомъ въ 1692 году, марта 14. — Древ. Рос. Вивліюека. Изд. II, часть VIII. М. 1789. 360—475.

Избрандесъ ѣхалъ чрезъ Вологодскую и Пермскую губер-ніи и даетъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній относительно

поселенія. Городъ Тотъму онъ называетъ Тотма-лѣтъ. Не имѣя подъ руками оригинала, мы не можемъ сказать, въ какой степени точно передается названіе въ русскомъ переводѣ. Приставка лѣтъ во всякомъ случаѣ является интересной. Не означаетъ - ли она на языкѣ мѣстнаго населенія города или селенія? Относительно Сольвычегодска интересно замѣчаніе о живущихъ въ немъ «художникахъ» а наипаче серебряныхъ и мѣдныхъ дѣлъ мастерахъ. Отсюда И. проѣхалъ черезъ землю Зырянъ (С г р е п о в ѣ въ рус. пер.), черезъ волость Усги. Здѣсь онъ сдѣлалъ наблюденіе, которое даетъ намъ мѣрку для оцѣнки филологическихъ показаній путешественниковъ «языкъ сего народа... съ Ливонскимъ имѣетъ нѣкоторое сходство, ибо нѣкоторые изъ людей моихъ, кои Ливонскаго языка искусны, имѣли съ тамошними обхожденіе, разумѣли и они заимно ихъ рѣчи понимать могли...» Изъ этого факта И. сдѣлалъ заключеніе, что Зыряне ранѣе жили по Лифляндскимъ и Курляндскимъ границамъ. Зыряне ни одеждой, ни жилищами, ни бытомъ, по мнѣнію путешественника, не отличались отъ Русскихъ, но управлялись своими выборными судьями и въ случаѣ недовольства апеллировали въ Москву «въ канцелярію иностранныхъ дѣлъ».

Ph. I. Strahlenberg. Das Nord-und Oestliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730.

Относительно Пермской области въ книгѣ Штраленберга всего нѣсколько строкъ. Онъ отождествляетъ ее съ Біарміей древнихъ, сообщаетъ на основаніи русскихъ лѣтописей о св. Стефанѣ и перечисляетъ составляющія ее части: Iuga, Suchna, Wologda, Wiatka, Cholmogorod, Lop-Corela, Petschora, Ugoria oder Wogulitza, Samoiedja, Pertassi, Permecki, Gami und Tjchusowaja“. Рѣки „обходящія и проходящія“ (wolche. . durchschnitten und umgeben..“). Эту область по Ш. слѣдующія; Двина, Печера, Сухона, Югъ, Вымъ, Вычегда, Вятка и Кама. Изъ топографическихъ данныхъ относительно Перми очевидно, что Ш. положилъ въ основу своихъ замѣчаній о

Перми топографію Епифанія, но по своему перетолковалъ нѣкоторыя его выраженія: вмѣсто сосѣдствующихъ земель у него явились области, входящія изстари въ составъ большой страны („Diese grosse Landschaft begriff vor Alters folgende Districte und Ländereien in sich...“). „Пермь глаголемая (Гамаль) Чусовая“ обратилась при этомъ въ „Permecki, Gami, Tschussowaja“.

Новицкій. Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ. 1715—1884. Спб.

Сочиненіе Новицкаго — крупнѣйшій памятникъ старой этнографической литературы русской—имѣетъ лишь косвенное значеніе для изслѣдователя Пермьковъ.

Авторъ сообщаетъ ходячее въ его время воззрѣніе, что Остяки образовались изъ Пермьанъ, которые для спасенія своей вѣры переселились за Уралъ.—На стр. 75 мы видимъ точное указаніе на юртъ, основанный Памъ - сотникомъ, состязался съ св. Стефаномъ и бѣжалъ потомъ за Камень.—Основаніемъ для такого воззрѣнія служатъ сходство языка. Новицкій не признаетъ самостоятельнаго Остяцкаго языка и говоритъ, что различіе нарѣчій, которымъ говорятъ народъ на верхнемъ и среднемъ теченіи Оби, отъ Пермскаго обуславливается тѣмъ, что переселенцы подверглись вліянію Татаръ и другихъ Тюркско-Монгольскихъ народовъ Сибири; тамъ, гдѣ, какъ въ низовьяхъ Оби, зауральскіе Пермьане находятся въ постоянномъ общеніи съ европейскими, они сохранили свой языкъ неизмѣннымъ. Взглядъ Новицкаго и его современниковъ на происхожденіе Остяковъ, конечно, не можетъ быть принятъ въ настоящее время во всей полнотѣ. Мы знаемъ, что языкъ Вогуловъ и Остяковъ существенно отличается отъ нарѣчій пермской группы, но сообщенныя имъ воззрѣнія относительно древней судьбы Остяцкой страны и ея отношеній къ судьбѣ Пермь заключаютъ въ себѣ зерно правды и находятся въ согласіи съ фактами существованія пермскихъ мѣстныхъ названій въ за-каменской сторонѣ.

Рычковъ. Дневныя Записки. Спб. 1770.

Во второй части журнала Рычкова описывается путешествие по Соликамскому и Чердынскому уѣздамъ. Страницы, посвященные этому краю, не заключая въ себѣ этнографическаго матеріала, любопытны по извѣстіямъ археологическаго характера и народнымъ преданіямъ. Рычковъ видѣлъ еще на городищѣ села Рождественскаго на Обвѣ «множество дикаго камня, кирпича и муравленыхъ плитъ», слышалъ преданія о воротахъ изъ дикаго камня.—Представленія Рычкова о прошломъ Пермскаго края навѣяны, кажется, сагами. Онъ считаетъ Соликамскій уѣздъ древней Біарміей, „въ которой обитали Чуди, соединенные съ нѣкоторыми поколѣніями Славянскаго народа“. О торговлѣ Пермской онъ говоритъ на основаніи Штраленберга и находитъ рассказы о ней согласными съ „великимъ множествомъ остатковъ пространныхъ древнихъ селеній, свидѣтельствующихъ древнее величество страны“.

Gunnlaugs—Saga. Hafniae. 1775.

Книга интересна для насъ по упоминанію объ Orvarodds-Saga, которая заключаетъ въ себѣ не только рассказъ о приключеніяхъ Олда и Асмунда въ Біарміи, но и свѣдѣнія о Гардарикѣ и сосѣднихъ съ нею земляхъ.

Лепехинъ. Путешествіе. Спб. 1780—1805. Ч. III—IV.

Извѣстія Лепехина, представляются, кажется, единственнымъ источникомъ для ознакомленія съ Пермскими, который даетъ намъ XVIII ст. Тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ слѣдуетъ отнестись къ тому обстоятельству, что они слишкомъ кратки. Лепехинъ видалъ Пермскихъ и Вятскихъ Пермяковъ, но о тѣхъ и другихъ говоритъ лишь мимоходомъ. Существенно цѣннымъ изъ всѣхъ его данныхъ можно назвать характеристику быта Пермяковъ заводскихъ и указаніе на обычай приносить на счетъ общества въ жертву быка и барана. IV часть заключаетъ въ приложеніи между прочимъ сводъ литературныхъ данныхъ о Біарміи-Перми.

Н. С. Поповъ. Хозяйственное Описаніе Пермской губерніи Спб. 1813, III

Скудныя этнографическія извѣстія «Хозяйственнаго Описанія» о численности Пермяковъ въ отдѣльных волостяхъ Чердынскаго и Соликамскаго у.у. въ настоящее время имѣютъ уже историческое значеніе въ виду обрусѣнія этого народа. Въ Юрлинской волости онъ считаетъ ихъ напр. 1271 чл., а по даннымъ 1886 г. ихъ было здѣсь уже совершенно обрусѣвшихъ 794 ч.

Такое же историческое значеніе имѣетъ извѣстіе о костюмѣ, напр. объ обычаяхъ носить шапки изъ краснаго сукна.

Немногія страницы, посвященныя Поповымъ Пермякамъ имѣютъ цѣну главнымъ образомъ благодаря археологическимъ указаніямъ, заключающимся въ нихъ.

Берхъ. Путешествіе въ Чердынь и Соликамскъ. Спб. 1821.

Книга Берха до сихъ поръ сохраняетъ интересъ для историка и археолога благодаря тому, что заключаетъ себѣ выводы изъ единственныхъ болѣе или менѣе научныхъ раскопокъ чудскихъ городищъ. Берхъ раскопалъ траншеями городища Чердынское, Искоръ и Уросъ и не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ битыхъ изъ глины печей и небольшого количества желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей. Берхъ скептически относится къ предположенію о торговыхъ сношеніяхъ Перми съ Востокомъ и Западомъ. Скептицизмъ этотъ въ настоящее время, въ виду археологическихъ открытій, представляется такъ же мало основательнымъ, какъ и скептицизмъ Шлецера. По вопросу объ отношеніи Перми къ Біарміи книга Берха заключаетъ нѣсколько основательныхъ замѣчаній. Берхъ совершенно правильно полагаетъ, что Біармія была „при берегахъ Ледовитаго моря“.

I, F. Erdmann. Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland. Leipz. 1826. II, 2.

Эрдманъ воспроизводитъ въ своихъ замѣткахъ о Пермскомъ краѣ фантазіи, которыя возникли у него подъ впечат-

леніемъ тождества именъ Біарміи и Перми. „Пермская губернія принадлежала безспорно къ тому великому государству, изъ обломковъ котораго произошли въ настоящее время столь разсѣянные Финскіе народы, и была преимущественнымъ мѣстомъ жительства Біармійцевъ, которые дали ей и свое имя и потомками которыхъ являются Пермьки“. Эта великая, по соображеніямъ автора, Пермь получила первый потрясшій ее въ основаніяхъ ударъ еще въ V в. въ эпоху великаго переселенія народовъ, въ XII в. она была разрушена окончательно Чингисханомъ. Фантазируя по поводу прошлаго, Эрдманъ проявляетъ невѣдѣніе относительно настоящаго. Потомковъ древнихъ Біармовъ - Пермьковъ онъ находитъ въ Верхотурскомъ, Камышинскомъ, Екатеринбургскомъ, Оханскомъ уѣздѣ; въ Соликамскомъ же и Чердынскомъ уѣздахъ жителями являются Вогулы (finnische Nationen, namentlich Wogulen), въ послѣднемъ вмѣстѣ съ Зырянами.

Энциклопедическій лексиконъ, изд. Плюшаромъ. т. XI, XII. Спб. 1838.

Подъ словами: „Бярмія“, „Вогуличи“, „Вымъ“, „Вымскіе князья“, „Весленга“, „Воненга“, „Войпель“ сообщаются любопытные факты и соображенія на счетъ Вычегодской Перми, принадлежащія по большей части Надеждину. Авторъ увѣренъ въ тождествѣ Зырянъ съ Біармами Отера, хотя ничемъ не подкрѣпляетъ своего положенія. По поводу Зырянскаго названія Выми „Ем-ва“ высказывается, подъ вліяніемъ Лепехина предположеніе, не жила-ли ранѣе на этой рѣкѣ Емъ нашихъ лѣтописей.

Мельниковъ. Дорожныя Записки на пути изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь. III. От. Зап. т. IX, XIII, XVIII.

Путевыя записки Мельникова мало даютъ историку и этнографу. Авторъ мелькомъ говоритъ о городищахъ, высказываетъ курьезное предположеніе на счетъ того, что селенія

съ названіями на горть и карть основаны Норманнами. Главное значеніе статьи для своего времени заключалось въ томъ, что авторъ довольно подробно описываетъ пермскія находки и даже даетъ таблицы съ рисунками ихъ.

Хлопкинъ. Нѣсколько словъ о Пермяхъ. Изв. Геогр. Общ. 1849.

Статейка Хлопина представляетъ собою поверхностную характеристику вѣшняго и внутренняго быта Пермьковъ. Въ отношеніи вѣшняго быта авторъ ограничивается немногими словами относительно устройства дома, занятій и пищи, въ области внутренняго—онъ затрогиваетъ вѣрованія и обряды ихъ, то и другое слишкомъ сжато и блѣдно. Извѣстія автора о преобладающихъ занятіяхъ Пермьковъ имѣютъ въ настоящее время уже чисто - историческое значеніе. Больше интереса представляютъ сообщенія о колдунахъ. Изъ обычаевъ авторъ отмѣчаетъ приношеніе можжевельника и пихтовыхъ вѣтвей въ ночь на В. четвергъ. Замѣтка о Пермьцкихъ музыкальныхъ инструментахъ на половину уже имѣетъ историческое значеніе (трехструнная скрипка). Свадебный обрядъ описанъ коротко и совершенно безцвѣтно: ни одной особенности, характеризующей пермьцкій обрядъ, авторъ не въ состояніи оказался отмѣтить. Говоря о похоронныхъ и поминальныхъ обрядахъ Хлопинъ отмѣтилъ нѣсколько интересныхъ деталей (поясочки, мочало и челпанъ на гробъ, вѣра, что покойники питаются паромъ).

Самую цѣнную часть замѣтки Хлопина составляютъ его извѣстія о распространеніи Пермьцкаго племени, Мы имѣемъ здѣсь указанія на происхожденіе нѣкоторыхъ — «русскихъ» селеній Пермской губерніи. Замѣтки о вѣрованіяхъ ничего не въ состояніи дать изслѣдователю благодаря своей безцвѣтности и неумѣстному юмористическому тону. Единственнымъ интереснымъ указаніемъ въ этой сферѣ можно считать указанія на обычай носить защитными въ ладонкахъ растенія и относить лѣсному дядѣ табакъ.

Н. Поповъ. Этнографическія замѣтки о Пермскихъ. Ж. М. В. Д. 1852. Ч. 39.

Статья Попова посвящена населенію крайняго сѣвера пермской территоріи — Гаинской вол. Чердынскаго у. Въ 50-хъ годахъ это былъ одинъ изъ самыхъ глухихъ угловъ. По сравненію съ короткими замѣтками Хлопина статья Попова заключаетъ въ себѣ нѣсколько новыхъ подробностей относительно устройства дома (жерновки противъ печи), костюма (бѣлый шабуръ), музыкальныхъ инструментовъ; замѣчанія о похоронномъ и поминальномъ обрядѣ очень сжаты; нѣкоторую цѣнность имѣетъ указаніе на роль женщины. Помимо указанныхъ сторонъ статейка любопытна благодаря упоминанію двухъ языческихъ Пермскихъ именъ.

Хлоповъ. Хозяйственный и нравственный бытъ Пермиковъ. Ж. М. Гос. Имущ. 1852. II.

Статья Хлопова заключаетъ нѣсколько не безынтересныхъ данныхъ относительно занятій (охоты), вѣрованій (примѣты лѣшаго, жертвы ему, водяныя силы), музыкальныхъ инструментовъ, обрядовъ свадебныхъ и похоронныхъ. Относительно старины Пермской Хлоповъ держится Берха. Противъ разсказовъ о богатствѣ Перми онъ возражаетъ тѣмъ, что „монетъ никогда находимо не было“.

Макарій (архим.). Распространеніе христіанства въ предѣлахъ Пермской епархіи. Ж. М. Н. Пр. 1857, I.

Статья архимандрита Макарія заключаетъ въ себѣ нѣсколько цѣнныхъ свѣдѣній о распространеніи христіанства въ уѣздахъ Чердынскомъ, Соликамскомъ, Пермскомъ и Оханскомъ. Кромѣ того въ ней заключаются важныя для исторіи Пермскаго края указанія на предѣлы распространенія Остяковъ.

Луканинъ. Движеніе народонаселенія въ Соликамскомъ уѣздѣ.

— Движеніе народонаселенія въ Чердынскомъ уѣздѣ.

Роговъ. Движеніе народонаселенія въ Инвенской дачѣ.

Вѣст. Р. Геогр. Общ. 1855, III; 1857, V.

Работы Луканина и Рогова заключаютъ въ себѣ, помимо интересныхъ статистическихъ фактовъ, нѣсколько любо-

пытныхъ этнографическихъ данныхъ—таковы въ особенности свѣдѣнія о степеняхъ обрусѣнія, представляемыхъ Пермскими въ отдѣльныхъ приходахъ края, о характерѣ пермцакаго хозяйства, о брачномъ возрастѣ, „незаконныхъ“ рожденіяхъ, объ уходѣ за дѣтьми.

Роговъ. Матеріалы для описанія быта Пермиковъ. Ж. М. В. Д. 1853.
т. 29.—Пермскій Сборникъ. т. II. Москва. 1860.

Статья Рогова составляетъ главный литературный источникъ для изученія быта Пивенскихъ Пермиковъ. Наибольшую цѣнность имѣютъ заключающіяся въ ней этнографическія данныя. Экскурсіи автора въ область исторіи и филологіи нельзя назвать удачными. Объясненіе слова «Біармія» изъ пермцкихъ словъ б и — огонь, а р — маленькая рыбка, м у — земля (земля маленькой рыбки) можетъ быть интересно только, какъ филологическій курьезъ. Сообщение о томъ, что на югѣ Пермской области жили Болгары, могло бы имѣть цѣну, еслибы авторъ чѣмъ нибудь подтвердилъ его.

Взглядъ г. Рогова на предметы, находимые въ чудскихъ городищахъ и ямахъ, заслуживаетъ уваженія по своей осторожности: «памятники, открытые въ Пермской странѣ, вѣроятно, принадлежатъ не однимъ Пермикамъ, но и другимъ народамъ; что-же было собственностью Пермиковъ и что другихъ — различить нѣтъ возможности». Тоже должны мы сказать о значеніи, которое авторъ приписываетъ въ дѣлѣ опредѣленія древнихъ жилищъ Пермиковъ мѣстнымъ названіямъ. Указанія на современныя жилища Пермиковъ въ настоящее время отчасти приобрѣли уже значеніе историческихъ. Вопросъ объ обрусѣніи Пермиковъ затронуть г. Роговымъ, къ сожалѣнію, только слегка.

Говоря о древней культурѣ Пермиковъ, г. Роговъ основывается исключительно на той картинѣ, которую рисуетъ относительно Финновъ Тацитъ. Данныя языка, существенно важныя въ этомъ отношеніи, онъ совершенно игнорируетъ, хотя болѣе, чѣмъ кто либо изъ писавшихъ о Пермикахъ,

могъ ими воспользоваться. Большое мѣсто статьи г. Рогова, какъ это ни странно было бы ожидать отъ составителя Пермскаго словаря, составляютъ объясненія мѣстныхъ, главнымъ образомъ рѣчныхъ названій. Большую часть этихъ объясненій слѣдуетъ считать неудачной. Причина заключается въ томъ, что г. Роговъ ставитъ задачу объясненія въ томъ, чтобы найти одно или два слова, изъ сочетанія которыхъ могло бы получиться данное названіе, не заботясь о томъ, какой смыслъ будутъ имѣть эти слова; напр. р. Кордозъ (кор — лубъ + доз — посуда) = лубяная посуда, р. Шеметь — квасъ, Весляна — мѣра, Пыль — мука, Полва — вода, которой надо бояться (пол — бойся + ва), Суроль — право живи, Вержай — крестный, воспріемникъ, Кула — умираю, Чыр — громъ. Придумывая такіа объясненія, г. Роговъ не задавался, повидимому, вопросами: есть ли что нибудь подобное въ названіяхъ другихъ народовъ, напр. Русскаго, каковы способы образованія мѣстныхъ и въ частности рѣчныхъ названій у Пермяковъ. Если бы онъ принялъ во вниманіе то обстоятельство, что рѣка называется у Пермяковъ иногда по свойствамъ прилегающей мѣстности или ея собственнымъ, иногда по роду, который на ней поселился, иногда (очень рѣдко) по поселеніямъ расположеннымъ на ея берегахъ, онъ не сталъ бы переводить названія Лячканшоръ — дави вода, Гайва — ау! вода, такъ какъ они образовались изъ сочетанія слова ва съ именемъ насельника и должны быть переведены Гаева рѣка, Лячанова рѣка, какъ Кочкоръ — Кочево городище, Мечкоръ — Мечево городище (ср. Мечкино озеро), Челва — Челова рѣка, ср. Чел-ыбъ.

Характеристика быта Пермяковъ, сдѣланная г. Роговымъ, стоитъ внѣ сравненія съ тѣми скудными данными, которыя мы имѣемъ отъ его предшественниковъ. Авторъ даетъ весьма удачную антропологическую характеристику Пермяковъ — отмѣчая два типа, блѣлый и черный — описываетъ характерными чертами нѣкоторыя ихъ психическія особенности. Переходя къ вѣрованіямъ Пермяковъ, г. Роговъ

сообщаетъ, въ какихъ видахъ представляютъ они себѣ водянаго, лѣшаго, сусѣдку. О роли колдуновъ онъ немного прибавляетъ къ тому, что мы знаемъ отъ Епифанія. Существенную новость составляетъ описаніе черъ-ѡшвана. Дѣлая характеристику семейныхъ отношеній, г. Роговъ сообщаетъ о любопытномъ обычаѣ, въ силу котораго члены семьи и работники называются именемъ домохозяина, о склонности Пермяковъ къ семейнымъ раздѣламъ, о развитіи помочей.

Въ описаніи проводъ рекрута заслуживаетъ вниманія указаніе на обычай провожаемаго благодарить печь за то, что она его выкормила. Къ лучшимъ страницамъ очерка г. Рогова нужно отнести тѣ, на которыхъ онъ описываетъ устройство пермязкихъ домовъ и селеній и по пути сообщаетъ о суевѣрныхъ обрядахъ, соединенныхъ съ закладкой новаго дома и переходомъ въ него. Такихъ обстоятельныхъ описаній немного можно указать въ литературѣ, посвященной инородцамъ.

Статья, помѣщенная г. Роговымъ въ „Пермскомъ сборникѣ“, представляетъ собою окончаніе его очерка Пермяковъ. Здѣсь мы имѣемъ подробное описаніе пермязкой одежды, лица, праздниковъ. Говоря объ этихъ послѣднихъ, авторъ сообщаетъ нѣсколько деталей, сближающихъ съ одной стороны Пермяковъ съ Вотяками (гаданіе объ урожаѣ по зернамъ въ Васильевъ вечеръ), съ другой знакомящихъ насъ съ переживаніями старыхъ жертвоприношеній. Въ раду игръ, описанныхъ г. Роговымъ, слѣдуетъ отмѣтить игру въ жены съ сопровождающими ее пѣснями, которыя указываютъ на заимствованіе у русскихъ.

Съ особенной подробностью описана въ очеркѣ пермязкая свадьба и роль въ ней колдуновъ - вѣжливцевъ. Описаніе родинъ, похоронъ и поминовъ заключаетъ въ себѣ цѣнные указанія на пермязкую старину.

Пермскій Сборникъ. Т. I, II. Москва. 1859—1860.

Первая книжка этого, къ сожалѣнію, скоро прекратившагося изданія, содержитъ прекрасную и рѣдкую по своему замыслу статью о. Словцова „Соликамская деревня въ XVI в.“, „Замѣтку о пермскихъ древностяхъ“ Ешевскаго (съ двумя таблицами рисунковъ) и статью Крупенина „Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи пермскаго края“. Во второй книжкѣ, кромѣ продолженія разсмотрѣнной уже статьи Рогова, напечатаны статья Ешевскаго „Пермскія древности въ Лазар. Институтѣ вост. яз.“, „Указатель сочиненій, въ которыхъ заключаются статистическія и географическія свѣдѣнія о Пермской губерніи“ И. Чупина, „Указатели“ статей о Перми въ Перм. Губ. В. и „Каз. Изв.“ S. (Смышляева). Статью Крупенина мы разсмотримъ подъ слѣдующимъ №. О статьяхъ Ешевскаго слѣдуетъ сказать, что въ нихъ впервые было отмѣчено сходство древнихъ булгарскихъ вещей съ чудскими и сообщены со словъ Соликамскаго уѣзднаго учителя Любимова, что при раскопкахъ городищъ были найдены человѣческія остовы, обращенные головой на Ю.

Historische Skizze des Culturzustandes im Gouvernement Perm. Ermans
Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Bd. XXII.
Berlin. 1863.

Статья эта представляетъ собою пересказъ вышеназванной статьи Крупенина. Авторъ рѣшительно, хотя безъ доказательствъ, высказывается противъ отождествленія Перми съ Біарміей. Онъ отрицаетъ даже торговыя сношенія съ В. и З., не предполагая очевидно о существованіи монетъ, добытыхъ въ Пермской почвѣ. Статья обильно снабжена редакціонными примѣчаніями, исполненными вѣры въ авторитетъ Кастрена и тождества древней «цвѣтущей» Біарміи съ Пермью. Редакція снабжаетъ кромѣ того текстъ статьи вопросительными и восклицательными знаками, которые подчасъ свидѣтельствуютъ о ея собственномъ плохомъ пониманіи дѣла; таково напр. удивленіе по поводу того, что у Чуди было много городковъ и низкая

культура (стр. 87); редакція увѣрена, что существованіе городковъ свидѣтельствуеъ объ очень плотномъ осѣдломъ населеніи. — Обзоръ событій со времени поселенія русскихъ въ Пермскомъ краѣ до XVIII в. сдѣланъ и сжато, но согласно съ источниками.

Sjögren. Die Syrjänen, ein historisch—statistisch—philologischer Versuch.

— Über die älteste Wohnsitze der Iemen.

— Wann und wie wurden Sawolotschje und die sawolokschen Tschuden russisch (Gesamm. Schr. I). Спб. 1861.

Изслѣдованія Шюгрена имѣютъ право на исключительное вниманіе при рѣшеніи вопроса о предѣлахъ древней Біарміи и eo ipso границахъ древней территоріи народа Коми. Шюгрень выдвинулъ рядъ новыхъ данныхъ, которыми можетъ пользоваться историкъ при изслѣдованіи этого предмета. Этими источниками являются мѣстные названія, личные имена (прозванія), народныя преданія, особенности русскаго говора страны.

Особенно рельефно выдвинулъ онъ значеніе мѣстныхъ названій. „Во всякомъ случаѣ, читаемъ мы на стр. 304, основательное изученіе рѣчныхъ и другихъ названій можетъ имѣть для исторіи Россіи благотворныя и можетъ быть неожиданныя послѣдствія. Нужно только сначала основательно изучить инородческіе языки, на которыхъ говорятъ внутри Россіи“. Шюгрень самъ широко, хотя не всегда удачно, пользуется этимъ источникомъ и приходитъ благодаря ему къ новымъ и во всякомъ случаѣ весьма любопытнымъ соображеніямъ.

Значительная часть изслѣдованія посвящена вопросу о древнихъ жилищахъ Перми. Родиной Коми Ш. считаетъ верховья Камы, сѣверную часть Пермской губерніи и Уральскій хребетъ. Отсюда они двинулись частію на В., частію и главнымъ образомъ на З. и С. З. На В. „Пермскіе народы“ простирались до Сибири и были или вытѣснены Югрой или смѣшались съ ними. Западной границей онъ прежде всего

принимаетъ Двину. „Западнѣе Устюга не все нерусское является финскимъ; нѣкоторыя изъ мѣстныхъ названій являются аналогичными съ зырянскими“. Такія названія онъ находитъ: въ Тотемскомъ уѣздѣ Йолга, Сивежъ, Ловчижъ, Киршенга, Кочинга, Ележъ, Едма, Вожболъ (только одно изъ этихъ названій Едма можетъ быть въ дѣйствительности признано Зырянскимъ), въ Кадниковскомъ Шингоръ, Шорега, Томашъ, Шиченга, Чухта, дер. Котлакса, въ Вологодскомъ уѣздѣ Петомъ, Почеба, Лухать, Ненба, П о л о м б а ж ь, Ч а р м а, В о с и м а, Шоболга, Л а п с а р а: Грязовскомъ Каргачъ, Ченягъ, Катлась, Висья, Камья, Тиувенга, Обнора, въ Вельскомъ Еважъ, Пырчила, Содмешъ, Шаренга, Вожга. Давши свой перечень, Шюгрень оговаривается, что между перечисленными названіями нѣкоторыя могутъ быть и Л о п а р с к и м и. Относительно южной границы Шюгрень ограничивается таинственнымъ замѣчаніемъ: „На югѣ трудно провести съ опредѣленностью бывшя границы Коми. Въ настоящее время они занимаютъ крайній С. З. и крайній С. В. Вятской губерніи. Я з н а ю однако, что они должны были жить въ этой губерніи гораздо южнѣе, хотя въ настоящее время не могу провести опредѣленную пограничную черту. Рѣка Вятка во всякомъ случаѣ образовала, какъ показываетъ біографъ св. Стефана, по крайней мѣрѣ позднѣйшую границу“. Вступивши въ область Вятской губерніи, Шюгрень не останавливается на ней: „мимоходомъ могу замѣтить, что Зыряне простирались и дальше, такъ какъ многія мѣстныя названія въ Костромской губерніи и даже Владимірской могутъ быть произведены изъ Зырянскаго языка. Они идутъ даже далѣе и подходятъ къ древней столицѣ—Москвѣ“. Шюгрень самъ сознавалъ неубѣдительность своихъ положеній. „То, что я теперь мимоходомъ написалъ относительно Зырянъ, могутъ счесть за химеры“ и общался со временемъ обстоятельно защитить притязаніе Пермьковъ и Вотяковъ на такія далекія области.

Капитальное значеніе имѣетъ вопросъ о сѣверныхъ границахъ Пермской земли, такъ какъ отъ того или другаго рѣшенія

его зависить другой вопросъ—объ отношеніяхъ Перми къ Біарміи. Шёгрень начинаетъ съ положенія, что Зыряне по Печерѣ доходили до Пустозерска, который у нихъ носитъ названіе Sargdog—край моря. Переходя къ Мезени, онъ отмѣчаетъ зырянскія названія ниже Усть-Важки: Росова, Выжлецъ, Пеза (Печа?), Гоежа, Вырьюга (зырянское + фин.), дер. Мырина (вѣроятно), Шигма, Юрома, Сова, Парсова (вѣроятно), Пырышня и Кеда. Въ бассейнѣ Пинеги въ Архангельской губерніи онъ находитъ названія, которыя или дѣйствительно зырянскія или кажутся таковыми (!). Пожуга, Покшенга могутъ быть и Зырянскими, Косвей, Сылуга и Пылнуга являются вѣрнѣе Зырянскими, хотя и съ финскими приставками, озеро Тиноватское, Кылма, Кочкома, Кошура, Матвера, Поча еще менѣе сомнительны. Погость Перемъ, Сова, Варсова, Пырышня и Кеда, Черка, озеро Малотыцкое, Инца, Нырсенга, Кучема, Бачъ, Чусса, Кыргусъ, Чугя, Пукшенга, Паленга, у Ледовитаго Океана по замѣчанію Шёгрена *klingen ganz Syrjanisch* и на этомъ основаніи онъ считаетъ возможнымъ предполагать въ этомъ краѣ бывшее присутствіе Зырянъ. Тутъ же онъ встрѣчаетъ и чисто-финскія названія.

Затѣмъ въ Архангельскомъ уѣздѣ зырянскими кажутся Шёгрёну Маймакса, Ненокса, Кумбышъ, Лодма, Ижма, Муксома, Вавчуга, Пермилово, Лявля, Юрасъ. Авторъ признаетъ впрочемъ, что на нижней Двинѣ меньше зырянскихъ названій и они сосредоточиваются на В. отъ рѣки. Отъ Холмогоръ Двина становится, по его мнѣнію, болѣе зырянской. Здѣсь кажутся ему зырянскими названія рѣкъ Погрима, Модја, Веча, Мигласъ, Кумбыжъ, Кадыжъ, Равусорка, Колесара, Чачва, Ухвжъ, въ Шенкурскомъ у. Пукса, Ледъ, Поча, Пеза, Пашта, Лыгмасъ, Кемасъ, Кушева, Пышема, Южуга, Ваенга, Урасъ, Кора, Шужега, Кысема, Ундышъ, Рывушъ, Медъ, Вадја, Нондрусь, Ягозеро; въ Сольвычегодскомъ Вагмасъ, Ваймашъ, Ераташъ, Пучега, Шокома,

Нюгмась, Ездренга, Кестважъ, Ягрышъ, Сужега, Нечмашъ, Соленга, Тадима, Севтра, Кустышъ, Ньюба, Гапъ, Ествашъ, Хоргова, Койша, Сивняшъ, Шаткуръ, Вадога, Уйаважъ, Анвижъ, Шулега, Милгишъ, Кундышъ, Тырашъ, Вайа, Лотча, Реважъ, Палишъ, Мотарсорка, Торсорка. Исходя изъ предположенія, что всѣ эти названія зырянскія, Шöгрень приходитъ къ заключенію, что Зырянскія жилища простирались нѣкогда по Двинѣ до Ледовитаго Океана. Самое имя Двины Шöгрень считаетъ зырянскимъ (в ы н - с и л а).

Цѣнность выводовъ покойнаго академика зависитъ, конечно, отъ основательности его филологическаго діагноза. Имѣя предъ собою массу нерусскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежащихъ не одному инородческому языку названій, онъ пришелъ къ естественному выводу, что въ Заволочьи обитало не одно, а нѣсколько инородческихъ племенъ. При такихъ условіяхъ онъ долженъ былъ для пріурочиванія отдѣльных названій тому или другому народу имѣть объективныя основанія—ясно выраженные признаки, благодаря которымъ названія одного народа отъ названій другаго могъ-бы отличить всякій читатель и продолжатель его работъ. Мы не можемъ сказать, чтобы покойный академикъ далеко ушелъ въ этомъ направленіи. Онъ не довольствуется, конечно, тѣмъ, что въ данномъ языкѣ имѣется комплексъ звуковъ, тождественнымъ съ опредѣляемымъ названіемъ, чтобы пріурочить его къ этому языку; у него нельзя найти курьезовъ въ родѣ „рѣка размышленія“, „я умираю“. Взамѣнъ этихъ грубыхъ нелѣпостей Шöгрень вноситъ однако не менѣе вредный въ научномъ отношеніи субъективизмъ. Онъ называетъ то или другое названіе зырянскимъ, финнскимъ не на основаніи морфологическаго анализа и справки съ словарями, а исходя изъ в п е ч а т л ѣ н і я, которое оно производитъ на его слухъ. Названія Сова, Пырышня, Кеда, Нырсенга, Кучема—*klingen ganz syryjanisch*; чисто по зырянски, читаемъ мы на стр. з в у ч а т ѣ Бачъ, Чуса, Пыргусъ, Чугя, Пукшенга, Паленга. Всякій, конечно согла-

сится, что подобный критерій отличается крайней неопредѣленностью и можетъ завести въ дебри самой безпросвѣтной фантастики. Шöгрень самъ признаетъ иногда недостаточность своего критерія. На стр. 290 мы имѣемъ рядъ названій, которыя ему кажутся Финнскими; въ примѣчаніяхъ онъ говорить однако: „нѣкоторыя немногія изъ этихъ названій могутъ быть и Зырянскими“, на стр. 300 перечисляя рядъ Зырянскихъ названій, онъ замѣчаетъ „нѣкоторыя изъ этихъ названій могутъ быть и Лопарскими“. На стр. 323 мы читаемъ новое замѣчаніе въ этомъ родѣ: „во всей Двинской области мы имѣемъ кромѣ Пермскихъ и Лопарскихъ, которые не всегда въ состояніи точно отличить другъ отъ друга, и Финскіе слѣды... Трудность объясняется тѣмъ, что перечисленные народы болѣе или менѣе родственны“.

Недостаточная увѣренность въ филологическомъ чутьѣ обнаруживается и въ проблематической формѣ опредѣленій: на страницахъ, посвященныхъ опредѣленію сѣверныхъ границъ Біарміи, Шöгрень въ обиліи разсыпаетъ *wahrscheinlich*, *höchst wahrscheinlich*, *mag sein*: деревня Мырина, вѣроятно, носитъ зырянское названіе, какъ и Шигма и Юрома, „Шиднема — полузырянское, полуфинское“; Шулонема признано зырянскимъ названіемъ, но въ скобкахъ замѣчено: „оно можетъ быть и финскимъ“, „Покшенга можетъ быть и зырянскимъ“, „Косвей, Сылуга и Пюлюга вѣроятнѣе можно признать зырянскими, хотя они и имѣютъ финскія приставки“, „Кылма можетъ быть и зырянскимъ, Кочкома, Кошура, Мытевра, Поча еще менѣе подлежатъ сомнѣнію“. „Нырсенга и Кучема звучатъ совершенно по зырянски“. Въ Архангельскомъ уѣздѣ Шöгрень находитъ своеобразныя названія, которыя для мѣстныхъ Зырянъ, какъ и для него, звучатъ по Зырянски; „Погрима, Модја, и Веча кажутся скорѣе Зырянскими“, „въ Шенкурскомъ зырянскимъ можетъ быть Пукса, вѣроятнѣе Поча, Поля“,

„Тѣда на сольвычегодской границѣ навѣрное Зырянское“. „Къ зырянскимъ названіямъ, въ высокой степени вѣроятно, принадлежатъ Вагмасъ, Веймашъ, Ераташъ, Пучега, Шокша, навѣрно Нюгмасъ, Ездренга, Кестважъ“.

Дѣйствительно-ли однако зыряно-пермяцкими являются всѣ тѣ названія, на основаніи которыхъ Шёгрень строитъ свои выводы. Обратимся для рѣшенія этого вопроса къ ихъ разсмотрѣнію. Примемъ прежде всего во вниманіе, что Коми и Финны-Корелы принадлежатъ къ двумъ различнымъ группамъ финнскаго міра и достаточно рѣзко различаются по языку, чтобы названіе одного народа можно было принять за названіе другаго. Что-же мы видимъ? Перечисляя названія, которыя дали ему право заключать, что древнѣйшими обитателями Заволочья были Корелы-Финны, Шёгрень приводитъ слѣдующія: Ухто ма, Лахо ма, Урдома, Удима, Кодьма, Хайма, Соде н га, Лудо н га, Юм ы ш ъ, Авн е га, Синег а, Сойга, Луп ь я.

Обращаясь къ названіямъ, которыя Шёгрень считаетъ зырянскими, мы встрѣчаемъ: Кучема, Лодма, Ижма, Погрима, Пышема, Кысема, Нырсе н га, Пукшенга, Паленга, Ваенга, Ездренга, Соденга, Шуж е га, Пучега, Сужега, Шулега, Кумб ы ш ъ, Кадыжъ, Ундышъ, Ягрышъ, Кустышъ, Кундышъ, Мод ь я, Чуга, Вадья, Вайа, затѣмъ Куше ва, Чач ва, Раку-с ор, Мота-сор, Тор-сор, Коле с о ра, Миглы с ѣ, Лагмасъ, Кемасъ, Вагмасъ, Нюгмасъ, Вай ма ш ъ, Ераташъ, Кест ва ш ъ, Нечмашъ, Ест ва ж ъ, Упаважъ, Тырашъ, Реважъ, Шат-к у р ь я.

Изъ сопоставленія двухъ разсмотрѣнныхъ группъ оказывается, что первая половина „зырянскихъ“ названій по типу (по суффиксамъ) не отличается нисколько отъ „финнско-корельскихъ“. Мало того названіе Соденга фигурируетъ и въ спискѣ финнскихъ и въ спискѣ зырянскихъ названій. Единственный выводъ, который можно сдѣлать изъ этого факта—тотъ, что финнскихъ названій нельзя отличить по типу отъ зыря-

но-пермяцких и, стало быть, всякая попытка разграничить области, которые нѣкогда занимали оба народа, должна считаться неосуществимой. Такъ-ли это однако на самомъ дѣлѣ? Чтобы провѣрить діагнозъ Шöгрена, возьмемъ рѣчныя названія изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ Финны и Коми сохранились всего чище и дали первыя названія водамъ. Въ Соликамскомъ уѣздѣ по обѣ стороны Камы мы видимъ массу рѣчныхъ названій съ суффиксами *ва* и *шоръ*, въ предѣлахъ Финляндіи преобладающими рѣчными названіями являются названія съ суффиксомъ *йоки*: Кеми-йоки, Симо-йоки, Карась-йоки, Ивала-йоки, Патсъ-йоки, Типо-йоки, Лутмо-йоки и т. д. и т. д. Между финскими и пермяцко-зырянскими рѣчными названіями оказывается при этомъ сопоставленіи такая типическая разница, что смѣшать ихъ представляется безусловно невозможнымъ.

Разбираясь на основаніи констатированныхъ выше признаковъ среди обѣихъ группъ, мы приходимъ къ заключенію, что среди quasi-финскихъ рѣчныхъ названій нѣтъ ни одного дѣйствительно финскаго, а среди quasi-зырянскихъ или пермяцкихъ таковыми могутъ быть признаны 5—6 вверхъ по Двинѣ отъ Холмогоръ: въ Холмогорскомъ у. Ракусорка, Чачва, въ Шенкурскомъ у. Кушава, Ваджа; въ Сольвычегодскомъ Мотасорка, Торсорка. Этихъ 5—6 названій еще слишкомъ недостаточно для того, чтобы признать С. Двину пра-зырянской рѣкой. Что касается соображеній на счетъ того, что названіе Двина зырянское и стоитъ въ связи съ словомъ *вын* и сила, то онѣ могутъ вызвать только недоумѣніе на счетъ филологическихъ принциповъ Шöгрена. Если Финнъ (принимая этотъ терминъ въ широкомъ смыслѣ), согласно законамъ своей рѣчи, опускаетъ начальное *д* въ названія рѣки и называетъ ее Вина, мы это понимаемъ. Но подъ вліяніемъ какихъ побужденій Русскіе, если бы они взяли у Зырянъ рѣчное названіе, прибавили *д* въ началѣ его, этого, навѣрное, не объяснить никто. Не лучше-ли было-бы предположить, что первоначально рѣка называлась у Финновъ *Divina*, и

только въ послѣдствіи съ исчезновеніемъ короткаго гласнаго *i* Финны перестали произносить и начальный *d*.

Кромѣ звуковаго впечатлѣнія Шöгрень опредѣляетъ національность названія еще однимъ путемъ—географическимъ. Встрѣтивъ на территоріи былого Заволочья названіе, которое имѣетъ еще мѣсто положимъ на территоріи, занимаемой Пермскими или Зырянскими, онъ считаетъ его пермскимъ или зырянскимъ; такъ онъ поступаетъ напр. съ названіями притоковъ Пинегы — Илешъ, Вотча, Пира, Нјула, Нюхча. Этотъ родъ опредѣленія можетъ, конечно, имѣть нѣкоторое значеніе, но употреблять его можно только тогда, когда названій мало для того, чтобы опредѣлить типъ, а языкъ, изъ котораго они могутъ быть истолкованы, исчезъ. Къ болѣе или менѣе прочнымъ выводамъ этимъ путемъ прійти нельзя.

Мы должны быть увѣрены, что всѣ названія занятаго даннымъ народомъ района принадлежатъ ему, не заимствованы у другихъ насельниковъ, и эта увѣренность можетъ быть только результатомъ тщательнаго филологическаго изслѣдованія. Притомъ Шöгрень пользуется этимъ способомъ далеко не послѣдовательно. Принявъ его принципъ, мы должны были-бы признать лопарскими всѣ названія на *енга*, *онга*, которыя въ изобиліи встрѣчаются въ Заволочьи по теченію Двины въ частности, такъ какъ рѣки съ такими названіями встрѣчаются въ занятомъ Лопарями углу Кольскаго полуострова, а нѣкоторыя названія оказываются прямо тождественными (Ваенга). Можетъ быть даже, что въ этомъ случаѣ мы оказались бы ближе къ истинѣ, чѣмъ Шöгрень, такъ какъ часть мѣстныхъ названій въ области Двины по типу приближается къ Лопарскимъ. Припомнимъ Шужега, Пучега, Авнега, Синега, которыя легко разлагаются на Шуж-юга, Пуч-юга, Авн-юга, Син-юга. Непрочность, точнѣе негодность фундамента, на которомъ держится гипотеза Шöгрена на счетъ первоначальнаго совпаденія границъ страны Коми и Біарміи Скандинавовъ, заставляетъ насъ отнестись къ ней отрицательно. Эта несостоятельность основнаго содер-

жанія обширнаго изслѣдованія Шёгрена не мѣшаетъ однако тому, чтобы признать за его трудомъ крупное научное значеніе. Не говоря уже о матеріалѣ—извѣстіяхъ о древнихъ городищахъ, извлеченныхъ изъ писцовыхъ книгъ и личныхъ наблюденій, о сводѣ народныхъ преданій и личныхъ именъ, мы должны признать, что Шёгрень первый предпринялъ попытку опредѣлить территорію, на которой жили древніе Коми, и сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ шаговъ для ея выполненія.

Castren. Bemerkungen über Sawolotscheskaja Tschud. Nord. Reisen und Forsch. V. Kl. Schr. S. Pet. 1862.

Въ статьѣ, заглавіе которой мы выписали, Кастрень разсматриваетъ вопросъ о народности древнихъ Двинянъ—Заволоцкой Чуди, Біармовъ тожъ. Рѣшается вопросъ въ пользу З. Финновъ. Нѣкоторые изъ аргументовъ, на которыхъ основано такое рѣшеніе, отличаются чрезмѣрной тонкостью и въ силу этого представляются сомнительными: таковы напр. соображенія, что именно Западныя Финны съ ихъ трудолюбіемъ, любовью къ земледѣлію, и стойкимъ характеромъ были народовъ, наиболѣе способнымъ къ тому, чтобы бороться съ дикой сѣверной природой. Большую цѣнность имѣютъ указанія на мѣстныя названія, особенности русскаго говора въ Архангельской губерніи, физическій типъ и обычаи. Въ истолкованіи мѣстныхъ названій Кастрень впадаетъ однако въ ошибку Шёгрена: онъ не подозреваетъ какъ будто, что мѣстныя названія у всѣхъ Финновъ строятся по опредѣленнымъ типамъ изъ опредѣленныхъ элементовъ. На стр. 95 онъ объявляетъ названія деревень Ижма, Лодма, Уйма, Сюземская (конечно отъ р. Сюзьмы) финскими, хотя по типу онѣ пермскія и перенесены съ пермскихъ названій рѣкъ, истолковывая ихъ изъ опредѣляющихъ +таа земля, что имѣетъ формальный смыслъ, на стр. 96 онъ объясняетъ названіе Сурминская (дорус. Сурма) изъ глагола *s u g m a*—портить, что является уже вовсе безсмыслицей, на стр. 105 названіе

рѣки Цильма онъ производитъ уже отъ фин. прилагательнаго *kultmä* холодный. Біармы - Финны, по Кастрену, жили отъ Бѣлаго моря до Камы; слѣды ихъ открыты въ Тобольской губ. и должны идти до Алтая. Слѣдомъ Финновъ на нижней Печерѣ является будто - бы названіе Асопольская отъ асиу жить, тогда какъ это названіе состоитъ изъ сочетанія по ле съ личнымъ пермскимъ именемъ А съ. По отношенію къ Коми онъ допускаетъ, что они двигались за Корелами на С. З. и достигали отдѣльными группами сѣверной Двины. Финнами считаетъ Кастрень и Чудь сѣверо-восточную, Печерскую. Противъ такого толкованія говоритъ то, что, какъ первые насельники, Финны должны были оставить послѣ себя слѣды въ названіяхъ главныхъ водъ, а этого нѣтъ, 2) Чудь преданій застали Русскіе, а при Русскихъ здѣсь были только Коми и Югра. Интересны указанія на Чудскіе памятники Печерскаго края.

Исторія Пермской Епархіи. Перм. Епар. Изв. 1867—1868 г.

Статья начинается съ изложенія языческихъ вѣрованій Пермяковъ. Авторъ въ христіанскомъ смыслѣ истолковываетъ представленіе Пермяковъ объ Іенѣ (создатель неба и земли). Большую часть фактическихъ данныхъ онъ заимствуетъ у автора „Сказанія о жизни и трудахъ Св. Стефана“—А. М. Въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ вводитъ въ свой трудъ ошибки и другихъ авторовъ: такъ со словъ Попова онъ утверждаетъ, что главнымъ идоломъ почти у всѣхъ жителей Перми былъ Іомала; преданіе записанное Новицкимъ относительно пермцакаго происхожденія частію Остяковъ, дойдя черезъ „Странникъ“ до нашего автора, вызвало у него соображеніе, что „всѣ идолы Пермяковъ съ распространеніемъ христіанской вѣры въ Пермской странѣ перешли съ удалившимися Остяками въ Березовскій край“.

П. К-овъ. Распространеніе и утвержденіе христіанства въ древней Перми. Перм. Епарх. Изв. 1868.

Соображенія автора о древней культурѣ Перми, основанныя на рѣчахъ, вѣлываемыхъ Епифаніемъ въ уста Пермяковъ, не выдерживаютъ критики. Дѣятельность преемниковъ Стефана—Исаакія, Герасима—возстанавливается гадательно при помощи „вѣроятно“, „несомнѣнно“.

Шестаковъ. П. Д. Святой Стефанъ Великопермскій. Каз. 1868.

Покойный П. В. Шестаковъ трактуетъ болѣе подробно, чѣмъ названные авторы, вопросъ о Св. Стефанѣ. Онъ даетъ обзоръ источниковъ и пособій и разборъ текстовъ, оставшихся послѣ зырянскаго просвѣтителя.

Европеусъ. Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ сѣверной и средней Россіи до прибытія Славянъ. Ж. М. Н. Пр. 1868, т. III, 55—71.

Г. Европеусъ выступаетъ съ теоріей, которая частію находится въ противорѣчій съ Шögреневской, частію дополняетъ ее. Въ то время, какъ Шögренъ отдаетъ все древнее Заволочье Финнамъ-Кореламъ, авторъ разсматриваемой статьи утверждаетъ, что Финскія поселенія на В. отъ Нарвы не спускались южнѣ широтъ Финнскаго залива, Ладожскаго озера, Бѣлоозера, а на В. не заходили за предѣлы Пинеги. Уже въ предѣлахъ теченія С. Двины Финскія названія, по мнѣнію г. Европеуса, чередуются съ древне-Остяцкими и Финны, вступивши въ область этой рѣки, вытѣснили прежнихъ насельниковъ. Воспоминанія о Югрѣ сохранились въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ въ названіяхъ деревень Югорская, Югринская, въ прозвищахъ Югринъ и массѣ угорскихъ мѣстныхъ названій, которая наполняетъ западную половину Вологодской губерніи' и небольшую часть ея за Двиной. Югорскія же племена Весь, Меря и Мурوما, судя по мѣстнымъ названіямъ, занимали территорію отъ Бѣлоозера до Оки.

Гипотеза Европеуса цѣликомъ основана на объясненіи мѣстныхъ названій изъ нарѣчій угорской группы. Отъ достоинства этихъ объясненій зависитъ поэтому и достоинство гипотезы. Рядъ угорскихъ названій открывается у нашего автора объясненіемъ рѣчнаго названія Печенга. Г. Европеусъ допускаетъ два объясненія этого названія изъ остяцкаго языка: *petse* (сосна) + *jink* (вода, рѣка) или *petseng* сосновый. Съ точки зрѣнія аналогіи съ другими Финскими названіями рѣкъ можно допустить оба толкованія: мы имѣемъ, напр. въ Пермязко-Зырянскомъ: Ижма—изъ (камень) + ва (вода) и Бод-ја (ивовая) съ опушеннымъ шоръ. Первое толкованіе можно было бы предпочесть, такъ какъ оно болѣе соответствуетъ обычному построенію Финскихъ мѣстоименій, но насъ удерживаетъ отъ этого то обстоятельство, что мы не встрѣчаемъ у современныхъ представителей угорской группы названій, въ которыхъ *jink* чувствовалось-бы такъ раздѣльно, какъ ва и шоръ у Перми. Второе толкованіе имѣетъ за себя болѣе данныхъ въ современной угорской номенклатурѣ. Мы имѣемъ рядъ рѣчекъ въ области Сѣвернаго Урала близкихъ по типу: Сординг-я, Локчин-я, Ляпин-я. Можно предположить, что и заволоцкія названія на нга имѣли первоначально этотъ же типъ. Позднѣе я исчезло также, какъ въ нѣкоторыхъ пермскихъ названіяхъ ва, и осталась одна опредѣляющая часть. Этотъ процессъ наблюдается, кажется, въ названіяхъ современной Угры: одинъ изъ притоковъ Косъ-ю носитъ названіе Кожанъ. Для того, чтобы безъ колебаній принять толкованіе г. Европеуса, слѣдовало-бы выяснитъ только одинъ вопросъ: мы встрѣчаемъ названія съ окончаніемъ на нга или на территоріи, занятой въ настоящее время Лопарями, или, какъ въ Финляндіи, на такихъ мѣстахъ, гдѣ ранѣе жили Лопари; не могутъ-ли эти названія съ такимъ-же успѣхомъ быть истолкованы изъ Лопарскаго? Нѣкоторое основаніе для того, чтобы поставить такой вопросъ заключаются въ томъ, что первая часть названія Печенга *petse*—сосна одинаково звучитъ въ Лопарскомъ и Остяцкомъ языкахъ. Како-

во бы не было рѣшеніе этого вопроса, положительная заслуга Европеуса состоятъ въ томъ, что онъ ограничилъ районъ, въ которомъ мы должны производить поиски.

Далѣе у г. Европеуса слѣдуетъ группа окончаній, которыя онъ считаетъ Угорскими—јога, јега, јага (въ русскомъ ега). Въ виду того, что нѣкоторыя изъ этихъ окончаній имѣютъ Лопари (јога) и Самоѣды (јага), не говоря уже о возможности измѣненій въ устахъ русскаго народа Финнскаго јоки, вопросъ о приуроченіи ихъ къ одной изъ этихъ народностей долженъ быть рѣшенъ анализомъ опредѣляющихъ частей. Если эти опредѣляющія части будутъ объясняться изъ угорскихъ нарѣчій, вопросъ будетъ рѣшенъ положительно въ пользу послѣднихъ. Г. Европеусъ избираетъ для подтвержденія своего положенія неудачный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ примѣръ. Даво Печуга. Разлагается оно на печ(е) + йуга || йога. Но отъ этого вопросъ не рѣшается. Обѣ части совершенно тождественно въ Лопарскомъ нарѣчій и въ Остяцкомъ. Въ пользу толкованія г. Европеуса и здѣсь впрочемъ говорятъ данныя современной угорской номенклатуры. На л. л. 122 — 124 карты Стрѣльбицкаго мы имѣемъ образцы того, какъ измѣняются въ устахъ русскаго человѣка угорскія названія сложные съ яга: мы имѣемъ Наябу-яга, Хай-яга и Парныко (Парны-яга), Лимп ега (Лимп-яга).

Слѣдующимъ названіемъ, которое даетъ новый угорскій суффиксъ, является Печегда. Г. Европеусъ истолковываетъ его изъ двухъ угорскихъ словъ печ + ша гет (рукавъ рѣки). Толкованіе съ конструктивной стороны чрезвычайно удачно. Оно даетъ намъ ключъ къ уясненію происхожденія другихъ тождественныхъ названій—Вычегда, Шижегда. Но г. Европеусъ идетъ дальше. Къ слову ша гет онъ приводитъ и окончаніе рѣчнаго названія В о л о г д а и аналогичныхъ. Тутъ предполагается довольно длинная исторія: шагет перешло въ сагет (ср. Шаготь, Сохоть рѣки въ Яр. г.) сагет въ тагет, тагет въ лагет (ср. Лехта, Лехоть—тамъ-же) которое въ русскомъ языкѣ приняло форму логда (лохта). Чтобы

соображенія г. Европеуса возымѣли въ данномъ случаѣ цѣну для историка, нужно было бы выяснить, не говоря уже о звуковыхъ соотвѣтствіяхъ, принадлежатъ-ли формы ша г е т, та г е т и ла г е т отдѣльнымъ нарѣчіямъ угорской группы или онѣ представляютъ собою ступени развитія слова въ одномъ нарѣчій или языкѣ.

Изъ угорскихъ нарѣчій объясняются у г. Европеуса окончанія везъ (vez—вода. М.), бо л ь (folyo—рѣка. М. А не falu деревня?), бо й (изъ того же корня съ переходомъ і въ j), по х та, ба х та (погот—деревня. Ост.).

Спеціально о Коми г. Европеусъ высказывается мимоходомъ. На стр. 65 мы читаемъ, что имъ принадлежатъ рѣчныя названія на с о р а, с е р а, ш е р ь южнѣ Бѣла озера. Здѣсь они жили ранѣе Веси.

Въ томъ видѣ, какъ изложена гипотеза г. Европеуса, она заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, полного вниманія, какъ удачная попытка подойти къ разрѣшенію одного изъ сложныхъ вопросовъ исторической географіи. Въ пользу истолкованія суффикса бо л ь изъ угорскихъ нарѣчій говоритъ тотъ фактъ что есть рѣчки по близости Урала въ предѣлахъ кочеванія Маньзовъ, носяція названія съ суффиксомъ бо л ь, напр. Хамъ-болъ—притокъ Косъ-ю. Можно пожалѣть во всякомъ случаѣ, что г. Европеусъ не осуществилъ своего плана издать на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ свои обширныя статьи изъ «S u o m i» по тому же вопросу.

Европеусъ. Объ Угорскомъ народѣ. Спб. 1874.

Рефератъ г. Европеуса посвященъ дальнѣйшей разработкѣ того-же вопроса. Авторъ точнѣе опредѣляетъ территорію древней Югріи и положеніе ея относительно другихъ Финскихъ племенъ. Онъ отводитъ древнимъ Финнамъ-Кареламъ территорію около Ладожскаго и Онежскаго озеръ и всю Біармію—старую и новую—отдаетъ во власть Югры безъ всякой примѣси Финновъ. Всматриваясь въ карту, которая представляетъ собою резюме его соображеній, мы замѣчаемъ,

что авторъ прихотливо и безъ всякихъ аргументовъ дѣлитъ между финскими племенами великую Восточно-Европейскую равнину. Принявши за исходную точку для своего обозрѣнія карты г. Европеуса Казань, мы будемъ имѣть территорію Казани и земли отъ нея до Калуги на З., на С. отъ устья Ветлуги до Сѣв. Океана во владѣніяхъ Югры; въ текстѣ Югрѣ отводится пространство, заключенное между Ураломъ и С. Скандинавіей, Ильменемъ и истоками Волги съ В. на З., между Окой и Ледовитымъ океаномъ съ Ю. на С. Правый берегъ Волги до Нижняго считается за Чувашиами. Черемисы вопреки свидѣтельству первоначальной лѣтописи оказываются на территоріи между верхнимъ теченіемъ Вятки (отъ нынѣшняго Нолинска) до истоковъ Сысолы и нынѣшняго Кая, Зыряне съ Вотяками отъ устья Кильмези (притокъ Вятки) до сліянія Сосвы съ Лозвой съ одной стороны и по лѣвому берегу Камы отъ ея устья чрезъ Кунгуръ до Тавды. Область нынѣшнихъ Пермскихъ представляетъ на картѣ пустое мѣсто между владѣніями Черемисъ и Зырянъ. Г. Европеусъ увѣряетъ своихъ читателей, что его карта составлена на основаніи мѣстныхъ названій, но не даетъ себѣ труда перечислить ихъ основныя типы. Мы самымъ положительнымъ образомъ можемъ засвидѣтельствовать, что ни одного собственно-черемисскаго названія нѣтъ на томъ пространствѣ, которое онъ отводитъ Черемисамъ, и съ другой стороны зыряно-пермскихъ рѣчныхъ названія съ окончаніями на ва и шоръ встрѣчаются въ значительномъ количествѣ на территоріи, которая такъ щедро отмежевана Югрѣ. Два этихъ факта свидѣлствуютъ, что г. Европеусъ въ одномъ случаѣ не знаетъ типичныхъ черемисскихъ названій, въ другомъ замалчиваетъ существованіе невыгодныхъ для него данныхъ. Изъ обоихъ вытекаетъ заключеніе, что почтенный авторъ не достаточно ясно представлялъ себѣ права Югры на отведенную ей территорію, т. е. не располагалъ совокупностью несомнѣнно Югорскихъ типичныхъ названій.

Научное достоинство новаго труда во всякомъ случаѣ ниже предшествовавшаго. Г. Европеусъ за время, отдѣляющее этотъ трудъ отъ перваго, имѣлъ случай встрѣтить возраженія со стороны защитниковъ Шёгреновской теоріи и пришелъ въ сильное раздраженіе. Въ отвѣтъ на попытку противниковъ отстоять старую теорію онъ урѣзываетъ у древнихъ Финновъ и тѣ скромные предѣлы, которые отвелъ имъ въ 1868 г., и объявляетъ Югорской всю территорію отъ Онежскаго озера до Урала, отъ С. Океана до Оки. По пути съ Финнами онъ изгоняетъ съ территоріи Югры и Зырянъ, забывая ихъ почти цѣликомъ въ Сибирь. Съ успѣхами на пути одолѣнія соперниковъ древней Югры у г. Европеуса измѣняется все ученое поведеніе; онъ уже не доказываетъ, не объясняетъ, а катеторически вѣщаетъ: количество „угорскихъ“ названій возрастаетъ до 36; сюда попадаютъ:

1) суффиксы, образовавшіеся изъ заимствованныхъ словъ (ранда—берегъ = strand, п о р г а—порогъ), 2) суффиксы взятые изъ финнскихъ нарѣчій различныхъ группъ (ватъ—мордов., ва—зыряно-перм., 3) суффиксы отвлеченныхъ словъ, никогда ни у какого народа не встрѣчающіеся въ мѣстныхъ названіяхъ.

Категорично, безъ всякихъ разсужденій читателю сообщается значеніе другихъ „югорскихъ“ суффиксовъ: — д а л ь = вершина рѣки, д о р ь = озеро, в а л ь = деревня, домъ, м а р ь, м е р ь = гора, н о р ь = мысъ, п а л д а, — п а л ь, — п е л ь = поле, я н г а = болото. Нельзя сказать, чтобы тонъ г. Европеуса находился въ соотвѣтствіи съ основательностью его положеній. При пересмотрѣ его списка „угорскихъ“ окончаній мы встрѣчаемъ рядъ такихъ, которыя во всякомъ случаѣ непринадлежатъ языкамъ живыхъ представителей угорской семьи. Н е м а есть Финнское *njemi*, в а—Зырянское, К у р ь я—Зырянское, л е н д а—родичъ эстон. *linna*—городище (Веске. Сл. Ф. К. О.) ш е р а, ш о р а (-сара, -сора)—Зыряно-Пермяцкое. Если всѣ эти суффиксы угорскаго происхожденія и заимствованы на-

родами, которые ими пользуются въ настоящее время, то это надо было доказать.

Тонъ ученаго прорицателя не покидаетъ г. Европеуса и въ другихъ вопросахъ. На стр. 11 намъ сообщается, что у г. Европеуса имѣть въ рукахъ явныя доказательства тому, что нарѣчіе Важской Чуди въ Шенкурскомъ уѣздѣ ближе всего къ языку нынѣшнихъ Остяковъ, а нарѣчіе насельниковъ Юга и Ветлуги—къ нарѣчію Вогуличей. Какія эти доказательства, авторъ не считаетъ пуннымъ сообщить.

На той-же стр. 11 мы имѣемъ положительное заявленіе, что частью древней Югріи была Великая Пермь русскихъ лѣтописей, Біармія Скандинавовъ. Эта Югрія была единымъ государствомъ.

Принимая съ сожалѣніемъ въ расчетъ всѣ невыгодныя для дѣла особенности изслѣдованія г. Европеуса, мы считаемъ все же возможнымъ констатировать, что онъ далъ нѣсколько новыхъ фактовъ, увеличивающихъ вѣроятность его гипотезы. Суффиксы —н о р,—п о с т,—б а с л я,—т о р,—д о р могутъ быть признаны безспорно угорскими и г. Европеусъ истолковалъ ихъ совершенно согласно съ общимъ характеромъ восточно-финской терминологіи природы. Провѣряя толкованія, которыя даетъ г. Европеусъ своимъ окончаніямъ, на основаніи скуднаго матеріала, имѣющагося у насъ подъ руками, мы можемъ признать угорское происхожденіе за суффиксами: —гумусъ, —колъ. Оба слова встрѣчаются въ нарѣчіи Ляпинскихъ Вогуловъ именно съ тѣми значеніями, которыя даетъ имъ г. Европеусъ.

Кл. Поповъ. Зыряне и Зырянскій край. Изв. Имп. М. О. Люб. Ест..
Антр. и Этн. т. XIII, вып. 2-й. М. 1874.

Не смотря на свое заглавіе, книга г. Попова имѣетъ нѣкоторыми своими частями прямое отношеніе къ Пермькамъ, не говоря уже о томъ, что изслѣдованіе, посвященное родственному народу, является существенно важнымъ пособіемъ при изученіи современнаго быта Пермьковъ.

Въ первой главѣ своей книги г. Поповъ касается вопроса о древнихъ Біармійцахъ и рѣшительно считаетъ ихъ Зырянами. То обстоятельство, что по свидѣтельству Отера Біармійцы говорили финнскимъ языкомъ, его мало смущаетъ.

Мнѣніе, высказанное относительно Зырянъ на стр. 3, не мѣшаетъ г. Попову на слѣдующей страницѣ предложить читателямъ другое, мало съ нимъ согласное: „всѣ встрѣчающіяся у Нестора названія чудскихъ народовъ суть мѣстныя географическія названія почти однородной этнографической массы, отдѣльныя части которой еще не успѣли выработать себѣ особыхъ болѣе или менѣе своеобразныхъ фیزیомій“.

Во второй главѣ, касающейся обрусѣнія Зырянъ, мы встрѣчаемъ существенно важное для насъ указаніе: что въ чудскихъ ямахъ близъ г. Вельска и въ другихъ зырянскихъ уѣздахъ Вологодской губерніи встрѣчаются „мѣдные коньки“, мѣдныя бусы (6). Это указаніе драгоцѣнно для опредѣленія района распространенія бронзовыхъ издѣлій такъ называемаго „Чудскаго“ типа.

Для рѣшенія вопроса о Чуди имѣютъ значеніе указанія автора на то, что „сами Зыряне слѣды жилищъ своихъ предковъ называютъ, какъ и русскіе, чудскими могилами, считая Чудъ народомъ чуждымъ себѣ и даже враждебнымъ“.

Прямое отношеніе къ нашей задачѣ имѣютъ страницы, трактующія о древней культурѣ Зырянъ и Пермьковъ. Авторъ удачно опредѣлилъ типъ древняго жилища предковъ нынѣшнихъ Зырянъ и Пермьковъ, воспользовавшись свидѣтельствомъ Ибн-Доста о жилищахъ въ землѣ Булгаръ. По вопросу о томъ, знакомы - ли были предки Зырянъ съ земледѣліемъ, г. Поповъ проявляетъ слишкомъ большой скептицизмъ къ даннымъ языка. Онъ убѣжденъ, что „въ очень многихъ языкахъ есть собственныя слова для обозначенія понятій (вещей?), заимствованныхъ у другихъ народовъ“ 2) что у Зырянъ существуютъ собственные термины для вещей, которыя они узнали въ новѣйшее время: овесъ и пше-

ница, напр., имѣютъ зырянскія названія, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ зырянскаго края стали извѣстны лишь съ 1845 г. (стр. 14). Авторъ не принимаетъ во вниманіе того, что вопросъ объ относительно древности зырянскихъ терминовъ и ихъ культурно-историческомъ значеніи можетъ быть разрѣшенъ только послѣ сравнительнаго изученія всѣхъ нарѣчій Пермской группы. Соображенія г. Попова о питаніи древнихъ Зырянъ заслуживаютъ полнаго вниманія.

Большую честь г. Попову дѣлаетъ то, что онъ, говоря о древнемъ семейномъ строѣ, отмѣтилъ существующія въ источникахъ указанія на левиратъ или ужицество у древнихъ Пермяковъ.

Разсужденія г. Попова о древней религіи Пермянъ нельзя назвать особенно удачными. Истолкованіе имени божества „Вой-пель“ (вой—сѣверъ + пель—ухо) отдастъ комизмомъ, сближеніе же Золотой Бабы съ Юмала слишкомъ натянуто.

Гораздо болѣе интереса, чѣмъ теоретическія соображенія г. Попова, представляютъ приводимыя имъ въ этой главѣ зырянскія преданія. Разсказъ Вышерскихъ Зырянъ объ оленѣ, прибѣгавшемъ къ часовнѣ для жертвы, безусловно тождествененъ съ аналогичнымъ же разсказомъ Гидаевскихъ Пермяковъ, записаннымъ г. Ивановымъ. Сказка или преданіе объ Ягъ-Мортѣ или лѣсномъ, боровомъ человѣкѣ, сильно испорченная риторически-литературной передачей, любопытна по заключающемуся въ ней воспоминанію о борьбѣ Зырянъ съ какимъ то черно-волосымъ племенемъ.

Списокъ населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи. Спб. 1875.

Этнографическія свѣдѣнія о Пермякахъ заимствованы изъ статей Рогова. Значеніе важнаго источника списку придаютъ названія населенныхъ мѣстъ и урочищъ, позволяющія опредѣлить древнюю территорію племени. Введеніе представляетъ между прочимъ хорошій сводъ историческихъ, археологическихъ и этнографическихъ данныхъ о Пермякахъ.

Aspelin. I. R. De la civilisation préhistorique des peuples permien
et de leur commerce avec l'orient. Leide. 1878. 26 p. (Travaux
de la 3-me Session du Congrès des Orientalistes. Vol. II).

Извѣстный финскій археологъ считаетъ область Перм-
ковъ, Вотяковъ и Зырянъ Біарміей Скандинавовъ. Съ осо-
беннымъ вниманіемъ онъ останавливается на серебряныхъ
сосудахъ, которые находятся въ Пермской почвѣ и прихо-
дитъ къ заключенію, что Чудь предъявляла на нихъ большой
спросъ, чѣмъ на монеты. Существенный интересъ и новизна
реферата г. Аспелина состоитъ въ томъ, что онъ отвергаетъ
принятое мнѣніе, будто предметы эти приходили черезъ Бул-
гаръ съ Волги и выдвигаетъ гипотезу, по которой торговымъ
путемъ былъ Иртышъ. Основаніемъ для этой гипотезы явля-
ется то обстоятельство, что всѣ почти серебряные сосуды
византійскаго и восточнаго происхожденія найдены не на бе-
регахъ Волги, а въ предѣлахъ Пермской губерніи.

A. Teplouchoff. Ueber die prähistorischen Opferstätten am Uralgebirge.
Archiv für Anthropologie. Bd. XII. 201—232. 1880.

Статья покойнаго А. Θ. Теплоухова затрогиваетъ во-
просъ о назначеніи такъ называемыхъ „костищъ“. Авторъ
считаетъ ихъ за мѣста языческихъ жертвоприношеній. Осно-
ваніями для такого предположенія являются 1) преданія о
языческихъ храмахъ, находившихся неподалеку отъ нихъ,
2) фактъ, что кости являются пережженными и собран-
ными въ большомъ количествѣ какъ бы въ ящикахъ.
Присутствіе въ костищахъ значительнаго количества ко-
стяныхъ стрѣлъ онъ объясняетъ обычаемъ приносить въ
жертву стрѣлы, который, подобно нынѣшнимъ Вогуламъ,
могли имѣть и Пермяки. Такими-же жертвами являются, по
мнѣнію автора, и горшечки съ продѣланными по краямъ дву-
мя круглыми отверстиями для подвѣшиванія. Онъ ссылается
на подобный обычай кочевыхъ Финновъ, не указывая къ со-
жалѣнію, какихъ именно. Присутствіе маленькихъ горшеч-
ковъ онъ объясняетъ тѣмъ, что въ нихъ предлагались бо-

гамъ такія приношенія, какъ кровь, медъ, воскъ и т. п. Относительно бусъ, между которыми встрѣчается и вызолоченныя, А. Θ. Теплоуховъ высказываетъ предположеніе, что онѣ входили въ составъ ожерелій, которыя навѣшивались поклонниками на шею идоламъ. Примѣровъ такого обычая у сосѣдей Чуди онъ къ сожалѣнію не указываетъ. Бронзовую статуетку, найденную на одномъ костыцѣ близъ Обвы, онъ считаетъ идоломъ. Послѣднимъ родомъ жертвенныхъ приношеній являются маленькіе желѣзные ножички. Путь, которымъ идетъ авторъ къ рѣшенію вопроса—сопоставленіе съ современными и исторически-извѣстными у инородцевъ формами культа—совершенно правиленъ. Статья покойнаго А. Θ. Теплоухова много выиграла бы въ доказательности, если бы онъ не ограничился немногими извѣстіями о Богухлахъ.

Памятная книжка Пермской губерніи на 1880 г. Пермь. 1880.

IV отдѣлъ книжки заключаетъ въ себѣ статистико-этнографическій очеркъ губерніи, заключающій въ себѣ нѣсколько страничекъ о Пермяхъ—заимствование изъ статей Рогова. Нѣкоторое значеніе имѣютъ статистическія указанія, сравнительно съ спискомъ населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи болѣе новыя.

А. П. Ивановъ. Матеріалы къ антропологии Пермскаго края. Тр. Каз. Общ. Естеств. Т. X, вып. 1. Каз. 1881.

Небольшой очеркъ г. Иванова представляетъ собой цѣнное прибавленіе къ литературѣ о Пермяхъ. Мы встрѣчаемъ въ немъ нѣсколько интересныхъ преданій и обычаевъ, относящихся къ вопросу о Чуди. Преданіе объ оленѣ, прибѣгавшемъ для закланія въ день Св. Ильи пророка, любопытно по своему полному тождеству съ таковымъ—же у Зырянъ. Г. Ивановъ не вдается въ обсужденіе вопроса о Чуди, но склоняется, повидимому къ мысли, что Чудь и Пермьки одинъ и тотъ-же народъ. „Смотря на лица Гидаевцевъ, чи-

таемъ мы на стр. 13, вслушиваясь въ ихъ рѣчи, ихъ преданія и сказки. . . я невольно приобрѣталъ убѣжденіе, что передъ мной не о б р у с ѣ в ш і е Пермьки, не потомки новгородцевъ-завоевателей, а потомки когда-то сильной и великой Чуди“. . . Самую цѣнную часть очерка г. Иванова составляетъ, конечно, описаніе его археологическихъ открытій.

Добротворскій. Пермьки. Вѣстникъ Европы. 1883. № 3, 4.

Г. Добротворскій долгое время жилъ среди Пермьковъ, овладѣлъ ихъ языкомъ и потому находился въ счастливыхъ условіяхъ для этнографическихъ наблюдений. Его очеркъ начинается съ обзора историческихъ судебъ Пермьковъ. Любопытнѣе всего въ этомъ обзорѣ пермькскія преданія о братьяхъ Осьясѣ и Ожясѣ, въ которомъ имѣется намекъ на человѣческія жертвоприношенія у Пермьковъ, затѣмъ преданія о Чуди. Говоря о культурѣ древнихъ Финновъ, г. Добротворскій неархеологически понимаетъ слова „городъ“ и выводитъ заключеніе, что Финны вынесли изъ Азіи значительное культурное развитіе: „задолго до колонизаціи Біарміи и Югорской земли здѣсь была высокая культура“. Частности историческаго отдѣла статьи г. Добротворскаго не всѣ выдерживаютъ критику. Неизвѣстно, напр., на какомъ основаніи онъ утверждаетъ, что уже въ XI в. Новгородцы овладѣли Холмгородомъ, который якобы описываетъ Отеръ. Говорить о томъ, что прочныхъ жилищъ Пермьки себѣ не строили для того, чтобы не жаль было бросать ихъ, когда подойдутъ Русскіе, можно только, не обращая вниманія на исторію развитія жилища у восточныхъ Финновъ. Тѣ постройки, которые описываетъ г. Добротворскій (очень обстоятельно, скажемъ кстати), имѣютъ мѣсто у Вотьяковъ и др. Финновъ. Древнюю социальную организацію П. г. Добротворскій описываетъ „по догадкамъ“, не объясняя, на чемъ эти догадки основаны. На основаніи словъ гижны—писать и лыдны—читать онъ предполагаетъ, что у Пермьковъ когда-то существовала письменность—въ нашемъ смыслѣ этого слова.

Переходя къ современному быту Пермяковъ, авторъ даетъ прекрасную картину ихъ жилья, орудій труда, средствъ передвиженія, костюма. Говоря о пищѣ, г. Добротворскій мимоходомъ даетъ читателю возможность замѣтить, что онъ мало знакомъ съ языческимъ финскимъ культомъ. Онъ объясняетъ напр. обычай, запрещающій употребленіе въ пищу зайцевъ и пѣтуховъ, тѣмъ, что оба животныя нѣкогда приносились въ жертву и составили табу для простаго смертнаго. Почтенный авторъ не сдѣлалъ бы, конечно, такого объясненія, если-бы зналъ, что Финны, держащіеся язычества, поѣдаютъ жертвенныхъ животныхъ, а не воздерживаются отъ ихъ употребленія.

Характеризуя нравственность Пермяковъ, г. Добротворскій впадаетъ въ обычную ошибку всѣхъ авторовъ, говорящихъ о высокой честности Финновъ: онъ утверждаетъ, что воровство не было Пермякамъ извѣстно до знакомства съ Русскими. Какъ-же объяснить въ такомъ случаѣ присутствіе въ пермяцкомъ языкѣ собственныхъ словъ, означающихъ воровство?

Умственные способности Пермяковъ и ихъ общественный строй авторъ обрисовываетъ мѣткими, характерными чертами.

Вѣрованія Пермяковъ изложены очень сжато. Авторъ не воспользовался драгоцѣннымъ матеріаломъ—мифологическими сказками. Въ толкованіи Пермяцкаго дуализма онъ дѣлаетъ ошибку, считая Кереметя чудскимъ богомъ. Чертей онъ не отличаетъ отъ лѣсовиковъ. Остатки древняго культа въ видѣ обрядовъ, сопровождающихъ важнѣйшіе моменты общественной и частной жизни, обрисованы у г. Добротворскаго сжато—можетъ быть, по недостатку матеріала.

Брачный обрядъ въ его существенныхъ особенностяхъ представленъ очень рельефно. Г. Добротворскій устанавливаетъ даже моменты въ исторіи развитія брака. По пути затрогивается вопросъ о положеніи женщины и дѣтей въ пермяцкой семьѣ. Погребальный обрядъ въ связи съ воззрѣніями на загробную жизнь очерченъ также достаточно ясно.

Шишонко. Пермская лѣтопись. Пер. I—V. Кн. I—VI. Пермь. 1881—1887.

Книга Шишонко представляет собою совершенно своеобразное явленіе въ русской литературѣ. Первоначальный планъ изданія заключался, повидимому, въ томъ, чтобы расположить по годамъ извѣстія о Пермской землѣ и касающіеся ея акты. Но объ этомъ планѣ можно только догадываться; такъ затемненъ онъ безчисленнымъ множествомъ вставокъ, сдѣланныхъ кстати и не кстати. Благодаря этимъ вставкамъ изданіе превратилось въ бібліотеку, въ которой нашли себѣ мѣсто перепечатки значительнаго количества изданнаго о Пермскомъ краѣ матеріала. Пользоваться этимъ изданіемъ благодаря отсутствію оглавленія и указателя чрезвычайно трудно. Собственные разсужденія издателя составляютъ самую слабую сторону сборника.

П. П. Семеновъ. Географическій Словарь Рос. Имп. Спб. 1884.

В. Ө. Миллеръ. Описаніе коллекціи Дашковскаго Этнограф. Музея. Москва. 1887.

Въ обоихъ названныхъ трудахъ изслѣдователь имѣетъ указаніе литературы, относящейся къ Пермьякамъ. „Описаніе“ кромѣ того включаетъ точныя свѣдѣнія о пермяцкомъ костюмѣ.

Подосеновъ. Пермьки. Перм. Еп. Изв. 1886, № 1—4.

Статья г. Подосенова не закончена. Г. Подосеновъ задался цѣлью провѣрить сообщенія Добротворскаго о Пермьякахъ въ виду того, что „описаніе этого послѣдняго не подходитъ къ тому, что извѣстно о Пермьякахъ Пермской губерніи“, и дать самостоятельную характеристику Пермскихъ, главнымъ образомъ Инвенскихъ Коми. Онъ разсылалъ въ теченіе года краткія программы къ лицамъ, близко знакомымъ съ бытомъ Пермьяковъ, между прочимъ къ Пермьякамъ учителямъ. Авторъ не даетъ чисто-этнографическаго матеріала и ограничивается разработкой историческихъ вопросовъ. Онъ предлагаетъ данныя, имѣющіяся у Добротворскаго и Рогова по вопросу объ отно-

шеніяхъ Пермьковъ къ Чуди. Переходя къ вопросу объ отношеніяхъ Пермской земли къ древней Біарміи, онъ склоняется къ мысли о тождествѣ этихъ двухъ понятій и по пути приводитъ съ глубокой вѣрой въ его точность курьезное истолкованіе словъ Біармія изъ словъ Би (огонь) + ар (рыба) + му (земля). Біармійцы-Пермяки были въ то же время и Чудью.

Родиной Пермьковъ г. Подосеновъ считаетъ Ср. Азію; на какомъ основаніи, это его тайна. Фактъ присутствія въ Западной Сибири рѣкъ съ пермяцкими названіями онъ совершенно правильно истолковываетъ, какъ результатъ благо пребыванія здѣсь Пермьковъ. Западные границы пермяцкой страны г. Добротворскій проводитъ близъ г. Вятки.

Разсуждая о древней культурѣ Пермьковъ, г. Подосеновъ выражаетъ на основаніи присутствія словъ гижны — (писать) и лыдны — читать предположеніе, что Пермяки имѣли когда-то свою письменность. Этотъ выводъ нельзя, конечно, причислить къ такимъ, которые обогащаютъ науку положительными пріобрѣтеніями. Г. Подосеновъ, вѣроятно, нѣсколько измѣнилъ бы его редакцію, еслибы обратилъ вниманіе на то, что первое слово кромѣ значенія писать имѣетъ значеніе чертить, дѣлать узоры (какъ и русское слово писать), а второе — значеніе с ч и т а т ь. Принимая во вниманіе эти опущенныя авторомъ значенія, мы прійдемъ къ болѣе скромному и болѣе сообразному съ культурой Пермьковъ предположенію, что имъ извѣстно было искусство изображать знаками числа и, конечно, угадывать по знаку изображенное число. Заговоривъ о пермяцкой письменности, г. Подосеновъ воспользовался случаемъ, чтобы сообщить — въ первый разъ, если не ошибаемся — о такъ называемыхъ «кабалахъ», которыя раскладываются въ лѣсу на пняхъ въ видѣ ходатайства предъ лѣшнимъ.

Маліевъ. Антропологическій очеркъ племени Пермьковъ. Тр. Каз. Общ. Естеств. Т. XVI. в. 4. Каз. 1887.

Выполнивъ свою задачу — антропологическую характеристику Пермьковъ — г. Маліевъ сообщаетъ нѣсколько дан-

ныхъ этнографическаго характера—о видѣ жилищъ, костюмѣ, пищѣ и питиѣ, о свободѣ добрачныхъ половыхъ сношеній. Новаго эти данныя ничего въ себѣ не заключаютъ. Къ очерку приложенъ списокъ извѣстныхъ автору статей о Пермяхъ, заключающій въ себѣ нѣсколько №№ не упомянутыхъ у В. Θ. Миллера.

Пермяки Ошибскаго прихода. Перм. Еп. Вѣд. 1889, № 13—14.

Авторъ, бывшій 12 лѣтъ священникомъ въ самомъ глухомъ изъ Пермскихъ приходовъ Соликамскаго уѣзда, имѣлъ возможность хорошо ознакомиться съ бытомъ своихъ прихожанъ и сообщить о нихъ не мало любопытнаго. Количество сообщаемыхъ имъ новыхъ фактовъ не соотвѣтствуетъ однако средствамъ, которыми онъ располагалъ. Авторъ сочувственно относится къ своимъ бывшимъ прихожанамъ, увѣряетъ читателей, что въ ихъ жизни проглядываетъ природный умъ, но не иллюстрируетъ своей характеристики фактами. Какъ служитель церкви, онъ останавливается, конечно, главнымъ образомъ на вѣрованіяхъ Пермиковъ — да и въ этой сферѣ онъ отдаетъ почти все свое вниманіе усвоенію Пермичами христіанства, не заглядывая глубоко въ область языческаго міровоззрѣнія.

Къ числу сообщеній, которыми авторъ обогащаетъ литературу о Пермяхъ, мы относимъ указанія на то, что Пермичи называютъ всѣхъ святыхъ и изображающія ихъ иконы богами, предполагаютъ, что эти боги, подобно людямъ, имѣютъ семьи, являются источниками несчастій и болѣзней, требуютъ жертвъ, что они, далѣе, остерегаются покупать новыя иконы, чтобы не купить бога, который можетъ надѣлать зла, приписываютъ новой иконѣ несчастія, которыя случаются въ дому послѣ ея пріобрѣтенія, и стараются въ такомъ случаѣ отдѣлаться отъ нея. Въ область нашихъ свѣдѣній о семейномъ бытѣ Пермиковъ авторъ вноситъ указанія на своеобразный обычай, въ силу котораго за крещеніе ребенка жена платитъ своими заработанными деньгами, на обы-

чай братъ, если дѣти не живутъ, въ кумовья перваго встрѣчаго, на мотивы, въ силу которыхъ преслѣдуется супружеская невѣрность. Погребальный обрядъ и поминки описаны авторомъ довольно блѣдно, но все же не безъ нѣкоторыхъ новыхъ деталей (обычай сбрасывать землю съ покрова, чтобы она не давила покойнаго), характеристика воззрѣній на жизнь души послѣ смерти. Можно пожалѣть, что авторъ—по извѣстнымъ, конечно, ему соображеніямъ—умолчалъ о вещахъ, не зная которыхъ онъ не могъ. Мы говоримъ о кровавыхъ жертвоприношеніяхъ. Въ Ошибскомъ приходѣ, какъ и въ другихъ, имѣются часовни, куда приносятъ курицъ, барашковъ живыхъ или зарѣзанныхъ, цѣлыхъ или частями, въ жертву «богу». Извѣстенъ, конечно, автору и настоящій смыслъ пусканія больной скотины «на міръ»; скотина назначается богу, который наслалъ на нее болѣзнь, но поступаетъ за вычетомъ крупной доли на обще-деревенскую трапезу также въ пользу духовенства.

Б. Поповъ. Древнѣйшіе города Перми Великой — Искоръ и Покча. Перм. Епарх. Вѣд. 1889, № 19—21.

Статья о. Попова любопытна по нѣсколькимъ мѣстнымъ преданіямъ, помѣщеннымъ въ ней—объ Искорской пристани, торговомъ движеніи по Лювѣ и приспособленныхъ для него прудахъ, объ Искорскихъ владбищахъ, о мѣстѣ жительства Покчинскаго князя. Нѣкоторое историческое значеніе имѣетъ указаніе на хранящуюся въ архивѣ покчинской церкви рукопись отъ 1625 г., въ которой упоминается о пожняхъ, пожертвованныхъ церкви княземъ Пермскимъ Матвѣемъ.

Представленіе о. Попова о характерѣ общественныхъ отношеній въ Перми до подчиненія ея въ Москвѣ, не совсѣмъ вѣрное въ деталяхъ, ближе подходитъ къ дѣйствительности, чѣмъ разсужденія другихъ писателей о государяхъ Біарміи - Перми. Онъ допускаетъ существованіе нѣсколькихъ князьковъ; «князьки жили въ главныхъ (?) городкахъ, около

которыхъ было много (?) другихъ селеній, называвшихся впоследствии „городищами“.

А. Дмитриевъ. Пермская старина. Вып. I—II. Пермь. 1889—90.

Изслѣдованіе г. Дмитриева имѣетъ значеніе очень цѣннаго пособія при изученіи исторіи Пермскихъ. Въ первомъ выпускѣ авторъ посвящаетъ значительное количество страницъ вопросамъ объ отношеніи Біарміи Скандинавовъ къ Перми, Чуди къ Пермскимъ. Выводы, къ которымъ онъ приходитъ на основаніи тщательной критики матеріаловъ, мы считаемъ возможнымъ причислить къ прочнымъ приобретеніямъ нашей исторической науки. Разрѣшивши съ успѣхомъ предварительные вопросы, г. Дмитриевъ посвящаетъ почти все свое вниманіе исторіи колонизаціи велико-пермскаго края и переходу значительной части его изъ достоянія государственнаго въ частное. Авторъ пользуется здѣсь указаніями актовъ и писцовыхъ книгъ, приводитъ подробныя извлеченія изъ тѣхъ изъ нихъ, которые не напечатаны, и этимъ поднимаетъ свою книгу на степень источника. Историкъ Пермскихъ найдетъ въ трудѣ г. Дмитриева сводъ данныхъ, объясняющихъ тотъ капитальный важности фактъ, что большая часть Пермскихъ очутилась въ крѣпостной зависимости отъ Строгановыхъ — фактъ, представляющій собою явленіе безпримѣрное въ исторіи отношеній русскаго государства къ инородцамъ.

А. Спицинъ. Вещественные памятники древнѣйшихъ обитателей Вятскаго края. Вятка. 1889.

Брошюрка г. Спицина представляетъ извлеченіе изъ его обширнаго изслѣдованія о Вятскихъ древностяхъ, исполненнаго по порученію М. Арх. общества. Въ отдѣлѣ о Чудскихъ древностяхъ мы встрѣчаемъ гипотезу, касающуюся древнихъ торговыхъ отношеній Перми, гипотезу близкую къ той, которую высказалъ Аспелинъ.—Сношенія Перми съ Востокомъ возникли черезъ Уралъ и Сибирь. Персидскіе куп-

цы, отыскивая рынки для сбыта своихъ товаровъ, пробираются по слѣдамъ Сибирскихъ инородцевъ черезъ Уралъ въ Европу и устраиваютъ на верховьяхъ Камы мѣновой центръ, который превращается съ теченіемъ времени въ постоянную факторію. Эта факторія стягиваетъ къ одному политическому центру звѣроловныя и частью пастушескія племена, знакомитъ ихъ съ земледѣліемъ и разными удобствами культуры. Персидскіе и вообще восточные купцы заносятъ сюда отъ бибирскихъ племенъ моду на бронзовые шумящія привѣски. Факторія превратилась въ колонію и перемѣстилась съ верховьевъ Камы на ея низовья ближе къ волжскому пути. Такъ возникли Болгары.—Г. Спицынъ идетъ дальше Аспелина, приписывая восточнымъ купцамъ такое значеніе, на которое нѣтъ никакихъ намековъ въ доступныхъ намъ источникахъ. Въ виду того, что рефератъ даетъ только тезисы, а доказательства ихъ должны найти свое мѣсто въ будущей книгѣ г. Спицына, мы не считаемъ своевременнымъ входить въ подробное разсмотрѣніе его гипотезы.

Взглядъ, высказанный г. Спицынымъ на чудскія городища, далеко отъ преувеличеній, къ которымъ приходятъ авторы, пользующіеся неподходящимъ масштабомъ. Г. Спицынъ предполагаетъ, что Чудь селилась отдѣльными родовыми группами и городища ихъ (кары) служили не столько укрѣпленіями, сколько центрами административными, торговыми и судебными. Если мы будемъ принимать три послѣдніе пышные термина въ самомъ элементарномъ ихъ значеніи, соображенія г. Спицына нужно будетъ признать вполне справедливыми. Г. Спицынъ высказываетъ по пути и совершенно независимо отъ Альквиста соображеніе, что самое искусство построенія городищъ Чудь переняла отъ Булгаръ.

А. А. Спицынъ. Чудскія древности въ Зюздинскомъ краѣ. Ват. Губ. Вѣд. 1889, № 60—62.

Статья г. Спицына, заключая извѣстія о находкахъ г. Шатрова, содержитъ помимо цѣнныхъ археологическихкихъ

новостей (писанный камень съ Колыча, подвѣски съ ремнями, развалившійся ременный поясъ, остатки бревенчатой постройки) преданія о Чуди и въ высшей степени интересное сообщеніе о Чудскомъ камнѣ, на который Пермь въ семикъ приносили съѣстное.

Лыткинъ. Зырянскій край при епископахъ Пермскихъ и Зырянскій языкъ. Спб. 1889.

Книга г. Лыткина состоитъ изъ двухъ частей. Въ первую входитъ статья «Пятисотлѣтіе Зырянскаго края» перепечатанная изъ Ж. М. Н. Пр. за 1883 г., жизнеописаніе св. Стефана и свѣдѣнія о Пермскихъ спискахъ послѣ Стефана, во вторую матеріалы по Зырянскому языку — словари и тексты. Въ первой статьѣ, которая для историка имѣетъ наибольшее значеніе, можно отмѣтить прямо противорѣчащее источникамъ увѣреніе, что св. Стефанъ былъ Зырянинъ: «я внутренне убѣжденъ въ томъ, что Стефанъ по мужской или женской линіи Зырянинъ, какъ братья Кириллъ и Меодій Славяне. Въ характерѣ Стефана много зырянскаго: добросердечіе, правдивость, трудолюбіе, твердость, пытливость и трезвость ума; его переводы на Зырянскій языкъ обнаруживаютъ, что онъ и думали по зырянски, а не по русски, какъ это дѣлаютъ новые переводчики Зыряне». Эта любопытная тирада свидѣтельствуетъ конечно о живости воображенія у г. Лыткина, отчасти о его пылкомъ зырянскомъ патріотизмѣ, но, какъ историческое положеніе, она неудачна: историки привыкли скептически относиться къ такимъ тонкимъ вещамъ, какъ внутреннее убѣжденіе.

На слѣдующихъ страницахъ статьи г. Лыткина мы встрѣчаемъ детали, которыя поражаютъ насъ своей новизной. Мы узнаемъ, что въ концѣ 1379 г. Стефанъ проповѣдывалъ въ Котласѣ (Пырасѣ), потомъ въ Гамѣ и въ 1380 г. появился въ Йем-дынѣ (Усть-Вымѣ). Г. Лыткинъ не считаетъ нужнымъ говорить, основывается ли эта хронологія на свидѣтельствахъ

источниковъ (?) или составляетъ продуктъ внутренняго убѣжденія. Только благодаря ученой точности г. Кл. Попова мы имѣемъ возможность опредѣлить источникъ нѣкоторыхъ изъ этихъ извѣстій. Московскій этнографъ приводитъ въ своихъ „Зырянахъ“ преданіе о пребываніи св. Стефана въ Гамѣ (Гамской волости).—Въ разсказѣ о состязаніи св. Стефана съ Памомъ мы видимъ продуктъ внутренняго убѣжденія г. Лыткина возведеннымъ уже на степень безспорнаго историческаго факта: „образованный Зырянинъ Стефанъ не отказался и отъ предложенія необразованнаго Зырянина Памы. (?)“—Главная цѣнность статьи г. Лыткина состоитъ въ установленіи хронологіи, отсутствіе которой рѣзко чувствуется въ житіи Епифанія. Соображенія на счетъ политическаго значенія Пермской епископіи безусловно справедливы. Вопросъ о причинахъ непрочности заложеннаго Стефаномъ зданія Пермской письменности рѣшается слишкомъ односторонне. Г. Лыткинъ винить во всемъ русскихъ преемниковъ Стефана: „преемники Стефана были русскіе люди и думали по русски; они не заботились о Зырянской граматѣ въ школахъ—имѣли малое смотрѣніе за малымъ колесомъ въ школахъ св. Стефана“, по своеобразному выраженію автора—и русская грамота воцарилась въ этой школѣ. Мы увидимъ, что Пермскихъ епископовъ можно и не винить въ умышленномъ игнорированіи зырянскаго дѣла, въ противу-зырянской интригѣ — говоря излюбленнымъ языкомъ нашего времени. Еще въ концѣ XV в. епископъ Филофей даже подписывался по зырянски въ своихъ посланіяхъ къ паствѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1492 г. Пермская епархія была соединена съ Вологодской, а потомъ въ нее включены были и Двинскія волости, они не могли уже болѣе заниматься исключительно Зырянами; люди подобныя Филофею, конечно, составляли между ними исключеніе. Зырянская школа и грамота были предоставлены вниманію самихъ Зырянъ и вымерли медленной смертію.

Послѣ обзора дѣятельности св. Стефана г. Лыткинъ переходитъ въ вопросу о терминахъ „Пермь“, „Пермь Великая“ и „Зырянинъ“ съ намѣреніемъ „уяснить затемненный нашими учеными“ смыслъ ихъ. Нельзя сказать, чтобы нашъ авторъ выполнилъ свое намѣреніе съ успѣхомъ. Онъ производитъ слова Пермь отъ парма—поросшая лѣсомъ возвышенность и думаетъ, что Пермь первоначальной лѣтописи представляетъ собою возвышенность, находящуюся между верховьями Ижмы и Вычегды и переходящую въ Тиманскій кряжъ. Г. Лыткинъ не смущаетъ то обстоятельство, что предполагаемая (даже географически) парма лежала въ сторонѣ отъ воднаго пути къ Югрѣ, который шелъ по Вычегдѣ, двумя Мылвами и Печерѣ. Не ограничиваясь своимъ открытіемъ, онъ увѣряетъ, что эту именно парму знали Норманны подъ именемъ Beorotas, что и русская лѣтопись и Норманны говорятъ о территоріи, а не о народѣ—о возвышенной пармѣ, а не о Зырянахъ. Мы видимъ въ этихъ увѣреніяхъ нѣкоторое затемненіе смысла историческихъ терминовъ, но виноваты тутъ уже не ученые, а эрудиція нашего „уясняющаго“ автора. Прежде всего каждому извѣстно и г. Лыткинымъ не опровергнуто, что Біармія Отера находилась на В. отъ Двины; затѣмъ Biarotas у Отера является именемъ народа, а страна называется по нимъ уже Bjarmaland. Несторъ также говоритъ о Перми, какъ о народѣ: „и се суть иніи языци, иже даютъ дань Руси. . Пермь, Печера“, „въ Афетовы же части сѣдитъ Русь, Чудь и вси языци. . . Пермь, Печера. . .“

Соображенія г. Лыткина на счетъ происхожденія слова Зыряне - Сырьяне едва ли способны удержаться въ наукѣ. Оказывается что названіе С ы р ь я не происходитъ отъ слова с е р е н ь—рыхлый снѣгъ и означаетъ Сысьцевъ, жителей Сысолы, которая называется у Зырянъ Сытыль - ва талая вода. Названіе будто бы сочинено Стефаномъ. Въ 1570 г. слово Серьяне - Сысоляне замѣняетъ прежнее слово Пермьане.—Мы думаемъ, что г. Лыткинъ 1) напрасно припи-

сываетъ Стефану сочиненіе слова Сырьяне 2) напрасно приурочиваетъ его къ Сысолѣ.

Независимо отъ св. Стефана и гораздо раньше 1570 г. въ актахъ, касающихся Вятскаго края, упоминается Сырьянская волость въ Слободскомъ уѣздѣ. Увѣрять, что съ 1570 г. слово Зыряне стали замѣнять Пермiane нѣтъ основанія, такъ какъ въ актахъ, относящихся къ тяжбѣ Самоѣдовъ Мезенской тундры съ Зырянами они еще называются Пермьяками. Этотъ терминъ встрѣчается затѣмъ въ 1574 г. въ писцовой книгѣ Пустозерской волости. Предоставляя настоящимъ лингвистамъ истолкованіе слова, замѣтимъ только, что оно въ широкомъ распространеніи у за-уральскихъ инородцевъ, которые называютъ страны на западъ отъ Урала Зырянской стороной (Сыран-палъ) въ противоположность восточной, Вогульской — Манзи-палъ.

Обращаемся къ Великой Пермѣ, „великой пармѣ“ — по соображеніямъ г. Лыткина. Это отроги Урала, прорѣзывающіе страну между Чусовой, Вишерой и Камой, распространенные будто-бы въ видѣ плосковерхой возвышенности. „По обширности своего распространенія эта парма есть великая“. Въ географическомъ комментаріи г. Лыткина любопытно прежде всего то, что предполагаемая великая парма лежитъ за предѣлами исторической Великой Пермѣ. Эта послѣдняя имѣла своимъ центромъ Чердынъ и распространялась на Западъ отъ Камы. Затѣмъ страна между Вишерой, Чусовой, Камой и Ураломъ вовсе не представляетъ собою сплошной возвышенности, которая могла-бы называться великой пармой въ отличіе отъ меньшихъ пармъ, которыя въ большомъ количествѣ извѣстны въ Пермскомъ краю. „Западная часть губерніи, читаемъ мы въ введеніи къ „Списку населен. мѣстъ“, вся покрыта отпрысками горъ, расположенныхъ почти безъ всякой видимой связи между собою“. Уѣзды Чердыньскій, Соликамскій и Пермскій покрыты обширными лѣсами, которые прерываются топкими болотами. Плоская возвышенность идетъ сѣвернѣе и западнѣе между бассейнами Печеры и С. Двины

съ одной стороны и Камы съ другой. Отроги Урала и такъ называемые камни обособлены одинъ отъ другаго долинами рѣкъ и низменностями, носятъ всѣ обособленные и не русскими данными названія, напр. Полюдовъ камень, Кваркушъ. Гдѣ обширная мѣстность называется у туземцевъ пармой, она такъ же зовется и русскими. Такова парма на С. отъ Печеры и Уньи.

Веске. Славяно-Финскія культурныя отношенія по даннымъ языка.
Каз. 1890.

Трудъ преждевременно утраченнаго русской наукой изслѣдователя на своихъ первыхъ страницахъ заключаетъ цѣнный матеріалъ для уясненія вопроса о первоначальномъ населеніи Заволочья. Покойный Веске, пользуясь новыми матеріалами, подробно разработалъ вопросы только затронутые Шöгренемъ и Кастреномъ. Въ основныхъ своихъ воззрѣніяхъ онъ уклоняется отъ Шöгрена. Въ то время, какъ тотъ считаетъ названіе Двины Зырянскимъ, Веске производитъ его отъ Финнскаго віэно—спокойный, не объясняя какъ и Шöгрень, откуда взялось въ русскомъ названіи начальное *д*.

Слѣды пребыванія Кореловъ по среднему и нижнему теченію Двины Веске усматриваетъ въ названіяхъ 1) рѣкъ — Пинега (цїэни—малый + йоки рѣка), Онега (эно большой + жоки рѣка), 2) урочищъ, каковы Суло-нем-скя (суло открытый + нїэми коса) и подобныя ему, затѣмъ на половину русифицированныя К э г—островъ, К а с к о—горская, П у р—наволокъ, Р а в д а—горка, Х о л м о—горы, Мар ь е—горская, С е л г—озеро и, что является особенно цѣннымъ дополненіемъ работъ Шöгрена и Кастрена, въ языкѣ русскаго населенія, сохранившемъ массу терминовъ, относящихся къ преобладающимъ занятіямъ населенія: таковы термины относящіеся къ рыболовству и явленіямъ сѣверной природы: вальчакъ, лохъ, кирьякъ, лоншать, салакуша, сельдь, макса, сойма, мылка, торбать, салма, шалга, кенда, мегъ, юркой, шора, кочви, хонга, конда, мянда и мн. др.

Первую группу этихъ слѣдовъ мы не можемъ еще считать безспорно Финнской: характеръ окончанія приближаетъ ее къ Лопарскому и предполагаемому древне-Зырянскому йога. Что касается послѣдней группы, то ея карельское происхожденіе доказано Веске неоспоримо.

Спеціально по отношенію къ Пермскимъ и Зырянамъ книга Веске содержитъ весьма любопытныя частныя соображенія относительно названій нѣкоторыхъ рѣкъ (Югъ, Вель, Уфтуга, Тотъма) и одно общаго характера на счетъ значенія суффикса *ма*. Мы касались вопроса объ этомъ суффиксѣ въ очеркѣ „Вотяки“ и пришли на основаніи сопоставленія опредѣляющихъ частей къ названіямъ съ суффиксами и *ва* къ предположенію, что оба суффикса тождественны по значенію. Веске приходитъ къ тому-же выводу другимъ путемъ, констатируя въ финскихъ нарѣчіяхъ чередованіе губныхъ *б, в, м*, и такимъ образомъ позволяетъ включить суффиксъ *рѣчныхъ* названій *ма* въ число признаковъ былаго пребыванія насельниковъ пермской группы.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. III. Древности временъ переселенія народовъ. Сиб. 1890.

Пермскимъ древностямъ въ этой книгѣ страницы 72—95. Ближайшее значеніе этихъ страницъ заключается въ цѣломъ рядѣ новыхъ данныхъ относительно находокъ, извлеченныхъ изъ Пермской почвы. Послѣ скудныхъ указаній, заключающихся въ извѣстныхъ книгахъ Савельева и Смышляева и введеніи къ списку населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи, III выпускъ „Р. Д.“ представляетъ въ этомъ отношеніи цѣлое богатство. Вторую заслугу составителей рассматриваемаго выпуска составляетъ классификація находокъ на греко-византійскія и восточныя сассанидскія и анализъ ихъ съ точки зрѣнія мотивовъ и стили. — Попытка связать Перми древности съ древностями Сибири, Кавказа, Южной Россіи и Западной Европы очень интересна. Не все въ ней доказательно и ясно, связь

между вещами Сибири и Донской Области выступает въ книгѣ гораздо очевиднѣе, чѣмъ таковая между древностями Пермскими и Сибирскими, но попытка авторовъ цѣнна уже по тому одному, что не позволяетъ послѣдующимъ изслѣдователямъ Вятскихъ и Пермскихъ древностей игнорировать остальной міръ и фантазировать на тѣму о самобытной чудской культурѣ. Гипотеза на счетъ причины, вызвавшей появленіе среди привозныхъ вещей главнымъ образомъ блюды — употребленіе ихъ въ культѣ—представляется вполне правдоподобной и, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, подтверждается фактами, которые остались неизвѣстными авторамъ. — Можно пожелать, чтобы въ дальнѣйшихъ выпускахъ такъ-же сравнительно былъ затронутъ и другой матеріалъ, представляемый „подземной Пермью“.

Дополненія. Историко-географическое описаніе Пермской губерніи, сочиненное для атласа 1800 г.

Описаніе содержитъ извѣстія о кочевьяхъ Вогуловъ по Вишерѣ, о пещерахъ-мольбищахъ ихъ по Лйвѣ и Лобвѣ, о различіяхъ нарѣчій Вогуль Кунгурскихъ, Чердынскихъ и Верхотурскихъ. Относительно Пермиковъ можно отмѣтить, что авторъ „Описанія“ знаетъ еще Пермиковъ по р. Юму. О древней Біарміи онъ разсуждаетъ въ духѣ изслѣдователей прошлаго вѣка — говоритъ о „мужествомъ и войнами славныхъ князьяхъ“, о благоустройствѣ этого государства въ глубокой древности еще до Р. Х. и его знатнѣйшемъ городѣ Чердыни, о торговлѣ съ Индіей. Басни о союзѣ съ Біарміяцами «Финландскаго короля Юкола VII (!)», о побѣдѣ Біармійцевъ надъ войсками датскаго короля Регнера Лодбрѹка сообщаются съ полной серьезностью.

Ersch und Gruber. Allgem. Encykl. der Wiss. III. Sect. P. Leipzig. 1842.

Авторъ статьи подѣ заглавіемъ *P e r m*, подобно составителю „Описанія“ толкуетъ о „durch kriegerrische Tapferkeit berühmten Fürsten“ Біармовъ, правившихъ ими еще

задолго до Рюрика. Въ общемъ статья не представляетъ ничего новаго для читателя, знакомой съ русской литературой предмета. Въ статьѣ подъ титуломъ *Vjagmaland* приводятся между прочимъ басни Саксо Грамматика о повелителяхъ Біарміи.

Пермяки. Москвитянинъ. 1847. I.

Историческая часть статьи составлена главнымъ образомъ по Карамзину; этнографическая послужила предметомъ плагиата для Хлопина (В. Геогр. общ. 1849.), если, впрочемъ, не написана имъ-же безъ подписи. Пользовался этой статьей, не называя ея, и авторъ замѣтки въ Ж. М. Г. И. (образецъ пѣсни).

Antiquités Russes d'après les monum. histor. des Islandais et des anc. Scandinaves. Vol. I—II. Copenhagen. 1850—1852.

Монументальный сборникъ, извѣстный подъ этимъ заглавіемъ, попалъ намъ въ руки послѣ того, какъ была уже составлена замѣтка о сагахъ. Здѣсь заключаются извлеченія изъ большей части тѣхъ сагъ, которыя мы лишь упомянули въ этой замѣткѣ.

Saga af Hálfi ok Hálsrekkum рассказываетъ о конунгѣ *Hjörleifr'n*, который совершилъ экспедицію въ Біармію и *tumulum effringebat*.

Orvarodds-saga содержитъ свѣдѣнія о моленіи Біармійцевъ, и любопытныя данныя о разграбленномъ Оддомъ и Асмундомъ курганѣ на берегу Двины. „Сюда, если кто нибудь умираетъ или рождается, бросаются пригоршни полныя серебра и праха (*huc enim, quisquis e vita decesserit, item si quis in lucem editus fuerit, manus argento plenae et tantundem pulveris terrestres comportandae sunt*). Въ рассказѣ о томъ, какъ викинговъ накрыли Біармійцы, встрѣчается какъ-будто намекъ на то, что у Біармійцевъ было въ большой цѣнѣ желѣзное оружіе. *Vobiscum arma commutare volunt et quidem arma argentea ferreis*, говоритъ

Викингамъ отъ лица Біармійцевъ бывшій среди нихъ норвежецъ. Въ *Heidreks konungs-saga* имѣется указаніе на то, что чрезъ Біармію совершились набѣги на восточныя страны.

Saga af Herraudi ok Bósa заключаетъ свѣдѣнія о характерѣ поселеній въ Біарміи. Герраудъ и Бози, пробираясь черезъ Двинскій лѣсъ встрѣтили здѣсь строенія, служившія жильемъ для одиночной семьи. Жилье состояло изъ маленькой лачужки (*soenaculum*).

Извлеченія изъ саги о Гаральдѣ прекрасноволосомъ заключаютъ краткія извѣстія о походахъ въ Біармію. Изъ саги о Гаральдѣ Графельдѣ приводится тотъ отрывокъ пѣсни сопутствовавшего ему скальда Глума Гейра, который нѣсколько вольно переводитъ *Стрингольмъ* (*nordwärts vom brennenden Dorf* || *a regione ardentis territorii in boream versa*).

Разсказъ о походѣ Карли извлеченъ изъ *Heimskringla* и не заключаетъ въ себѣ ничего существенно отличающагося отъ редакціи S. H. I.

Извлеченія изъ *Egils - saga* заключаютъ сухое извѣстіе о походѣ Эриха Кровавой Сѣкиры въ Біармію; такъ-же бѣденъ бытовыми чертами отрывокъ изъ *Kormaks-saga*.

Во второмъ томѣ сборника содержится кромѣ историческаго матеріала и географическій: *Fragmentum Orcaden-se historiae Norvegiae*, въ которомъ заключается извѣстіе, что *Biarmones* живутъ на В. отъ Норвегіи за Финнами и Юрелами (*Kyrjiali et Kweni, Cornuti Finni*), описаніе и *fac-simile* „земнаго круга“ изъ одного исландскаго сборника XII ст. (на этомъ кругѣ на В. отъ Исландіи написано: *Biarmar habitavit hic*), географическія извѣстія, принадлежащія аббату Николаю Тангейрарскому и извлеченныя изъ книгъ Гаука Эрлендсона и Скальгольта, любопытныя по заключающемуся въ нихъ представленію о Біармін, какъ странѣ отдѣленной отъ Гренландіи необитаемыми пустынями.

Арх. Макарій. Пермскія древности. Записки Имп. Р. Археол. Общ. Т. VIII. 1856.

Статья Арх. Макарія представляет болѣе подробное, чѣмъ у Мельникова и Попова, обозрѣніе пермскихъ древностей. Авторъ говоритъ о городищахъ, не ограничиваясь названіями, но и описывая ихъ, сообщаетъ преданія о чудскихъ могильникахъ, мѣстахъ побоищъ, находкахъ съ древними вещами.

Самуилъ Пеннъ. Матеріалы для исторіи Пермскаго края. Перм. Губ. Вѣд. 1858. № 6, 7.

Статья заключаетъ въ себѣ сжатыя извѣстія о чудскихъ древностяхъ края (между прочимъ о серебряныхъ прутьяхъ, выпахиваемыхъ изъ земли), знакомитъ съ народными представленіями о чудакахъ (крѣпкіе карлики), даетъ очеркъ границъ, въ которыхъ жило пермское племя и характеристику древнихъ его вѣрованій (по лѣтописямъ).

Смышляевъ. Историкъ и пособія для изученія Пермскаго края. Пермъ. 1870.

Книжка г. Смышляева составляетъ очень цѣнное справочное пособіе для всѣхъ, изучающихъ Пермскій край включая въ себѣ рядомъ съ другими свѣдѣнія относящіяся въ области археологій, исторіи и этнографіи.

Koskinen. Finnische Geschichte. Leip. 1874.

Авторъ книги, посвященной западнымъ Финнамъ, профессоръ Гельсингфорскаго университета, на нѣсколькихъ страницахъ трактуетъ о древнѣйшихъ временахъ Финновъ, проявляя необыкновенную, хотя и не особенно основательную, хронологическую пунктуальность относительно событій, самое существованіе которыхъ нуждается въ доказательствахъ. Финны - Корелы около 100 г. по Р. Х. подъ вліяніемъ толчка, даннаго какими-то средне-азіатскими народными передвиженіями, двинулись съ Волги на С. по Югу,

Сухонѣ и Двинѣ, откуда потомъ распространились въ странѣ великихъ озеръ. Часть этихъ Кареловъ, направившись по Двинѣ, столкнулась съ обитавшей тамъ ранѣ Пермью и изъ этого соединенія образовалось обширное Пермское государство. Біармы покорили сосѣднихъ Лопарей и брали съ нихъ дань мѣхами. Позднѣе около 700 г. начинается новое движеніе Финновъ на З. подъ вліяніемъ толчея, который дали Булгары, направившіеся въ концѣ VII в. съ Дуная на С. и основавшіе тамъ Великую Булгарію (sic!).

Сообщая свои открытія, профессоръ Коскинентъ, видимо думаетъ, что онѣ не нуждаются въ доказательствахъ и не даетъ себѣ труда указать, на чемъ основываетъ свои положенія.

Чупинъ. Географическій и статистическій словарь Пермской губерніи. Пермь. 1876.

Трудъ Н. К. Чупина остался, къ сожалѣнію, недоконченнымъ. Въ вышедшихъ выпускахъ сообщены свѣдѣнія о селахъ Верхъ - Язвенскомъ, Вильгортѣ, Гайнѣ, Губдорѣ, (Я)Енидорѣ, Искорѣ и пр.

Пермяковъ Чупинъ вполне отождествляетъ съ Зырянами и описываетъ подъ этимъ послѣднимъ именемъ, о границахъ ихъ поселеній онъ замѣчаетъ, что въ былое время Пермьки простирались гораздо далѣе на Ю., судя по названіямъ урочищъ (которыхъ впрочемъ не приводитъ). Эти Зыряне по предложенію Чупина обрусѣли или вымерли. Описывая с. Ильинское, Чупинъ сообщаетъ о чудскихъ городищахъ и могильникѣ въ его окрестностяхъ и приводитъ списокъ книгъ и статей, въ которыхъ заключаются о немъ свѣдѣнія. Самой важной для Пермяковъ изъ помѣщенныхъ въ словарь статей является статья о р. Иньѣ и живущихъ на ней Пермькахъ, также снабженная библиографическими указаніями.

Глава II.

Очеркъ исторіи Пермьковъ.

Пермяки нашего времени представляют собою южную вѣтвь того племени, которое было извѣстно нашимъ лѣтописцамъ подъ именемъ Перми и включало въ себя рядомъ съ предками Пермьковъ и предковъ нынѣшнихъ Зырянъ. Въ XVI в. этнографическій терминъ Пермь замѣняется производнымъ Пермяки. Мы встрѣчаемъ его въ этомъ значеніи въ трехъ актахъ XVI в.—уставной грамотѣ, данной Московскимъ царемъ Усольцамъ и Чердынцамъ въ 1553 г., въ жалованной грамотѣ Канинскимъ и Тиманскимъ Самоѣдамъ въ 1545 г. и въ писцовой книгѣ Пустозерской волости 1574 г. Терминъ Пермяки во всѣхъ трехъ документахъ имѣетъ такое-же широкое значеніе, какъ и Пермь. Въ уставной грамотѣ 1553 г. онъ означаетъ пермяцкое и русское населеніе Чердынского и Соликамскаго уѣздовъ, въ актахъ, относящихся къ Самоѣдамъ подъ Пермяками (вмѣстѣ съ Печорянами) разумѣются нынѣшніе Зыряне, отбивавшіе у Самоѣдовъ звѣринные промыслы. До конца XVI в. мы не знаемъ, стало быть, Пермьковъ въ нынѣшнемъ значеніи этого слова. Широкое значеніе русскаго названія вполне совпадаетъ съ границами названія, которое даютъ себѣ сами Пермяки—Коми, Коми-йась, Коми-отиръ; какъ и названіе Пермяки, названіе Коми распространяется на Вологодско-Архангельскихъ и Вятско-Пермскихъ представителей племени. Общность самоназванія указываютъ на то, что нынѣшніе Пермяки и Зыряне

считаютъ и считали себя во всё времена членами одного этнографическаго организма. Принимая въ расчетъ это обстоятельство, мы не имѣемъ, естественно, ни возможности, ни основанія отдѣлять исторію Пермскихъ и особенно ея древнѣйшій періодъ отъ исторіи Зырянъ.

Первый вопросъ, который долженъ поставить себя изслѣдователь, приступающій къ исторіи Пермскихъ, это вопросъ о ихъ древней родинѣ—были-ли они аборигенами занимаемыхъ нынѣ земель или пришли въ нихъ откуда нибудь извнѣ. Отвѣтъ на него заключается прежде всего въ мѣстныхъ названіяхъ Зыряно-Пермскаго края. Разбираясь въ этихъ названіяхъ, мы можемъ опредѣлить этнографическія наслоенія края, что принадлежало когда-то племени Коми и что другимъ этнографическимъ элементамъ. Отличить съ извѣстной точностью Зыряно - Пермскія названія отъ всякихъ другихъ для изслѣдователей болѣе или менѣе знакомыхъ съ нарѣчіями Пермской группы не представляетъ большихъ затрудненій. Зыряно - Пермскія названія рѣкъ, ручьевъ, болотъ, озеръ, горъ и населенныхъ мѣстъ сводятся къ нѣсколькимъ рѣзко опредѣленнымъ типамъ.

Для обозначенія текущихъ водъ служитъ цѣлый рядъ названій. Въ области нынѣшнихъ Пермскихъ преобладаютъ названія, составленныя изъ слова ва (вода, рѣка) или шоръ—рѣчка съ какимъ нибудь опредѣляющимъ свойства отдѣльной рѣки или ручья словомъ: Йог-ва=сорная вода (рѣка), Лем-ва (Лем-пу-ва)=черемуховая вода, Кось-ва=сухая, перебористая рѣка, Лоз-ва=синяя рѣка, Виль-ва=новая рѣка, Галья-шоръ=галистая рѣка, Горт-шоръ=дворовая рѣка (рѣка съ жильемъ на берегу), Ыб-шоръ=полевая рѣчка, Оша-шоръ=медвѣжья рѣчка, Вой-шоръ=сѣверная рѣчка, Слуда-шоръ=слудистая рѣчка, Ара-шоръ=рыбная рѣчка, Коче-шоръ=заячья рѣчка.

Окончаніе ва замѣняется въ устахъ Русскихъ и, повидимому, даже близкихъ къ Коми Вотяговъ окончаніемъ ма. Въ виду того, что суффиксъ ма въ рѣчныхъ названіяхъ

имѣть, какъ мы увидимъ, очень широкое распространеніе; мы считаемъ существенно важнымъ выяснитъ его истинное значеніе. Со времени Кастрена въ русской исторической наукѣ принято мнѣніе, что *ма* есть ничто иное, какъ финское *маа*—земля. Авторитетъ извѣстнаго финнолога помѣшалъ русскимъ изслѣдователямъ обратить вниманіе на крупную несообразность, заключающуюся въ этомъ толкованіи: слово, означающее *землю*, въ сочетаніи съ различными опредѣлителями употребляется для обозначенія *текучей воды*. Такого нелѣпаго построенія названій не представляется на всемъ пространствѣ финнскаго міра: сами западные Финны, языку которыхъ принадлежатъ слова *таа*, употребляютъ въ названіяхъ *рѣкъ* *йоки* (Шюха-йоки, Сіурна-йоки, Лива-йоки), Лопари—*юга*, Мапзы, Остяки и Вогулы—*юганъ*, *јага*, Мордва—*лей*, Черемисы—*ангеръ*, Вотяки—*шуръ*, Пермь—извѣстные уже намъ *ва* и *шоръ*. Одного изученія конструкціи финскихъ *рѣчныхъ* названій достаточно было-бы для того, чтобы поставить вѣрстѣ надъ Кастреновскою догадкою и предположить, что мы имѣемъ въ окончаніи *ма* или слово, означающее воду, *рѣку* въ нарѣчій какого нибудь исчезнушаго финнскаго племени, или искаженіе Пермско-Зырянскаго *ва*. Въ своемъ очеркѣ „Вотяки“ мы на основаніи сравненія опредѣляющихъ частей въ *рѣчныхъ* названіяхъ на *ва* и *ма* констатировали, что корни опредѣлители въ тѣхъ и другихъ названіяхъ во многихъ случаяхъ являются общими и заключали отсюда 1) что *ма*, какъ и *ва*, означаетъ воду 2) принадлежитъ вмѣстѣ съ своими опредѣлителями къ словарю пермской группы и 3) можетъ представлять слово для обозначенія *рѣки* въ нарѣчій той исчезнувшей вѣтви Перми, которая называется Чудью и жила рапѣ Вотяковъ на занимаемыхъ ими нинѣ земляхъ.

Одновременно почти съ нами того-же вопроса коснулся покойный М. П. Веске въ своемъ изслѣдованіи «Славно-Финскія культурныя отношенія по даннымъ языка». «Въ названіяхъ мѣстъ Сѣверной и Средней Россіи, говоритъ онъ

на стр. своего труда очень часто употребляется окончаніе *ма*. На первый взгляд кажется, что это финнское *таа*, но *ма* встрѣчается также, какъ суффиксъ въ словахъ прибалтійскихъ, а также прикамскихъ и другихъ нарѣчій. Кроме того мы имѣемъ ясные признаки существованія звуковаго закона въ финнскихъ нарѣчіяхъ, по которому звуки *б* (*п*) и *в* переходятъ въ *м*. . . На основаніи этого можно думать, что *ма* въ названіяхъ рѣкъ болѣе или менѣе часто замѣняетъ собою Зырянское *ва*. . . Изъ этой цитаты не вполне ясно считалъ-ли Веске форму *ма* параллельной *ва*, какъ мы, или видоизмѣненіемъ ея въ устахъ Финновъ не - Зырянъ; приведенные имъ примѣры допускаютъ то и другое толкованіе (саар *ва* фин. и саар *ма* эст., усма и усва въ фин. съ одной стороны и морд. баль *ма* нъ, рус. бол *ва* нъ съ другой).

Въ настоящее время мы располагаемъ новыми данными, которыя не измѣняя нашихъ мнѣній на счетъ суффикса *ма*, позволяютъ иначе взглянуть на происхожденіе его. Въ числѣ крупныхъ притоковъ Печеры на нашихъ большихъ и малыхъ картахъ фигурируетъ Иж-ма. Кастренъ не обинуясь считаетъ это названіе финнскимъ (*iso* — большой + *таа* земля). Между тѣмъ у Латкина въ его описаніи путешествія на Печеру находятся положительныя доказательства того, что названіе Ижма есть искаженное зырянское Изъ-ва (каменистая рѣка). Латкинъ приводитъ сказанную ему Самоѣдомъ-проводникомъ по зырянски фразу „изба Ижемцевъ— „Изъ ватасъ-лэнъ корва“. Тоже отношеніе между суффиксами *ма* и *ва* представляется въ другомъ примѣрѣ, который дастъ намъ «Книга Большому Чертежу». Въ числѣ западныхъ притоковъ Оби упоминается здѣсь Ло *сма*. Просматривая карту теченія Оби въ Тобольской губерніи, мы не находимъ рѣки съ такимъ названіемъ, но судя по положенію ея — выше, т. е. южнѣе Войкара — можно съ увѣренностью сказать, что мы имѣемъ дѣло съ нынѣшней Лозвой или Лозьвой. И здѣсь зыряно-пермязкій суффиксъ *ва* въ устахъ русскихъ людей, а можетъ быть и Вогуловъ, превратился въ *ма*. Двухъ этихъ

примѣровъ достаточно для того, что констатировать фактъ превращенія *ва* въ устахъ не-Пермяковъ въ *ма*. Этотъ фактъ въ соединеніи съ тѣмъ, что было высказано ранѣе нами и Веске, дѣлаетъ несомнѣннымъ, что большая часть рѣчныхъ названій на *ма* имѣютъ пермское происхожденіе и, встрѣчаясь массами, можетъ свидѣтельствовать о быломъ пребываніи въ томъ или другомъ краѣ народа Коми.

Въ предѣлахъ Вологодской губерніи рядомъ съ названіями на *ма* и *ва* встрѣчается рядъ новыхъ, составленныхъ изъ словъ, обозначающихъ текущую воду или русло, съ какими-нибудь опредѣлителями. Таковы въ названіяхъ притоковъ Печеры:

- а) *ляга*: Йогра-ляга (Вогульская рѣчка), Ичедь-ляга (маленькая рѣчка, ложбина, оврагъ), Иджедь-ляга (большая рѣчка), Шаръ-ляга.
- б) *юль* (рѣчка): Сотсемъ-юль, Йод-юль, Иджид-юль (большая рѣчка), Вѣжа-юль (прит. Выма).
- в) *ю* (йу — рѣчка): Укъ-ю, Пирсъ-ю, Кось-ю (сухая рѣчка), Саръ-ю, Расъ-ю, Сѣдь-ю (черная рѣчка), Маткинъ-ю, Сой-ю,
- г) *вожъ* (рукавъ): Лун-вожъ, Шод-вошъ, Люн-вожъ,
- д) *ты* (рѣчка): Сядей-ты,

въ названіяхъ притоковъ Вычегды:

- е) *югъ*: Югъ, Нюрюкъ (болотистая рѣчка), Кортюгъ (желѣзистая рѣчка).

Мы причисляемъ суффиксъ *югъ* къ пермскимъ, опираясь на соображенія покойнаго Веске, который въ цитированномъ уже нами трудѣ выразилъ предположеніе, что окончаніе *югъ* представляетъ собою ту древнюю, близкую къ *юки*, *юга*, *јага*, *југанъ* форму, изъ которой развилась позднѣе зырянская форма *ю*. Принимая толкованіе покойнаго ученаго, мы не руководствуемся исключительно вѣрой въ его филологическій авторитетъ. Въ пользу его говорить то весьма харак-

терное обстоятельство, что суффиксъ югъ встрѣчается по большей части въ названіяхъ притоковъ рѣкъ, которыя носятъ названія на м а и, стало быть, имѣютъ пермское происхожденіе.

Въ числѣ притоковъ М о л о м ы мы имѣемъ: Верюлюкъ, Кузюкъ, Шублюкъ, Шульдюгъ.

Въ притокъ Ветлуги В о х м у впадаютъ: Нерюкъ, Карюгъ, Мастюгъ, Парюгъ, Нюрюгъ, Кортюгъ, Юрюкъ.

Другой притокъ Ветлуги П у ш м а имѣетъ притоки: Пинюгъ, Телюгъ, Пегнюгъ, Тистюгъ, Кичугъ.

Кромѣ названій, вполне сохранившихъ въ русской передачѣ свою зырянскую форму, мы имѣемъ названія, утратившія родовой суффиксъ и сохранившія одну опредѣляющую часть. Такія названія имѣютъ мѣсто главнымъ образомъ въ обрусѣвшихъ частяхъ края. Такое исчезновеніе суффикса имѣло мѣсто уже въ XVII в. Въ «Книгѣ Большому Чертежу» мы читаемъ: „а отъ Волвы 80 верстъ пала въ Печеру рѣка М ы л о большое... а рѣка Мыло большое течетъ изъ рѣки Мыла меньшаго“. Въ этихъ рѣкахъ Большое и Меньшее М ы л о мы узнаемъ двѣ М ы л в ы—притокъ Печеры и притокъ Вычегды. Аналогичное явленіе констатировалъ Латвинъ въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія: притокъ Печеры Вел-ва назывался уже въ его время просто Велъ безъ родового в а.

Въ ряду исчезающихъ по мѣрѣ обрусѣнія суффиксовъ вмѣстѣ съ в а стоитъ и суффиксъ ш о р ь: мы имѣемъ въ краю, населенномъ еще сохранившими свою народность Пермьками, названія, составленные изъ слова шоръ — рѣчка и опредѣляющаго прилагательнаго на ја (ья): Бадья-шоръ (ивовая рѣчка), Изья-шоръ (каменистая рѣчка), Кошья-шоръ, Вія-шоръ, Сенья-шоръ, Сывья-шоръ; въ обрусѣвшихъ частяхъ того-же Пермцакаго края мы имѣемъ эти названія уже въ сократившейся формѣ—Бадья.

Фактъ, который мы констатируемъ, даетъ намъ право отнести къ числу зыряно-пермцакихъ по своему происхожденію рѣчныя названія съ окончаніемъ на я (ја).

Новый типъ названій не представляетъ уже собой признака, на основаніи котораго мы безошибочно въ состояніи заключить о быломъ пребываніи въ краѣ Перми. Суффиксъ я (ја, јаа, јага) встрѣчается въ вогульскихъ названіяхъ рѣкъ. Въ виду того, что Вогулы, какъ мы увидимъ далѣе, были нѣкогда сосѣдями Пермяковъ въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ, отличить пермяцкое неполное названіе отъ полного вогульскаго можно только съ словарями обоихъ языковъ въ рукахъ.

Въ связи съ рѣчными названіями стоятъ названія урочищъ или населенныхъ мѣстъ, расположенныхъ по верховьямъ, по теченію или въ устьяхъ рѣкъ; первыя имѣютъ въ окончаніи и л ѣ, вторыя д о р ѣ, третьи д и н ѣ:

илъ (вершина): Верхъ-илъ, Шоръ-илъ, Ык-илъ (М. Арх.).

доръ (край): Пол-ты-доръ, Кожмо-доръ, Вежа-доръ.

динъ (устье): Мысел-динъ, Чор-динъ.

вожъ (пространство между двумя сливающимися рѣками, рукавъ): Ош-вожъ.

Рядомъ съ названіями рѣкъ слѣдуетъ отмѣтить названія стоячихъ водъ, озеръ и болотъ: озеро—ти (ты), болото—нюръ (н'оръ).

Слѣдующую группу признаковъ представляютъ названія для различныхъ видовъ суши и населенныхъ мѣстъ. Родовыми частями въ такихъ названіяхъ являются:

а) парма (лѣсистая возвышенность): (и) Лема-парма,

б) мысь (рус.): Каса-масть, Бѣль-мысь, Муръ-мость, Кватъ-пель-мысь, Галя-мысь, Кузь-мысь, Илеш-мысь, Роскытъ-мысь, Лапыдъ-мысь,

в) йуръ (вершина): Носъ-йуръ, Кэчъ-йуръ, Вонъ-йуръ, Ыджитъ-йуръ, Шоръ-йуръ, Савая-йуръ, Ударъ-йуръ, Жикъ-йуръ,

г) кыръ (гора):

д) керось (гора): Пувья-кересь, Вижья-кересь, Инъва-кересь, Чеша-керось,

е) ыбъ (ибъ, поле): Качанъ-ибъ, Яг-ибъ, Шер-ибъ, Цел-ибъ, Пукс-ибъ, Ош-ибъ, Гир-ибъ, Нипанъ-ыбъ,

- ж) ди (островъ): Шежемъ-ди,
 з) гортъ (домъ, дворъ, деревня): Виль-гортъ, Пешни-гортъ,
 Шишни-гортъ, Чини-гортъ, Поза-гортъ,
 и) сѳртъ (изба) Аетиль-сортъ, Сам-сортъ, Ы б-с ѳ р т ъ,
 к) грездъ (деревня),
 л) коръ (каръ, городъ): Кудым - каръ, Меч - коръ, Дой-
 коръ, Май-коръ,
 м) позъ (гнѣздо): Сюз-позъ,
 н) инъ (мѣсто) Мозейнъ (?), Важва-инъ,
 о) куласъ (промежутокъ между какими либо урочищами):
 Кык-вер-куласъ, Кык-к е р-к а в а с ъ, П ѳ л ь - к о -
 в а с ъ, Кык ш о р-к а л а с ъ, П а в г е м ъ-к о в а с ъ,
 п) покать (рус.): О й п о к а т ъ, Л у н-п о к а т ъ,
 р) пальникъ (рус.): Шайтанъ-пальникъ, Васка-пальникъ,
 Зюль-пальникъ,
 с) шутемъ (оставленная пашня): Ы д ж и т ъ-ш у т е м ъ,
 т) вичъ (лугъ): Нюр-вичъ (болотистый лугъ) *).

Въ виду того, что поля, горы, мысы, долинки, покаты, пальники находятся или находились во владѣніи человека, большая часть названій такихъ урочищъ составлена изъ личнаго имени съ тѣмъ или другимъ родовымъ названіемъ. Это обстоятельство вызываетъ необходимость знакомства съ личными пермяцкими именами. По отношенію къ тѣмъ именамъ, которыя образовались изъ своеобразно-призносимыхъ христіанскихъ, затрудненій не представляется: всѣ они имѣютъ мѣсто въ словаряхъ Рогова и Видемана, но значительная часть несомнѣнно личныхъ именъ имѣетъ не христіанское, а языческо-пермяцкое происхожденіе. Слѣды такихъ именъ сохранились въ ф а м и л і я х ъ современныхъ Пермяковъ и въ древнихъ памятникахъ въ родѣ актовъ и писцовыхъ книгъ. Въ виду важности этого матеріала, приводимъ здѣсь списовъ личныхъ именъ, извлеченный нами изъ писцовыхъ книгъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ.

Баб-ѳо	Ч.	Бакшей-ѳо	Ч.
Баз-овъ	—	Бакъ	—

*) Названія, напечатанныя разрядкой, взяты нами изъ поземельныхъ книгъ Пермяцкихъ волостей Соликамскаго уѣзда.

Басарыга	Ч.	Жебег-овъ	Ч.
Бебьяк-овъ	—		
Береенъ (?)	—	Зав-инъ	—
Биб-инъ	—	Зай-екъ	—
Бизай-евъ	—	Зезя	—
Бузд-овъ	—	Зен-ко	—
Булгач-ко	—	Зибъ	—
		Зубол-евъ	—
Вакор-евъ	—	Зыкъ	—
(Вахря)	—		
Варач-евъ	—	Идег-овъ	—
(Варуча)	С.		
Вилесъ	Ч.	Кагиль	—
Вистама	—	Канб-овъ	—
Воблачъ	—	Каудал-ка	—
Вожъ (?)	—	Кетовъ	— (Титовъ?)
Возер-овъ	—	Кибан-овъ	—
Волег-овъ	—	Кнчаз-инъ	—
Вотинъ	—	Кой	—
Выз-овъ	С.	Колтыря	—
Вымятей-ко	Ч.	Конша	—
Вят-ка	—	Копан-ко	—
		Кошкар-евъ	—
Габай-евъ	— (Ср. Габ-овъ	Кропачъ	—
Гай	— починокъ въ	Кунъ	—
(Гашко)	— Бѣлов. вол.		
	Солик. у.).	Лазга	—
Дал-ко	Ч.	Левкасъ	С.
Дез-евъ	—	Лунег-овъ	Ч.
Дей	—		
Демшовъ	—	Мелекъ	—
		Мер-ко	—
Ез-евъ	—	Микос-евъ	—
(Ес-ка)	—	Мич-ко	—
		Моготъ	—

Мозданъ	—	Снобула-евъ	—
Мозаръ	—	Сыре-евъ	—
Мурза (?)	—	Сюк-овъ	—
Маншур-овъ (?)	—		
Муш-ка	—	Тей-ко	—
Мармыш-винъ—(?)		Тетюкъ	—
		Тоблагуй	—
Навит-ка	—	Толыг-овъ	—
Нѣмта	—	Трей-ко	—
		Тулугъ	—
Обай-овъ	—	Тунег-овъ	—
(Одинецъ)	—		
Озяк-овъ	—	Уд-кинъ	—
Окчанъ	—	Ужер-овъ	—
Олехъ	— Ср. Олек-вич	Урай	—
Он-ко	— ур. въ Бѣлоев.	(Ур-кинъ)	—
Остыня	— вол. Сол. у.)		
		Хар-ко	—
Парок-инъ	—	Хозяшъ	—
Паршеъ	—		
Пеняй	—	Чаз-евъ	—
Печенидынъ	— (?)	Чаусъ	—
Пигас-ко	—	Чеш-ковъ	С.
Под-овъ	—	Чуван-овъ	Ч.
		Чюгай-ко	—
Рак-инъ	— (Ср. Рака-вич	Чюеля	—
Ратег-овъ	— уроч. въ В.	Чудовъ	—
Рид-инъ	— Инв. вол.		
Росой	— Солик. у.)	Шавшук-овъ	—
Рудач-ко	—	Шад-ко	—
		Шадра	— (Ср. Шадра-
Сар-ко	—	Шамга	— шутѣмъ-уро-
Сартак-овъ	—	Шебан-овъ	— чище въ В.
Семек-овъ	—	Шипида	— Инв. вол.
Сит-ко	—	Шир-ка	— Солик. у.)

Шомш-инъ —	Яворъ —
Шуд-овъ —	Ям-овъ (?) —
Юш-ко —	Яруш-инъ — (?)

Къ этому списку мы присоединяемъ:

А) личныя имена и прозвища, сохранившіяся въ современныхъ фамиліяхъ Пермскихъ:

Андыр-евъ.	Жак-овъ.
Баж-инъ.	Исып-(овъ).
Бак-(инъ).	
Балич-евъ.	Кивил-евъ.
Бармат-овъ.	Кольчур-(инъ).
Барт-овъ.	Кон-инъ.
Бат-(инъ).	Коньг-инъ.
Бач-евъ.	Кочаш-(евъ).
Баянд-(инъ).	Кучевас-овъ.
Брезг-(инъ).	Кушман-овъ.
Бус-овъ.	
	Лехан-(овъ).
Важуй-евъ.	Логач-(евъ).
Вылес-(овъ).	
	Март-(инъ).
Гут-(овъ).	Мазе-(инъ).
	Майбур-овъ.
Дозмор-овъ.	Миз-евъ.
Долд-(инъ).	Мильчак-овъ.
Дурс-инъ.	Мошег-овъ.
Епано-въ.	Надым-(овъ).
Ел-инъ.	Нис-(овъ).
Ес-(винъ).	

Ольк-(овъ).	Суран-овъ.
Олькан-(овъ).	Сырккан-овъ.
Оныш-(овъ).	Сыстер-(овъ).
Отег-(овъ).	
	Тун-евъ.
Пальш-инъ.	Туля-евъ.
Пикул-евъ.	
Пол-инъ.	Ут-евъ.
Перш-инъ.	
Под-(кшпы).	Хозяш-(евы).
Подьян-овъ.	
Порс-евъ.	Цыб-инъ.
Посют-инъ.	
Пыстог-овъ.	Чакил-(евы).
	Чет-инъ.
Рен-евъ.	Чугаин-овъ.
Ратег-овъ.	
	Шабун-инъ.
Сакул-инъ.	Шайдур-овъ.
Салкин-овъ.	Шаньшер-овъ.
Сайкан-(овъ).	
Сам-(ковъ).	Ябур-(овъ).
Сампо-(евъ).	Яр-(ковъ).
Седег-(овъ).	Яраш-(евъ).

В) личные имена, сохранившіяся въ названіяхъ урочищъ (извлечены изъ постатейныхъ земельныхъ книгъ, хранящихся въ волостныхъ правленіяхъ Соликамскаго уѣзда).

Аз-(овый мысъ).	Будю-(мысъ).
Азбак-(овско).	
	Гаргонь-(ево поле).
Бебей-(логъ).	Гуша-(шутэмъ).
Бирися-(мысъ).	
Болясь-(грива).	Джель(пальникъ).
Боско-(шутэмъ).	Дзява(—)

Дзюльганъ(сай).

Дюдю-(логъ).

Ельган-(мышъ).

Ерашъ-(мышъ).

Жигин-(ыбъ).

Зюд-(ыбъ).

Зюль-(пальникъ).

Кальчик-(йыръ).

Каб-юр-(пальникъ).

Кама-мышъ.

Канюкъ-(шутәмъ).

Качить-(мышъ).

Кудым-(ово).

Коника-мышъ.

Курэгъ-(мышъ).

Курила-(мышъ).

Кыч-юръ-(пальникъ).

Кырнышъ-(мышъ).

Лапыдъ-(мышъ).

Лечкан-(ова).

Ляган-(овско).

Матысъ-(вэръ).

Моско-(шутәмъ).

Мочканъ.

Мурмар-(овско).

Мус-(ыбъ).

Мэдэръ-(мышъ).

Носко-(мышъ).

Оник-(ова).

Онок-(овско).

Осек-(йыръ).

Паскить-(логъ).

Печкана-(вичъ).

Пичканъ-(пальникъ).

Путрач-(евско).

Пивыга-(мышъ).

Посай-(сай).

Ректан-(овско).

Род-(евъ-мышъ).

Роскытъ-(мышъ).

Рыжокъ-(мышъ).

Санс-(ыбъ).

Саран-(ыбъ).

Серго-(мышъ).

Ситэсъ-(пальникъ).

Силькан-(вичъ).

Турап-(овской логъ).

Узикъ-(вичъ).

Чара-(ыбъ).

Чигасъ-(пальникъ).

Чуеыля-(мышъ).

Чулимъ-(пальникъ).

Чульган-(овскій йыръ).

Чурскан-(ултъ).

Чикман-(овская старица).

Шагай-(мышъ).

Шеричъ-(вичъ).

Имѣя въ своемъ распоряженіи рядъ признаковъ, по которымъ можно распознать мѣстности, носящія зыряно-пермяцкія названія, мы можемъ перейти къ изслѣдованію предѣловъ, въ которыхъ жило когда-то пермское племя.

Начнемъ нашъ обзоръ съ губерніи, гдѣ Пермь до сихъ поръ составляютъ плотную, обособленную языкомъ и бытомъ массу — Пермской. Въ настоящее время пермяцкія селенія расположены главнымъ образомъ въ области западныхъ притоковъ Камы: Иньвы, Пожвы, Яйвы, Лысьвы и впадающихъ въ нихъ Юсьвы, Егвы, Вильвы, въ Соликамскомъ уѣздѣ и Косы съ ея притоками въ Чердынскомъ. Названія рѣкъ, прорѣзывающихъ страну на Ю. отъ бассейна Иньвы, позволяютъ намъ констатировать въ ней слѣды былаго, теперь обрусѣвшаго пермяцкаго населенія. Мы имѣемъ здѣсь прежде всего Обву съ массой притоковъ, носящихъ пермяцкія названія: Дарья - шоръ, Кича - шер(ской), Кызь - ва, Поль - ва, Сива, Лысьва, Лип - ва, Язь (ягъ) - ва, Сюрва, (Челва, Нердва), затѣмъ внизъ по Камѣ отъ устья Обвы — Туй-ва, Ласьва, Нытва, Сива составляющая нижней частью своего теченія границу между Пермской и Вятской губерніями. Кромѣ рѣчныхъ названій слѣдами Пермь въ этой области являются названія деревень — Пермскаго уѣзда Мош-евской, Чакула-евской, Чакул-евъ, Габ-ина, Чиемановъ мысъ, Рос-ина, Ошмас-ка, Рочашер-ка, Азова, Щетина, Дюлдина, Кочева, Бажина, Люкина, Жай-горская, Шадрина, Волегова, Кочевъ, Реневъ, Зозмуновъ, Бачина, Жакова, Естюнько, Чузганова, Кочина, Вилес-овъ, Вазьевъ, Мошова, Кишова, Кошьяшорская, Помозовская; въ Соликамскомъ уѣздѣ южнѣе Обвы: Машева, Кыскоръ, Бабаева, Нюрвичъ, Юржавожъ, Чел-ева, Чиеманъ, (Буткановы), Харина, Помосова, на С. и З. отъ Обвы: Югова, (Чудскихъ), Шадрята, Данькова, Мутчеръ, Ярина, Батина, Юнжашоръ, Визята, Сарова, Ошева, Якина, Мошина, Канина, Лямпина, Чалова, по теченію Чермоса поч. Олековской. На С. отъ Иньвы въ бассейнѣ р. Кондаса, поч. Уролъ, р. Лозшеръ, Равшеръ, затѣмъ Лысьва, Лызыбъ.

Въ предѣлахъ Чердынскаго уѣзда Пермьки занимають въ настоящее время западный уголъ — главнымъ образомъ бассейнъ р. Косвы. На В. отъ Камы мы находимъ ихъ только въ приходѣ села Верхъ-Язьвы, но названія рѣкъ позволяютъ утверждать, что край этотъ издавна былъ извѣстенъ Пермькамъ. Они дали названія всѣмъ рѣкамъ, впадающимъ въ Каму со стороны Урала. Начиная съ самой сѣверной изъ нихъ Колвы мы имѣемъ Язьву, Вильву—притоки Вишеры, Ульвичъ, Яйву, Косьву, Чусовую (Чусва) съ притоками Койва, Вильва, Усьва, Сыла (+ Шаква). Помимо рѣчныхъ названій мы имѣемъ здѣсь пермьскія названія урочищъ и населенныхъ мѣстъ: Цыдвинское (Сѣд - ва), Нырѣвъ, Искоръ, Пам-горть, Виль-горть, Кушман-гор(т)ское, Лек-мортовскій, Покча, Серегово(?), Губдоръ, Редикоръ, Чигир-иб-ское, Вельгуръ, Мошева, (Сурмогъ), Чикманъ, Нюровская, Асовское (на Ю. отъ Чусовой), Мечка (здѣсь-же). Теченіе Сылвы составляетъ рѣзкую границу пермскихъ названій на Ю. На С. В. и З. эти названія переходятъ за предѣлы Пермской губерніи. По близости отъ границы между этой губерніей и Вологодской мы имѣемъ двѣ Мылвы, идя по которымъ вступаемъ въ бассейны Печеры и Вычегды. Не настаивая на пермьскомъ происхожденіи названій южныхъ притоковъ Печеры—Унья, Кисунья, Палья—мы имѣемъ возможность безъ малѣйшихъ колебаній назвать зыряно-пермьскими притоки Илыча: Егра-ляга, Ичедъ-ляга, Сотсемъ-ель, Укъ-ю, Пирсъ-ю, Кось - ю, ос. Шежемди, ос. Мачеласта - ди, Саръ - ю, сел. Юрт-му, Морт-Юръ, Когиль-динъ, Лагодинъ, р. Иджедь-ляга, Шаръ-ляга, притоки Мылвы Расъ-ю, Юд-юль, притоки Печеры Коснодѣлъ, с. Епино, Сойвинское, Пыре-динская, ос. Войзимъ-ди, ос. Шоръ-ди, Кузь-ди, р. Сай-ю, оз. Гудырья, с. Лемты-бож-ская, р. Маткинъ-ю, ос. Кучпозья-ди, с. Лемты, ос. Ошкумась-ди, р. Иджидъ-юль; притоки Шугура—Иджидъ-потокъ, Сѣдъ-ю, Ичетъ-потокъ, въ предѣлахъ Архангельской губерніи р. Кожва съ притоками Лунвошъ (Лешанка)—(л. 122) притоки Усы Шаръ-ю, Кось-ю, Саръ-ю,

Седь-ю, Лемва, Колва, (л. 105) Расъ-ю, Сой-ва съ притоками Люн-вошъ, Шод-вошъ, с. Кодач-дин(ская), Иж-ма (Изьва) съ селеніями Лачег-ская, Кушъ-Коджъ, Розъ-динъ, Чувкидинъ, далѣе на З. р. Цильма съ притоками Косма, Мыла, Пижда; выше Усть-Цильмы притоки Печеры Нечева, Сосья.

Въ обширныхъ бассейнахъ Вычегды и Сухоны зыряно-Пермяцкими оказываются названія урочищъ и населенныхъ мѣстъ, начиная съ верховьевъ первой: с.с. Баджольская, Вильгортская, Помоздинская, р. Помозъ, с.с. Седь-ты-динъ, Вopolдинъ, р. р. Вишера (?), Нившера (?), с. Пас - вомын - ская, Сужа-ибъ, рр. Сужель, Зул - обь (ыб), с. Зулобдинская, р. Гудва, притоки Выма: Помрасъ, Изясъ, Ніолачъ (стрѣла), Чисва, Йора, Памъ, Комычъ (Комидзъ), Йола (Йол-ва), Божь-ю, Тодья (болотистая), с. Керасъ, р. Кылтова, Вежа-жоль, с. Грездъ, Нундо - Керасъ, Сереговское, Ероздинская, р. р. Пывва, От-жоль, Екта-жоль, Нжоль, (Муръ-я, Идаш - я, Таваа), с. Ибская м. и б. По Вычегдѣ до Усть-Выма: Сотчемская, Нуръ-жоль, Сад - ель, Коквицкое, Полтыдоръ, Кожмодоръ, Ліаты, Ижел-ти-нская, отъ Усть-Выма: с.с. Какви-цы, Тыдор-ская, Керас-ская, Ролты, Выз-дин-ская, Каса-масть, Аба-бачъ, Ель, Кочма, на З. отъ Яренска: Непшоръ, Ягвель, Ирт-овское (Ир-ты), Грездъ, Целибское, р. Лен-ка, (ср. Лен-ва), р. Гиджегъ (?), Шенома, р. Іоль, с. Іельская, р. Лупья (?), р. Чакулва, с. Язинская гора (?), по Виледи (Вилегодская Пермца писц. книгъ) селенія: Язинецъ (?), Нырма, Зыково, въ бассейнѣ с. Двины въ предѣлахъ Вологодской губерніи р. Тойма, область Пермогорье. По западному берегу Сухоны до Устья: р. Узьма, д.д. Посегова, Кушева, Синегі (?), Кошево, Пучегуръ, на З. отъ Устья: с. Конегіно, по Югу и его притокамъ: с. Карасово, Чел-ма, Чупаново (?), Ханюгъ, Вачево, Илимова, Кочевская, Ярцова, Вяткина гора, Сакулевская выставка, пог. Учотскій, с. Лойма, Ракинская, р. Нюла, р. Лудожоль, с. Векшоръ, Вильгортъ, по верховьямъ Лузы: Тунег-овская, р. Лунья, Сѣтка, Чекма.

На 3. отъ впаденія Юга въ Сухону пермскія названія встрѣчаются въ первый разъ около Тотмы: рѣка Тотма и ея притокъ Полюкъ, и на Ю. 3. отъ нея Толшма съ притоками Ельшма, Сингома, Шерошма. Изъ бассейна Толшмы мы вступаемъ въ бассейнъ Костромы. Кострому можно было-бы принять границей рѣчныхъ названій на м а. На западъ отъ нея въ предѣлахъ Ярославской губерніи крупныя рѣки носятъ уже названія съ другими окончаніями. Устьемъ Костромы и теченіемъ Волги какъ бы отграничиваются на Ю. 3. названія на ма, но пройдя на картѣ югозападный уголъ Костромской губерніи и вступивши во Владимірскую, мы находимъ рѣки Вязму и Ухтому, которыя приводятъ насъ къ главной рѣкѣ губерніи—Клязьмѣ. Впадающія съ С. В. губерніи въ Клязьму рѣки носятъ названія съ окончаніями на и хъ: Люл-ихъ, Та-ихъ, Тюл-ихъ, Ланд-ихъ. Въ какомъ отношеніи стоятъ эти названія къ названіямъ съ суффиксомъ ю г, предоставляютъ судить филологамъ.

Идя вверхъ по теченію рѣки мы вступаемъ въ Московскую губернію. Здѣсь намъ встрѣчается рядъ рѣчныхъ названій пермскаго типа: кромѣ Клязьмы на С. отъ нея Яхрома (притокъ Сестры), Вѣдома, на югъ Моск-в а рѣка—названіе этой послѣдней сохранила чистую пермскую форму и уже Шёгреномъ было признано пермскимъ—на крайнемъ югѣ губерніи Прот - ва, вступающая частью своего теченія въ С. В. уголъ Калужской губерніи. Южнѣ Протвы мы уже не встрѣчаемъ рѣчныхъ названій разсматриваемаго типа. Тутъ уже идутъ южно-Финнскія названія.

Обращаемся къ странѣ на С. отъ Сухоны и Вычегды и пойдемъ назадъ по теченію этихъ рѣкъ. Въ бассейнѣ Кубины мы имѣемъ притоки: Кизьма, Нишма, Шурма, М о л а , Ножма, Пигома, Ухтома, Катрома. Затѣмъ рѣчныя названія Пермскаго типа встрѣчаются въ значительномъ количествѣ на Ю. отъ Бѣла - озера: Визьма (прит. Андозы) р. Кумсара (?), р. Шулма, р. Улозара, р. Мотома, р. Конома (прит. Шексны), р. С и з ь м а (прит. Шексны), р. К и ч м а, р. Ельма (прит. Куб. оз.).

Въ предѣлахъ Вологодской губерніи пермскими являются названія притоковъ Вага: Вель, Пежма, Вотчава (!), притоковъ Сухоны: двѣ Пелшмы.

На С. и З. отъ Яренска мы имѣемъ: р. Тыла - јоль (прит. Яренги), притоки Вашки Чурма, Мышаель, Јортама, Јола, Туйтума, Силва, с.с. Ибская, Гамшоръ, Вожашоръ, Чирышоръ, Ночья - шоръ, Чоняшоръ, Почашоръ, Кейшоръ, Сожма, с.с. Важгортской, Паспонское, Вильгортская, р. Пучкома, притоки верхней Пинеги: Нјоль, Маева, Вяя (?).

Притоки Мезени: Ирва, Вожель, Дерта-јоль, Микшерская, Муч-дин-ская, Семчайоль; селенія Вил-иб-ская, Макариб-ская, Вел-ыб-ская, Раз-горт-ская, Нижне - Велыб - ская, Сел-ыб-ская.

Переходимъ къ третьему поясу, включающему въ себя бассейны Вятки и Камы.

По М о л о м ѣ мы имѣемъ названія—Пермятская, Езевская, Расовской, Ожеговской, р. Лучум - кара, Азовской, Зыковской, Кошкаревской, Одеговской, Патринское, по р. В е л и к о й : Шибановское, Перминово, Зоново, Шурской, Зоновской, Баковской, Перминовская, Зоновской 2, Петра Зонова, Зоновская, Пермьяковский, Перминово, по Л ѣ т в ѣ въ Вологодской г. Учашоръ, Норитва, Д о н д - јоль, Бардышъ-јоль, Сетка (Сѣд), Арцаель, въ Вятской губ. Лекма, Сова, по Чепцѣ Зонова, Изегова, Лячинская, по К о б р ѣ Косныревской, Пермятской, Пермьякова, притоки Вятки: Небычь, Лекма, Пермская, Реневской, по Холуницѣ: Пермьяковская, Брезгинская, по верховьямъ Камы: р. Има, Юва (Парышъ) Ньюба, с. Шерабская, д. Алкибская, Лязебская, Кичаново, Безгачева, Лозыбская, Вылыбская, Ашкановское, Лозебская 2, (р. Кымъ), р. Чусъ, р. Кужва, Волва, Сюзъва, Лытва, Сова.

На Ю. отъ Чепцы и линіи, которую можно провести отъ устья этой послѣдней до верховьевъ Ветлуги Вятская губернія представляетъ длинный рядъ рѣчныхъ названій пермскаго происхожденія: въ Глазовскомъ уѣздѣ Кострома,

Барма, Дизма, Лекма, Сизма, Сима, Лема, Ухтым-ка, Кузема, Урома, Елом-ка, Бухма, Пижда, Пожда, Кенма, Обма; въ Малмыжскомъ уѣздѣ: Ирма, Лекма, Болма, Кульма, Тушма, Вошторма, Тыжда, Шошма, Шурма, въ Яранскомъ Шошма, Удюрма, Уртьма, Курема, Шуйма, Урма, Има, Нурма, Ошма, Пижда, Турма, въ Котельницкомъ Молома, Пижда, Ошма, Идома, Содом-ка, въ Уржумскомъ Сукма, Олма, Вочерма, Шекма, Кичма, Торма, Вошма, въ Елабужскомъ Тойма. Кромѣ этихъ имѣющихъ полную Пермскую форму названій мы имѣемъ названія типа Мыль, утратившія свои суффиксы:

Коса || Косва
Лоза || Лозва
Юсь || Юсьва
Иж || Иж-ва (ма).

Для того, чтобы яснѣе показать пермское происхожденіе этихъ названій позволяетъ себѣ выписать изъ очерка „Вотяки“ списокъ, въ которомъ сопоставлены многія изъ этихъ названій съ Пермскими на ва

Пож-ма	въ	Вятск. губ.	Пож-ва	въ	Перм. краѣ.
Виль-ма	—	—	Виль-ва	—	—
Нерт-ма	—	—	Нерт-ва	—	—
Сик-ма	—	—	Сик-овка	—	—
(отъ Сиг-ва)					
Сизь-ма	—	—	Сизь-ва	—	—
Ур-ма	—	—	Ур-ва	—	—
Пол-о-ма	—	—	Пол-овка	—	—
Мол-овка	—	—	Мол-овская	—	—
(Мыльва)					
Ед-о-ма	—	—	Яд-ва	—	—
Кос-ма	—	—	Кос-ва	—	—
Урд-о-ма	—	—	Урд-ва	—	—
Нур-ма	—	—	Нор-о-ва	—	—
Ош-е-ма	—	—	Ош-евка	—	—

Си-ма	—	—	—	Си-ва	—	—	—
Чол-ма	—	—	—	Чел-ва	—	—	—
Шош-ма	—	—	—	Сос-ва	—	—	—
Об-ма	—	—	—	Об-ва	—	—	—

Не однѣ названія рѣкъ Вятской губерніи говорятъ о быломъ Пермскомъ населеніи ея. Названія нѣкоторыхъ Чепецкихъ городищъ объясняются также изъ личныхъ Пермскихъ именъ. Таково напр. названіе Дондыкаръ; вспомнимъ Долды въ Черд. уѣздѣ, р. Донд-жолъ, притокъ р. Лѣтки. Изъ совокупности этихъ данныхъ можно вывести заключеніе, что Чудью Вятской губерніи, какъ и Пермской, были древніе Коми.

Рѣки съ пермяцкими окончаніями встрѣчаемъ мы и на В. отъ Урала въ бассейнѣ Оби: Лоз-ва, Сос-ва, Как-ва, Нязь-ва. Онѣ исчезаютъ только на Ю. отъ Верхотурья. Можно предположить, что названіе самой Оби имѣетъ пермское происхожденіе. Вспомнимъ случай исчезновенія суффикса в а въ названіи рѣкъ Мыл-вы съ одной стороны и названіе одного изъ притоковъ Камы Об-ва. Исторія превращенія Мылвы въ Мылъ-Мыло можетъ дать намъ основаніе для того, чтобы предположить аналогичное превращеніе Об-вы въ Обь. Наше предположеніе имѣетъ за себя еще то основаніе, что Маньзы (Остаки и Вогулы) называютъ эту рѣку по своему Асъ. Страна по нижнему теченію Оби носитъ зырянское названіе Обдорія, Обдоръ (Объ + дор — край, Пообье). Не однѣ рѣки западной окраины Сибири говорятъ намъ о Коми; расположенные по ихъ теченію городки имѣютъ также пермяцкія названія.

Въ книгѣ Б. Ч. мы читаемъ: „а отъ Носоваго семьдесятъ верстъ съ правой стороны Оби градъ Ирка (Ир-каръ?).

А отъ Ирки сорокъ верстъ Во й-ка р ѣ и л и н о ч н о й.

А выше Войкара У р к а р ѣ и л и Б ѣ л ы й.

А на устьѣ тоя рѣки (Казыма) градъ Казымъ.

А выше того на другой странѣ сорокъ верстъ рѣка Казымъ, а на ней градъ Кенчикаръ.

А выше Чамаша семьдесятъ верстъ градъ Шоркаръ.

А выше семьдесятъ верстъ Нецкагоръ.

А выше того сто пятьдесятъ верстъ на Оби Карымканъ (кар).

А по рѣкѣ - жь по Оби по другому по лѣвому берегу ниже рѣки Пумини рѣки пала рѣка Падъ. А на устьѣ тоя рѣки градъ Сабдинъ (Саб + динъ).

А выше двадцать верстъ Сускаръ или Роговой.

А по Сосвѣ ниже Ляпина градъ Искаръ.

А ниже Воронья пятьдесятъ верстъ Хюликаръ.

А ниже Хюликара шестьдесятъ верстъ Естынъ.

И на усть рѣки Сосвы съ вышнія страны Хахтынъ (ин. Мах-тынъ).

Почти всѣ города носятъ названія, которыя въ полной формѣ имѣютъ на концѣ пермское слово каръ — городъ. Если-бы наше предположеніе относительно основателей городищъ покоилось только на одномъ суффиксѣ каръ, можно было - бы возразить, что это слово могло быть въ этой-же формѣ и у Маньсовъ. Но мы имѣемъ въ книгѣ Б. Ч. переводъ нѣкоторыхъ названій, который ясно обнаруживаетъ ихъ пермское происхожденіе: Вой-коръ — ночной (вой-ночь, сѣверъ + коръ — городъ), Ур-коръ = бѣлій, бѣличій (ур-бѣлка + каръ). Относительно перевода Сус-коръ мы можемъ замѣтить, что онъ не совпадаетъ съ пермскими значеніями *suś* и *sos*; не объясняется-ли неправильность перевода ошибкой въ рукописи?

Городки, которые занесены были на Большой Чертежъ, извѣстны были еще подъ тѣми-же названіями въ началѣ XVIII. Въ „Описаніи народа Остяцкаго“ у Новицкаго мы встрѣчаемъ напр. Шоркарскіе юрты.

Рядъ страницъ занятыхъ данными, позволяющими констатировать слѣды пребыванія Пермскаго племени, даетъ намъ возможность начертать границы территоріи, на которой могло жить это племя. На В. этой границей можно считать рѣку Обь до Березова. Южнѣ этого пункта восточной границей является линія между Б. и сл. Нейвой.

Южная граница, начинаясь у устья Нейвы идетъ по Чусовой и отъ ея устья по Камѣ до устья Вятки, затѣмъ ломаной линіи по верховьямъ южныхъ притоковъ Вятки до Кукарки, гдѣ черезъ Пижму она переходитъ въ область сѣверныхъ притоковъ Ветлуги—Вохмы, Векмы, Шоймы; отсюда она идетъ по границѣ между губерніями Костромской и Вологодской до верховьевъ Костромы и спускается по теченію этой рѣки до Клязьмы. Въ предѣлахъ Владимірской губерніи она идетъ по Клязьмѣ, въ Московской спускается еще южнѣе и идетъ по Протвѣ, захватывая маленькій уголь Калужской губерніи.

Мы дошли до крайней югозападной точки Пермской территоріи. Отъ верховьевъ Протвы мы начнемъ обзоръ западныхъ и сѣверныхъ границъ. Въ предѣлахъ Московской губерніи границами Перми служить З. и С. границы губ.; вступая въ предѣлы Владимірской губерніи, граница идетъ по с. и с. з. границамъ этой послѣдней, затѣмъ по границѣ между Ярославской и Костромской губерніи до верховьевъ Костромы и предѣловъ Вологодской губерніи. Въ Вологодской губерніи граница Пермскихъ названій совпадаетъ по большей части съ границами этой губерніи и Новгородской (отклоняясь въ область послѣдней черезъ притоки Шексны), Олонецкой, Архангельской и по теченію Вашки идетъ до Усть-Вашки, отсюда по линіи, которую можно провести до верховьевъ Цильмы, затѣмъ по Цильмѣ, Печерѣ до устья Усы, по Усѣ до точки, гдѣ она поворачиваетъ на С. и идетъ параллельно Уральскому хребту; проведя линію отъ этой точки до Обдорска мы замкнемъ территорію, въ предѣлахъ которой имѣемъ слѣды пребыванія Перми.

Отмежевавъ для Перми (Коми) громадное пространство, мы далеки отъ того, чтобы утверждать, будто она занимала его 1) одновременно, 2) на всемъ протяженіи 3) и безъ со сѣ дей — совладѣльцевъ. Это — предѣлы, въ которыхъ совершалось въ теченіи вѣковъ передвиженіе племени, послѣ борьбы съ болѣе ранними насельниками страны. Оставивъ на время за-уральскую часть Перми, мы

можемъ раздѣлить территорію ея отъ Урала до меридіана Бѣла-озера линіей теченія Сухоны и Вычегды на двѣ крупныя части: сѣверную и южную. На С. мы будемъ имѣть страну, которую Пермь нашла уже ранѣе населенною. Страна на Ю. отъ названныхъ рѣкъ въ свою очередь дѣлится на двѣ части теченіемъ р. Юга. На З. отъ этой рѣки до истоковъ Сухоны, захватывая обширную территорію на С. до Ледовитаго океана и на Ю. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти до Волги, жило какое-то племя, которое давало рѣкамъ названія на н г а. Этому народу принадлежатъ прежде всего, по нашему мнѣнію, названія самыхъ крупныхъ рѣкъ очерченной территоріи—Сухоны, Двины и Мезени. Какъ названія рѣкъ, которыя чаще всего обращались въ устахъ русскихъ, эти названія должны были сильнѣе всего исказиться. Мы думаемъ, что первоначальныя, хотя тоже руссифицированныя отчасти формы двухъ изъ нихъ сохранилось въ названіяхъ мелкихъ рѣчекъ — Суконька (Суконьга) и Меженга. Можно предположить, что и Двина образовалась изъ болѣе ранняго Двинга.

За этими названіями крупныхъ рѣкъ слѣдуютъ массы болѣе мелкихъ.

Въ бассейнѣ Сухоны между Кадниковымъ и Тотьмой—Уфтанга, Нобянга, Норинга, Печенга, Войманга, Моланга, Паршанга, Луженга, Велшенга; между Тотьмой и Устюгомъ—Леденга, Юрмонга, Рудинга, Единга, Норинга, Шуйшинга, Шукшинга, Шевинга, Печенга, Суконька, Карженга, Коченга, Саланга, Нюксен-ица, Селменга, Сученга.

Около Тотьмы рѣчныя названія на н г а переходятъ массой въ многоводный бассейнъ Ваги: Тавренъга, Силенга, Роменга, Шадреньга, Гавренъга, Наренга, Нарменга, Шадранга, Меженга, Ратен(ская), Пекшенга (притоки Вели); Кокшенга, Коленга, Яхренъга, Терменга, Печенга, Сельменга, Коленьга, Сивенга, Меленга, Тевтенга, Кокшенга, Колендренга, Шадреньга, Соденьга (2), Орсанга, Пакшенга, Шеренга, Вамшеранга, Сельменга, Леменга, Киршинга, Певшереньга, Паденьга, Неленга, Егрэнга, Двиница (притоки Вага).

Бассейнъ Вага соприкасается съ бассейнами Кубенскаго и Чарондскаго озеръ и верховьями Сѣверной Двины. Здѣсь имѣютъ мѣсто Сямженга, Шиченга, Пулчинга, Полчинга, Кубина, Молменга, Яхренъга, Верденьга, Печенга, Уненга, Пухманга, въ бассейнѣ Чарондскаго озера Модлана, Вонданга, Шавен-скій, въ бассейнѣ Двиницы Карбона, Каржинка, Шоренга, Левинга, Волонка.

Далѣе на С. разсматриваемыя названія подходятъ къ озеру Лачъ: Нермонга, Нименга, Чаженга, Тихменга; оди-ночно онѣ встрѣчаются въ бассейнѣ Онежскаго озера и р. Онеги: Куржанга, Ялчанга, Елменга, Нименга.

По С. Двинѣ разсматриваемыя названія поднимаются ниже слиянія Сухоны и Вычегды по обѣ стороны почти до Холмогоръ; отсюда онѣ расходятся на В. къ Мезенской губѣ, на З. къ Кольскому полуострову.

На Ю. отъ линіи Сухоны-Вычегды мы встрѣчаемъ большой массой эти названія въ бассейнахъ Юга и примыкающихъ къ нему своими верховьями Ветлуги и Унжи. Притоками Юга являются: Шаржанга, Шепшенга, Анданга, Ляменга, Шишменга, Корманга, Нюненга; Нуренка, Кичменга, Ваденьга, Шанженга, Шобанга, Монманга, Шаржинка, Енанга, Кулозенга, Кильченга, Яхренга, Шарденьга, Луженга, Кершенга, Шарженга, Анданга, Шепшенга, Ляменга, Кипшенга, га, Киншенга, Кержен-ецъ, Ладонга, Шишинга, Кунданга, Печен-ижка, Кукушинга, Пеженга, Андронга, Курденьга, Еванга.

Притоки Унжи (въ Костромской губерніи): Шишменга, Корманга, Нюненга, Лунданъ, Нуренка, Морханга, Пеженга, Корманга, Ломенга, Пойманка, Першенка, Юрманка, Пумена, Суеманка, Сеженга, Лоймина, Печенка, Езанъ.

Притоки Ветлуги: Сырденка, Якшенка, Вохтонка, Яшанга, Ляленка, Лапшинга, Юранга (Йорынгъ въ устахъ Черемисъ), Лупшанга, Шуванга; Кержен-ецъ, Пумина.

Чтобы облегчить лингвистическое изслѣдованіе этихъ названій, приводимъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ:

Анданга,
Андронга,
Важн-ица,
Вайенга,
Вамшеранга,
Велшенга,
Верденьга,
Весленга,
Визенга,
Водеуга,
Войманга,
Волонка,
Вонданга,
Вохтонка,
Гавренга,
Единга,
Езань,
Елменга,
Еланга,
Карбона,
Карженга,
Кержен-ецъ,
Кершенга,
Кильченга,
Книшенга,
Кипшенга,
Кишинга,
Кичменга,
Кокшенга,
Коленга,
Колендренга,
Коржинка,
Карманга,
Кочинга,
Кубина,

Кукшинга,
Кулозенга,
Кунданга,
Курденьга,
Куржанга,
Ладонга,
Левинга,
Леденга,
Леменга,
Лойминга,
Ломенга,
Луженга,
Лунданъ,
Лупольга (?),
Лупшанга,
Ляменга,
Меженга,
Меленга,
Модланга,
Моланга,
Молменга,
Мопманга,
Морханга,
Наренга,
Небянга,
Нермонга,
Нименга,
Норинга,
Норменга,
Нуренка,
Нюксен-ица,
Нюенга,
Орсанга,
Паденьга,
Пакшенга,

Паршенга,
Пеженга,
Пекшенга,
Пекшеренга,
Пеленга,
Першенга,
Печенга,
Пойманка,
Полчинга,
Пулчинга,
Пумина,
Пухманга,
Роменга,
Рудинга,
Санавга,
Сеженка,
Селменга,
Сивенга,
Силенга,
Соденьга,
Суконька,
Сученга,
Самженга,
Тавен-скій,
Тавреньга,
Таменка,
Тевтенга,

Терменга,
Тихменга,
Уненга,
Уфтанга,
Чаженга,
Шабанга,
Шадренга,
Шанженга,
Шаржонга,
Шарденьга,
Шевинга,
Шепшенга,
Шеренга,
Шиченга,
Шипинга,
Шоренга,
Шуванга,
Шуйпинга,
Шукшинга,
Юрманка,
Юронга,
Ягремка (?),
Якшенга,
Ялчанка,
Яхренга,
Яшанга.

Существованіе такой массы однородныхъ названій заставляетъ предположить въ намѣченномъ краѣ тоже явленіе, которое имѣетъ мѣсто въ областяхъ съ массами однородныхъ названій на в а (Пермскій край) и л ей (Поволжье отъ Нижняго до Саратова) — т. е. бывшее присутствіе какой-то крупной народности. Определить эту народность можно будетъ тогда только, когда всѣ данныя ея названія будутъ

научно истолкованы при помощи живых Финнских нарѣчій.

Если-бы при опредѣленіи мѣстныхъ названій въ обру-сѣвшихъ инородческихъ краяхъ можно было руководство-ваться тѣмъ, въ области какого живаго Финнскаго народа имѣютъ мѣсто названія даннаго типа, тогда пришлось-бы всѣ наши названія счесть Лопарскими: на Кольскомъ полу-островѣ, гдѣ на памяти исторіи жили и живутъ только за-падные Финны и Лопари, мы имѣемъ рядъ не только такихъ по типу, но прямо тождественныхъ названій. Исходя изъ этого факта, мы могли-бы предположить, что народъ, оста-вившій на пространствѣ между Волгой и Ледовитымъ оке-аномъ многочисленныя рѣчныя названія съ окончаніями на нга, были Лопари. Въ пользу этого предположенія можно было бы привести нѣсколько фактовъ. Въ Лопарской народ-ной поэзіи сохранилось воспоминаніе о великанахъ Калме-захъ, съ которыми ихъ предки вели когда-то борьбу. Имя Калмезовъ извѣстно и въ настоящее время. Его носитъ часть Вотяковъ, живущая на Ю. отъ Чепцы до Камы. Затѣмъ одинъ изъ корифеевъ современной Финнской филологіи, мадъ-ярскій академикъ Буденцъ высказываетъ убѣжденіе, что Ло-пари нѣкогда входили въ составъ сѣверно-финнской группы вмѣстѣ Пермскими и Угорскими племенами (Пермяками-Зы-рянами, Вотяками, Мадъярами, Вогулами и Остяками)¹⁾. Почти одновременно съ Буденцомъ Коскиненъ въ своей „Финнской исторіи“ высказалъ—къ сожалѣнію, ничѣмъ не мотивируя и не подтверждая его, — предположеніе, что западные Финны жили когда-то по среднему теченію Волги и двинулись на С. по теченію Юга. Путь, намѣчаемый для Финновъ, неизвѣ-стно по какимъ соображеніямъ, Коскиненомъ, совпадаетъ съ путемъ, по которому распространяются названія на нга: бас-сейнъ Юга почти соприкасается съ бассейномъ Ветлуги, а въ этомъ послѣднемъ мы имѣемъ крайній южный предѣлъ рас-пространенія этихъ названій.

¹⁾ Prichard. Naturgesch. d. Menschh. III, 356. Budenz. Über die Verzw. d. Ugr. Spr. 38.

Какъ ни привлекательна однако гипотеза о быломъ со-
сѣдствѣ Лопарей и Ёоми въ бассейнахъ Сухоны и Вычегды,
она можетъ быть окончательно принята только въ томъ случаѣ,
если конструкція и значеніе разсматриваемой группы названій
будетъ истолковано научно изъ Лопарскаго языка, если
будетъ объяснено, почему въ названіяхъ рѣкъ, несомнѣнно
данныхъ Лопарями, нѣтъ суффикса нг или нга съ пред-
шествующимъ гласнымъ, и если наконецъ будетъ доказано,
что на Кольскомъ полуостровѣ не было до Лопарей другихъ
населенниковъ. Пока изслѣдованій въ этомъ направленіи не про-
изведено, историкъ долженъ считаться съ другой гипотезой на
счетъ народности, которая оставила послѣ себя рассматри-
ваемые названія. Эта гипотеза принадлежитъ г. Европеусу.
Авторъ извѣстныхъ статей „Объ Угорскомъ народѣ...“ и „О
племенахъ, жившихъ въ С. В. Россіи до пришествія русскихъ“
считаетъ названія съ окончаніями на нга Угорскими и истол-
ковываетъ ихъ двояко—или какъ прилагательная (Petseng —
сосновый) или какъ составленные изъ остяцкаго jink (eng у
Erdman'a) + опредѣляющее слово.

Второе толкованіе по конструкціи болѣе соотвѣтствуетъ
общимъ условіямъ образованія мѣстныхъ Финнскихъ назва-
ній, но противъ него можно сказать, что у современныхъ
Угровъ мы не знаемъ рѣчныхъ названій такого типа.

Правдоподобнѣе первое толкованіе. Г. Европеусъ не со-
всѣмъ точно возстановилъ древне-угорскую форму такихъ
названій, какъ Печенга. Онъ довольствуется формой Печенг,
между тѣмъ современные Угры, употребляя въ названіи
прилагательное, сопровождаютъ его словомъ обозначающимъ
рѣку—ја. Наиболѣе крупный примѣръ представляетъ назва-
ніе Сосвы — Ляпинг-ја. Печенга также могла образоваться
изъ формы Petseng-ја—(сосновая рѣка). Переходъ отъ такой
формы къ современной черезъ форму Печенга вполнѣ возмо-
женъ. Принадлежность названій на нга древнимъ угорскимъ
населенникамъ можетъ быть доказана однако только тогда,

когда онѣ будутъ истолкованы изъ словарей Остяцко-Вогульскихъ нарѣчій. Вѣроятность такого факта можно допустить, принимая во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ угорскихъ названіяхъ урочищъ на В. склонѣ Урала имѣютъ мѣсто прилагательныя, близкія къ изслѣдуемымъ.

Мезень	Мэзынг
Пеленга	Палянг
Сырденга	Сортынг
Тевеньга	Тѣбинг

Въ пользу гипотезы г. Европеуса говоритъ и то обстоятельство, что названія на нга встрѣчаются съ другими несомнѣнно угорскаго происхожденія; таковы напр. Унжа (р. въ Костр. г.), объяснимое изъ ост. *унжа* = сосна, Тафта въ бассейнѣ Сухоны между Тотьмой и Кадниковымъ, близкое къ вогульскому названію Лозвы. Тавт (*Taut*, р. Тавда) = рукавъ, притоки ея Важ-болъ, Сон-болъ, имѣющіе своихъ родичей близъ Урала. При настоящихъ условіяхъ Финской филологіи, когда нѣтъ ни Лопарскихъ, ни Югорскихъ словарей, достойныхъ этого названія, вопросъ о народности, населявшей бассейнъ Сухоны и земли на С. и Ю. отъ него, долженъ оставаться открытымъ.

Не касаясь вопроса о народности населявшей этотъ край, мы отмѣтимъ одинъ фактъ, до нѣкоторой степени характеризующій отношенія ея къ Коми.

Этотъ фактъ какъ будто намекаетъ на то, что неизвѣстный народъ, сосѣдя съ Коми, захватывалъ у этихъ послѣднихъ занятія ими рѣчки и называлъ ихъ пермскими именами съ приставкой своего слова, обозначающаго рѣку.

Нѣкоторые изъ названій на нга представляются сложными изъ пермскихъ названій съ окончаніями на ма (ва) и шоръ съ угорскимъ или лопарскимъ (?) суффиксомъ нга

Молм-анга	ср. Молома (В. г.)	+ нг
Вамшер-анга	— Вамшоръ	+ —

Пекшер-анга	— Пекшоръ	+	нг
Кичм-енга	— Кичма	+	—
Норм-анга	— Нурма (В. г. + Норова П. г.)	+	—
Пойм-анга	— Пойма	+	—
Пухм-анга	— Пухма	+	—
Сукм-анга	— Сукма	+	—
Войм-анга	— Войма	+	—
Корм-анга	— Корма	+	—
Лойм-анга	— Лойма	+	—
Терм-анга	— Терма	+	—
Тихм-енга	— Тихма	+	—
Юрм-анга	— Юрма	+	—

Еслибы Коскиненъ далъ какое нибудь обоснованіе своей гипотезѣ о движеніи западныхъ Финновъ съ Волги на С. по бассейну Юга, отмѣчаемый нами вполнѣ былъ-бы понятенъ, какъ понятно было-бы и то, что названія на нга какъ будто разрываютъ территорію Коми, отбрасывая Пермскія названія на З. къ Тотъмѣ, на В. къ бассейну Сысолы.

Вопросъ о народности, которую встрѣтили Коми въ области Вычегды, разрѣшается болѣе положительнымъ образомъ. Что Коми не одни населяли берега Вычегды, несомнѣнно. Всѣ болѣе или менѣе крупныя воды края имѣютъ двойныя названія: Вычегда у Зырянъ называется Йож-ва, Вымъ — Йом-ва, Сысола—Сыктыл-ва, Ухта (притоки Выма)—Сыква. Какой народъ далъ незырянскія названія, отчасти выяснилъ г. Европеусъ. Онъ очень удачно истолковалъ названіе Вычегды изъ Югорскихъ словъ *yut* (травы) + *šaget* (рукавъ). Югорское названіе Вычегды должно, конечно, свидѣтельствовать о томъ, что первыми насельниками на ея берегахъ—или по крайней мѣрѣ сѣверномъ—была Югра и что русскіе застали ее здѣсь, вступая впервые въ край.

Въ пользу пребыванія Югры на всемъ теченіи Вычегды говорятъ и другія мѣстныя названія: названіе притока Вычегды Воль можетъ быть истолковано изъ вогульскаго уоль-

рукавъ; названіе озера Син-доръ послѣдней своей частью обли-
чаетъ несомнѣнно угорское происхожденіе. Названіе р. Егры
(Йогра), впадающей въ Сухону на З. отъ Устья, можетъ
свидѣтельствовать, что Югра заходила на З. дальше устья
своей Вычегды.

Выводы относительно территоріи Югры, сдѣланные на-
ми на основаніи мѣстныхъ названій, подтверждаются нѣко-
торыми, хотя и скудными историческими данными. У Епифа-
нія въ „плачѣ Пермскихъ людей“ мы читаемъ: „быхомъ
попошеніе с у д ѣ д о м ѣ нашимъ иноязычникомъ Лоци, В о-
г у л и ц а м ѣ, Ю г р ѣ и Пинезѣ“ „...иноязычницы Вогули-
цы наступаютъ...“ Югра, стало быть, были ближайшими со-
сѣдами Вымпчей еще въ XIV в. Въ первой половинѣ XV в.
епископъ Пителимъ, имѣвшій свое пребываніе въ Вымѣ, об-
рацается въ христіанство какихъ-то Вогуличей и дѣлается
затѣмъ жертвой своей миссіонерской ревности. Вогульскій
князь Асыка нападаетъ на Вымъ и Пителимъ гибнетъ въ
его рукахъ¹⁾. Данные, которыми мы располагаемъ относитель-
но этого событія позволяютъ предположить, что Вогуличи
эти кочевали неподалеку отъ усть - Выма по Вычегдѣ. Въ
пользу ихъ ближайшаго сосѣдства говоритъ сопоставленіе
даты ихъ крещенія и крещенія Перми Великой: Камскіе
Пермяки были крещены восемь лѣтъ спустя послѣ смерти
Пителима въ 1463 г. его преемникомъ Іоной. Затѣмъ слѣ-
дуетъ обратить вниманіе на отношенія Асыки къ Вятской
вольницѣ, съ которой онъ вмѣстѣ предпринимаетъ набѣгъ
на Усть - Вымъ. Едва ли это соглашеніе могло - бы имѣть
мѣсто, еслибы Асыка кочевалъ гдѣ нибудь около Урала.
Вятчанамъ безспорно хорошо была извѣстна область Асы-
ки. Черезъ 12 лѣтъ послѣ услуги, оказанной вогульско-
му князю, они уже опустошаютъ его область вмѣстѣ съ
Пермяками и захватываютъ его самого въ плѣнъ. Надеж-
динъ въ статьѣ „Вогулы“ въ Энци. Лекс. Плюшара приво-

¹⁾ П. С. Р. Л. IV, 147. Мак. «Ист. Цер.» 17, 320.

дить выдержку изъ Вымской рукописи, въ которой положительно заявляется, что Вогулы жили недалеко отъ Выма. Въ той - же статьѣ онъ, не указывая источника, заявляетъ, что Вогулы еще въ нынѣшнемъ столѣтіи забредали въ Усть-Сысолскій уѣздъ. Съ конца XV в. мы имѣемъ рядъ историческихъ свидѣтельствъ объ отношеніяхъ Югры къ Перми. Въ 1481 г. Андрей Мишневъ побилъ Вогуличъ подъ Чердынемъ ¹⁾. Откуда могли явиться подъ Чердынъ Вогуличи, мы узнаемъ изъ грамоты 1607 г., которой констатируется присутствіе ясачныхъ Вогуловъ на Вишерѣ. Вслѣдствіе затрудненій по платежу ясака эти Вогуличи разбрелись розно по городамъ, на Березовъ и на Верхотурье и на Пермь Великую ²⁾. Грамата, данная въ 1653 Ныробскому причту, упоминаетъ о томъ, что въ 1652 „завоевали въ Чердынскомъ уѣздѣ Вогуличи“, не опредѣляя точно, гдѣ жили эти Вогуличи ³⁾. Въ 164 писецъ Михаилъ Кайсаровъ не нашелъ Вогуловъ на Вишерѣ, но это обстоятельство было объяснено: „Вишерскіе Вогуличи въ одномъ мѣстѣ юртами не живутъ, а живутъ переходя по малымъ рѣчкамъ, гдѣ кому добыча... а иные Вогуличи для соболиныя добычи ходятъ въ сибирскія мѣста за Камень ⁴⁾“. Изъ грамоты данной Вишерскимъ Вогуличамъ въ 1689 г. мы узнаемъ о существованіи вогульскихъ поселеній на верхнемъ теченіи Печеры ⁵⁾. Извѣстія о пребываніи Югры на Печерѣ восходятъ къ болѣе раннему времени. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1185 г. заключается извѣстіе, что нѣ Печерѣ были побиты печерскіе и югорскіе данники. Кромѣ того можно сдѣлать предположеніе о кочевьяхъ Вогуличъ въ бассейнѣ Колвы, такъ какъ по показаніямъ Вогуличъ Русскіе не ходили за Березовый

¹⁾ Перм. Лѣтоп. I, 31. Ср. Арханг. Лѣт.

²⁾ Ibid. ib. I, 175.

³⁾ Ibid. ib. III, 306.

⁴⁾ Ibid. ib. III, 1090.

⁵⁾ Ibid. ib. V₁, 404.

Камень—гору, съ которой беретъ начало крупнѣйшій притокъ Колвы Березовка. Историческія данныя позволяютъ констатировать пребываніе Югры — Вогуловъ и Остяковъ— и на другихъ южнѣе впадающихъ лѣвыхъ притокахъ Камы— Яйвѣ, Косьвѣ и наконецъ Чусовой. Сибирская лѣтопись подъ 1582 годомъ сообщаетъ, что пелымскій вогульскій князь увлекъ къ борьбѣ съ Русскими Сылвинскихъ и Косвинскихъ инородцевъ ¹⁾).

Изъ житія Преп. Трифона очевидно, что Остяцкія кочевья были на мѣстѣ нынѣшняго города Перми и захватывали всю Чусовую. Остяки въ Чердынскомъ уѣздѣ упоминаются вмѣстѣ съ Вогулами. Отъ 1662 г. мы имѣемъ документъ, свидѣтельствующій между прочимъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, имѣвшихъ у нихъ мѣсто въ важныхъ случаяхъ общественной жизни ²⁾). Кайсаровъ нашелъ на Вишерѣ Остяцкую деревню ³⁾). Прибавимъ къ тому, что говорить историческія свидѣтельства, названія, въ которыхъ звучитъ имя Вогуловъ: рѣчка Вогулка—притокъ Иньвы близъ Купроса, рѣчка Вогулка притокъ Косьвы, рѣчка Вогулка притокъ Печеры, селенія Вогулята, Вогульскій, Юрта Вогула на Печерѣ— и мы будемъ имѣть рядъ безспорныхъ доказательствъ въ пользу того, что въ періодъ отъ половины XV до конца XVII в. Маньсы жили еще на пространствѣ между Усть - Вымомъ и Ураломъ по рѣкамъ Вычегдѣ, Печерѣ и восточнымъ притокамъ Камы—Колвѣ, Вишерѣ, Яйвѣ, Косьвѣ и Чусовой.

Установивши на почвѣ историческихъ данныхъ выводъ, слѣданный относительно Югры на основаніи мѣстныхъ названій, мы позволяемъ себѣ мимоходомъ указать, что догадки относительно былаго пребыванія Югры въ намѣченныхъ нами предѣлахъ высказывались еще въ XVIII в. Татищевъ и Бол-

¹⁾ Перм. Лѣтоп. I, 49.

²⁾ Ж. М. Н. Пр. 1857. XCIII, 245.

³⁾ Писц. зн. Черд. у.

тинъ считаютъ бассейнъ Юга областью Югры ¹⁾, Шлецеръ считаетъ Вычегду южной границей югорской земли ²⁾. Ни одинъ изъ этихъ изслѣдователей, по справедливому замѣчанію Лерберга, не обставилъ однако своихъ догадокъ доказательствами ³⁾. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей въ области русской исторической географіи проф. Замысловскій высказываетъ близкое къ нашему предположеніе: „по всей вѣроятности югорская земля, платившая Новгороду дань, лежала въ предѣлахъ великой европейской равнины и не переходила за естественный рубежъ ея на С. В.“ ⁴⁾.

Въ бассейнѣ Печеры Югра держалась до недавняго сравнительно времени и дала названія одному изъ верхнихъ притоковъ Илыча — Манзейгумъ-я (рѣка Манза), Шугуру и его притокамъ Халмеръ — Сале-урръ, Панг-соры-я, восточнымъ притокамъ Кось-ю — Юнь-яга, Наябу-яга, Хам-болъ, Лимпега, Хай-яга — и Лемвы — Парны-яга, Ньгаде-юганъ, Тум-болова-юганъ, Мудази-юганъ.

Передвиженіе Югры на В. представляетъ собою результатъ борьбы, въ которой Югрѣ принадлежала оборонительная роль. Югра ассимирировалась, отступала, пока главная масса ея не перешла наконецъ черезъ Уралъ. Тогда, вѣроятно, сложились вогульскія опредѣленія восточнаго и западнаго склоновъ Урала — зырянская сторона, вогульская сторона. Борьба эта не остановилась у подножія Урала: мы видимъ ее еще и теперь. Югра уступаетъ постепенно оба склона Урала Перми—Зырянамъ. Н. И. Кузнецовъ въ своей статьѣ „Природа и жители восточнаго Урала“ констатируетъ тотъ фактъ, что среди Вогуловъ въ слѣдствіе того слабо развито въ настоящее время оленеводство, что на уральскихъ горныхъ пастбищахъ они встрѣчаютъ себѣ конкурентовъ въ

¹⁾ И. Р. II, 424; I, 48.

²⁾ «Несторъ». II, 50, 51; III, 112

³⁾ Лербергъ. Изслѣдованія.—Югрія, 4.

⁴⁾ «Герберштейнъ». 138.

Зырянахъ, которые постоянно съ ними ссорятся ¹⁾). Латкинъ съ другой стороны говоритъ, что Зыряне съ Усть-Мылвы (Мыэл-динъ, Троицкій погостъ) ходятъ артелями въ зауральскіе лѣса на звѣриный промыселъ ²⁾). Это вторженіе въ область Югры не обходится, конечно, безъ борьбы. Тотъ-же Латкинъ рассказываетъ, что зауральскіе Маньсы, случалось, обижали зырянскихъ промышленниковъ; бывали драки и насилия; бывало и такъ, что промышленники платили зауральской Югрѣ нѣчто въ родѣ оброка свинцомъ и порохомъ за право охотиться въ ея лѣсахъ ³⁾). О томъ, какъ въ былое время Пермь вытѣсняла Югру, можно догадываться, смотря на отношенія между Ижемскими Зырянами и Самоѣдами больше-земельской тундры. Въ прошломъ столѣтіи, читаемъ мы у Латкина, Ижемцы имѣли едва 10,000 оленей, тогда какъ Самоѣды владѣли 150,000 головъ. Въ 40-хъ годахъ картина была уже другая: „въ настоящее время, пишетъ Латкинъ, бѣдные жители тундры едва имѣютъ свободный просторъ на своей родовой собственности. Стада Ижемцевъ многочисленны. Они уже по необходимости должны были завладѣть лучшими пастбищами. И въ Малоземельской тундрѣ дѣйствуютъ Ижемцы ⁴⁾“. Стада Самоѣдовъ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ-же авторъ, перешли въ руки Ижемцевъ, а сами Манчи (?Самоѣды?) превратились въ пожизненныхъ работниковъ у своихъ смѣлыхъ, предприимчивыхъ сосѣдей ⁵⁾).

Факты, которые мы до сихъ поръ привели, свидѣтельствуютъ, что на очерченномъ нами пространствѣ Коми жили 1) не одни 2) не одновременно, а передвигались постепенно съ Ю. на С. въ область Югры. Отношенія Коми къ народу, кото-

¹⁾ Изв. Р. И. Г. О. т. XX, 742.

²⁾ Зап. Р. Г. О. VII, 57.

³⁾ Ibid. 80.

⁴⁾ Ibid. 107.

⁵⁾ Ibid. 150.

рый жилъ на З. отъ р. Юга, недостаточно ясны. Что онъ изстари занималъ теченіе Сухоны, слѣдуетъ уже изъ самаго названіе этой рѣки. Но какимъ образомъ Коми являются на З., въ бассейнѣ Костромы, Вязьмы, Москвы - рѣки, занимая островъ окруженный югорскими и болгарскими Финнами? Этотъ вопросъ равно какъ и вопросъ о томъ, когда жила Пермь за Ураломъ въ области Обскаго бассейна и жила-ли она тамъ или только заходила на промыслы, мы оставляемъ открытымъ. Если-бы Кастреновская гипотеза о движеніи всѣхъ Финновъ съ Алтая имѣла подъ собой болѣе прочный фундаментъ, фактъ былъ-бы объяснимъ. Мы могли-бы предположить, что часть Перми и Югры оторвалась отъ своихъ восточныхъ родичей, зашла далеко на З. и образовала территоріи Мери, Московско-Клязьменской Перми и Веси, отдѣленные потомъ отъ своихъ восточныхъ родичей народомъ, который создалъ рѣчныя названія на нга. Къ сожалѣнію гипотеза Кастрена только остроумна, но мало доказательна. Можно было-бы объяснить Пермскій островъ на З. и при помощи догадки Коскинена: западные Финны, двигаясь съ Волги по Югу разорвали бывшія тамъ пермскія поселенія и отбросили часть Перми на З. Къ сожалѣнію эта гипотеза еще менѣе доказана, чѣмъ Кастреновская. По отношенію къ Сибири можно замѣтить, что мѣстныя названія при всей своей импозантности еще не могутъ въ данномъ случаѣ имѣть рѣшающаго значенія. Русскіе шли за Уралъ, несомнѣнно, по зырянскимъ дорогамъ и съ зырянскими проводниками. Эти проводники называли имъ рѣки и городки по своему; въ то же время исконное угорское населеніе называли тѣ и другіе на своемъ языкѣ, другими именами, но эти имена становятся извѣстными только благодаря любознательности позднѣйшихъ изслѣдователей: Сосва фигурируетъ на всѣхъ картахъ, Ляпин-ја только у новѣйшихъ путешественниковъ. Аналогію этому явленію можно указать въ бассейнѣ Усы, гдѣ всѣмъ Русскимъ извѣстны Зырянскія названія притоковъ, а Самоѣдскія нашли себѣ мѣсто, кажется, у одного только Латкина.

Въ странѣ на З. и на С. З. отъ Устюга нужно предполагать кромѣ Югры и собственно финнское или корельское населеніе. Въ Устюжскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ, справедливо говорить Шögренъ, видны слѣды большаго смѣшенія языковъ и народовъ, какъ будто три сливающіяся здѣсь рѣки — Сухона, Югъ и Вычегда привлекли ихъ сюда изъ разныхъ областей. Слѣды Кореловъ остались въ личныхъ именахъ (фамиліяхъ) туземнаго населенія (Корелинъ). Шögренъ указываетъ ихъ и въ мѣстныхъ названіяхъ, но въ виду неопредѣленности, которая отличаетъ у него этотъ родъ основаній, мы не имѣемъ возможности придавать ему большаго значенія. Воспоминаніемъ о Финнахъ является здѣсь и въ Яренскомъ уѣздѣ, по Шögрену, названіе области Гамская (Емь).

Исслѣдованіе мѣстныхъ названій показало намъ, что на пространствѣ, которое нынѣ занимаютъ и прежде занимали Коми, нѣтъ другихъ слѣдовъ, кромѣ оставленныхъ этими послѣдними и Югрой (+ Лопари?). Слѣдовъ какой бы то ни было другой народности не въ состояніи открыть самое тщательное изслѣдованіе. Между тѣмъ преданія нынѣшняго Пермскаго края говорятъ объ исчезнувшей Чудь. Территорія, занятая Чудью и покрытая ихъ опустѣвшими жилищами, начиналась, по указаніямъ Строгановскихъ актовъ, по берегамъ Камы ниже Перми. По правымъ притокамъ ея Тулвѣ, Лысвѣ, Сюзвѣ, Нытвѣ, Югу, Очеру и Ошпу и ихъ притокамъ отъ устья до вершинъ были „селища чудскія и заросли и озера и островки и наволочки дикіе“.

Чудь представляетъ собою тотъ народъ, который застали, по преданіямъ, и Русскіе при своемъ появленіи въ Соликамскомъ краю. Одни изъ пермскихъ разсказовъ о ней тождественны съ тѣми, которые въ ходу на всемъ пространствѣ между Двиной и Ураломъ—Чудь зарывалась въ ямы и погребала себя подъ землей (Берхъ)—другіе отличаются по мотиву: г. Ивановъ близъ деревни Побоище слышалъ преданіе, по

которому Русскіе, появившіеся въ этомъ краѣ, встрѣтивши Чудь побили ее.

Мы имѣли уже случай разсматривать вопросъ о Чуди въ очеркѣ „Вотяги“ и выразили тамъ предположеніе, что Чудь, о которой говорятъ предки Вотяковъ, принадлежала къ Пермской группѣ. Въ настоящее время мы болѣе опредѣленно формулируемъ тоже воззрѣніе: Чудь народныхъ преданій и Русскихъ актовъ представляетъ одно и тоже съ предками современнаго населенія Сѣверо - Западной части Пермской губ.—Пермяками на З., Уграми на В. вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что имя Чудь не представляетъ собою созданія народовъ Пермской группы, а заимствовано ими у Русскихъ пришельцевъ, которые имъ обозначали туземное населеніе. Доказательствомъ этого служить между прочимъ то, что названіе, которымъ Пермяки обозначаютъ древнее населеніе „Чучвѣ“ и которое встрѣчается въ сложныхъ именахъ, Чучка - шоръ напр. — есть испорченное русское прилагательное чудскіе. Одного этого обстоятельства достаточно было бы для того, чтобы предположить, что Чудью назывались предки нынѣшнихъ Пермяковъ. Но мы имѣемъ рядъ другихъ доказательствъ.

Памятникомъ исчезнувшей якобы Чуди должны, конечно, служить тѣ названія урочищъ, которыя мы встрѣчаемъ на ея опустѣвшей территоріи. Что же говорятъ намъ эти названія? Городокъ, въ которомъ засѣли первые колонисты, привлеченные Строгановыми на пустопорожнюю землю, называется Кам-коръ. Въ верстѣ отъ этого городка находилась рѣчка, которая носила названіе Пыскор - ки. Оба названія объясняются изъ Пермскаго языка и означаютъ Камскій городъ и Пыскій городъ; оба города называются по рѣкамъ, на которыхъ они стоятъ. Рѣки покинутого якобы Чудью края носятъ также Пермскія названія — Сива, Обва, Лысва и т. д.

Переписныя книги и другіе акты XVI и XVII ст. даютъ намъ новый матеріалъ для рѣшенія вопроса о Чуди. Встрѣчая здѣсь прозвища Чудиновъ, Чудинъ, урочища съ

названіями „Чудинова новина“, мы имѣемъ полное основаніе заключить, что та Чудь, которая будто бы оставила свои жилища на Строгановскихъ земляхъ, и съ которой, по русскимъ преданіямъ, пришлось столкнуться первымъ колонистамъ, не перевелась вся—представители ея жили среди призванныхъ Строгановыми Русиновъ, Вотинновъ—и обособлялись отъ этихъ послѣднихъ прозвищами. Чудины распахивали новыя нетронутыя еще плугомъ земли. Эти Чудины и потомки ихъ Чудиновы были Пермскими. Въ пользу тождества тѣхъ и другихъ говорить то, что среди разнообразныхъ прозвищъ по народностямъ мы не встрѣчаемъ въ Пермскомъ краѣ прозвищъ Перминновъ или Пермяковъ. Пермские, явившіеся съ С. на Строгановскія земли, въ отличіе отъ представителей другихъ народностей назывались Чудинами. Потомки этихъ Чудиновъ Чудиновы до сихъ поръ существуютъ въ Пермскомъ краѣ, образуя цѣлыя поселки и ничѣмъ не отличаются отъ соседнихъ Пермяковъ. Мы имѣли случай познакомиться съ населеніемъ дер. Чигасовой Бѣловской волости Соликамскаго уѣзда. Деревня составляетъ исключительное достояніе одного рода Чудиновыхъ; выселокъ изъ нея Виль-Чигасова имѣетъ уже припущенниковъ съ другими родовыми прозвищами. По языку и быту Чудиновы ничѣмъ не отличаются отъ другихъ Пермяковъ. Обособляются какъ будто нѣкоторые Чигасовцы черными густыми волосами и черными глазами, но заключать изъ этого, что они сохранили физическія черты старой Чуди и считать эту послѣднюю антропологически обособленной отъ Пермяковъ группой мы не имѣемъ основаній. Вспомнимъ, что Чудь или Пермь стояла въ торговыхъ сношеніяхъ съ Болгарами, Татарами, подвергалась нашествіямъ Тюрковъ съ Ю., соседила съ Угорскими племенами, которые характеризуетъ черный цвѣтъ волосъ и глазъ, и мы будемъ имѣть простое объясненіе того, что среди Пермяковъ имѣютъ мѣсто черповолосыя особи.

Памятники, приписываемые Чуди, также говорятъ въ

пользу тождества ея и Перми. Крупнѣйшимъ изъ нихъ являются, конечно, городища—*кары* или *карылы*.

Перечень городищъ, находящихся въ предѣлахъ Пермскаго края — въ уѣздахъ Оханскомъ, Пермскомъ, Соликамскомъ и Чердынскомъ — находится у Рычкова („Дневныя Записки“), Попова („Хозяйств. Опис.“), Мельникова („Путевыя письма“), въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ“ и у А. П. Иванова („Къ антропологии Пермскаго края“—наиболѣе полный). Мы имѣли случай во время нашего путешествія по Соликамскому и Чердынскому уѣздамъ напасть на слѣды нѣсколькихъ новыхъ городищъ въ бассейнѣ Иньвы, которыя и приводимъ въ послѣдовательномъ порядкѣ рядомъ съ извѣстными уже.

На крайнемъ западѣ бассейна въ истокахъ Кувы и Иньвы мы предположили на основаніи рѣчнаго названія Кочкоръ существованіе городища (Кочкоръ разлагается на *корь*—городъ + *Кочъ*—личное пермское имя) и городища по этой рѣчкѣ дѣйствительно оказались: на одномъ изъ нихъ и теперь стоитъ деревня *Городище*; около него находится озеро, которое въ поземельныхъ книгахъ волости носитъ названіе „Чудское городище“, въ Васюковской десятнѣ у дер. Карпъ - Васькиной имѣется паръ, который въ тѣхъ-же книгахъ пишется „*каръ-туй*“. Неопредѣленность написанія не позволяетъ сказать съ увѣренностью, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ городищемъ или просто съ возвышенностью.

Въ Верхъ - Инвенской волости въ Вижайской десятнѣ по статейнымъ книгамъ значатся: городище близъ дер. Ярашовой, городище близъ дер. Зотиной, въ Визяевской десятнѣ рѣчка Городище-шоръ, во Внуковской десятнѣ урочище близъ дер. Внуковой *кыр'-илъ*, которое своимъ названіемъ напоминаетъ вотяцкіе и зырянскіе *кар - илы*. Въ Йогвинской волости, въ Новожиловскомъ обществѣ имѣется урочище *Кошкыръ*, въ названіи котораго *кыръ* можетъ обозначать возвышенность и городище.

Въ Ошибской волости урочище Городище имѣется въ Патраховскомъ обществѣ, въ Бѣлоевской волости въ Мальцевской десятнѣ есть городище близъ дер. Першиной и тутъ же Мечкоръ-ягъ, Мечкоръ-ыбъ, въ Перковской десятнѣ Городищенскій логъ, Кѣръ - туй, въ Бѣлоевской десятнѣ городище у дер. Бражниной, рѣчка Кочкоръ.

Въ Архангельской волости въ Пронинской десятнѣ городище у дер. Капилиной и Слудиной, городище у дер. Чакилевой, по р. Чуткомашору, въ Антипинской десятнѣ дер. Дойкаръ (2 городища), въ Архангельской десятнѣ имѣется урочище Кыръ - увтъ, въ Баяндипской десятнѣ урочище Чумъ-коръ, въ Мартинской городище у дер. Карасовой и связанное съ нимъ урочище Кыр-ив-йыръ, городище у дер. Мартиной (у этой деревни, кажется, есть и другое городище), городище у дер. Габовой, урочище Кыр - ив - йыръ у дер. Верх. Волпы. Въ Кудымкорской волости урочище Кыр-ив-йыръ у дер. Сервы. Любезности П. А. Вологодина, редактора „Перм. Губ. Вѣд.“, мы обязаны рукописными свѣдѣніями о городищахъ въ приходѣ села Верх-Юсвенскаго близъ деревни Гырчиковой на берегу Юсвы и Ручевой около р. Сивашера, о чудесномъ кладбищѣ по близости села Верхъ-Юсвы и Чучкомъ молитвищѣ или мольбящѣ въ 1¹/₂ верстахъ отъ деревни Ыкъ на правомъ берегу Иньвы (груда истлѣвшихъ лошадиныхъ и коровьихъ костей).

Рядомъ съ названіями городищъ считаемъ умѣстнымъ привести извлеченныя изъ тѣхъ-же постатейныхъ книгъ названія Чудскихъ и вообще старыхъ урочищъ: въ В. Инвенской волости въ Харипскомъ обществѣ Ва жъ-г о р дъ, м о г и л ь н и къ-й ы ръ, ж п л и щ е, — въ Визяевскомъ обществѣ старое жилище, старое дворище, въ Таскаевскомъ обществѣ кладбище, Чучкой мысь у дер. Пестеровой, Чучкой логъ и Чучкой мысь у починка Карабатова, въ Калининскомъ обществѣ Ва ж-г о р д ы мъ, во Внуковскомъ обществѣ Ва ж-г о р тъ; въ Йогвинской волости въ Йогвинскомъ обществѣ Ва ж-о в а н у дер.

Чишиловой, Ва ж-о в а н у дер. Тереневой, Ва ж-г о р т-у л т въ Поносовскомъ обществѣ, въ Новожиловскомъ обществѣ Ва ж-д в о р и щ е, въ Сергинскомъ обществѣ д в о р и щ е; въ Ошибской волости — Ч у ч к о й в и ч ь (покосъ, лугъ), старое дворище, въ Бѣловской волости въ Гуриной десяти старое дворище, Ч у т к а ш о р ь.

Старое дворище, въ Карбасовской десяти у дер. Ра-стригиной Ч у д о в с к о, въ Бѣловской десяти — Ва ж-г о р т ь, въ Кувинской вол. починокъ Ч у д о в ь, въ Васюковской десяти Ч у т с к і й Г э б ь по р. Кочкору (озерко), могильникъ, — въ Архангельской вол. р. Ч у ч к о (м а) ш о р ь, поч. Чютовъ, въ Баядинской десяти ч у т с к о й могильникъ; въ Купросской волости въ Аксеновскомъ обществѣ курганъ, въ Кудымкорской волости Ч е д-в и ч ь (?), С ю с ь к а-й ы р ь близъ дер. Якиной, въ Шадринскомъ обществѣ Ва ж-г о р т ь, жилище, убоище, чудское жилище, старое жилище (у дер. Остаковой), въ Борисовскомъ обществѣ могильникъ у дер. Софоновой (частью распаханъ, частью подъ покосомъ), старое жилище у дер. Солдатовой, въ Петрушинскомъ обществѣ м о г и л ь-н и к ь (гарь и пашня) у дер. Петрушино.

Мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ предположить, что въ предѣлахъ Соликамскаго и западной половины Чердынскаго уѣзда такъ называемыя Чудскія городища и селища принадлежать предкамъ нынѣшнихъ Пермиковъ и старыхъ Коми, а не какой нибудь особой исчезнувшей народности. Въ этомъ прежде всего убѣждаетъ насъ языкъ. Разъ Коми и вся пермская группа имѣетъ слово для обозначенія города, городища (каръ), ей несомнѣнно извѣстно было сооруженіе, обозначаемое этимъ словомъ. Затѣмъ весьма важнымъ является то обстоятельство, что не одинъ суффиксъ к а р ь въ названіяхъ чудскихъ городищъ можетъ быть признанъ достояніемъ пермской группы. Опредѣляющія части нѣкоторыхъ изъ этихъ названій также несомнѣнно пермскаго происхожденія. Они состоятъ изъ лич-

ныхъ пермяцкихъ (языческихъ) именъ. Приведемъ названія чудскихъ городищъ, извѣстныхъ въ пермскомъ краѣ и сопоставимъ ихъ съ пермяцкими личными именами, извлеченными изъ нашихъ списковъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что и тѣ названiя, которыя не поддаются въ настоящее время точному опредѣленiю, выяснятся, когда мы будемъ располагать большимъ количествомъ старо-пермяцкихъ личныхъ именъ.

Названiя городищъ. Личныя имена.

Въ бассейнѣ Иньвы, пачиная съ ея верховьевъ

Кыс-кортъ (Солык. у. на Ю. отъ р. Обвы).

Коч-коръ	Коч-
Нош-кыръ	?
Меч-коръ	Мич-ко, Меч-(кино озеро)
Кудым-коръ	Кудым-овы
Дой-каръ	?
Чумъ-коръ	?
Май-коръ	?
Апюш-коръ	?

въ Чердынскомъ уѣздѣ

Геди-коръ	Рид-инъ
Гяб-(его городище)	Гяб-овъ (починокъ въ Бѣловск. вол. Соликамскаго у.)
Крым-коръ	
Рябово городище	Рябъ...
Лаш-каръ	?
Патр-(ино городище)	Патр-аковы
Гурд-(ино городище)	?
Атламыш-(его городище)	?
Аш-кар(ка)	?
Уд-каръ	Ут-евъ
Кошкар-(его городище)	Кошкаревъ.

Уже этихъ основанiй было-бы достаточно для того, чтобы поставить внѣ сомнѣнiя принадлежность по крайней

мѣръ части Чудскихъ городищъ Перми. Но мы располагаемъ еще однимъ, историческимъ аргументомъ. Городища Ис-коръ (точнѣе Изъ-каръ) и Покча (малое) были въ концѣ XV в., въ эпоху покоренія Перми, достояніемъ Пермскихъ князей. Лѣтопись, называетъ ихъ, рассказывая о покореніи Перми. Важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу Пермскаго происхожденія каровъ является затѣмъ то обстоятельство, что въ области Западныхъ Коми (Зырянъ) мы встрѣчаемъ кары въ ихъ живомъ значеніи на цѣлыхъ 2¹/₂ столѣтія ранѣе чѣмъ на Камѣ. Подъ 1219 г. мы читаемъ въ первой Новгородской лѣтописи: „пойде Семьюнъ Ёминъ на Тоймокары и не пусти ихъ Ярославъ свозе свою землю“. Шögrenъ давно уже указалъ, гдѣ находились эти кары—недалеко отъ границы Солвычегодскаго уѣзда съ Архангельской губерніей по рѣкамъ верхней и нижней Тоймамъ, гдѣ до сихъ поръ сохраняются городища, называемыя народомъ Чудскими ¹⁾. Мы называемъ Тоймокары пермскимъ словомъ, такъ какъ оно очевидно состоитъ изъ двухъ Пермскихъ словъ каръ городъ и Тойма моховая рѣка и значить Тойминскіе городки. Въ состояніи покинутыхъ укрѣпленій кары встрѣчаются на всей территоріи нынѣшней Зырянскаго племени. Въ писцовыхъ книгахъ встрѣчаются указанія на Княжой городокъ и „Княжой мысъ“ на р. Яренгѣ выше г. Яренска. Преданіе о князѣ, жившемъ на этомъ мысу, слышалъ еще въ нынѣшнемъ столѣтіи Шögrenъ во время своего путешествія. Въ томъ же уѣздѣ по писцовой книгѣ 1707 г. значится деревня Новоселокъ, что было Чудское городище надъ рѣкой Вычегдой, да къ ней припущена деревня Карабиль (вершина городищенскаго поля—по Зыр.), тутъ же находится рѣчка Карашоръ (городищенская). Въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ на р. Вотчѣ неподалеку отъ границы Вятской губерніи писцовая книга показываетъ городокъ, который до сихъ поръ у Зырянъ называется Кариль.

¹⁾ Шегр. I. с. 336.

Писцовая книга говоритъ еще объ одномъ Чудскомъ городкѣ неподалеку ¹⁾).

Въ числѣ памятниковъ Чуди оказываются далѣе серебряные слитки въ видѣ прутьевъ въ палецъ толщиной и аршинъ длиной ²⁾. Если наше предложеніе, что Чудь была предками нынѣшнихъ Пермьковъ, основательно, мы должны были бы найти въ языкѣ или преданіяхъ послѣднихъ какіе нибудь слѣды знакомства съ такими слитками. Обратимся съ этимъ соображеніемъ къ главнѣйшему памятнику Пермьцкой старины языку. Выбирая изъ словарей Рогова и Видемана термины, относящіеся къ торговлѣ и монетѣ, мы встрѣчаемся съ словомъ *ш а т ь*, которое имѣетъ значеніе *п р у т а* и *р у б л я*. Замѣтимъ, что это слово, не представляетъ собою какого нибудь архаизма: оно до сихъ поръ живетъ въ устахъ народа и замѣняетъ употребляющіяся у другихъ нашихъ инородцевъ слова *м а н е т ь*, *т е н ь г а*, *а к ч а*. Несомнѣнно, стало быть, что Пермьки жили въ краю городищъ въ то время, когда *р у б л ь-п р у т ь* былъ мѣловой единицей.

Послѣднимъ самымъ загадочнымъ родомъ памятниковъ Чуди являются въ Пермскомъ краѣ разнообразныя подвѣски и литыя изъ бронзы изображенія животныхъ. Назначеніе массы этихъ предметовъ, наполняющихъ между прочимъ цѣлые шкафы въ знаменитой коллекціи Ѳ. А. Теплоухова, выяснилось бы, если бы мы имѣли передъ собою достаточно полныя собранія предметовъ, характеризующихъ бытъ Сибирскихъ инородцевъ. Ключъ къ Чудской загадкѣ находится, несомнѣнно, въ Сибири. Оттуда шли металлы, изъ которыхъ изготовлялись Чудскія вещи, такъ какъ сѣверный Уралъ не обнаруживаетъ признаковъ Чудскихъ монетъ; отсюда приходили съ матеріаломъ и формы.

Обстоятельнаго изслѣдованія Чудскихъ древностей русская археологическая наука ожидаетъ отъ Ѳ. А. Теплоухова,

¹⁾ Шерр. I. с. 423—428.

²⁾ Роговъ. Матер. 49.

обладающего самой большой и систематической их коллекцией. Мы затрогиваемъ этотъ вопросъ въ самыхъ общихъ чертахъ на основаніи матеріала, имѣющагося въ музеѣ Казанскаго Археологическаго Общества. Разберемся прежде всего въ этихъ Чудскихъ находкахъ и установимъ категоріи, на которыя онѣ распадаются. Въ первую категорію мы должны выдѣлить вещи, которыя имѣютъ всеобщее распространеніе до сихъ поръ и отличаются только нѣкоторыми особенностями формы—кресты, серьги, перстни, пряжки, изъ орудій труда топоры, ральники и пр. За вычетомъ этихъ послѣднихъ вещей у насъ останется 1) немногочисленная группа предметовъ ясно восточнаго происхожденія (сассанидскія и арабскія монеты и утварь) 2) группа мѣдныхъ предметовъ, составляющая самое таинственное во всемъ „Чудскомъ“ наслѣдствѣ. Въ эту послѣднюю группу входятъ: изображенія животныхъ и птицъ, пестрая масса предметовъ, которые обозначаются неопредѣленнымъ именемъ подвѣсокъ. Всматриваясь во всѣ эти предметы, мы замѣчаемъ, что большая часть ихъ—даже изображенія животныхъ и птицъ, дѣйствительно, приспособлены къ подвѣшиванію. Догадка, которую мы дѣлаемъ на основаніи характера Чудскихъ вещей, вполне оправдывается данными, которыя мы имѣемъ въ литературѣ. На рисункахъ Ешевскаго, Вологодина, въ коллекціи Чудскихъ вещей покойнаго Первухина можно видѣть маленькія сердцевидныя бляшки, относительно которыхъ можно было предположить, что онѣ нашивались на какую нибудь часть одежды. Въ „Дневныхъ Запискахъ“ Рычкова мы имѣемъ извѣстіе, что около городища у села Рождественскаго на Обвѣ былъ найденъ въ числѣ другихъ предметовъ кожаный поясъ „украшенный множествомъ бляхъ на подобіе сердечекъ“...¹⁾; такой же поясъ найденъ въ 1889 г. Шатровымъ. Раскопки, произведенныя г. Шатровымъ въ Зюзьдин-

¹⁾ Дн. Зап. II, 76.

скомъ краѣ, показали, какъ много можетъ выясниться, если вмѣстѣ съ покупкой «находокъ» будутъ вестись правильныя археологическія изслѣдованія мѣстностей, содержащихъ чудскія вещи. На одномъ изъ склоновъ Тиминскаго городища на р. Колычѣ г. Шатровъ нашелъ обычныя чудскія подвѣски, но при этомъ обнаружилъ вещь, о которой можно было только догадываться, рассматривая находки: «каждая подвѣска была прикрѣплена къ какой-то части костюма при помощи ремешка, продѣтаго чрезъ особое отверстіе въ верху бляшки и снабженнаго 4—6 мѣдными бусами». На Носковскомъ городищѣ г. Шатровъ нашелъ бляхи прикрѣпленныя къ кожѣ и обрывки покрытыхъ ими кожаныхъ поясовъ ¹⁾. Изъ этихъ фактовъ очевидно, что древній Чудской костюмъ состоялъ изъ кожаныхъ одеждъ, украшенныхъ подвѣсками, которыя прикрѣплялись къ одеждѣ ремнями.

Не находя въ современномъ пермяцкомъ костюмѣ никакихъ указаній на то, чтобы Пермь когда нибудь употребляли металлическія подвѣски, мы имѣли-бы основаніе отрицать древне-пермяцкое происхожденіе этихъ вещей. Но не слѣдуетъ забывать, что современный пермяцкій костюмъ есть костюмъ русскій и заключать на основаніи его о костюмѣ дорусскихъ временъ нѣтъ основанія. О древнемъ, оригинально-пермяцкомъ костюмѣ можно только догадываться на основаніи данныхъ языка. Уже въ Очеркѣ „Вотяки“ мы имѣли случай констатировать, что древній костюмъ Пермина состоялъ изъ выдѣланныхъ шкуръ. Основные элементы костюма чудскаго и древне-пермяцкаго, стало быть, совпадаютъ и предположеніе, что онъ украшался подвѣсками, становится вполне правдоподобнымъ. Понятіе о такомъ костюмѣ можно составить, обратившись къ Сибирскимъ инородцамъ. Въ Музеѣ Отечества при Казанскомъ Университетѣ нахо-

¹⁾ В. Г. В. 1889 г. № 60—62.

дится костюмъ „сибирскаго шамана“—къ сожалѣнію, безъ точнаго обозначенія народности, отъ которой онъ полученъ. Детальное разсмотрѣніе этого костюма можетъ привести къ очень поучительнымъ сближеніямъ. Костюмъ состоитъ изъ кожаной рубашки съ капюшономъ. Капюшонъ отдѣланъ громаднымъ количествомъ подвѣшенныхъ на ремешкахъ изображеній людей, животныхъ, рыбъ. Отмѣчая напередъ различіе въ металлѣ, въ формахъ, остановимся на томъ, что типически характеризуетъ нашъ шаманскій костюмъ и проливаетъ свѣтъ на чудскія находки: мы видимъ костюмъ, сдѣланный изъ звѣриной кожи и отдѣланный массой гремучихъ предметовъ, между которыми фигурируютъ и изображенія живыхъ существъ. На фотографіяхъ Первухинской коллекціи мы видимъ нѣчто въ родѣ петель, по своей формѣ тождественныхъ съ такими-же петлями на нашемъ шаманскомъ костюмѣ. Эти послѣднія въ состояніи намъ объяснить и способъ прикрѣпленія чудскихъ петель и ихъ назначеніе. Такіе-же погремушки подъ именемъ „цать“ и „взоровъ“ упоминаетъ Новицкій въ своемъ „Описаніи о народѣ Остяцкомъ“. Устанавливая аналогію между новѣйшимъ шаманскимъ костюмомъ и древне-Чудскимъ, мы не хотимъ сказать, что всѣ подвѣски и фигурки, которыя извлечены изъ пермской почвы принадлежали къ костюму пермскихъ шамановъ: костюмъ шамана того или другаго народа въ наше время можетъ быть переживаніемъ костюма, который ранѣе носили всѣ его родичи. — Кромѣ декоративнаго назначенія фигурокъ можно предположить и другое. Бывшій Вологодскій губернаторъ Мельгуновъ нашелъ въ зырянской сторонѣ мѣдныя фигурки, изображавшія соболей, лисицъ. Зыряне на счетъ этихъ находокъ сообщили ему, что эти фигурки отливались Вогулами для приношенія въ жертву богамъ ¹⁾; ту-же роль могли онѣ играть и у Чуди-Перми.

¹⁾ Перм. Лѣт. I,

Послѣднимъ важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу прямой связи между Чудью и Пермью является обычай „помянуть Чудаковъ“. Этотъ обычай впервые отмѣченъ А. П. Ивановымъ. Въ селѣ Гидаевѣ, по его словамъ, въ семикъ дѣти носятъ на чудскія кладбища блины и оставляютъ ихъ тамъ, говоря: „помяни Господи Чудскаго дѣдушку, Чудскую бабушку“)“. Мы обратились, съ цѣлью изслѣдовать распространеніе этого обычая, къ г. Шатрову въ Зюзино Глазовскаго уѣзда съ вопросомъ, не практикуется-ли онъ и тамъ и получили утвердительный отвѣтъ. „Въ семикъ, пишетъ намъ г. Шатровъ, и въ прочіе поминальные дни, какъ въ старину было принято, носятъ на Чудскіе могильники яства, полагая ихъ въ берестяныя коробочки („чушлюшки“) съ личнымъ перевѣсильцомъ. Вѣшая эти коробочки на сосны и ели, растущія на могильникахъ, говорятъ: „помяни Господи Чудака NN (называютъ имя, которое переходитъ изъ рода въ родъ)“. Въ этомъ обычаѣ слѣдуетъ видѣть прямое свидѣтельство о родствѣ, соединяющемъ нынѣшнихъ Пермяковъ и бывшую Чудь.

Установивши тождество Чуди и Перми, обращаемся къ тѣмъ даннымъ, которыя характеризуютъ культуру древнихъ Пермяковъ. Въ нашей литературѣ имѣется не малочисленная группа изслѣдователей, которая разсматриваетъ настоящее Пермяковъ, какъ результатъ упадка нѣкогда высоко-культурнаго племени. „Въ древности Біармія была богатой и славной страной, читаемъ мы одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей Пермяковъ г. Маліева, она имѣла своихъ князей, укрѣпленные города; жители ея занимались выплавкой металловъ, торговлей мѣхами... Судя по оставшимся въ предѣлахъ губерніи многочисленнымъ городищамъ и укрѣпленным мѣстамъ... нужно думать, что населеніе древней Перми было очень густое и что оно стояло на довольно высокой ступени развитія“)“. Въ преувеличенныхъ представленіяхъ на

*) «Къ антроп. Пермскаго края». 12.

*) «Матеріалы для антроп. Пермяковъ». Тр. К. О. Е. т. XVI, в. 4,

счетъ пермской культуры винять обыкновенно Норманновъ съ ихъ сагами. Мы видѣли однако, какъ мало неправдоподобнаго по существу имѣютъ саги. Если о Пермькахъ, отождествляя ихъ съ Біармійцами, разсуждаютъ, какъ о павшемъ величіи, виноваты не Норманны, а тѣ позднѣйшіе изслѣдователи, которые или не достаточно точно передавали свѣдѣнія сагъ или прилагали къ явленіямъ древне-пермскаго быта не тотъ масштабъ, который былъ нуженъ. Г. Маліевъ напр. изъ того факта, что Чудь-Пермяки имѣли к о р ы, отъ которыхъ остались городища, и князей, дѣлаетъ, измѣряя эти явленія европейской исторической мѣркой, совершенно правильно ложныя заключенія: „Біармія была богатой и славной страной... имѣла очень густое населеніе и довольно высокую степень развитія...“ Мы увидимъ ниже, какіе выводы можно дѣлать, оставаясь на той-же фактической почвѣ. Для правильныхъ выводовъ относительно древне-пермской культуры нуженъ прежде всего настоящій масштабъ. Этотъ масштабъ мы можемъ установить на основаніи данныхъ языка и аналогій съ явленіями быта родственныхъ народовъ. Въ очеркѣ „Вотяки“ мы дали сжатую характеристику древняго быта Пермской группы на основаніи культурныхъ словъ. Здѣсь мы приводимъ ее, дополняя чертами, относящимися собственно къ Коми и извлеченными изъ зыряно-пермяцкихъ словарей Рогова, Латкина и Видемана.

Жилищемъ Коми была первоначально землянка, затѣмъ появившаяся на поверхности земли постройка. Въ пользу этого предположенія говоритъ исторія слова *gort* у Зырянъ: оно значитъ землянка, домъ, деревня. Уже Кастрень, основываясь на данныхъ языка, приписывалъ Зырянамъ чудскія ямы Мезенской и Печерской областей. Землянки внутри могли выкладываться деревомъ. Около с. Ильинскаго въ былое время находили нѣчто въ родѣ погребовъ съ опущенными въ землю срубами. Значеніе этихъ срубовъ уясняется характеромъ древнихъ остояцкихъ построекъ. „А живутъ въ лѣсахъ темныхъ, читаемъ мы въ „Описаніи новой земли

сирѣчь Сибирскаго царства“, надъ водами; зимные юрты деревянные въ земляхъ, аки въ погребѣхъ отъ великихъ мразовъ“¹⁾). Постройки, возвышающіяся надъ поверхностью земли, распадаются на два типа, для обозначенія которыхъ служатъ слова *вичь-ку*, *керъ-ку*. Оба слова сложные и состоятъ изъ *ку* съ опредѣляющими *вичь* и *керъ*. Что такое представляетъ собою слово *ку*, представляемъ рѣшать филологамъ. Позволимъ однако себѣ высказать предположеніе, что *ка* или *ку* въ языкѣ Коми можетъ оказаться близкимъ къ вотяцкому *куа* съ одной стороны и *куд*, *куда*, *котъ* въ другихъ финскихъ нарѣчіяхъ съ другой. Сочетаніе слова *кота* съ словомъ, обозначающимъ матеріалъ, изъ котораго сдѣлана постройка, имѣетъ мѣсто въ архитектурной терминологіи западныхъ Финновъ (Heikel). Можно думать, что по этому-же типу построены и пермяцкія названія. *Керъ* означаетъ бревно, *вичь* — жердь; *керку* представляетъ собою, стало быть, бревенчатую постройку, *вичь-ку* постройку изъ жердей. Настоящее значеніе слова *вичку* — церковь — какъ будто не допускаетъ относить его къ числу старыхъ пермяцкихъ архитектурныхъ терминовъ, но мы думаемъ, что есть основаніе считать терминъ *вичку* предшествующимъ христіанству и получившимъ благодаря этому послѣднему новое значеніе. Пермяки одни изъ извѣстныхъ намъ инородцевъ имѣютъ собственный терминъ для обозначенія христіанскаго храма; Вотяки употребляютъ искаженный русскій терминъ *tserk*, Черемисы *цѣркэ* (черкэ), Чуваши — *шюръгэ*. Не значитъ-ли это, что у нихъ еще въ языческую пору былъ специальный терминъ для обозначенія храмовъ, тѣхъ *кумирницъ*, о которыхъ говоритъ между прочимъ Елифаній въ житіи св. Стефана, и этимъ терминомъ было *вич-ку*? То обстоятельство, что въ техническомъ отношеніи *вич-ку* пред-

¹⁾ Сибирь въ XVII в. М. 1890, 73. Ср. Добровъ. Пермяки. В. Е. 1883, III. 234.

ставляетъ низшую ступень по сравненію съ кер-ку, не можетъ служить возраженіемъ. Вотяцкая куала также представляетъ болѣе первобытную постройку по сравненію съ избой, а между тѣмъ она служитъ и домовымъ и общественнымъ храмомъ. Первобытный типъ постройки является даже условіемъ пребыванія въ ней божества. Вотяцкій воршудъ, какъ богъ-предокъ, обитаетъ въ куалѣ и тѣсно связанъ съ ея очагомъ. У Пермязковъ также обиталищемъ боговъ могли служить постройки древнѣйшаго типа (не эти-ли вич-ку разумѣются у Епифанія подъ словомъ „привѣжки“, въ которыхъ стояли идолы?).

Вич-ку, какъ легкая постройка, занимаетъ мѣсто среди ряда подобныхъ построекъ, которыя были извѣстны Коми и имѣли назначеніе лѣтняго жилья. Общими терминами для обозначенія такихъ сооружений являются чомъ, чомъя. Слово чомъ, какъ и обозначаемое имъ явленіе, принадлежитъ безспорно къ самому глубокому періоду пермязской старины. На зырянскомъ сѣверѣ оно имѣетъ значеніе такого-же основнаго термина для обозначенія жилища, какъ слово куд а у Черемисъ, какъ домъ у Русскихъ. Стоитъ всмотрѣться въ тѣ значенія и сочетанія, съ которыми оно является у Видемана: шалашъ, клѣтъ, *jen-tšom*—божница, *ron-tšom*—собачья клѣтка, затѣмъ *dōga-tšom* холстовая палатка, *lobosa tšom*, *lus-tšom*—шалашъ изъ вѣтвей и листьевъ, *pōl-tšom* балаганъ изъ досокъ. Имѣющееся въ словарѣ Видемана мѣсто *stšamja* шалашъ, ш а л а ш ъ л ѣ т н і й (щамья) намъ кажется неправильно записаннымъ чамья, которое имѣетъ общее съ словомъ чомъ происхожденіе. Въ перечисленныхъ значеніяхъ отразилась вся исторія чума. Было время, когда чомъ былъ единственной формой жилища, извѣстной Коми рядомъ съ пещерой-землянкой: затѣмъ съ появленіемъ бревенчатаго жилья онъ обратился въ лѣтній шалашъ или клѣтъ, соответствующую вотяцкой к у а. Этотъ моментъ засталъ въ Перми св. Стефанъ. Вспомнимъ, что онъ искалъ идоловъ Пермязкихъ въ привѣжкахъ, т. е. въ постройкахъ при „вѣжахъ“.

Такими постройками могли быть, какъ у современныхъ Вогуловъ, легкіе чомы или чомји. Матеріаль и формы чома были, вѣроятно, различны. Въ самую раннюю пору онъ могъ сооружаться изъ древесныхъ вѣтвей и набросанныхъ на нихъ листьевъ.

Къ позднѣйшему времени относится чомъ изъ бревенъ—кер-ка, кер-ку. Древнѣйшимъ типомъ его является современный пывсянъ или пылсянъ. Эта бревенчатая постройка, служащая бапей при другомъ жильѣ и единственнымъ жильемъ охотника. Названіе пывсянъ представляетъ собою эпитетъ (парильная), которымъ обозначалась кер-ку у опредѣленнаго назначенія; у Видемана мы находимъ его въ древнемъ сочетаніи съ кер-ку—пывсянъ кер-ку. Объ устройствѣ пывсян кер-ку можно догадываться—независимо отъ положительныхъ указаній путешественниковъ—изъ тѣхъ пермацкихъ словъ, которыя имѣютъ отношеніе къ жилищу. У Коми существуютъ слова для обозначенія потолка—jirk, пола (помоста) джодж, окна—öşun (ср. öşinmöc), двери—ıbös, ödös, ös, крыши—велт.

Назначаясь преимущественно для зимняго жилья, бревенчатая постройка имѣла постоянное огнище. Древнѣйшій типъ его сохранился въ землянкахъ, о которыхъ говорятъ пермацкія преданія. Это было просто костеръ, разложенный посреди ямы. Высшую стадію развитія огнища представляетъ гор, вот. гур. Въ словаряхъ Видемана, Лыткина и Рогова слово гор переводится по русски печь. Изъ этого перевода нельзя сдѣлать никакихъ заключеній о типѣ огнища, обозначаемого даннымъ словомъ. Типъ этотъ разъясняется, когда мы обратимся къ помощи языка. Альквистъ ставитъ вотацкій терминъ для обозначенія огнища гур въ связь съ угорскими—вогульскимъ kûr, остяцкимъ kog или kug. Эту связь можно, конечно, распространить и на пермскій гор. Общность термина для обозначенія огнища даетъ намъ право искать его древній типъ у Угорскихъ родичей Перми. Исслѣдователи быта Маньсовъ, г.г. Гондатти,

Кузнецовъ и др. сообщаютъ, что въ зимнихъ юртахъ этихъ инородцевъ помѣщается въ углу нѣчто въ родѣ камина — „остовъ камина и трубы, говоритъ г. Кузнецовъ состоитъ изъ жердей и все это замазано усердно глиной, а два-три большихъ камня служатъ очагомъ ¹⁾“. Г. Гондатти описывая вогульскую печь, говоритъ, что она сдѣлана „въ видѣ дупла съ выемкой спереди ²⁾“. Въ подобной печи можно только варить на разведенномъ огнѣ; у Вогуловъ надъ огнищемъ, дѣйствительно, спускается крюкъ, на который привѣшивается котелъ съ тѣмъ или другимъ варевомъ. Такъ пользовались своимъ гор и старые Коми. Котелъ (пѣрт) былъ у нихъ единственной посудой для приготовленія кушанья; не даромъ его вляли всегда съ умершимъ въ могилу. Данные языка позволяютъ предположить, что часть Коми, сѣверные Зыряне, и до сихъ поръ не забыли этого стараго способа готовить кушанье. Мы имѣемъ у С. Коми слова gor - mödtsan, kl'uka, myttsan—крюкъ передъ печкой, ratsvodz, bi-vidzjan, би-точѣян, гогна—очагъ.

Огонь, составлявшій насущную принадлежность такого жилья, добывался въ раннюю пору треніемъ двухъ кусковъ дерева, позднѣе при помощи огнива (бива) и кремня (бивартанъ, bi-pestan, би-и-и-з).

Мебель первобытнаго Пермскаго жилья составляли: столъ (пызанъ) и обрубки дерева, замѣнявшіе стулья (джѣкъ, пукѣсъ, увѣсъ пукалынъ).

Постелью Коми служила звѣриная шкура (оль-пасѣ).

Незагороженное пространство около дома—дворъ, улица—называлось ѓтѣр, purys', lud. Загороженное—rotšöds, kytšyl, purjög для скота karta, jöz, gid. Это послѣднее слово въ послѣдствіи получило значеніе хлѣва. Передъ избой устраивалось нѣчто въ родѣ сѣней — зар, зар-vidz'jan. Въ виду

¹⁾ Изв. И. Р. Геогр. О. т. XVIII, 740.

²⁾ Предв. отч. о поѣздкѣ въ С. З. Сибирь. М. 1838. 66.

того, что гортъ значить и домъ и деревня, мы имѣемъ основаніе утверждать, что Пермское селеніе составлялось постепенно изъ жилищъ разрастающагося рода. Сѣверные Коми выработали для обозначенія деревни особые термины — грездъ, сиесть. У Пермяковъ за гортѣмъ слѣдуетъ непосредственно к а р ь. Въ XVI—XVII вѣкахъ слово каръ служило для обозначенія городища, въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ Пермскаго края Пермаки уже перестали понимать его, взятое отдѣльно. Съ былымъ своимъ значеніемъ оно до сихъ поръ сохранилось у Вотяковъ и Зырянъ.

Для того, чтобы имѣть правильное понятіе о древней культурѣ Перми, слѣдуетъ по возможности точно выяснить смыслъ явленія обозначаемого словомъ каръ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что въ названіяхъ древнихъ каровъ по большей части заключаются личныя имена. Это-же явленіе имѣетъ мѣсто и въ названіяхъ нынѣшнихъ деревень. Принимая во вниманіе то, что происходящія отъ личныхъ именъ названія деревень объясняются обыкновенно именемъ перваго насельника, родоначальника ея настоящихъ обитателей, можно предположить, что древне-пермскіе кары были также поселеніями родовъ, объединенныхъ воспоминаніями о предкѣ и основателѣ кара. Съ такимъ предположеніемъ согласны исполнѣ размѣры каровъ. Отличіе древнихъ каровъ отъ современныхъ деревень состояло только въ томъ, что первые были защищены рвами и валомъ, а вторые являются открытыми.

Картину Пермской страны въ эпоху существованія каровъ мы можемъ возстановить путемъ аналогіи съ явленіями быта родственныхъ Коми Угорскихъ племенъ. На рубежѣ XV и XVI в.в. былъ предпринятъ завоевательный походъ за Уралъ въ бассейнъ Оби. Занесенные въ лѣтопись результаты этого похода для насъ въ высшей степени поучительны. Воеводы, начавши свой походъ съ Лапина городка, „поимали 33 города, да взяли 1009 лучшихъ людей, да 50 кня-

зей привели. Да Василей же Бражникъ взялъ 50 городовъ да 50 головъ...¹⁾“

Изъ количества городковъ и отношенія его къ количеству князей и лучшихъ людей очевидно, что городки были поселеніями чрезвычайно мелкихъ общественныхъ союзовъ, вѣроятно же всего родовъ.

Первая Новгородская лѣтопись даетъ отчетливую по своимъ деталямъ и единственную, если не ошибаемся, картину жизни древнихъ югорскихъ городковъ. Въ 1192 г. Новгородскіе данщики отправились въ Югру за данью, взяли одинъ городъ, подошли къ другому. Югра, имѣвшая во главѣ князя, затворилась въ городѣ. Новгородцы стояли 5 недѣль и ничего не могли сдѣлать. Югра просила „данщиковъ“ потерпѣть, не губить своихъ смердовъ, а на самомъ дѣлѣ „копила вой“. Сколько этихъ воевъ могло помѣститься въ градѣ, можно догадываться по тому, что Югра не рѣшалась сразу напасть на Новгородцевъ, а завлекала ихъ въ градъ обманомъ сначала 12, потомъ 30, потомъ 50 и такъ истребляла и только послѣ этого сдѣлала вылазку и перебила большую часть остальныхъ (уцѣлѣло только 80 человекъ). Новгородцевъ, судя по этимъ цифрамъ, было самое большее 300 человекъ; столько-же приблизительно въ теченіи 5 недѣль оказалось возможнымъ собрать изъ района, въ которомъ находился сильный по сравненію съ другими градъ. Аналогія съ явленіями Югорскаго быта, намъ кажется, должна разсѣять туманъ, который закутываетъ Чудскія городища и заставляеть видѣть грандіозныя картины тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто очень скромная дѣйствительность.

Стоя у устьевъ рѣчекъ, впадающихъ въ какую нибудь крупную рѣку, эти кары служили укрѣпленіями, которыя были постояннымъ жительство для князька, прикрытіемъ для рѣки, по которой промышлялъ родъ, и убѣжищемъ въ минуту опасности.

¹⁾ Замѣсл. «Гербершт.» 435; ср. Бѣляевъ. «Геогр. свѣд.» 247—250.

Главнымъ занятіемъ предковъ нынѣшнихъ Коми была охота. Объ этомъ свидѣлствуетъ обиліе относящихся къ ней терминовъ. Для ловли звѣрей мы имѣемъ западни (кулѣмъ), сѣти (кыйѣтъ, кыйанъ, везѣтъ), для мелкихъ звѣрей ловушки-западни (налькѣ, пилѣмъ). Терминъ, который служитъ для обозначенія охоты, указываетъ точно на ея характеръ — кы й н ы-в ы й н ы — ловить-убивать. Охотничьимъ и боевымъ оружіемъ являются лукъ и стрѣла (вуджѣ, нѣолъ); стрѣлы носились въ колчанѣ (нѣол - доз). Для рыбной ловли служила острога (адзъвас). Наконечники стрѣлъ въ отдаленную эпоху были костяные. О широкомъ употребленіи кости для этой цѣли свидѣлствуютъ многочисленныя костища Пермской и Вятской губерній. Металлы въ примѣненіи къ вооруженію являются у Коми, кажется, подъ вліяніемъ сосѣднихъ народовъ. Чудь, настолько позволяетъ объ этомъ судить языкъ, знала только два металла—серебро и мѣдь, для нихъ она имѣетъ свои названія. При этомъ мѣдь имѣетъ общее названіе у восточныхъ и западныхъ Финновъ. Утилизировала-ли она мѣдь для вооруженія и въ какой мѣрѣ — могутъ выяснитъ однѣ археологическія изслѣдованія. Языкъ можетъ констатировать только, что процессъковки былъ извѣстенъ предкамъ Коми; мы имѣемъ въ языкѣ ихъ собственные слова для обозначеніяковки и ея орудій: дорны—ковать, *dorög*—кузнечная работа, ушканъ (пукшанъ?) — кузнечный мѣхъ, вартанъ—молотъ (било). Можно думать что эти термины возникли при обработкѣ мѣди.

Рядомъ съ охотой у древнихъ Коми занимало мѣсто и земледѣліе, хотя и не въ значительной степени. Они знали пшевицу (шогды), ячмень (*id*), овесъ (*zör, tör, tes'*). Относительно ржи Альквистъ высказываетъ предположеніе, что Финны познакомились съ ней позднѣе благодаря Германцамъ, Литовцамъ и Славянамъ; Кеппенъ напротивъ думаетъ, что всѣ эти народы узнали роль отъ Финновъ. Орудіемъ обработки земли у Коми служили, какъ показываютъ соглас-но съ языкомъ преданія, копыль (*gör*). Вмѣстѣ съ копыломъ

употреблялась примитивная борона. Это орудіе называется у Коми пивја—зубастая. Первичной формой ея былъ древесный стволъ съ обрубленными слегка сучьями. Удобрение земли до знакомства съ Русскими, какъ мы увидимъ ниже, Пермьякамъ было неизвѣстно. Въ XVI в. по извѣстіямъ писцовыхъ книгъ у Коми имѣла мѣсто переложная система. Для жнитва употреблялся серпъ (черла, черва). Изъ растений, дающихъ волокно, Коми пользовались коноплемъ (пышь, вѣн?).

Вопросъ о домашнихъ животныхъ, которыя извѣстны были первобытнымъ Коми, представляетъ значительныя затрудненія. Мы имѣемъ для обозначенія коровы mōs, быка ōška, ōš, овцы тежъ, лошади vōl. Представляютъ-ли эти слова продуктъ собственнаго творчества или они заимствованы въ отдаленное время у сосѣднихъ народовъ, рѣшается различно. Въ виду того обстоятельства, что, по Альевисту, западные Финны заимствовали у Германцевъ названія для коровы, лошади, овцы, козы, свиньи, можно считать несомнѣннымъ, что въ пору отдѣленія своего отъ общаго корня западные Финны не были знакомы съ скотоводствомъ даже въ его элементарныхъ формахъ. По аналогіи можно было-бы предположить, что и Коми познакомились съ названными домашними животными позднѣе, чрезъ сосѣдей. Трудя, подобнаго тому, который выполненъ Альевистомъ для западныхъ Финновъ,—сравненія финнскихъ культурныхъ словъ съ однозначными словами въ языкахъ сосѣднихъ народовъ—мы не имѣемъ для Финновъ восточныхъ, не имѣемъ поэтому и прочныхъ основаній для рѣшенія этого сложнаго вопроса. Представляя эту сторону дѣла послѣдующимъ изслѣдователямъ-лингвистамъ мы приведемъ лишь матеріалы для него. Гриммъ сопоставилъ западно-финское названіе теленка *vasikka* съ санскр. *vaska*, имѣющимъ тоже значеніе. Доннеръ собралъ изъ западно-финскихъ нарѣчій (вепсск., эстонск., лопарск.) всѣ слова имѣющія родство съ словомъ *vasikka*, Буденцъ присоединилъ къ нимъ зырянское *mōs* (v || m), Андерсонъ съ формой *vasikas* сблизилъ чер. *ūškūzh*, пер. *ōška*.

Прибавимъ съ своей стороны слѣдующія сопоставленія:

Зыр. *meŕ*—овца, зенд. *maescha*.

Зыр. *völ*—лошадь, гот. *folo*.

Представляемъ специалистамъ судить, въ какой степени основательны эти сближенія, касающіяся коровы, овцы и лошади и какъ слѣдуетъ на нихъ смотрѣть.

До нѣкоторой степени вопросъ о животныхъ, извѣстныхъ Коми, можно рѣшить и на основаніи историческихъ данныхъ. Лошадь была еще въ X вѣкѣ рѣдкимъ животнымъ на С. В., какъ свидѣлствуютъ Арабы. Въ пермскомъ краѣ ѣзда и позже происходила на собакахъ (Лербергъ. Изсл. Югр. 15). Свидѣтельство Герберштейна, что Пермь платила дань конями и мѣхами, не противорѣчитъ нашему положенію. Герберштейнъ включаетъ въ составъ Перми земли, занятыя Тюркскими кочевниками, и они-то, конечно, давали Москвѣ коней въ то время, когда Пермь давала мѣха. Рядомъ съ собакой для передвиженія у Коми употреблялся олень (кѳр). Въ настоящее время только сѣверные, Ижемскіе Зыряне занимаются оленеводствомъ. Но было время, когда оленя, какъ домашнее животное, знало и южные Коми—Пермяки и Вологодскіе Зыряне. Въ пользу этого говоритъ сохранившееся у тѣхъ и другихъ воспоминаніе объ обычаяхъ оленеводовъ приносить оленей въ жертву богамъ. Въ с. Гидаевѣ Слободскаго уѣзда А. П. Ивановъ, въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ г. Кл. Поповъ записали преданія, въ которыхъ олень фигурируетъ въ видѣ жертвы. „Въ день св. Ильи пророка, рассказывали г. Иванову обрусѣвшіе Пермяки села Гидаева, въ опредѣленный часъ прибѣгалъ на площадь олень. Народъ приносилъ его въ жертву святому. Но какъ-то олень въ урочный часъ не явился. Рѣшили заколоть быка. Запоздавшій олень все таки прибѣжалъ, но видя, что все кончено, убѣжалъ обратно въ лѣсъ...“¹⁾.

¹⁾ 1. с. 13.

Экипажъ, въ который запрягался олень, представляли собою сани (додј). Колесныхъ экипажей Коми не знали. Объ этомъ свидѣтельствуемъ языкъ: для обозначенія понятія запрягать Коми употребляютъ слово д о д ѣ а н ы, происходящее отъ додж. Нѣкоторыя изъ принадлежностей упряжи восходятъ своимъ происхожденіемъ къ періоду нераздѣльной жизни всѣхъ Финновъ. Для обозначенія оглобли у Коми имѣется слово о ж , которое стоитъ безъ сомнѣнія въ связи съ мордовскимъ аѣжа, финск. aisa, эстонск. ais, вепск. aiš. Другіе термины, повидимому, составляютъ достояніе пермской группы, напр. мегыр-дуга. Заговоривши о способахъ передвиженія, приведемъ и другія данныя, представляемыя въ этомъ отношеніи языкомъ. Орудіемъ передвиженія по снѣгу служили лыжи (лѣампа), по водѣ лодки (пыж), снабженныя веслами (певыс).

Простѣйшіе способы обработки продуктовъ земледѣлія и скотоводства сложились у Пермьяковъ, несомнѣнно, самостоятельнымъ путемъ. Приготовленіе муки, которая имѣетъ у Коми собственное названіе, производилось при помощи камней. Процессъ размола обозначается словомъ и з а н , которое можно перевести дѣйствовать камнемъ. Для той же цѣли могла служить, какъ она служитъ въ специальныхъ случаяхъ и теперь у родичей Коми Черемисъ, ступа съ пескомъ (гыр, тоин). Употребленіе ручныхъ жернововъ, имѣющее мѣсто у Пермьяковъ и теперь, восходитъ своимъ началомъ также къ отдаленной эпохѣ исторіи Коми. Коми имѣетъ специальный глаголъ для обозначенія процесса приготовления жернововъ (сидзыны).

Употребляя въ пищу продукты скотоводства, Коми умѣли вялить мясо (шурѣтны), печь или жарить (пѣжавны, пѣжны), знали сметану (нѣк), творогъ, сыръ (рис').

Въ до-русскій періодъ Коми познакомились съ растеніями, дающими волокно (сѣдзј), научились добывать это послѣднее при помощи мялки (нѣарнѣак), сучить изъ него

нити (сунісј, тучмыны), дѣлать изъ нитокъ моты (ребтан, шорт), заготовлять основу (рокас).

Изъ орудій пряжи, тканья и шитья имъ были извѣстны станъ (таб), берды (кісј, анј-борд), веретено (чера), челнокъ (суса), прялка (печјкан), игла (рѣт), шило (пышжан).

Самостоятельно (по крайней мѣрѣ по отношенію къ Русскимъ) Коми дошли до потребности измѣрять пространство и вѣсь. Для обозначенія разстояній у нихъ служили чумкасы (разстоянія отъ одного колѣна рѣки до другаго) и величина, соотвѣтствующая сажени (сыв). Единицей вѣса является величина, которая обозначается словомъ синј, ѡшан, ѡшлан и переводится Русскими— фунтъ.

Въ пору, предшествующую подчиненію подъ власть Москвы, Коми ознакомились съ торговлей и мѣновыми единицами. Въ словарь Коми имѣются слова для обозначенія купли (нѣбвы-купить), продажи (вузалыны-продавать), цѣны (дон), мѣновыхъ единицъ и денежныхъ знаковъ (шатј-прутъ, рубль, сјам-чешуя, деньги, гым-грошъ), прибыли (сѣдтѣм), убытка (чинтѣтѣм). Кредитныя отношенія также сдѣлались извѣстными Коми еще въ эту эпоху. Они имѣютъ слова для обозначенія займа (одзјесј). Объ основахъ пермскаго кредита мы уже имѣли случай говорить въ изслѣдованіи „Вотяки“.

Общественныя отношенія у древнихъ Коми отличались уже нѣкоторой сложностью. Кромѣ семьи съ ея членами Коми знали и болѣе сложный союзъ, во главѣ котораго стояли князья. Для обозначенія группы, связанной отношеніями родства, общностью происхожденія Коми имѣютъ нѣсколько терминовъ: телец, увтыр. Нѣсколько терминовъ служатъ и для обозначенія совокупности людей, не связанныхъ такою общностью: јѣз (народъ, люди, ч у ж і е), отир (народъ, община), чјукѣр (случайное собраніе, толпа, шайка).

Для исторіи семьи языкъ не представляетъ у Коми такого богатаго и прозрачнаго матеріала, какъ у Черемисъ и Вотяковъ. Древнѣйшее состояніе пермской семьи мы представили уже въ книгѣ „Вотяки“. На первоначальную не-

опредѣленность родственныхъ отношеній указываютъ значенія словъ нылъ (дочь, дѣвушка), зон (парень, сынъ). На позднѣйшія стадіи развитія половыхъ отношеній указываетъ появленіе словъ модзь (любовница) рядомъ съ словомъ, означающимъ жену (гѣтырь, инѣка), bygył', tšutka для обозначенія ребенка, рожденнаго внѣ брака. Можно предполагать, что терминъ для обозначенія тестя (сјор-ай = поздній отецъ) имѣетъ не случайное происхожденіе и возникъ въ ту пору, когда мужъ не бралъ въ свой домъ жену, а самъ поступалъ въ домъ ея родителей и, стало-быть, становился ихъ позднимъ сыномъ. Къ отдаленной порѣ жизни Пермьковъ, относится явленіе усыновленія. Коми имѣютъ два термина для обозначенія пріемнаго дитяти, которые заключаютъ въ себѣ, кажется, темный намекъ на символику усыновленія (пи = пазуха, пріемное дитя, гѣг-пи = пуповое дитя).

Говоря объ общественной организаціи Пермьковъ, мы должны упомянуть, конечно, и о князькахъ (ѡксы). Терминъ, обозначающій князя, находится, кажется, въ близкомъ родствѣ съ словомъ, означающимъ собраніе, сходка (ѡксѣан, ѡксѣм) и можетъ обозначать человѣка, который собираетъ около себя народъ. Составить себѣ представленіе о томъ, что представляли собою Пермскіе князья, мы будемъ въ состояніи только тогда, когда сопоставимъ историческія данныя о Пермскихъ князьяхъ съ народными преданіями и аналогичными явленіями изъ жизни родственныхъ племенъ.

Историческія свидѣтельства о пермскихъ князьяхъ относятся къ XV ст. Князья этой эпохи — уже христіане — извѣстны на Вымѣ, въ Искорѣ, Покчѣ. Преданія называютъ и другихъ князьковъ, сидѣвшихъ по городкамъ (кары). Въ „Дневныхъ Запискахъ“ Рычкова мы имѣемъ извѣстія о князькахъ Купросскаго городка и Вильгора. Пермская земля дѣлилась такимъ образомъ между многими князьками, сидѣвшими въ отдѣльныхъ городкахъ, и представляла картину, аналогичную съ той, которую констатируютъ для Югріи наши лѣтописи съ XII до конца XV в. Князья жили постоянно въ город-

кахъ, которые обыкновенно ставились въ устьяхъ рѣчекъ и обезпечивали обладанія этими послѣдними; подданные, собирались къ нимъ въ случаѣ опасности и защищались за земляными валами.

Проникновеніе христіанства въ Великую Пермь сопровождалось несомнѣнными переменами въ гражданскихъ отношеніяхъ. Въ Пермскомъ краѣ явились церкви и монастыри, источникомъ существованія для которыхъ обыкновенно служили жалованныя земли. Удовлетвореніе первыхъ потребностей ихъ свидѣлствуетъ, что князья Пермскіе имѣли поземельную собственность, изъ которой дѣлали вылады. Съ первыми дарами церкви почувствовалась впервые и потребность въ грамотѣ: дареніе по русскому обычаю было скрѣпляемо соотвѣтствующимъ актомъ. Позднѣе, когда, вѣроятно, между церковными учрежденіями и мѣстнымъ населеніемъ возникли поземельныя тяжбы и стали доходить до князьковъ, явилась потребность облекать въ писанную форму судебныя постановленія князей. Такъ могли явиться „судебныя и правящія грамоты“ Пермскихъ князей, которыя были дѣйствительны до 1553 г. почти въ теченіи полустолѣтія со времени прекращенія власти самостоятельныхъ Пермскихъ князьковъ. Скучные факты, которыми мы располагаемъ относительно Пермскихъ князей, позволяютъ сказать, что государственное развитіе Перми прекратилось, дойдя до такой ступени, до которой оно не доходило ни у одного изъ сѣверно-финнскихъ, а, можетъ быть, и вообще у всѣхъ Финнскихъ племенъ.

Та несложная культура, которой обладало племя Коми, съ очень ранняго времени пришла въ соприкосновеніе съ болѣе сложной культурой арійскаго, семитическаго и туранскаго востока. Хронологію этого соприкосновенія можно установить приблизительно благодаря предметамъ восточнаго производства. Первое мѣсто между ними въ смыслѣ хронологическаго показателя занимаютъ монеты. Въ 1846 г. во владѣніяхъ графа Строганова было найдено 11 сассанидскихъ монетъ, которыя по опредѣленію академика Дорна относятся къ 441—594 г.

нашей эры. ¹⁾ Къ V-же вѣку, къ эпохѣ императора Анастасія (491 — 518), относится византійская серебряная чаша, найденная въ 16 верстахъ отъ Чердыни. Персидскими издѣліями Сассанидской эпохи оказались вещи найденныя въ Красноуфимскомъ уѣздѣ. Не позже V вѣка, стало быть, прямо или черезъ посредство Булгаръ въ Пермскомъ краѣ возникло знакомство съ востокомъ и его произведеніями. Чего искали здѣсь восточные купцы извѣстно. Они вывозили съ С. прежде всего мѣха, рѣже мамонтовы кости, которыя поступали въ подѣлки. Для уясненія древней культуры Перми важны тѣ восточные предметы, которые поступали въ обмѣнъ за мѣстные товары. По предметамъ ввоза мы судимъ обыкновенно о потребностяхъ населенія и его экономическихъ ресурсахъ. Нѣкоторые изъ вещей привознаго происхожденія могутъ легко ввести изслѣдователя въ заблужденіе на счетъ покупныхъ способностей древней Перми: можно подуматъ напр., что быть тѣхъ людей, которые вымѣнивали свои мѣха на драгоценныя чаши, соотвѣтствовалъ и во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ сказывающейся въ этихъ покупкахъ роскоши утвари. Явленія изъ быта родственней Перми Югры въ состояніи однако разъяснить присутствіе такихъ дорогихъ блюдъ въ Перми. Къ числу несомнѣнныхъ заслугъ составителей III выпускъ „Рус. Др.“ принадлежитъ разъясненіе того значенія, которое имѣли онѣ въ бытѣ древнихъ Пермлянъ. Намъ указываютъ на современныхъ Вогуловъ, о культурѣ которыхъ не можетъ быть спора и у которыхъ Бремъ и Финшъ нашли возлѣ идоловъ оловянные англійскія и двѣ серебряныя тарелки стараго происхожденія. На употребленіе металлическихъ блюдъ Вогулами при жертвоприношеніяхъ мы имѣемъ указаніе и въ статьѣ А. Ѳ. Теплоухова.

¹⁾ Сав. Мух. Нумизм. 159.

Точныя данныя о восточномъ ввозѣ въ Пермь мы будемъ имѣть только тогда, когда въ нашихъ рукахъ будетъ подробный перечень и описаніе восточныхъ предметовъ, найденныхъ въ предѣлахъ Пермской и Вятской губерній. Такого описанія русская наука ожидаетъ отъ Ѳ. А. Теплоухова. Пока приходится довольствоваться тѣми категоріями, которыя установилъ для всего сѣвера Савельевъ. Восточные купцы сбывали, говоритъ онъ, сѣверянамъ бисеръ, бусы, цѣпочки, ожерелья, запастья, кольца, булавки, пуговицы, бляхи для украшенія одеждъ и конской сбруи, стальные клинки ¹⁾). Почти всѣ эти категоріи предметовъ мы встрѣчаемъ и въ Пермскихъ находкахъ. Вліяніе сношеній съ востокомъ отразилось такимъ образомъ всего виднѣе на туалетныхъ украшеніяхъ. Между привозными вещами съ трудомъ можно выдѣлить вещи, приготовлявшіяся ближе въ Болгарахъ. На громадномъ пространствѣ отъ Ярославской губерніи до Пермской встрѣчаются характерныя гребенки—съ двумя конскими головами, обращенными въ противоположныя стороны. Уже покойный графъ А. С. Уваровъ высказалъ предположеніе, что въ землю Мери коньки проникали съ востока изъ Волжской Булгаріи. Мы думаемъ, что въ самой Булгаріи эти вещи были сначала привозныя, а потомъ фабриковались по привознымъ образцамъ. Мотивъ двухъ соединенныхъ шеями и обращенныхъ въ противоположныя стороны коней представляетъ несомнѣнное достояніе иранскаго, персидскаго искусства. Мы видимъ его очень часто на капителяхъ древне - персидскихъ колоннъ. Какъ всѣ любимые мотивы, онъ, конечно, примѣнялся къ массѣ другихъ вещей и такимъ образомъ былъ занесенъ на Волгу и Каму.

Чтобы представить себѣ народъ съ тѣми несложными формами быта, которыя мы намѣтили на основаніи языка, и съ тѣми потребностями, о которыхъ говорятъ археологическія данныя, обратимся еще разъ къ аналогіи. Вотъ что расска-

¹⁾ Сав. Мух. Нумизм. XC.

зываетъ Страбонъ о Массажетахъ; „одни изъ Массажетовъ живутъ на горахъ, другіе на равнинахъ, третьи въ рѣчныхъ болотахъ, четвертые на островахъ среди болотъ... Массажеты хорошіе пѣхотинцы и всадники, употребляютъ луки, мечи, панцири и мѣдныя сѣкиры, пояса у нихъ золотые, какъ и діадемы... Живя на островахъ и не имѣя посѣвовъ, ѣдятъ они коренья и дикіе плоды, одѣваются древесною корою, такъ какъ не имѣютъ стадъ, пьютъ сокъ, выжатый изъ древесныхъ плодовъ. Обитатели болотъ питаются рыбой, одѣваются въ шкуры тюленей, выходящихъ изъ моря. Горные жители питаются также плодами деревьевъ, овецъ имѣютъ мало и не убиваютъ ихъ, ради шерсти и молока... Жители равнинъ не обрабатываютъ земли, а питаются стадами и рыбой, какъ кочевники, по скифски...¹⁾“. Въ этой драгоценной для историка и археолога картинѣ, мы имѣемъ ключъ къ вопросу о томъ, въ какой степени употребленіе драгоценныхъ вещей служить показателемъ высокой культуры. Такъ-же мало, какъ золотыя діадемы Массажетовъ, могутъ говорить о высокой культурѣ народа и тѣ серебряныя вещи, которыя найдены въ Перми.

Археологическія данныя говорятъ главнымъ образомъ о серебряныхъ издѣліяхъ. Данныя языка позволяютъ констатировать, что при помощи восточныхъ и притомъ иранскихъ торговцевъ Чудь и Югра ознакомилась и съ другими металлами. Золото у представителей обѣихъ группъ имѣетъ иранское названіе — зарни (зенд. *zaganja*). Предполагаютъ, что и бронза, для которой нѣтъ названія въ угоро-финскихъ языкахъ, была первоначально неизвѣстна Финскимъ народамъ²⁾. Съ этимъ сплавомъ и издѣліями изъ него познакомили Чудь Иранцы-сосѣди или торговцы. Въ послѣднее время значительное ко-

¹⁾ Рус. Древ. III, 19.

²⁾ Ahlquist. Culturwört. 66.

личество ученыхъ склоняется къ мысли, что ближайшимъ къ угро-финскимъ племенамъ и наиболѣе повліявшимъ на нихъ иранскимъ племенемъ были Массагеты. Они заняли склоны Алтая, оттиснувши на С. по Енисею Сибирскія племена и ввели въ употребленіе сплавъ, составные элементы котораго имъ въ обиліи давалъ алтайскій хребетъ. Они же оставили на Югѣ Сибири свои памятники. Иранцы въ очередь усвоили бронзу у Ассирійцевъ. Третьимъ металломъ, съ которымъ Чудь ознакомилась чрезъ Иранцевъ, нужно считать желѣзо. Пермскія и Угорскія слова для обозначенія желѣза — ост. *kart*, вот. *kort*, Зыр. *kört*, Вогул. *ker* — Шрадеръ сопоставляетъ съ староиран. *kareta*, новоперс. *kârd*, бухар. *gard*, Курд. *ker*, означающими желѣзный ножъ и предполагаетъ, что Финны называли желѣзо¹⁾ именемъ вещи, которая изъ него дѣлалась и привозилась къ нимъ¹⁾. Въ пользу предположенія Шрадера говоритъ безспорно то, что одной изъ важныхъ статей торговли съ С. начиная съ XI в. было желѣзо. Вспомнимъ лѣтописный рассказъ Гюраты Новгородца.

Не безъ вліянія восточныхъ, иранскихъ и тюркскихъ элементовъ развивалось у Коми и земледѣліе. Филологи обратили вниманіе на совпаденіе значеній западно-Финнскаго *kar-hu* и иран. *kar-schi* копать, пахать. Можетъ быть въ связи съ Финскимъ *kar-hu* стоитъ и корень *gör*—встрѣчающійся въ Пермскихъ терминахъ для обозначенія сохи-копыла и процесса паханія (копанія). Капитальные продукты земледѣлія—зерно и печеный хлѣбъ у Коми носятъ также заимствованныя, восточныя названія. Пермское *p'an'* Мункачи сближаетъ съ перс.—осман. *pan*, татар. *кирг.* и джагатайскимъ *pan*, *tus'* съ татар. *töş*, чуваш. *tüş*, *воиб-кар*, *tus'*²⁾. Слово *sur* пиво еще Альевистъ сопоставлялъ съ чувашскимъ *sra*; Мункачи прибавляетъ *tat*.

¹⁾ Шрадеръ. Сравни. языкозн. 282.

²⁾ *Munkacsi. Votjak Nyelymutat. Bud. 1884. 162.*

siga, коиб. serä, алт. siga, куманское siga. Кеппенъ, отвергая заимствованіе изъ татарскаго и допуская обратный переходъ, припоминаетъ, что Bolleg въ своемъ изслѣдованіи „Die Fin-nischen Sprachen“ отмѣтилъ сходство Финнскаго слова съ санскр. sigā, и спрашиваетъ: „нельзя-ли признать въ словахъ первобытное родство?“

Благодаря тюркамъ, можетъ быть, Коми познакомились и съ лошадыю. Названіе животнаго, повидимому, не тюркское, но тѣ приборы, съ помощью которыхъ лошадь приспособляется для верховой ѣзды, несомнѣнно, заимствованы у тюрковъ. Сѣдло ѡпуг, безспорно, находится въ родствѣ съ вотяцкимъ енер, а это послѣднее Мункачи ставитъ въ связь съ чуваш. in'ег, якут. inig, джагат. игег. Узда сермечъ есть также Тюркское слово (ср. чуваш. чермечъ). Съ данными языка относительно сѣдла вполнѣ согласны извѣстія старыхъ путешественниковъ. Лепехинъ напр. не нашелъ сѣдла у Сысольскихъ Зырянъ.

Тюрки познакомили Пермь съ овощами: лукомъ—сугоні (ср. тат. sugan, осм. sogan, алт. sogono, чув. sogapo), рѣдкой—кушманъ (чув. kušman), рѣпой—сјортни (чув. saḡik) ¹⁾.

Проводниками Тюркскаго вліянія въ Пермь служили главнымъ образомъ Булгары. Изслѣдователи давно уже обратили вниманіе на сходство многихъ „Чудскихъ“ и Булгарскихъ вещей. Можно предполагать, что Булгары являлись среди Пермянъ не только торговцами, но и колонистами. На такую мысль наводитъ существованіе селеній съ названіями Булгары на Югѣ Пермскаго края въ уѣздахъ Оханскомъ и Пермскомъ. (Сп. нас. м. №№ 25, 4515).

Позднѣе, чѣмъ связь съ Востокомъ, зараждаются отношенія въ Славянскимъ племенамъ Руси. Уже въ XII в. Пермь платила дань Новгородцамъ. Судя по извѣстіямъ о

¹⁾ Munkacsi. I. с. 140, 142.

ближайшихъ сосѣдяхъ Перми—Югрѣ—дань состояла въ мѣ-
хахъ и серебрѣ. Уплативши сборщикамъ извѣстное количе-
ство того и другаго, Коми жили вполне самостоятельно сво-
ей несложной жизнью. До XV в. они сохранили своихъ
князьковъ, до конца XVII самостоятельно избираемыхъ су-
дей.—Не подчиняя долгое время Коми политически, Русскіе
постепенно завоевываютъ ихъ культурно. Достаточно обра-
тить вниманіе на заимствованныя у Русскихъ слова, чтобы
видѣть, какъ разносторонне сказалось на Коми сосѣдство
съ ними. Прежде всего это вліяніе обнаружилось на жили-
щѣ. Въ к е р в ѣ Коми рядомъ съ обрубками дерева, пред-
ставлявшими единственную мебель, явились л а в ы, л а в н-
и ц ы (вабичъ); изба стала строиться съ подъизбицей, голб-
цемъ (голубничја); въ избѣ явился отдѣльный отъ крыши
п о т о л о к ѣ съ м а т и ц е й (матичја), полати (повать) у
оконовъ оконницы (рамы). Рядомъ съ старымъ огнищемъ гор
появилась русская печь (patš). Изъ занятій больше всего
русскому вліянію подверглось земледѣліе. Какъ ни низко
стояло и теперь стоитъ русское земледѣліе, для Коми, ковы-
рявшаго землю копыломъ, оно все же было образцомъ,
достойнымъ подражанія. Русский земледѣлецъ хотя плохо,
но удобрялъ землю назъмомъ (навозомъ), и Пермскъ заим-
ствовалъ у него обычай вмѣстѣ съ словомъ (назъомъ). Вмѣсто
выжженныхъ въ лѣсу полянъ, гдѣ зерна засѣвались между пня-
ми подчерченныхъ деревьевъ, Коми нашли у Русскаго обшир-
ныя поля, раздѣленныя м е ж а м и на полосы, вмѣсто копыла
соху съ желѣзными ральниками, которыми можно было взры-
вать почву правильными бороздами. Всѣ эти вещи съ обознача-
вшими ихъ словами вошли въ пермяцкій обиходъ. Мы ви-
димъ въ пермяцкомъ языкѣ слова м е ж а, п о л о с а, з а-
г о н ѣ, р а л ь н и к ѣ. Число культурныхъ растений увеличи-
лось л ь н о м ѣ (лѣонъ), я б л о н е й (яблонь). Подъ одно
заимствовано было еще нѣсколько орудій—вилы (вива), лопата
(зопата). Съ русской системой земледѣлія неразрывно связана
и жизнь сравнительно крупными группами—деревнями съ

дворами расположенными въ линію и улицей между двумя рядами домовъ. Коми заимствовали у русскихъ сосѣдей слова деревня, улица. Подъ вліяніемъ сосѣдства Русскихъ у Перми явились мельницы въ видѣ особыхъ, общественныхъ сооружений внѣ дома (мельницѣ). На дворѣ съ развитіемъ земледѣлія явились новыя постройки—жытныкъ. Изъ животныхъ благодаря Русскимъ Коми ознакомились съ свиньей; любопытно, что другой терминъ для обозначенія этого животного заимствованъ у тюрковъ (донгусъ). Въ костюмъ благодаря сосѣдству съ Русскими стали проникать овчина вмѣсто шкуръ дикихъ звѣрей, затѣмъ сапоги, сарафаны.

Изъ посуды появились ставечъ, воканъ, стопка, сулея, ыжбонъ. Матеріалы для построекъ увеличились тјосомъ.

Особенно сильное вліяніе произвелъ на Пермькомъ семейный строй Русскихъ съ его богатой терминологіей, приспособленной къ обозначенію тонкихъ оттѣнковъ отношеній. Коми заимствовали слова родня, семья, тестъ, свать, женихъ, невѣста, дѣдъ, (в)дова, зеть, наслѣдникъ, (в)нукъ, челядь. Мы рассмотримъ позднѣе, въ главѣ о семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, культурно-историческое значеніе этихъ заимствованій.

Ознакомивъ сосѣдей Пермькомъ съ жизнью болѣе или менѣе крупными сочетаніями, Русскіе дали имъ и рядъ новыхъ словъ для обозначенія вытекающихъ изъ такой жизни отношеній—артиль, вытј, заквадъ, законъ, имѣнјо, козяинъ, наквадъ, помочј, рјаднитны, с(т)рошны, сусѣдъ.

Въ концѣ XIV вѣка произошло событіе, которое далеко подвинуло ассимиляцію Коми съ Русскими—среди нихъ благодаря проповѣди св. Стефана утвердилось христіанство. Дѣятельность Пермскаго просвѣтителя представляетъ собою оригинальнѣйшую картину изъ исторіи старой Руси. Аналогію для нея указать только можно въ дѣятельности Кирилла и Меодія. Юноша изъ причетнической семьи въ Устюгѣ, увлека-

емый жаждою знанія, поступаетъ въ монастырь, который обладалъ большою по тогдашнимъ понятіямъ библіотекой. Здѣсь онъ дѣлитъ свое время между монашескими подвигами и чтеніемъ, жадно ловить случаи побѣсѣдовать съ начитанными людьми. Изученіе Св. Писанія и духовной литературы оказывается не въ состояніи наполнить всей его жизни. У него зараждается мысль о другой болѣе широкой дѣятельности. Стефанъ рѣшаетъ сдѣлаться просвѣтителемъ Перми, приступаетъ къ изученію пермскаго языка, переводить на пермскій языкъ русскія богослужебныя книги и составляетъ для Пермскихъ новую азбуку—однимъ словомъ воспроизводитъ все то, что было сдѣлано для Славянства Кирилломъ и Меѳодіемъ. Исполнивъ эти предварительныя работы, онъ отправляется въ Москву, чтобы получить отъ митрополита благословеніе на свой миссіонерскій подвигъ. Епископъ Коломенскій, занимавшій тогда временно вакантную митрополичью кафедру съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ предпріятію молодаго монаха. Стефанъ проникаетъ въ Пермь и начинаетъ свою проповѣдь. Каковы были вѣрованія, съ которыми приходилось бороться проповѣднику, мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, въ главѣ о религіи Пермскихъ. Здѣсь мы будемъ только разсматривать условія, при которыхъ происходила миссіонерская дѣятельность св. Стефана. Крещеніе Пермскихъ совершилось не такъ, какъ крещеніе другихъ нашихъ инородцевъ—Черемисъ, Чувашъ, Вотяковъ. Тамъ миссіонерская дѣятельность предпринималась по почину государства; миссіонеры шли на проповѣдь, снабженные для обращающихся льготами отъ податей и повинностей и подарками, но въ то же время опираясь на ресурсы государства въ борьбѣ съ формами языческой старины. Здѣсь миссіонеръ выступаетъ на свое поприще одинъ, имѣя лишь нравственную поддержку русской церкви. Успѣхъ его проповѣди цѣлкомъ зависѣлъ отъ того обаянія, которое производила на дикихъ Пермскихъ его нравственная сила. Не разъ его жизни грозила опасность, но онъ шелъ неуклонно къ своей цѣли. Безстрашное спокойствіе, съ которымъ онъ разрушалъ

жертвища и встрѣчалъ смерть, обезоруживала язычниковъ. На первыхъ порахъ у него мало было учениковъ, но это были убѣжденные прозелиты, которые находились въ постоянномъ духовномъ общеніи съ своимъ учителемъ. Они составляли духовную дружину, съ которой ему было уже легче вести свое дѣло. Для удовлетворенія потребностей своей маленькой паствы св. Стефанъ устроилъ церковь на мѣстѣ сліянія Выма и Вычегды. Съ этой позиціи открывалась возможность дѣйствовать на С. по Выму и В. по Вычегдѣ. Послѣ каждаго столновенія съ язычниками около Стефана оставалось нѣсколько новыхъ прозелитовъ; люди, пытавшіеся дѣйствовать противъ него оружіемъ, возвращались къ нему для мирнаго состязанія на словахъ; были и такіе, которыхъ привлекало къ Стефану любопытство взглянуть на воздвигнутую имъ невиданную постройку — церковь. Какъ ни просты были ея формы, она все-же производила сильное впечатлѣніе на людей, которые знали чумы, землянки да грубыя к е р к и; эти люди расходились, унося смутное предчувствіе на счетъ предстоящей побѣды новой вѣры. Біографъ не говоритъ, какъ долго продолжалась такая дѣятельность св. Стефана, и констатируетъ прямо ея результатъ. Пермяне раздѣлились исподволь на двѣ половины: одна усвоила новую вѣру, другая осталась вѣрна старинѣ и пыталась насиліями надъ христианами остановить распространеніе новаго ученія. Послѣ того, какъ эти попытки не привели къ желанному результату, масса приняла новое ученіе. Съ этого момента наступить новый фазисъ въ дѣятельности пермскаго апостола. Настала пора пустить въ дѣло изобрѣтенную азбуку и книги. Св. Стефанъ убѣждаетъ всѣхъ и старыхъ и малыхъ учиться грамотѣ и самостоятельно дополнять свое духовное развитіе. Этотъ призывъ также не остался безъ результата. Нашлась кучка неофитовъ, которая овладѣла созданной Стефаномъ Пермской грамотой. Стефанъ назначилъ ихъ священниками, чтецами и пѣвцами и съ ихъ содѣйствіемъ сдѣлалъ новые переводы священныхъ книгъ на Пермскій языкъ. Эти

первые зырянскіе грамотѣи сдѣлались помощниками его и въ дѣлѣ обученія народа. Для потребностей обширной паствы одной церкви оказалось уже недостаточно и Стефанъ соорудилъ рядъ новыхъ по мелкимъ рѣчкамъ и погостамъ. Язычникамъ изъ наступательнаго положенія пришлось перейти въ оборонительное и спасать своихъ боговъ отъ Стефана и его учениковъ, которые обходили, истребляя идоловъ, лѣса, погосты, поля, дома и привѣжки. Въ этотъ моментъ выступаетъ въ имя языческой старины Памъ, бывшій и шаманомъ и правителемъ (сотникомъ) въ Вымской сторонѣ. Онъ пытается бороться противъ Стефана его - же оружіемъ, убѣжденіемъ и ласками. Судя по неяснымъ намекамъ Епифанія, его политика не оставалась безъ результата. Стефанъ скорбѣлъ, что Памъ разрушаетъ то, что онъ создаетъ. Памъ между тѣмъ все шире и шире развѣтывалъ свою дѣятельность. Опираясь на значеніе, которое Пермаки, подобно другимъ сѣвернымъ инородцамъ, приписывали шаманамъ, онъ вызвалъ Стефана на обычное у шамановъ состязаніе, которое должно было рѣшить, кто изъ нихъ двухъ сильнѣе.

Сначала соперники должны были взявшись за руки пройти черезъ разожженный костеръ. Если-бы это испытаніе кончилось безъ рѣшительнаго перевѣса для того или другаго, оба должны были опуститься въ прорубь на дно Вычегды и выйти изъ другой проруби въ условленномъ мѣстѣ. Народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ рѣшеніе, которое должно было положить конецъ постояннымъ спорамъ и раздорамъ. По предложенію Стефана зажгли какую-то постройку. Когда постройка разгорѣлась, Стефанъ протянулъ руку Паму, чтобы двинуться вмѣстѣ съ нимъ въ огонь. Наступилъ рѣшительный психическій моментъ. Отъ твердости духа противниковъ зависѣло все. Шаманомъ овладѣлъ страхъ и онъ отшатнулся. Побѣда Стефана была рѣшена. Чтобы сильнѣе повліять на толпу, онъ начинаетъ силою тащить соперника къ огню и доводитъ его до того, что тотъ бросается

предъ нимъ на колѣна и умоляетъ о пощадѣ. Торжествующій Стефанъ смѣло вызываетъ его на слѣдующее испытаніе — водой. И здѣсь шаманъ въ послѣднюю минуту обнаружилъ страхъ. Язычество потерпѣло въ лицѣ его рѣшительное пораженіе. Стефанъ безпрепятственно могъ теперь заканчивать начатое дѣло—крестилъ тѣхъ, которые еще оставались язычниками, переводилъ на пермскій языкъ книги съ русскаго и даже съ греческаго, и наконецъ отправился въ Москву хлопотать объ основаніи Пермской епископіи. Выборъ митрополита естественно остановился на самомъ просвѣтителѣ Пермянъ. Не объ одномъ этомъ пришлось Стефану хлопотать въ Москвѣ; онъ долженъ былъ защищать и свою пермянскую азбуку и свои переводы. Рядомъ съ восторженными почитателями своей дѣятельности Стефанъ встрѣтилъ въ Москвѣ людей, которые говорили, что если ужъ Пермь намъ нужна грамота, то этой грамотой должна быть русская: она уже выработана; оставалось только научить ей Пермяковъ. Въ этихъ рѣчахъ какъ-будто чувствуется смутное стремленіе къ сознательной ассимиляціи инородцевъ. Но большинство было еще далеко отъ этихъ стремленій. Въ дѣятельности Стефана привѣтствовали новую побѣду христіанства, припоминали Кирилла и Меѳодія и не заботились о томъ, будетъ-ли отъ этой побѣды выгода Руси. Толки о значеніи дѣятельности Стефана, кажется, занимали Москву и Русь до самой его смерти. Въ страницахъ Епифаніевскаго житія чувствуется живой полемическій задоръ. Епифаній называетъ противниковъ Стефана людьми скудными умомъ, выдвигаетъ въ защиту его дѣла то, что съ раздѣленіемъ языковъ явилось раздѣленіе культурное — „раздѣлишася и нравы, и обычаи, и уставы и законы и хитрости...“ Въ отвѣтъ на замѣчанія о несовершенствахъ Стефановой азбуки — „яко нѣсть гораздо устроена азбука си, достойно есть починивати ю...“—Епифаній говоритъ, что и греческую азбуку много разъ исправляли и совершенствовали.

Взглядъ Епифанія былъ, повидимому, господствующимъ взглядомъ на дѣло Стефана русскихъ людей. Его ближайшіе преемники считали себя обязанными идти по его пути, изучали Пермскій языкъ и пользовались имъ въ своихъ сношеніяхъ съ паствою. Москва спокойно смотрѣла на событія, происходившія въ Перми. При наличности такихъ условій судьба, которую имѣло созданіе Стефана, пріобрѣтаетъ высокій историческій интересъ. Возводя пермскій языкъ на степень книжнаго, обособляя Пермлянъ кромѣ того отъ единовѣрныхъ Русскихъ и алфавитомъ, Стефанъ заложилъ зданіе самобытной пермской культуры. Русская власть, въ его пору уже чувствовавшаяся надъ Пермью, не ставила препятствій для того, чтобы вести дальше его начинаніе. Въ обществѣ большинство, какъ мы видимъ у Епифанія, сочувствовало зарожденію новой христіанской культуры. Исторіи предстояло рѣшить, могло ли Пермское племя выполнить возложенную на него просвѣтителемъ задачу. Со времени крещенія Перми до полного подчиненія ея власти Москвы прошло столѣтіе. За это время Пермiane могли безпрепятственно продолжать начатое Стефаномъ дѣло, даже распространить его на родственныхъ Вотяковъ и Югру. На дѣлѣ получилось другое—новыхъ пермскихъ книгъ, кажется, не появлялось, а тѣ, которыя были написаны Стефаномъ, со временемъ затерялись. Величавая мечта молодаго устюжанина кончилась ничѣмъ. Исторія направила пермскій народъ на иной путь—на путь сліянія съ русскимъ народомъ.

Полукочевому народу, проводившему почти все время въ охотѣ и рыбной ловлѣ, не имѣвшему крупныхъ центровъ осѣлости, класса людей, свободныхъ отъ заботы о насущномъ хлѣбѣ, отдѣленному громадными лѣсными пространствами даже отъ такихъ культурныхъ центровъ, какъ Москва, обазалась не подъ силу задача, возложенная на него св. Стефаномъ. Разливающаяся русская колонизація, возникновеніе политическихъ отношеній къ Москвѣ съ своей стороны дѣлали лишнимъ для немногихъ людей, выдѣлявшихся изъ пермской тол-

пы, трудъ перевода книгъ, которыя были для нихъ понятны и на русскомъ языкѣ.

Преемники св. Стефана на Усть - Вымской каедрѣ исподволь продолжали его дѣло. Исаакій крестилъ Печерцевъ, Пятиримъ Вогуличей. Въ 1456 г. христіанская проповѣдь проникла на Каму. Іона крестилъ нынѣшнихъ Пермьковъ. Это событіе не нашло такого историка, какъ Елифаній. Въ лѣтописяхъ вкратчѣ сказано: «крести Великую Пермь и князя ихъ и церкви поставилъ и игумены и попы» ¹⁾. Извѣстіе лѣтописи, кажется, относится къ Чердыни и ближайшимъ окрестностямъ. Около 30 лѣтъ спустя Герберштейну говорили въ Москвѣ, что Пермьки далеко не всѣ крещены: «до сихъ поръ многіе изъ нихъ остаются идолопоклонниками, живя разбѣянно въ лѣсахъ; монахи и отшельники не перестаютъ обращать ихъ отъ заблужденій и суетнаго служенія идоламъ» ²⁾. Самая проповѣдь не имѣла, повидимому, такого глубоко - захватывающаго вліянія, какъ проповѣдь Стефана. Пермьки внѣшнимъ образомъ принимали христіанство, но продолжали держаться своихъ старыхъ обычаевъ, приносили жертвы идоламъ, вступали въ браки, недопускаемые церковью. Христіанскій культъ былъ понятъ ими, какъ и другими нашими инородцами, грубо, примѣнительно къ формамъ своего стараго. Первыя церкви были воздвигнуты, по преданію, на мѣстахъ языческихъ мольбищъ. Въ новыхъ храмахъ, новому Богу они продолжали служить такъ же, какъ и своимъ старымъ богамъ. Въ пермьскомъ краѣ до сихъ поръ существуютъ часовни, куда въ опредѣленные дни приносятъ мясо куриць, барановъ, коровъ. Есть пункты, гдѣ въ собственномъ смыслѣ приносились въ жертву гекатомбы. Еще лѣтъ 10—15 тому назадъ въ Кочѣ Чердынскаго уѣзда закалалось до 80 быковъ, которые тутъ-же по-

¹⁾ Карамз. И. Г. Р. VI. Прим. 629.

²⁾ Записк. «Гербершт.» 421.

бѣдѣлись и раздавались нищимъ. Можно съ полной увѣренностью сказать, что всѣ часовни, куда приносятся до сихъ поръ жертвы, существуютъ на мѣстахъ языческихъ моленій. Относительно зырянскаго края на этотъ счетъ существуютъ положительныя указанія. Когда въ Вымѣ разламывали деревянную Архангельскую церковь, подъ алтаремъ нашли сгнившій пенъ священной березы, который Зыряне разобрали по кусочкамъ ¹⁾).

Съ водвореніемъ христіанства въ пермскомъ краѣ устанавливается духовная связь его съ Москвой. Епископы Велико-Пермскіе, будучи поставлены Московскими митрополитами, явились естественными проводниками московскихъ политическихъ стремленій. Пермь почти до самаго паденія Новгорода считалась въ числѣ Новгородскихъ областей, но прочная власть Новгородцевъ въ краѣ едва-ли простиралась далѣе XIII в. Съ того момента, какъ на водномъ пути Новгородцевъ въ Пермь, Печеру и Югру выросъ Устюгъ, опиравшійся на Ростовскую землю, господство Новгорода на Востокѣ было поколеблено. Въ XIV в. Устюжане нападаютъ на Новгородскихъ сборщиковъ дани. Съ переходомъ Устюга подъ власть Москвы положеніе Новгородцевъ становится еще болѣе шаткимъ. Иванъ Калита въ 1332 уже требуетъ съ Новгородцевъ сребра закаменскаго и подкрѣпляетъ это требованіе посылкою отряда въ Заволочье, на двинскія волости. Переходъ Устюга въ руки Москвы знаменуетъ собою начало водворенія политической власти Москвы среди Перми. Тѣ изъ Пермьковъ, которые жили въ Устюжской области по Сухонѣ и Югу, подпали, вѣроятно, вмѣстѣ съ Устюгомъ подъ власть Москвы. Допуская такое предположеніе, мы приобретаемъ возможность примирить данныя актовъ съ извѣстіями біографа ст. Стефана. Акты говорятъ намъ, что до 1471 г. Новгородъ считалъ Пермь своей волостью, біографъ Стефана между тѣмъ

¹⁾ Шишонко. Перм. Лѣт. I, 5.

вкладываетъ въ уста Пама жалобы на Москву, откуда идутъ “дани тяжкія и тіуны и приставницы“. Эти жалобы представляютъ дѣло такъ, какъ будто Пермь Вычегодская въ эпоху Стефана не имѣла уже самостоятельнаго существованія и управлялась московскими чиновниками. Въ плачѣ Пермскихъ людей заключаются намеки на тѣ же отношенія — Пермь скорбятъ, что лишились печальника передъ Московскимъ княземъ. Несостоятельность такихъ извѣстій по отношенію къ Перми Вычегодской очевидна изъ того, что еще въ XV в. мы имѣемъ въ лѣтописяхъ указанія на Вымскихъ князей ¹⁾. Князья фигурируютъ и на надписяхъ, которыя сопровождаютъ рѣзбу на посохѣ св. Стефана, исполненную въ XV—XVI в. ²⁾. — Москва дѣйствовала въ отношеніи Перми съ большою осторожностью. Пермь имѣли своихъ князей, Новгородцамъ Московскіе князья не препятствуютъ назвать Пермь своей волостью и въ тоже время съ 1449 г. именуютъ себя князьями Ростовскими и Пермскими. Въ тоже время московскій митрополитъ Іона называетъ области Вымъ, Сысолу и Вычегду вотчиной великаго князя. Новгородцы фактически сами смотрѣли уже на эти области, какъ на чужія. Они воевали въ нихъ и уводили въ полонъ тысячи жителей ³⁾. Подчиненіе Вятки въ 1459 г. увеличивало наступательныя силы Москвы. Въ 1471 г. въ качествѣ исконнаго владѣнія князя Московскаго упоминается уже бассейнъ Важи съ соприкасающими мѣстностями по теченію Вычегды ⁴⁾. Въ тоже время къ Москвѣ окончательно перешла вся Вологодская область ⁵⁾. Пермь Вымская и Камская были теперь отрѣзаны отъ Новгорода владѣніями Московскаго князя. Присоединить ихъ къ Москвѣ не составляло уже затрудненія.

¹⁾ Подробности у Дмитріева. «Перм. Ст.» I, 158—165.

²⁾ Перм. Лѣтоп. I, 16.

³⁾ Акты Ист. I, № 261.

⁴⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 94.

⁵⁾ Кар. И. Г. Р. VI, 366.

Предлогъ нашелся въ видѣ обиды, нанесенный гдѣ то въ Перми Московскимъ торговцамъ. Какимъ путемъ была присоединена Пермь Вымская, источники не говорятъ. Архангельская лѣтопись рассказываетъ только о походѣ на Пермь Камскую. Князь Ѳеодоръ Пестрый и Гаврила Нелидовъ овладѣли нынѣшнимъ Чердынскимъ Покамьемъ—разрушили пермскіе городки, въ числѣ которыхъ были Искоръ, Покча, Уросъ, Чердынь, взяли въ плѣнъ князьковъ пермскихъ Коча, Бурмата, Мичкана, Зырана и Михайла Чердынского. Любопытна добыча, которую послали побѣдители въ Москву — 16 сороковъ соболей, 29 поставовъ нѣмецкаго сукна, 3 паяцыря, шлемъ и 2 булатныя сабли. Глухое воспоминаніе о борьбѣ съ Русскими подъ Чердынемъ до сихъ поръ живетъ среди Пермяковъ. Забывъ о томъ, что они были когда-то независимыми, Пермяки помнятъ объ этой борьбѣ и думаютъ, что она должна повториться передъ кончиной міра.

Изъ скудныхъ свѣдѣній о завоеваніи Перми очевидно, что Москвичи мирнымъ путемъ проникали ранѣе туда уже. Есть извѣстія, позволяющія предположить, что русская колонизація предшествовала здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, завоеванію. Берхъ относитъ къ 1430 г. основаніе перваго Русскаго поселенія на Усоли. Посадскіе Калинниковы основали будто-бы въ это время соляныя варницы близъ села Верхъ-Боровскаго, и потомъ перенесли ихъ на р. Усолку ¹⁾. Предположеніе, что самый Чердынь основанъ въ XV в. Новгородцами не выдерживаетъ критики: во первыхъ Чердынь былъ политическимъ центромъ Перми и находился подъ властью туземнаго князя, во вторыхъ Новгородцамъ въ XV в. было уже не до колонизаціи такихъ далекихъ владѣній, когда приходилось бороться за ближайшія—за Вологду и Двинскую область.

¹⁾ Путеш. въ Черд. и Сол. у. 3.

Событія 1472 г. измѣнили главнымъ образомъ отношенія Перми къ сосѣдямъ. Независимые пока еще вогульскіе князья стали видѣть теперь уже въ князьяхъ пермскихъ своихъ враговъ и слугъ Москвы и избрали Пермскія области предметомъ своихъ нападеній. Въ 1481 г. Чердынъ пришлось уже русскими силами спасать отъ подошедшихъ Вогуловъ. Опасность грозила и Вымской Перми. Объ этомъ можно заключать изъ того, что стараніями Вымскаго епископа Филофея было достигнуто въ 1485 г. соглашеніе между Югорскими и Вымскими князьями, по условіямъ котораго Югры клялись не нападать на Пермичей. Тревога Югры была основательна. Въ 1483 г. мы видимъ, дѣйствительно, Пермяковъ бою о бою съ Русскими въ походѣ противъ Югры за Уралъ ¹⁾. По отношенію къ внутреннему положенію на первыхъ порахъ никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ не произошло. По прежнему Пермяки управлялись своими собственными князьями; по прежнему платили дань—только не въ Новгородъ, а въ Москву. Тридцать лѣтъ держались эти отношенія. Сынъ и преемникъ Московскаго подручника въ Чердынѣ Михаила—Матвѣй сдѣлалъ, кажется, попытку обратить зависимыя отношенія отъ Москвы въ номинальныя—уклонаясь отъ платежа дани, не обращалъ вниманія на требованія Московскаго князя. Изъ Москвы было сдѣлано предостереженіе, но Матвѣй не обратилъ на него вниманія. Въ 1505 г. ему пришлось однако убѣдиться, что Москва не номинальная власть по отношенію къ Перми. Воспользовавшись пожаромъ, случившимся въ Чердыни Иванъ свелъ съ княжескаго стола пермскаго князя, какъ нерадящаго о своей странѣ и замѣнилъ его своимъ намѣстникомъ ²⁾. Пермяки съ полнымъ спокойствіемъ отнеслись къ этой перемѣнѣ. Умирая, Иванъ передалъ своему сыну Василию III Вычегду, Вымъ, Удору, Сысолу и Пермь Великую, какъ волости Московскаго государства.

¹⁾ Перм. Лѣт. I, 31.

²⁾ Ibid. 33.

Послѣ прекращенія власти національныхъ князьковъ Пермьки стали управляться Московскимъ намѣстникомъ, который имѣлъ своей резиденціей Чердынь. Переходъ власти не означалъ измѣненія стараго порядка. Намѣстники не имѣли права перерѣшать приговоры или отмигать грамоты Пермскихъ князей. Намѣстникъ собиралъ съ Пермьковъ дань, чинилъ судъ, оберегалъ отъ враждебныхъ сосѣдей-инородцевъ. Онъ имѣлъ цѣлый штатъ подчиненныхъ ему чиновниковъ—тіуновъ, цѣловальниковъ, доводчиковъ и праведчиковъ. Тіуны вѣдали по преимуществу судебныя дѣла, цѣловальники собирали подать, пошлины, производили торговлю регаліями—виномъ и пр. Подати собирались особыми чиновниками—данниками или бѣльщиками. Намѣстникъ получалъ свое содержаніе натурой: извѣстное количество денегъ при пріѣздѣ и по праздникамъ Рождества, Пасхи и Петрова дня.

Отношенія Пермьковъ къ намѣстнику и размѣръ тѣхъ повинностей, которыя они должны были ему уплачивать опредѣлялись спеціальнымъ государственнымъ актомъ—уставной грамотой. Пермское населеніе высоко цѣнило этотъ актъ, которымъ дѣятельность намѣстника ставилась въ опредѣленныя границы. Когда эта грамота сгорѣла и администрація начала дѣйствовать произвольно—судить безъ цѣловальниковъ—населеніе Перми отправило въ Москву депутатовъ отъ городскихъ и сельскихъ людей съ тѣмъ, чтобы выхлопотать новое подтвержденіе ея. Эти депутаты представляли въ числѣ другихъ интересовъ и интересы ясачныхъ Пермьковъ. Пермьки, судя по грамотѣ, жили тогда исключительно охотой и платили налогъ (ясакъ) съ л у к а. Злоупотребленія намѣстничьихъ агентовъ выражались между прочимъ въ томъ, что они писали лишніе луки.

Желаніе Пермьковъ было удовлетворено. Новая грамота опредѣляла размѣръ содержанія, которое должны были платить ясачные Пермьки намѣстнику и его штату. „Съ пятнадцати сотъ луковъ, со шти сотъ сорока пяти луковъ на

Рождество Христово за 1400 бѣлокъ четырнадцать рублей, по двѣ деньги за бѣлку, на Великъ день — за 700 бѣлокъ 7 рублей, на Петровъ день за 700 бѣлокъ 7 руб.“ Сборъ повинностей по грамотѣ должны были производить старосты и люди добрые, Пермьки сами. Чиновники намѣстника не имѣли права ѣздить по погостамъ писать луки. Распредѣленіе повинностей между собою Пермьки должны были производить также сами. Въ избѣжаніе лишнихъ расходовъ намѣстникъ не долженъ былъ ранѣе года мѣнять чиновниковъ или переводить доводчиковъ изъ одного погоста въ другой. Грамата входитъ въ мельчайшія подробности отношеній чиновниковъ къ поселенію. Предусматривая возможность злоупотребленій при требованіи доводчиками прокорма при поѣздкахъ, грамата говоритъ: „что (Пермькѣ) самъ ѣсть, тѣмъ и доводчика кормить“.

Помимо тѣхъ данныхъ, которыя представляетъ грамата для опредѣленія отношеній населенія къ намѣстникамъ, мы находимъ въ ней указанія на юридическіе обычаи, имѣвшіе мѣсто въ Пермской землѣ (у Пермьковъ специально, или у всего населенія?). Спорные вопросы — по поводу займа, грабежа или драки, воровства, убійства, поджега, клеветы и ябедничества, рѣшались, оказывается, полемъ, т. е. поединкомъ. Судъ долженъ былъ производиться съ участіемъ выборныхъ цѣловальниковъ, старосты и лучшихъ людей. „Лихихъ“ людей, преступность которыхъ засвидѣтельствуютъ подъ присягой 5—6 „добрыхъ людей“, Пермьки имѣли право выгонять вонъ изъ своей земли.

Для уясненія той организаціи, которую имѣли Пермьки въ эпоху уставной грамоты, важно счисленіе луковъ сотнями по двумъ группамъ и взиманіе поборовъ со знамени. Мы имѣемъ здѣсь, повидимому, указанія на тройное дѣленіе Пермьковъ: о первой крупнѣйшей группѣ можно догадываться по тому, что число луковъ сосчитано не въ общей суммѣ — а пятнадцать сотъ и 645; другую группу представляетъ сотня луковъ, третью знамя. Подъ знаменемъ слѣдуетъ ра-

зумѣть родъ, имѣющій общій знакъ собственности—тамгу *).

Въ началѣ XVI в. прекратилась политическая самостоятельность Перми. Во второй половинѣ его были заложены основы для другаго крупнаго явленія въ исторіи Пермиковъ—закрѣпощенія большей части ихъ за русскими помѣщиками. Въ 1558 г. громадная территория по обѣ стороны Камы отъ устья р. Лысвы до устья Чусовой переходитъ въ собственность Аникия Строганова. Для того, чтобы понять это явленіе нужно перенести въ ту эпоху колоссальныхъ территориальныхъ пріобрѣтеній, которая открывается покореніемъ Казани и заканчивается у береговъ Восточнаго Океана. Въ 1552 г. падаетъ Казань, въ 1554 г. Астрахань и въ

*) Грамата, съ содержаніемъ которой мы ознакомились, относится обыкновенно къ 1553 г. Берхъ, который ее отыскалъ и издалъ, думалъ, что она была дана въ 1505 г. когда князей замѣнили намѣстники. Г. Дмитріевъ, перепечатавшій ее въ своей «Пермской старинѣ» (1 вып.) раздѣляетъ мнѣніе Берха. Мы думаемъ, что это единственно-правильный взглядъ на время дарованія грамоты. Въ грамотѣ есть мѣсто, которое по нашему мнѣнію ясно показываетъ, что оригиналъ ея данъ непосредственно за установленіемъ намѣстничества. «О земляхъ и о рѣкахъ и озерахъ и всякихъ угодьяхъ судъ за три года, а далѣ того о земляхъ не судити; и первыихъ судовъ и грамотъ князей Пермскихъ не посуживати считаемъ мы въ ней. Это мѣсто свидѣлствуетъ, что грамота была издана въ такое время, когда власти имѣли дѣло съ массой споровъ изъ за права владѣнія землями и угодьями. Правительство считало нужнымъ назначить довольно долгій срокъ для улаженія этихъ споровъ и предупредить, что оно не беретъ перерѣшатъ постановленія Пермскихъ князей. Такимъ періодомъ, когда Пермичамъ могло показаться, что теперь должны измѣниться всѣ основы владѣнія и пользованія землями и угодьями (включая сюда и права, данныя Пермскими князьями), могъ быть только періодъ перехода отъ самостоятельнаго управленія къ намѣстническому.

Другимъ свидѣтельствомъ въ пользу принадлежности грамоты къ началу XVI в. служитъ характеръ пермскаго быта. Грамата представляетъ Пермиковъ охотниками, считаетъ ихъ по лугамъ, опредѣляетъ платежи бѣлками. Писцовая книга Яхонтова говоритъ уже исключительно о земледѣльцахъ; само собою разумѣется, больше вѣроятности предположить, что эта перемѣна совершилась въ 70 лѣтъ подъ вліяніемъ прилива русскихъ колонистовъ, чѣмъ въ 25, отдѣляющія эту книгу отъ 1553 г.

руки Москвы переходятъ громадныя земли Поволжья отъ Василя до Каспійскаго моря. Одновременно основывается русская власть въ земляхъ Башкиріи. Въ 1655 г. территоріальныя приобрѣтенія *de jure* переходятъ за Уралъ. Князь Сибирскій Едигеръ отдается съ своими людьми подъ власть Москвы. Если мы прибавимъ къ этому прибрѣтенныя въ началѣ XVI в. Югорскія земли и перешедшую въ непосредственное вѣдѣніе московскаго правительства Пермь, то окажется, что въ распоряженіе Москвы поступила колоссальная территорія отъ Ледовитаго моря до Каспійскаго съ С. на Ю. отъ устья Суры до Урала съ З. на В. Эта территорія была извѣстна Русскимъ людямъ лишь настолько, насколько можно было ознакомиться съ ней, плывя по главнымъ воднымъ артеріямъ—Вычегдѣ, Печерѣ, Камѣ, Бѣлой и Волгѣ.

Обратить громадный край въ дѣйствительное достояніе русскаго народа и государства предстояло не безъ борьбы. Бороться приходилось прежде всего съ кочевниками, занимавшими земли на Югъ отъ Камы и Чусовой и все Зауралье. Между тѣмъ государственныя ресурсы нужно было какъ разъ въ это время напрягать для борьбы на два фронта—съ Ногаями, отрѣзывавшими Москву отъ Чернаго моря, и Нѣмцами, державшими въ своихъ рукахъ Балтійское. Государство страшно нуждалось въ приспособленныхъ къ военному дѣлу служилыхъ людяхъ и отпускало ихъ на В. въ комически маломъ числѣ. Понятно при такихъ условіяхъ, что оно хваталось за всякое средство удержать за собой безъ затраты служилыхъ людей новопріобрѣтенныя земли и не стояло за тѣмъ, чтобы вознаграждать людей, которые изыскивали такія средства, даже обширными пространствами пустопорожней земли. Человѣкомъ, предложившимъ такое средство для Перми, явился Аникій Строгановъ—богатый Вологодскій (точнѣе Соль-Вычегодскій) солепромышленникъ и землевладѣлецъ. Онъ испрашиваетъ для своего сына Григорія „пустопорожнія земли“ по Камѣ съ обязательствомъ устроить на нихъ „городки за свой счетъ и въ городкахъ пушки и пищали учинити и пушкарей и пи-

щальниковъ и воротниковъ устроить для береженія отъ Нагайскихъ людей и иныхъ ордъ¹⁾. Заселить земли онъ обязывался не письменными, не тяглыми людьми, рудъ серебряныхъ, мѣдныхъ, и оловяныхъ не разрабатывать¹⁾. Принимая на себя въ замѣнъ за пустопорожнія земли защиту отъ враждебныхъ инородцевъ заселенныхъ земель Перми Великой, Строгановы по условіямъ XVI в. предлагали государству выгодный договоръ. Вопросъ заключался въ томъ, дѣйствительно - ли эти земли были пустопорожними, не нарушала - ли отдача ихъ чьихъ нибудь интересовъ. Москва не имѣла обычая, отобравши у покоренныхъ народовъ земли, обращать туземцевъ въ рабовъ для завоевателей. Предъ царскими фискомъ были равны Русскій, Черемисинъ, Пермскій и Вогулъ. При добрыхъ намѣреніяхъ Московскому правительству недоставало, къ сожалѣнію, знаній на счетъ того, что ему попало въ руки. Аника Строгановъ не считалъ нужнымъ просвѣщать въ географіи грознаго царя. Въ своей челобитной онъ сообщаетъ только поперечникъ того пространства, которое намѣревался прибрать къ рукамъ. Какую ширину имѣла просимая территорія, предоставлялось догадываться изъ ходатайства о позволеніи по рѣчкамъ, впадающимъ въ Каму до вершинъ и по озерамъ „лѣсъ сѣчь, пашни расчистя пахать и дворы ставить“. Что это были за рѣчки, какъ онѣ назывались, въ просьбѣ не было даже упомянуто; между тѣмъ въ числѣ ихъ оказываются съ правой стороны Иньва, вытекающая изъ Глазовскаго у. Вятской губерніи и имѣющая 160 в. длины, Обва, начинающаяся также по близости Вятской губерніи и занимающая своимъ бассейномъ на протяженіи 200 верстъ обширное пространство въ нынѣшнихъ уѣздахъ Оханскомъ и Пермскомъ; съ лѣвой стороны Яйва берущая начало на Уралѣ и имѣющая длину 300 в., Косьва, впадающая въ Каму нѣ-

¹⁾ Перм. Лѣтоп. I, 51.

сколько ниже Иньвы, съ теченіемъ въ 280—300 в¹⁾. Испрашивая для себя земли по теченію этихъ рѣчекъ до ихъ вершинъ, Строгановъ простиралъ свои желанія на громадное пространство отъ границъ между нынѣшними губерніями Вятской и Пермской до Урала съ З. на В. и отъ Ласвы до Чусовой съ С. на Ю. Это пространство опредѣляется въ 3,415,840 десятинъ²⁾. Вопросъ о принадлежности его былъ разрѣшенъ въ челобитной самымъ короткимъ образомъ: Строгановъ категорически заявлялъ, что испрашиваемыя земли пусты, „пашни на нихъ не паханы, дворы не ставили, въ цареву казну ни какого дохода не бывало и нынѣ не отданы никому и въ писцовыхъ книгахъ, и въ купчихъ и въ правящихъ то мѣсто не написано ни у кого“. Дѣло представлялось вполне вѣрнымъ; для пущей убѣдительности сдѣлана была даже ссылка на писцовыя книги, которыхъ относительно Пермской области еще и не было. Не упомянуто было только о Пермьяхъ, которые могли имѣть здѣсь, если не постоянныя жилища, то угодья. Но о нихъ догадались спросить въ Москвѣ. Дать справки могъ пріѣхавшій въ Москву съ пермской данью Пермьякъ Кадаулъ. Кадаулъ сообщилъ правительству, что у Пермьяковъ въ тѣхъ мѣстахъ ухажеевъ (промысловъ) нѣтъ. Предполагаютъ, что Кадаулъ продалъ Строгановымъ свое свидѣтельство и интересы родичей Пермьяковъ. Въ какой степени были точны его свѣдѣнія, можно судить изъ того, что Яхонтовъ, составлявшій по порученію Московскаго правительства въ 1579 г. т. е. черезъ 15 лѣтъ послѣ полученія Строгановыми дачи, писцовыя книги по Пермскимъ землямъ, отнесъ въ составъ отхожаго Чердынскаго станна бассейны тѣхъ-же Иньвы, Обвы, Яйвы и Косьвы. Это отчисленіе могло состояться лишь по тому, конечно, что на данной территоріи находились поселенія и угодья

¹⁾ Сп. н. м. Перм. губ. Спб. 1874.

²⁾ Дмитр. «Перм. Стар.» I, 101.

государственныхъ крестьянъ. Границы отхожаго стана по направленію къ Камѣ видны изъ того, что по Яхонтову въ отхожемъ станѣ находятся на Иньвѣ Кудымкорь, Купрость, Туманская, Юсьва на притокѣ Иньвы того-же названія, Кува на притокѣ Иньвы того-же названія, на Обвѣ—погость Обва (нынѣ Ильинское), Криваянаволока и Оедорово. Внѣ отхожаго стана оставалась сравнительно узкая полоса вдоль Камскаго берега до Ильинскаго по Обвѣ и Майкора по Иньвѣ ¹⁾. Уже одно существованіе цѣлыхъ погостовъ въ отхожемъ стану способно представить въ настоящемъ свѣтѣ Строгановскія увѣренія на счетъ пустопорожности камскихъ земель. Писцовыя книги заключаютъ и другія, косвенныя доказательства того, что пашни здѣсь были пахиваны и до Строгановскихъ поселенцевъ. Въ писцовыхъ книгахъ Яхонтова мы находимъ любопытныя соотношенія между числомъ населенія и количествомъ культивированной земли. Вокругъ Яйвенской слободки было три починка, которымъ принадлежали 399 четей пахатной земли и 111 дес. пашеннаго лѣса, т. е. всего 1112 дес., въ Сылвенскомъ округѣ за тремя деревнями и пятью починками значилось 2847 четей т. е. 7117 дес. пашни и 222 дес. пашеннаго лѣса. Трудно допустить, чтобы горсть людей въ состояніи была въ 15 лѣтъ обработать такую громадную площадь дикаго лѣса. Вѣроятно, старое населеніе было согнано.

Правительство само, повидимому, не совсѣмъ довѣряло просителю и отдало ему просимыя земли съ важной оговоркой „во всякія угоды Пермичамъ и въ земляныя и въ лѣсныя отъ Лысвы рѣки по Камѣ, по рѣчкамъ и озерамъ и до вершинъ и до Чусовыя рѣки у Григорія не вступаться ни въ которыя угоды въ новыя, а владѣютъ Пермичи старыми ухожени, которыми изстари владѣли, и Григорій владѣетъ своими новыми ухожени, а что будетъ намъ

¹⁾ Дмитр. «Перм. Ст.». I, 84.

Григорій по своей челобитной ложно челомъ билъ и то самая грамота не въ грамоту“¹⁾).

Правительство удерживало за собой такимъ образомъ право по полученіи новыхъ, противорѣчащихъ свѣдѣній взять свое рѣшеніе относительно отданныхъ земель назадъ. Такихъ свѣдѣній въ Москву не доходило. Пользуясь царскимъ довѣріемъ, Строгановы продолжаютъ выпрашивать новыя земли. Въ 1568 г. Строгановскія дачи были увеличены теченіемъ Чусовой и впадающихъ въ нее притоковъ съ обязательствомъ, чтобы владѣльцы за свой счетъ поставили тамъ городки и крѣпости. Черезъ 15 лѣтъ послѣ первой дачи благодаря работамъ Яхонтова Москва приобрѣла возможность судить о томъ, ложно-ли билъ челомъ Григорій Строгановъ и воспользоваться оговореннымъ въ дарственной грамотѣ правомъ отобрать подаренныя земли, но ссориться съ Строгановыми въ эту пору было невыгодно. Съ утвержденіемъ Строгановыхъ на Чусовой возникаютъ враждебныя отношенія къ Остякамъ и Вогуличамъ, которые жили по этой рѣкѣ, и сибирскимъ ихъ родичамъ. Въ 1573 г. Целымскій князь Бехбелей переходитъ Уралъ, опустошаетъ окрестности Чердыни и Кая, оттуда проникаетъ въ Строгановскія владѣнія и грозитъ Камгарту, Кергедану и городкамъ по Чусовой, Яйвѣ и Солвѣ. Строгановы напали на грабителей въ горахъ и съ трудомъ одолѣли ихъ. Въ томъ-же году на Чусовой городъ совершаетъ нападеніе братъ Сибирскаго царя Маметгуль. Результатомъ этого нападенія было то, что Строгановы получили отъ царя разрѣшеніе ходить на Сибиряковъ войной и бунтовщиковъ подъ царскую руку проводить. Въ 1574 г. имъ предоставленъ былъ во власть незавоеванный еще бассейнъ Тобола. Въ ту пору, какъ составлялась писцовая книга Яхонтова, Строгановы организовали уже Сибирскую экспедицію изъ волжскихъ викинговъ — промышлявшаго разбоемъ донскаго

¹⁾ Перм. лѣт. I, 53.

казака Ермака съ товарищами. Казацкіе отряды быстро рѣшили дѣло въ пользу Руси и Строгановыхъ. Въ то время, какъ изъ Москвы шли въ послѣднимъ грозныя царскія грамоты, въ которыхъ они обвинялись въ нарушеніи государственныхъ интересовъ, изъ Сибири на Русь отправлялся Иванъ Кольцо, чтобы отдать покоренную страну подъ высокую руку царя Московскаго.

Наслѣдникъ грознаго царя былъ не изъ тѣхъ людей, которые способны на энергическія дѣйствія. Строгановы при немъ не только удержали за собой свои колоссальныя владѣнія, но получили въ 1597 г. даже прибавку—земли лежащія по притокамъ Камы отъ Лысьвы (ниже Чусовой) до Ошана отъ устья до вершинъ. Этими притоками были Лысьва (60 верстъ длины), Сюзьва (50 в.), Нытва (50 в.), Очеръ (80 в.)¹⁾. Новый участокъ прекрасно закруглялъ Строгановскія дачи по правому берегу Камы. Верховья полученныхъ рѣчекъ сходились съ верховьями рѣчекъ бассейна Обвы. Первому царю изъ дома Романовыхъ было также не совсѣмъ удобно заводить съ Строгановыми счеты. Строгановы были кредиторами казны въ тяжелую пору водворенія на Руси порядка. Они ссудили до вступленія на престолъ Михаила на нужды государства 423,706, ссужали его и послѣ (въ 1673 г. при Алексѣѣ Михайловичѣ эта ссуда, не смотря на платежи, достигала до 417,056 рублей)²⁾. Михаилъ Федоровичъ не только не поднималъ вопросовъ о Камскихъ рѣчкахъ, но даже подарилъ въ 1615 г. Строгановымъ еще нѣсколько новыхъ отъ устья Ошана до устья Тулвы близъ Осы; такъ что Строгановскія владѣнія на всемъ югозападѣ почти совпали съ границами Пермской губерніи и Вятской.

Когда въ 1623 г. поручена была Кайсарову новая опись Пермскихъ земель, Строгановы, повидимому, не считали болѣе нужнымъ играть съ правительствомъ въ жмурки и

¹⁾ Перм. Лѣтоп. I, 121.

²⁾ Дмитр. «Перм. Ст.» II, 156.

показали, какія рѣчкѣ и они считаютъ своей собственностью: „да въ рѣку-же Каму, читаемъ мы у Кайсарова въ писцовой книгѣ Строгановскихъ вотчинъ, впади въ той-же ихъ межѣ рѣкѣ Обва, да рѣка Косьва, да рѣка Иньва“. Слѣдующая за тѣмъ фраза показываетъ, какъ составлялъ Кайсаровъ свои книги. Онъ находитъ возможнымъ утверждать послѣ того, какъ Яхонтовъ описалъ „отхожіе“ погосты и деревни на Обвѣ и Иньвѣ, что „по тѣмъ рѣкамъ по обѣ стороны отъ устей до вершинъ и въ той межѣ берега пустыя и острова и рѣки малыя, которыя впади... въ Обву, и въ Косьву и въ Иньву отъ устей и до вершинъ и озерка лѣшіе съ истока и лѣса дикіе съ рыбными и звѣринными ловлями и со всякими угодами ихъ Максимовы да Ивановы ¹⁾... Писецъ безцеремонно обходитъ существованіе ряда извѣстныхъ правительству селеній въ бассейнѣ Иньвы и Обвы и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ маленькую поправку къ дарственной 1558—1564 г.: не однѣ ужъ рѣчкѣ Иньва, Обва и Косьва оказываются въ Строгановской межѣ, но и ихъ притоки отъ устьевъ и до вершинъ. „Часть отхожаго стана“ Чердынцевъ благодаря этому канцелярскому приему обращалась для правительства въ пріятное воспоминаніе.

Москва пока не обращала на невыгодныя для нея бумаги вниманія и продолжала распоряжаться населеніемъ отданныхъ земель и самими землями. Въ писцовой книгѣ Усольскаго уѣзда, составленной въ 1647 г. Елизаровымъ, Иньва и Обва все еще считаются государственнымъ достояніемъ. Елизаровъ показываетъ здѣсь новыя погосты—Купросъ, Майкоръ, Нижнюю Юсьву, на Обвѣ Рождественскій, Карагай, Георгіевскій, Богородицкій. Обвинскія селенія составляли особую Обвинскую соху.

Книги Елизарова вводятъ насъ въ новый періодъ отношеній Строгановыхъ къ правительству. Строгановы выража-

¹⁾ Перм. стар. I, 127.

ютъ уже притязанія на владѣніе погостами, которые были основаны государевыми крестьянами. Елизаровъ заноситъ Майкоръ въ число селеній, принадлежащихъ Дан. Ив. Строганову ¹⁾. Этотъ захватъ встрѣтилъ протестъ съ стороны населенія. Затѣмъ нѣсколько ранѣе по жалобѣ „Чердынцевъ и Усольцевъ“ подъячій Антипинъ на основаніи царскаго указа отписалъ къ Обвинской сохѣ отъ вотчины Дан. Строганова одиннадцать деревень; тутъ было между прочимъ село Кыласово на Иньвѣ. Строгановы продолжали однако предъявлять на нихъ свои притязанія и Елизаровъ вноситъ ихъ въ свою переписную книгу Строгановскихъ владѣній въ качествѣ отписныхъ деревень, которыми нынѣ владѣетъ Данила-жъ Строгановъ ²⁾.

Населеніе Инвенскаго и Обвинскаго бассейновъ между тѣмъ быстро расло. „Изъ многихъ мѣстъ на Обву и на Иньву крестьяне селятся многіе и пашни у нихъ великія и мѣсто теплое и земли родимые и хлѣбъ и медъ и хмѣль у нихъ родится на всѣ годы...“, читаемъ мы въ одной мѣстной крестьянской челобитной. Въ числѣ переселенцевъ на Обву и Иньву были и Чердынцы—Пермичи ³⁾.

Черезъ 15 лѣтъ со времени составленія Кайсаровскихъ книгъ Инвенскій и Обвинской районъ уже называется станомъ, жители его продолжаютъ считать себя государевыми крестьянами, но уже не Чердынскаго, а Усольскаго уѣзда.

Путаница отношеній съ 40-хъ годовъ XVII в. все болѣе и болѣе увеличивается. Въ 1560 г. оказалось, что и Лысьва, которую въ качествѣ безлюдной и никому не принадлежащей рѣки получилъ Строгановъ и пожертвовалъ Пыскорскому монастырю, была занята Усольцами: „Пыскорскаго монастыря архимандритъ съ братьей... по рѣкѣ по Лысьвѣ, писали Усольцы царю—и до вершины сѣнными покосы и пашенными

¹⁾ Перм. Стар. II, 92.

²⁾ Ibid. 98.

³⁾ Ibid. 50—51.

землями и лѣсами и рыбными ловлями завладѣли насильствомъ и нашу Усольскую тяглую землю у податныхъ тяглыхъ людей поотнимали и подѣ закладъ и вкладомъ поимали ¹⁾“.

Государство продолжаетъ держаться за свои права до самаго конца XVII в. Писцовыя книги Бѣльскаго въ числѣ государственныхъ владѣній считаютъ извѣстную уже намъ Обвинскую соху. Въ числѣ прибылыхъ погостовъ и селеній мы видимъ у Бѣльскаго на Обвѣ погосты Срѣтенскій (дер. Вотчина), Георгіевскій (Кривецъ), Николаевскій. На Иньвѣ также государственные крестьяне еще держались противъ Строгановскихъ захватовъ: „деревня Майкорь... да деревня Мартынова на устьѣ рѣки Оны, а въ ней крестьянскихъ дворовъ девять и тѣ послѣдніе той деревни Майнора крестьяне живутъ за Великимъ государемъ въ деревнѣ Быковѣ, а деревни Мартыновы живутъ за В. Г. и писаны въ тѣхъ деревняхъ въ погосту Майкору...“ ²⁾.

Всматриваясь въ исторію отношеній между Строгановыми и правительствомъ мы приходимъ къ заключенію, что эти отношенія при постоянномъ ростѣ населенія могли кончиться двояко — или возвращеніемъ уступленныхъ Строгановымъ земель по Камѣ по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ отхожаго стана въ казну или отдачей Строгановымъ поселившихся на ихъ земляхъ людей. Отхожій станъ обращалъ въ фикцію владѣніе рѣчками до ихъ вершинъ; „владѣніе рѣчками“ въ свою очередь дѣлало невозможнымъ существованіе въ ихъ области государевыхъ крестьянъ. Игнорировать грамоты, данныя въ пору полного невѣдѣнія о размѣрахъ государственной территоріи, становилось затруднительнымъ. Въ концѣ XVII в. эти запутанныя отношенія выяснились въ интересахъ Строгановыхъ. Размежеваться съ Строгановыми, выдѣлить по недоразумѣнію отданный имъ отхожій станъ на

¹⁾ Перм. Стар. II, 106.

²⁾ Ibid. 167.

основаніи оговорки въ грамотахъ 1558—64 г., правительство не сочло удобнымъ. Строгановскіе интересы представлялъ тогда хитрый дѣлецъ Григорій Дмитріевичъ, государственные—молодой, размахисто-щедрый къ своимъ любимцамъ Петръ. Строгановъ ловко повернулъ дѣло въ свою пользу. Сначала, въ 1688 г. онъ заручился обычнымъ подтвержденіемъ всѣхъ прежнихъ грамотъ. Въ 1691 сдѣланъ былъ новый шагъ въ смыслѣ устраненія государства отъ Пермскихъ земель. До сихъ поръ государство было ихъ верховныхъ собственникомъ и утверждало во владѣніи ими каждое новое лицо. Григорій Строгановъ добился того, что всѣ, когда бы то ни было пожалованныя земли обращались въ вѣчное и потомственное владѣніе Строгановскаго рода. Этотъ государственный актъ не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, что было сдѣлано Грознымъ. Тамъ государство дѣйствовало въ географическихъ и статистическихъ потемкахъ, но все-же пыталось оградить интересы народа. Здѣсь отреченіе отъ территоріи отхожаго стана наступаетъ послѣ того, какъ этотъ станъ былъ изслѣдованъ и описанъ Яхонтовымъ, Кайсаровымъ, Елизаровымъ и Бѣльскимъ, послѣ того, какъ была получена возможность сопоставленіемъ данныхъ, добытыхъ писцами, съ утвержденіями челобитныхъ обличить ихъ несостоятельность. Добившись полного отреченія правительства отъ Пермской территоріи, ловкій дѣлецъ далъ правительству немножко вздохнуть, занимая его сравнительно мелкими просьбами—въ 1695 г. относительно притока Косы Лолога, въ 1697 относительно Лены и Зырянскихъ соляныхъ промысловъ. Въ 1700 онъ сдѣлалъ послѣдній ходъ, въ результатахъ котораго трудно было уже сомнѣваться. Основываясь на признанномъ уже фактѣ, что со времени жалованныхъ грамотъ Грознаго земли по Обвѣ, Иньвѣ, Косьвѣ и другимъ камскимъ притокамъ явились въ межахъ, въ дачахъ и урочищахъ Строгановыхъ, Григорій Строгановъ обращаетъ вниманіе правительства на то, что на тѣхъ его вотчинныхъ земляхъ „крестьяне и бобыли поселились до писцовъ и послѣ писцовъ и къ уѣзду Соли Камской припи-

сались и живутъ въ тѣхъ мѣстахъ и всякими угодами владѣютъ... самовольствомъ своимъ, безъ государева указа и безъ крѣпостей“ и на этомъ основаніи испрашиваетъ себѣ погосты бывшаго отхожаго стана. Если-бы правительство дорожило свободной тяглою силой, оно могло - бы свести своихъ крестьянъ или вознаградить Строгановыхъ другой свободной территоріей — но въ эпоху Петра такое рѣшеніе было невозможно. Петръ мало цѣнилъ свободную народную силу. Указомъ 1 іюля 1700 г. погосты отхожаго стана были отписаны къ Григорію Строганову; 22 мая 1702 г. это приврѣпленіе было утверждено на вѣчныя времена ¹⁾. 14 тысячъ человѣкъ м. п. обратились изъ свободныхъ людей въ Строгановскихъ крѣпостныхъ. Черезъ 15 лѣтъ правительство увидало, какимъ результатомъ сопровождалось его распоряженіе. Во всѣхъ Пермскихъ имѣніяхъ Строгановыхъ оказалось 5,324 пустыхъ двора и 33,235 человѣкъ обоего пола бѣжавшихъ съ своихъ земель. Въ этихъ тысячахъ были, конечно, въ немаломъ числѣ и крестьяне бывшаго отхожаго стана.

Не однимъ закрѣпощеніемъ сопровождался для Пермьковъ тотъ фактъ, что значительная часть ихъ очутилась на Строгановскихъ земляхъ. Съ этой поры начинается и ихъ постепенное обрусѣніе. Путешественникъ, имѣвшій возможность ознакомиться только съ Пермьцкими волостями по Иньѣ отъ вершинъ ея до Купроса, можетъ сказать, что вѣка, въ теченіи которыхъ Пермьки прожили подъ русской властью, прошли безслѣдно въ смыслѣ ихъ уподобленія съ государствующей народностью. Но стоитъ припомнить ту массу пермьцкихъ названій рѣчекъ и селеній, которую предлагаетъ намъ Русскій Обвинскій край и Пермскій уѣздъ вообще, чтобы увидѣть результаты сожительства Русскихъ съ Пермьками.

Сѣверо-Западная часть Пермькой губерніи (уѣзды Оханскій, Пермскій, Соликамскій и Чердынскій) представляетъ

¹⁾ Перм. стар. II, 176.

на значительномъ пространствѣ картину, которую мы видимъ въ средней Россіи — въ губерніяхъ Владимірской, Ярославской, Московской: массу нерусскихъ названій урочищъ и населенныхъ мѣстъ при сплошь русскомъ населеніи. Различіе заключается въ томъ, что здѣсь мы по большей части оказываемся въ состояніи опредѣлить чуждыя русскому духу имена, назвать народность, которая оставила ихъ послѣ себя. Справляясь съ данными выше списками личныхъ Пермскихъ именъ и типами мѣстныхъ названій, читатель не затруднится признать, что южные уѣзды намѣченнаго края заключаютъ въ своихъ мѣстоназваніяхъ массу слѣдовъ, оставленныхъ жившихъ тамъ Пермцами. Таковы въ Оханскомъ уѣздѣ: Тельканы, Олекина, Коналы, Лунева, Пермечата, Рябовской, Леушканова, Волегова, Видящерскій, Габова, Челпановскій, Мошевскій, Чекулаевскій, Перемка, Перемскій, Даньки, Пачина, Мартинъ, Пермиковъ, Кочевашевъ, Зайганова, Лышово, Чалово, Кочева, Гавина, Кусперская, Козгова, Ярина, Омигина, Ожегова, Зюкайское, Леханова, Бакина, Шитоева, Микова, Кышева, Мошова, Т(п?)ыстогова, Пермикова, Чудинова, Рочева, Ужегова, Оськанова, Чикулева (Чакули), Поткина, Габенкова, Кычанова, Тулпышева, Канаева, Самылова, Жакова, Поцылка, Омышова, Азова, Кашарова, Дюльдина, Челпанова, Патруево, Зенкова, Кучманова, Пермьки, Кычева, Данькова, Сашилова; въ Пермскомъ кромѣ перечисленныхъ уже на стр. 90: Кычанова, Копылы, Качка, Поспа, Суадалы, Чикилева, Шульгина, Самкова, Пермикова, Дылдина, въ Соликамскомъ по лѣвую сторону Камы: Тунегова, Олековъ, Кырдымъ, по правую Пыскоръ, Накарная, Рунева, Патрушевъ мысъ, Данской, Касибъ, Кычибъ, Вяткина, Кысьва, Чузева, Ошвожа, Кокшарова, Лечканова (по Ласьвѣ и Кондасу), по Иньвѣ Азовская, Кыласовская, Турья-шоръ, Зелева, Мочга, Якина, Чикманова, Корева, Сюзева, Сыскина, Перина, Пастыгова, Шабова, Онохова, Ярина, Пачева, Юшманова, Чужева, [Олекова (по бер. Камы), Якинская, Алиновской], Азовъ,

Дзюгыровъ, въ Чердынскомъ уѣздѣ по Колвѣ Кушпелева, Якина, Ручибъ, Езова, Колчагортъ, Камгортъ, Гавина, Кушова, Зуева, Курсыбъ, Мысагортъ, Искоръ, Ныробъ, Селькова, Исанева, Ветланъ, Урцова, Ракшеръ, Гадья, Тулпанъ, Першина,—Янидоръ, Черпосыбъ, Ускаебъ, Лекмартовская,—по Вишерѣ Редикоръ, Велгуръ, Мартина, по Язвѣ—Суибъ, по Печерѣ Пачгина.

Всматриваясь въ поднимающуюся предъ нами картину обрусѣнія мы замѣчаемъ, что оно находится въ зависимости отъ почвы—на годной для земледѣлія песчано-глинистой почвѣ Пермскаго, Оханскаго и Ю. З. части Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ оно совершилось скорѣе, чѣмъ на С. Эта зависимость не парадоксъ. Ассимилировалъ Пермяка не чиновникъ, не учитель, а русскій крестьянинъ - колонистъ; крестьянину же нужны были главнымъ образомъ годныя для земледѣлія почвы; онъ садился гуще и раньше тамъ, гдѣ почва была лучше; по мѣрѣ того, какъ такія почвы занимались, онъ постепенно поднимался на С. Въ верховьяхъ Иньвы русскіе переселенцы явились лишь въ текущемъ столѣтіи. Въ связи съ ходомъ и направленіемъ русской колонизаціи стоитъ и обрусѣніе Пермяковъ. Въ 1629 г. Пермяки жили въ округѣ Очерскаго острожка на Ю. З. отъ г. Перми. Въ раздѣльномъ актѣ Строгановыхъ мы встрѣчаемъ деревню „Средняя Дуброва Пермская, что Пермяки живутъ“, и деревню Пермскую „надъ Камой рѣкой въ заостровкѣ“¹⁾. Въ переписныхъ книгахъ по Строгановскимъ владѣніямъ въ этомъ краѣ на крестьянскихъ дворахъ фигурируютъ рядомъ съ захребетниками и подворниками въ качествѣ особаго элемента Чердынцы и Усольцы. Теперь въ этомъ краѣ живетъ чисто русское населеніе.

Обрусѣніе Пермяковъ продолжается медленными, но вѣрными шагами, безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ и не оставляя

¹⁾ Перм. стар. II, 74.

въ русѣющемъ населеніи никакой горечи противъ господствующей народности. Въ настоящее время наиболѣе чисто сохранившіеся Пермьки занимаютъ долину Иньвы, но и здѣсь дѣло обрусѣнія дало уже важные результаты. Заводы—Майборскій и Пожвинскій на В., Кувинскій на З.—являются пунктами, изъ которыхъ исходитъ естественная русификація. Волости Майборская и Купросская—и въ особенности селенія, по имени которыхъ носятъ онѣ свои названія—представляются уже въ значительной степени обрусѣвшими. Здѣсь все говоритъ объ исчезновеніи Пермьцовой старины: типическія Пермьцкія двускатныя крыши съ зобастыми коньками (охлупнями) на крышахъ, съ расписанными дегтемъ уклочинами, уступаютъ мѣсто избѣ съ четырехскатной крышей, въ женской одеждѣ шамшура уступаетъ мѣсто платку, пермьцкій языкъ вытѣсняется замѣтно русскимъ. Здѣшній Пермькъ желалъ-бы, чтобы его принимали за Русскаго и на категорическій вопросъ: „ты Пермькъ?“ нехотя отвѣчаетъ: „не скроешь, Пермькъ“. Пермьцкій духъ начинается ясно чувствоваться только тогда, когда путешественникъ вступить въ область Архангельскаго прихода. Здѣсь, затѣмъ въ приходахъ Йогвинскомъ, Ошибкомъ, Бѣлоевскомъ и Верхъ-Инвенскомъ можно еще изучать болѣе или менѣе чистаго Пермька. Русскіе элементы проникли, конечно, и сюда, но ихъ вліяніе еще не на столько сильно, чтобы стереть съ населенія печать его индивидуальности. Дальше на З. мы вступаемъ опять въ полосу русифицированнаго Пермьчества. Кувинская и примыкающія къ ней съ С. Юмская и Юрлинская волости Чердынскаго уѣзда населены уже такими Пермьками, дѣти которыхъ будутъ только смутно помнить, что когда-то въ ихъ краю говорили на другомъ, нерусскомъ языкѣ. Типичнымъ образцомъ обрусѣвшаго Пермьцкаго селенія является село Юрма. Здѣсь не слышно уже другой рѣчи, кромѣ русской; на вопросъ, живутъ-ли въ селѣ Пермьки, отвѣчаютъ отрицательно. Наблюдатель, который при опредѣленіи народности населенія, основался - бы только на этихъ данныхъ,

неминуемо заключилъ - бы, что село населено Русскими, но стоитъ заглянуть въ списки обывателей, переполненные Пермскими фамиліями, стоитъ прислушаться къ характерному русскому языку, въ которомъ вмѣсто *ф, х, я* слышатся *н, к, зя*, всмотрѣться въ названія урочищъ, которыя встрѣчаются въ рѣшеніяхъ волостнаго суда, и наконецъ въ костюмъ обывателей, чтобы ихъ національность опредѣлилась. Типичный рыжій Пермякъ съ характернымъ пермскимъ выговоромъ — ямщикъ, везшій меня отсюда въ Усть-Зулу—на вопросъ, не Пермякъ - ли онъ, отвѣтилъ: „нѣтъ, я Русской“, — но, когда я спросилъ его, не говорили-ли у нихъ въ селѣ прежде по пермски, онъ отвѣтилъ, что у него только три года тому назадъ умеръ дѣдушка, который постоянно дома говорилъ по пермски. Этотъ - же ямщикъ по моей просьбѣ сообщилъ мнѣ, гдѣ въ ихъ приходѣ живутъ „Русскіе, которые говорятъ дома по Пермски“. Такихъ селеній оказалось въ приходѣ три-четыре близъ Юрлы, но и въ нихъ Русскій языкъ употребляется безразлично наравнѣ съ Пермскимъ. Юмская волость представляется уже чисто-русской. Сосѣдняя съ Юрлинской волостью Усть-Зулинская также въ сильной степени руссифицирована. Во всѣхъ трехъ названныхъ волостяхъ Чердынскаго уѣзда жители считаютъ уже себя русскими и говорятъ, что пермяки живутъ за р. Косой (на С.).

Перебравшись за Косу въ Кочевскую волость, мы, дѣйствительно, попадаемъ въ область чистаго пермцаго населенія—снова на улицахъ и въ домахъ слышится пермцакая рѣчь, видны мелкія особенности Пермцакой архитектуры. Лѣтъ 30 тому назадъ здѣсь нельзя еще было найти человѣка, который могъ-бы говорить по русски. Въ настоящее время картина уже измѣняется. Обрусѣніе начинается и здѣсь и идетъ тѣмъ-же путемъ, что и въ другомъ глухомъ лѣсномъ уголкѣ Пермцаго края, въ Ошибскомъ приходѣ. Въ высокой степени интересны съ психологической точки зрѣнія тѣ пути, по которымъ идетъ начинающаяся ассимиляція. Русскій

языкъ, какъ языкъ обыденнаго домашняго разговора, не имѣетъ еще здѣсь права гражданства: говорятъ всѣ по Пермязи, но русская пѣсня и русская загадка на игрищахъ, русскія присказки на свадьбахъ, русскіе наговоры и заговоры въ различныхъ случаяхъ, требующихъ участія колдуна, являются въ нѣкоторомъ родѣ обязательными. Женщины и дѣвушки, обыкновенно едва умѣющія связать нѣсколько словъ по русски, поютъ съ величайшимъ усердіемъ русскія пѣсни, въ мѣру своего усердія, конечно, искажая ихъ, и выслушиваютъ длинныя, цвѣтистыя, заученныя отъ русскихъ рѣчи и прибаутки дружекъ на свадебныхъ пирахъ. Произведенія русскаго народнаго творчества проникаютъ такимъ образомъ къ Пермязямъ раньше языка, завоевывая и подготавливая почву для этого послѣдняго. Прежде чѣмъ Пермязь научается говорить болѣе или менѣе правильно по русски, онъ является уже русскимъ въ выдающіеся моменты своей жизни. Не менѣе сильно обрусѣніе въ верховьяхъ Камы. Здѣсь Кеппенъ насчитывалъ въ 40-хъ годахъ до 4600 Пермязей. Въ настоящее время людей, говорящихъ переполненнымъ руссизмами Пермязскимъ языкомъ можно только найти въ двухъ-трехъ деревняхъ. Нагляднымъ примѣромъ обрусѣнія здѣшнихъ Пермязей служитъ слѣдующій фактъ. Учитель Зюздинской церковно - приходской школы г. Шатровъ собиралъ для насъ по данной ему программѣ свѣдѣнія о Зюздинскихъ Пермязяхъ. Въ программу между прочимъ входилъ вопросъ: какъ называется у мѣстныхъ Пермязей душа, какъ тѣнь. Распрашивая по этому поводу своихъ земляковъ, г. Шатровъ только отъ стариковъ могъ добиться, что въ старину душа обозначалась словомъ л о л ь. Вятскій статистикъ г. Романовъ полагаетъ, что населеніе сосѣдней Кайской области сплошь состоитъ изъ обрусѣвшихъ Пермязей¹⁾. Факторами обрусѣнія и здѣсь являются заводы—Омутницкій, Залазний-

¹⁾ Добр. Перм. В. Е. 1883 III, 400.

скій, на которые, по словамъ А. П. Иванова, Верхо-Камскіе Пермьки чуть не поголовно отправляются по зимамъ. Г. Добротворскій, наблюдавшій Пермьковъ Орловскаго уѣзда, говорить, что особенно сильно обрусѣніе замѣчается въ смѣшанныхъ деревняхъ; здѣсь Пермьки говорятъ по русски, родятся съ ними и перенимаютъ всѣ мелочи быта. „Русскій крестьянинъ для такого Пермька идеаль, онъ копируетъ его даже въ мелочахъ, въ походѣхъ, въ одеждѣ, въ постройкахъ, во всемъ“ — Русскій крестьянинъ колонистъ, исподволь занимая край, также исподволь ассимилировалъ и продолжаетъ ассимилировать коренное пермьское населеніе. Государство здѣсь еще менѣе, чѣмъ въ Черемисскомъ и Вотяцкомъ краяхъ, проявляло ассимиляторскія наклонности; до 1861 г. оно было въ сторонѣ отъ главной массы Пермьковъ — Инвевскихъ. Съ тѣхъ поръ оно дѣйствуетъ путемъ школы (пока еще очень слабо). Въ интересахъ дѣла было - бы въ высшей степени важно, если - бы при обученіи русскому языку принимались указанія жизни т. е. наибольшее вниманіе отдавалось - бы произведеніямъ русскаго народнаго творчества, обаяніе котораго такъ замѣтно испытываютъ Пермьки.

Глава III.

Внѣшній бытъ Пермяковъ.

Приступая къ очерку современнаго быта Пермяковъ, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу того, въ чемъ полагаемъ главную задачу его и чѣмъ обусловливаемъ придаваемый изложенію порядокъ.

Задача частной этнографіи заключается, думаемъ мы, въ томъ, чтобы раскрыть тѣ особенности духа, которыми отличается данный народъ и которыя сказываются въ его творчествѣ, въ созданной имъ культурѣ. Система, въ которой мы будемъ излагать факты, опредѣляется отношеніемъ между различными видами человѣческаго творчества. Первымъ и элементарнымъ видомъ творческой дѣятельности человѣка, первымъ показателемъ творческихъ силъ его духа является, конечно, приспособленіе природы къ основнымъ его потребностямъ—творчество въ области внѣшняго быта: добыча и приготовленіе пищи, устройство жилья, одежда. Направленіе и характеръ этой дѣятельности опредѣляется свойствами среды, окружающей человѣка, и тѣми силами тѣла и духа, которыми онъ располагаетъ. Понятно поэтому, что и въ нашемъ случаѣ на первомъ планѣ должна стоять характеристика природы, среди которой живетъ Пермякъ, и его собственныхъ свойствъ. Слѣдующая категорія явленій, на которой мы остановимъ наше вниманіе, опредѣляется безъ труда. За потребностями въ пищѣ и кровѣ слѣдуетъ потребность продолженія рода.

Изслѣдованіе условий, которыми обставляется удовлетвореніе этой потребности, приводит насъ одновременно къ первобытнымъ формамъ общественнаго союза и брака. Къ тѣмъ-же вопросамъ можетъ подойти изслѣдователь и съ другой стороны. Знакомясь съ родомъ пищи и способами ея добыванія, мы знакомимся попутно и съ тѣмъ вліяніемъ, которое имѣетъ тотъ или другой способъ удовлетворенія первыхъ жизненныхъ потребностей на отношенія человѣческихъ особей другъ къ другу, другими словами на размѣры и формы сотрудничества. Изъ отношеній, основанныхъ на потребности продолженія рода и сотрудничествѣ, вытекаетъ такимъ образомъ цѣлая масса явленій, которыя обнимаются терминами „семейныя и общественныя отношенія“.—Это творчество соціальныхъ формъ.

Около человѣческаго трупа зараждается рядъ явленій высшаго порядка — идеи о сверхчувственномъ и культъ усопшихъ. Здѣсь демаркаціонная черта между человѣкомъ и животнымъ. По одну сторону ея въ области творчества, направленнаго на сохраненіе особи и рода, возможны аналогіи между тѣмъ и другими,—по другую всякая возможность такихъ аналогій исчезаетъ. Мы вступаемъ въ высшую область творчества, въ область идей о происхожденіи, сущности и взаимныхъ отношеніяхъ явленій окружающаго міра, въ область первобытной философіи и религіи природы. Эта область обнимаетъ собою языкъ, поэзію, вѣрованія и культъ.

Сдѣлавши эти вводныя замѣчанія, мы считаемъ возможнымъ перейти непосредственно къ предмету.

Область, занятая поселеніями Пермскихъ, захватываетъ въ Пермской губерніи западную половину уѣздовъ Чердынскаго, Соликамскаго (считая отъ Камы) и С. З. уголь Оханскаго, въ Вятской губерніи С. В. уголь Глазовскаго уѣзда. Чтобы составить общее понятіе о природѣ этого обширнаго края, возьмемъ соотвѣтствующіе листы карты Стрѣльбицкаго. Краски, которыми они покрыты, скажутъ намъ, въ чемъ заключаются ея характеристическія особенности. Зеленая краска

означаетъ лѣса, синяя или сѣрая — покрытыя жидкимъ лѣсомъ болота, бѣлое, незакрашенное пространство — пашни. Сѣверная половина края приблизительно до бассейна Иньвы представляетъ на картѣ, за вычетомъ небольшого пространства въ бассейнѣ Зулы и Юма, почти сплошное зеленое пространство съ вераппенными въ него крупными синими и сѣрыми пятнами; бѣлыя пятна выглядятъ на этомъ зеленомъ морѣ маленькими, одиноко стоящими островками. По теченію Иньвы и въ особенности на югъ отъ нея въ бассейнѣ Обвы незакрашенное пространство постепенно занимаетъ все большіе и большіе размѣры.

Показанія карты въ настоящее время уже только приблизительно. Не смотря на короткій срокъ, отдѣляющій насъ отъ времени ея составленія, зеленую краску во многихъ и многихъ мѣстахъ приходится теперь счистить, путешественникъ проѣзжаетъ открытыми полями тамъ, гдѣ можно было бы предполагать сплошной волокъ.

За то было время, когда для карты только и нужны были двѣ краски зеленая и синяя. Когда, въ половинѣ XVI в., земли нынѣшнихъ Пермиковъ переходили во владѣніе Строгановыхъ, по Обвѣ, Иньвѣ и ихъ притокамъ стояли „дикіе лѣса“.

Въ эту далекую пору для Пермяка былъ важнѣе всего тотъ животный міръ, который населялъ лѣса и воды края — онъ его питалъ и одѣвалъ. И этотъ міръ былъ достаточно разнообразенъ. Многочисленныя рѣки и озера были богаты рыбой, въ лѣсахъ водились соболи, куницы, бобры, лисицы, олени, лоси, не говоря уже о медвѣдяхъ, волкахъ, бѣлкахъ и множествѣ пернатой дичи — тетеревовъ, рябцовъ и т. п.

Воспоминаніемъ объ этомъ богатствѣ является уставная грамота, данная Пермичамъ въ началѣ XVI в. Въ ней еще идетъ рѣчь о соболяхъ, счетъ дани и разнаго рода поборовъ ведется на бѣлки.

Когда въ краю появились русскіе колонисты-земледѣльцы, лѣса стали убывать, вмѣстѣ съ ними стала убывать и доро-

гая дичь и Пермяку пришлось обратить побольше вниманія на ту почву, на которой стояли питавшіе его когда-то лѣса. Результаты ознакомленія оказались неутѣшительные. Пермякъ увидалъ, что низкія мѣста совсѣмъ негодны для земледѣлія: на нихъ—по мѣстамъ на протяженіи цѣлыхъ десятковъ квадратныхъ верстъ—цѣлое лѣто стояла, какъ стоитъ и теперь, вода. Немногимъ лучше оказались и болѣе возвышенныя лѣсистыя пространства Чердынскаго и сѣверной части Соликамскаго уѣздовъ. Громадный Юксѣевскій волокъ, который на протяженіи 90 верстъ тянется по дорогѣ изъ Соликамска въ Кай, рядомъ съ болотами тогда, какъ и теперь, заключалъ песчаныя пространства, на которыхъ росли лишь сосна да верескъ (показатель бесплодной почвы). Бесплодныя земли подъ такими лѣсами шли и дальше на З. въ предѣлы Вятской губерніи по р. Вурламу ¹⁾. Тамъ они сливались съ громадными болотистыми пространствами Слободскаго и С. части Глазовскаго уѣздовъ ²⁾. Не легко оказалось воздѣлывать хлѣбъ даже и тамъ, гдѣ землю находили болѣе или менѣе подходящей. Сосѣдство громадныхъ болотъ порождало такія климатическія явленія, при которыхъ урожай могъ считаться рѣдкимъ счастьемъ: на С. Чердынскаго уѣзда и теперь до іюня возможны убивающіе растительность морозы. Кто хотѣлъ заниматься земледѣліемъ, шелъ на Ю. въ „Отхожій станъ“, на Иньву, на Обву. Тамъ подъ смѣшанными лѣсами изъ сосны, ели, пихты, лиственницы Пермякъ находилъ „родимыя“ земли. Въ теченіе XVI—XVII в. здѣсь, какъ мы знаемъ уже, выросъ цѣлый рядъ деревень и погостовъ, окруженныхъ на далекое пространство „пальниками“, „пашенными лѣсами“, „шутемами“ и пожнями. Сѣверъ до половины нынѣшняго столѣтія оставался, отчасти и теперь остается страной, гдѣ вѣрнымъ промысломъ можетъ быть только охота: и Пермякъ, и Русскій каждый годъ запахиваютъ свои

¹⁾ Поповъ. Хозяйст. опис. Перм. губ. I, 89.

²⁾ О природѣ этого края см. Ивановъ «Кама—рѣка» Волж. Вѣст. 1883.

поля, но не каждый годъ жнуть; хлѣба то вымерзають, то вымокають, то подвергаются какимъ нибудь другимъ стихійнымъ бѣдствіямъ.

Мы познакомились съ средой, которую Пермяку предстояло приспособить къ своимъ потребностямъ. Познакомимся теперь съ нимъ самимъ, съ тѣми физическими и духовными силами, которыми онъ располагалъ и располагаетъ для приспособляющей творческой работы. Здѣсь этнографу нужна помощь антрополога. Дѣло антрополога опредѣлить достоинство сложной машины, какой является тѣло представителя данной народности, выразить въ цифрахъ maximum и minimum работы, которую она способна выполнить, и дать рядъ другихъ необходимыхъ указаній. Къ сожалѣнію эта помощь—дѣло будущаго и, кажется, неблизкаго.

Антропологическія изслѣдованія проф. Маліева не нашли продолжителей, какъ будто измѣреніями, которыя были произведены надъ 100 субъектами изъ 80 т. Соликамскихъ и Чердынскихъ Пермяковъ сдѣлано все. Г.г. земскіе врачи могли бы, конечно, детальными мѣстными изслѣдованіями внести не мало важныхъ поправокъ въ выводы г. Маліева, но объ этихъ изслѣдованіяхъ что-то не слышно. А между тѣмъ такія изслѣдованія могли-бы имѣть не одинъ теоретическій интересъ.

Г. Добротворскій, изучавшій Пермяковъ Вятской губерніи и главнымъ образомъ Орловскихъ говоритъ очень рѣшительно о ихъ вырожденіи. „Племя это идетъ быстрыми шагами къ вырожденію и можно съ увѣренностью сказать, что ему не долго существовать на бѣломъ свѣтѣ, что оно уже доживаетъ свои послѣднія минуты. Свѣтлаго народа тамъ нѣтъ—говорятъ Русскіе про Пермяковъ—изродился. По собственному сознанію Пермяковъ, они стали б о л ъ ш о ж и д к и. И дѣйствительно, жидки. Рѣдкій изъ нихъ доживаетъ до 50 лѣтъ. Къ 35 годамъ женщина теряетъ уже способность дѣторожденія ¹⁾“. „Пермяки вырождаются—это несомнѣнно,

¹⁾ Вѣст. Евр. 2883, III, 252.

говорить тотъ-же авторъ въ другомъ мѣстѣ. Признаковъ этого вырожденія и кромѣ сифилиса очень много. Мелкій ростъ и слабосиліе Пермьковъ зависятъ не только отъ климатическихъ условій и племенной организаціи, но и имѣютъ характеръ патологическій и составляютъ одинъ изъ признаковъ дегенераціи. Мало того, высшее выраженіе дегенераціи—бесплодіе встрѣчается здѣсь очень часто. Причины этого факта ясны: проституція, относительное неравенство лѣтъ мужа и жены, распространившееся за послѣднее время пьянство и вообще эксцессы *in Baccho et Venere* какъ выражаются ученые доктора ¹⁾“. Въ числѣ факторовъ вырожденія г. Добротворскій считаетъ и соприкосновеніе Пермьковъ съ Русскими. „Среди всеобщаго разложенія сохранились только тѣ семьи, которыя живутъ въ лѣсныхъ починкахъ, вдали отъ большой дороги, городовъ и русскихъ поселеній. Чистота крови спасла ихъ отъ вырожденія ²⁾“.

Нельзя сказать, чтобы условія, при которыхъ г. Добротворскій дѣлаетъ свой конечный выводъ, внушали особенное довѣріе. Авторъ видимо смѣшиваетъ физическое вырожденіе и разложеніе національных нравовъ и формъ быта: рядомъ съ признаками физическаго вырожденія—малымъ ростомъ, слабосиліемъ, бесплодіемъ—у него фигурируютъ такія вещи, какъ русское сосѣдство, пьянство, проституція—эксцессы *in Baccho et Venere* (по отношенію къ послѣднимъ, скажемъ мимоходомъ, Русскіе сосѣди уже ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны отвѣтственными). Этому смѣшенію двухъ разнородныхъ явленій слѣдуетъ приписать, конечно, и ту спасительную роль, которую, кажется, одинъ г. Добротворскій приписываетъ чистотѣ крови. Затѣмъ относительно каждаго изъ признаковъ вырожденія г. Добротворскому приходится вѣрить на слово: что Пермьки мельчаютъ, вытекаетъ будто-бы изъ наблюденій мѣстныхъ русскихъ му-

¹⁾ Вѣст. Евр. 1883. III, 264.

²⁾ Ibid.

жиковъ; что жизнь у нихъ сокращается, слабосиліе увеличивается, бесплодіе становится замѣтнымъ, категорически утверждаетъ самъ авторъ, статистики въ подобныхъ дѣлахъ онъ не признаетъ.

Сообщенія г. Добротворскаго заинтересовали антропологовъ - специалистовъ и вызвали, если не ошибаемся, путешествіе къ Пермскимъ проф. Маліева. Г. Маліевъ отправился въ Пермскую губернію, произвелъ тамъ сотню измѣреній, собралъ свѣдѣнія о рождаемости и такъ-же категорически, какъ и г. Добротворскій, высказался въ противоположномъ смыслѣ—никакихъ признаковъ вырожденія у Пермиковъ констатировать нельзя. Получилось два категорическихъ и противоположныхъ, но трактующихъ въ сущности о разныхъ предметахъ положенія: Пермьки (Вятскіе) вырождаются, говоритъ г. Добротворскій; нѣтъ, Пермьки (Пермскіе) не вырождаются, возражаетъ г. Маліевъ. Охотниковъ разобратъ въ этомъ недоразумѣніи не нашлось. Ни одинъ обладающій специальной подготовкой человѣкъ не далъ себѣ труда продѣлать по отношенію къ Вятскимъ, Орловскимъ и Глазовскимъ Пермькамъ то, что сдѣлалъ г. Маліевъ относительно Инвенскихъ, или взялся за разработку одного изъ частныхъ вопросовъ, затронутыхъ г. Добротворскимъ (таковы напр. вопросы о предполагаемомъ уменьшеніи роста, долговѣчности, плодovitости и т. п.). Вопросы эти, можетъ быть, мелки, но отъ невниманія къ нимъ, отъ теоретической необоснованности связанныхъ съ ними конечныхъ выводовъ сами эти выводы лишаются того практическаго, прикладнаго значенія, которое они могли бы имѣть при другихъ условіяхъ.

Представимъ себѣ слѣдующее, не выходящее изъ сферы возможнаго, положеніе: земство (Вятское или Пермское) прислушивается къ тому, что говоритъ наука о населеніи, интересу котораго оно призвано блюсти, представимъ, что оно готово принять къ свѣдѣнію и руководству вещи, въ теоретическихъ интересахъ констатированныя учеными. Къ чему прійдетъ такое просвѣщенное земство, ознакомившись съ ра-

ботами гг. Добротворскаго и Маліева?—Кто ихъ знаетъ, въ лучшемъ случаѣ скажетъ всякій практикъ, можетъ быть, наши Пермьки вырождаются, а можетъ быть и не вырождаются; подождемъ, когда будетъ яснѣе.

Не лучше выйдетъ, когда мы взглянемъ на дѣло и съ другой стороны. Еслибы кто нибудь предложилъ „жаждущимъ дѣла“ представителямъ мѣстной интеллигенціи прослѣдить, какъ велико среди Пермьковъ число блондиновъ и брюнетовъ, особей съ темными и свѣтлыми глазами, не отличаются-ли по плодovitости въ ту или другую сторону смѣшанные браки между представителями свѣтлаго и темнаго типовъ, вся эта интеллигенція—въ Перми, въ Вяткѣ, къ Казани—сочла-бы для себя такое предложеніе жестокой обидой, насмѣшкой. А между тѣмъ отъ такой обидчивости и лежащихъ въ основаніи ея понятій о дѣлѣ остались-бы въ убытокъ тѣ-же воображаемые просвѣщенные земцы. Предположимъ, что они, не дожидаясь, когда наши мѣстные антропологи заблагоразсудятъ заняться вопросомъ о вырожденіи Пермьковъ, зададутся на всякій случай вопросомъ, не даетъ-ли наука какихъ нибудь указаній на противодѣйствующія вырожденію условія и нѣтъ-ли такихъ условій въ области, занятой Пермьками. Намекъ на присутствіе этихъ предохраняющихъ условій даетъ между прочимъ г. Добротворскій (хотя онъ и не совсѣмъ „наука“): Пермька можетъ спасти чистота крови, огражденіе отъ смѣшенія съ Русскими. Настоящая наука скажетъ тѣмъ-же земцамъ, что обновленіе крови посредствомъ метисаціи наоборотъ является однимъ изъ факторовъ, противодѣйствующихъ вырожденію. Захочется нашимъ земцамъ выяснить, имѣетъ-ли у Пермьковъ мѣсто метисація и какими послѣдствіями на самомъ дѣлѣ она сопровождается... и прійдется снаряжать для рѣшенія этихъ вопросовъ экспедицію на подобіе хозяйственно-статистическихъ: литература даетъ до нельзя тусклые указанія. И еще разъ безплодно опустится поднятая практикомъ рука.

Констатируя такое неутѣшительное положеніе дѣла, мы не преувеличиваемъ. Сопоставимъ, въ самомъ дѣлѣ, то, что даетъ намъ литература. „Съ виду Пермьяки сухіе, тощіе, съ какимъ-то грязно-желтымъ цвѣтомъ кожи, говоритъ г. Добротворскій. Узкія плечи, тонкая и короткая шея, плоская, недоразвитая грудь, кривыя, короткія ноги—все это указываетъ на слабость и хилость сложенія. Голова небольшая, угловатая, бѣлокурые жидкіе волосы... никогда не выются и не сѣдѣютъ. Между 20—22 годами у Пермьяковъ появляется маленькая бородка; у многихъ ея совсѣмъ не бываетъ. Глаза узкіе, подслѣповатые, по большей части голубые, какъ и у всѣхъ народовъ финскаго племени... Вздернутый носъ и ноздри, нѣсколько вывороченные наружу... Скулы у многихъ сильно выдвигаются... Ростомъ они, по крайней мѣрѣ, на 1¹/₂, вершка ниже средняго типа, который мы привыкли встрѣчать въ Великороссіи. Точно также не обладаютъ и физической силой...¹⁾“.

За 25 лѣтъ почти до г. Добротворскаго въ 1859 г. антропологическую характеристику Инвенскихъ Пермьяковъ далъ г. Роговъ. „Пермьяки по преимуществу мелкаго роста, сухощавы, но крѣпки, широкоплечіи, имѣютъ короткую тонкую шею, грудь плоскую; голова чаще малая, чѣмъ большая, угловатая, носъ чаще короткій слегка вздернутый, волосы русые, рѣдко черные, глаза зелено-сѣрые, каріе, рѣдко сѣрые и еще рѣже голубые и черные... Всматриваясь въ фізіономію Пермьяковъ легко отличить два различные типа. Одинъ типъ главный: свѣтлорусые или рыжеватые волосы, широкое лице, сѣрые глаза, вздернутый широкій носъ, толстые губы, круглый подбородокъ. Другой типъ: волосы темнорусые, лице продолговатое, кожа смуглая, глаза каріе или темнокаріе, носъ прямой, узкій, губы тонкія, подбородокъ острый²⁾“.

¹⁾ Добр. I. с. 251.

²⁾ Роговъ. Ж. М. В. Д. 1859. т. 29, 65—66.

Капитальное отличіе Роговской характеристики отъ характеристики г. Добротворскаго заключается въ томъ, что первый констатируетъ среди Пермяковъ два типа. Отдѣльныя черты, которыми характеризуются тотъ и другой типъ, намѣчены только приблизительно. Мы не производили специальныхъ антропологическихъ наблюденій во время своего путешествія по Пермскому краю, но общее впечатлѣніе, которое осталось у насъ послѣ соприкосновенія съ сотнями Пермяковъ, не совсѣмъ совпадаетъ съ характеристикой г. Рогова. Узкое лицо, тонкій, прямой носъ, тонкія губы, сѣрые глаза мы видѣли напр. у чистыхъ блондиновъ и наоборотъ у людей съ смолисто-черными волосами въ Верхъ-Инвенской, Бѣловеской и Йогвинской волостяхъ мы встрѣчаемъ довольно часто широкія скуластыя лица, вогнутые широкіе носы. Иногда вмѣстѣ съ густыми смолисто-черными волосами встрѣчались сѣрые глаза и бѣлокурая скудная растительность на бородѣ и усахъ. Вопросъ о чертахъ характерныхъ для представителей обоихъ типовъ, можетъ быть рѣшено только статистическимъ путемъ и не теперь. Г. Маліевъ въ своемъ антропологическомъ очеркѣ Пермяковъ даетъ намъ, правда, цифры—на 100 наблюдавшихся имъ субъектовъ онъ отмѣчаетъ 63 блондина, 32 брюнета съ темной кожей и 5 шатеновъ, 44 человѣка съ голубыми глазами, 42 съ сѣрыми, 14 съ карими, 61 человѣкъ съ прямымъ тонкимъ носомъ, 16 съ приплюснутымъ, 17 съ широкимъ—но изъ этихъ цифръ не видно, какъ сочетаются эти отдѣльныя черты, какой процентъ представляютъ напр. сочетанія бѣлокурыхъ волосъ, сѣрыхъ глазъ, прямого носа и тонкихъ зубовъ и т. п.

Въ матеріалахъ, которые даетъ литература какъ будто намѣчается, что на В. въ предѣлахъ Соликамскаго у. Пермьки скрещивались съ какой то народностью темнаго типа—да простятъ намъ антропологи эту вольность терминологіи—но въ какомъ отношеніи стоитъ этотъ фактъ къ физическому превосходству Инвенскихъ Пермяковъ надъ ихъ Вятскими родичами, остается неяснымъ.

Въ ожиданіи лучшаго будущаго, когда мѣстные изслѣдователи подарятъ науку рядомъ спеціальныхъ антропологическихъ работъ по поводу Пермяковъ, подберемъ то немногое, что даетъ наличная литература: на З. въ предѣлахъ Вятской губерніи Пермяки обладаютъ меньшимъ запасомъ физическихъ ресурсовъ для борьбы съ природой, чѣмъ на В. въ Пермской — тамъ они мельче, слабѣе. Забравъ этотъ несложный антропологическій багажъ, мы направляемся къ нашей основной цѣли—духовной характеристикѣ народа... и останавливаемся на распутии. Передъ нами двѣ дороги. Ступивши на одну, мы должны напередъ дать читателю свои обобщенія и приводить факты, какъ иллюстрирующій матеріалъ; по другой мы можемъ идти къ нашей цѣли объ руку съ читателемъ, вмѣстѣ съ нимъ всматриваться въ факты, анализировать ихъ, вмѣстѣ обобщать и дѣлать изъ нихъ выводы. Мы избираемъ эту вторую дорогу: мы будемъ раскрывать черты духовной природы Пермяка въ его творествѣ, въ явленіяхъ созданной имъ культуры.

Наше знакомство съ Пермякомъ должно начаться съ дѣятельности, направленной на добываніе пищи. Было время, когда Пермякъ жилъ охотой; мы знаемъ это время еще изъ актовъ начала XVI в. Позже охота и рыболовство удерживались только на С. въ Чердынскомъ уѣздѣ. Въ настоящее время и тамъ Пермякъ живетъ уже главнымъ образомъ земледѣлемъ. Земледѣльческая техника Пермяковъ не сложна. До сихъ поръ еще легко прослѣдить Пермяцкое земледѣліе до его первоначальныхъ, исходныхъ формъ. Пока была возможность безпрепятственно пользоваться казенными и помѣщичьими лѣсами, Пермякъ работалъ огнемъ: его посѣвы дѣлались или на „гаревыхъ мѣстахъ“ или на „пальникахъ“. Въ виду того, что „пальникъ“ есть уже созданіе человѣка, а „гаревое мѣсто“ даръ природы слѣдуетъ предполагать, что пермяцкое земледѣліе началось съ приспособленія къ посѣву выгорѣвшихъ отъ тѣхъ или другихъ причинъ—напр. отъ молніи, зажегшей лѣтомъ дерево—лѣсныхъ пространствъ.

Позже Пермьякъ самъ уже сталъ „пускать огонь“, пользуясь идеей, которую дала ему природа. Эти выгорѣвшія и выжженные пространства Пермьякъ воздѣлывалъ при помощи копуши (гѣрь) и сучкастой еловой плахи—раскапывалъ копушей землю между обгорѣвшими пнями, бросалъ въ нее сѣмена и заборанивалъ „зубастой“ плахой (пинья).

Воспоминаніе о такомъ способѣ обработки земли еще до недавняго времени сохранялось у Пермьяковъ Глазовскаго уѣзда, какъ и у родичей ихъ Вотяковъ ¹⁾. На пальникѣ или гари Пермьякъ дѣлалъ одинъ за другимъ нѣсколько посѣвовъ и, истощивши почву, выжигалъ новую кулигу или „пальникъ“. Брошенный пальникъ („шутѣмъ“) постепенно заросталъ мелкимъ лѣсомъ и лѣтъ черезъ 15 снова выжигался. Въ настоящее время ни на государственныхъ, ни на помѣщичьихъ земляхъ Пермьякъ уже не можетъ дѣлать новыхъ „пальниковъ“: размежеваніе съ помѣщиками въ 1871 г., законъ объ охраненіи государственныхъ лѣсовъ изданный въ 1864 г. положили конецъ старой системѣ хозяйства. Пермьяки нашего времени переживаютъ критическій періодъ: приемы хозяйства у нихъ остались почти безъ измѣненія, а земли стало меньше, не говоря уже о томъ, что она истощена. Нѣкоторое время послѣ 1861—1864 г. г. Пермьяки еще могли перебиваться: земли было еще въ особенности у государственныхъ крестьянъ столько, что они могли оставлять часть ея отдыхать въ „шутѣмахъ“. Съ приростомъ населенія бывшіе Строгановскіе крѣпостные оказались уже не въ состояніи широко практиковать систему перелога и пришлось вести обычное русское хозяйство. Только еще въ лѣсныхъ волостяхъ — Верхъ-Инвенской, Ошибской, Тиминской и отчасти Бѣлоевской возможны „пальники“ на остаткахъ общественныхъ лѣсовъ. Не знавшій въ былое время обычая удобрять свою ниву, Пермьякъ постепенно былъ вынужденъ унавоживать ее. Доходность земли оказалась въ полной зависимости отъ ко-

¹⁾ Блиновъ. Инородцы. С. В. части Глаз. у.

личества скота, которымъ располагалъ Пермскій, а оно было въ общемъ не велико. Въ Инвенской дачѣ въ 1850 г. на 35000 населенія на площадь въ 92 т. десятинъ пахатной земли съ „путеями“ считалось 10 т. лошадей, 6 т. жеребятъ, 8 т. коровъ, 9,500 телятъ, 6 т. свиней, 16 т. овецъ и 2 т. козъ. Попятно что при такихъ условіяхъ даже состоятельный Пермскій могъ унавоживать только $\frac{1}{7}$ своей пашни, а бѣднякъ могъ покрыть удобреніемъ всего какую-нибудь $\frac{1}{11}$ долю пахатной площади ¹⁾. Съ тѣхъ поръ условія въ общемъ не улучшились. Недостатокъ удобрения заставляетъ Пермскаго выбирать для посѣва такіе сорта хлѣба, которые требуютъ его меньше. Наименѣе прихотливымъ сортомъ оказался ячмень. Въ Вятской губерніи, по словамъ г. Добро-творскаго, ячменемъ засѣвается большая часть ярового и озимаго поля. Въ Инвенской дачѣ, въ лучшихъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ, ячмень уступаетъ мѣсто ржи и овсу — въ особенности послѣднему. Не имѣя подъ руками новѣйшихъ статистическихъ данныхъ, мы не можемъ сказать, въ какомъ отношеніи стоитъ количество добываемаго Пермскими хлѣба къ ихъ потребностямъ. Смотри на бросающуюся въ глаза худобу Пермскаго сравнительно съ нашими Казанскими инородцами, на мелкій и тощій скотъ его, мы въ прачѣ однако предположить, что Пермскій недостаточно удовлетворяетъ свои первыя потребности. Очень вѣроятно, что хлѣба, производимаго Пермскими полями, хватило бы на ихъ прокормленіе, еслибы часть его не приходилось продавать для уплаты повинностей.

Прокормиться годъ ржанымъ или ячменнымъ хлѣбомъ, не прибѣгая къ разнымъ неудобоваримымъ суррогатамъ въ родѣ сосновой коры—идеалъ Пермскаго. Объ особенномъ разнообразіи пищи онъ не мечтаетъ. Овощи въ Пермскомъ хозяйствѣ не пользуются расположеніемъ. Въ 1850 г. въ Инвенской дачѣ на домохозяина приходилось не болѣе 55 кв.

¹⁾ Поповъ. «Инвен. дача». Ж. М. В. Д. 1855. X, 35.

саж. назначенной подъ овощи земли. Если прибавить къ этому, что эти клочки земли совсѣмъ не уваживаются и за посѣянными овощами не бываетъ почти никакого ухода, то станетъ вполне понятнымъ, что овощи у Пермяковъ родятся и скудно и плохого качества. Лукъ и картофель Пермякъ поѣдаетъ весь еще осенью; рѣдки и капусты хватаетъ едва до половины зимы ¹⁾. Въ Вятской губерніи картофель составляетъ, по словамъ г. Добротворскаго, лакомство и подается только къ большимъ праздникамъ или больнымъ ²⁾. Еще меньшее, чѣмъ овощи, мѣсто въ продовольствіи Пермяка занимаетъ животная пища. Мясо домашнихъ животныхъ годно въ пищу только лѣтомъ. Зимой благодаря плохому питанію—исключительно соломой—коровы и овцы представляютъ только кости да кожу. По той же причинѣ зимой недоступны для Пермяка и молочные продукты—коровы даже новотелыя отъ дурнаго питанія совсѣмъ перестаютъ доить. О подспорьи, представляемомъ домашними птицами, напрасно было-бы и говорить: гусей и утокъ имѣеть далеко не каждый Пермякъ; куры въ количествѣ 5—10 составляютъ достояніе двѣицъ: г. Добротворскій сообщаетъ, что въ Вятской губерніи весь запасъ яицъ, которымъ располагаетъ домъ, уходятъ у нихъ на угощеніе кавалеровъ. Если Пермякъ по временамъ лакомится животной пищей, то это благодаря охотѣ. Въ лѣсахъ Пермцакаго края до сихъ поръ водится много мелкой дичи—зайцевъ, бѣлокъ, рябцовъ и тетеревовъ. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Глазовскаго и Чердынскаго уѣзловъ Пермяки въ двѣ-три осеннихъ недѣли настрѣливаютъ и налавливаютъ столько мелкой дичи, что вывозятъ ее возами ³⁾. Было время, когда Пермякъ съѣдалъ самъ или вымѣнивалъ на хлѣбъ большую часть добытой дичи; теперь онъ обращаетъ ее въ деньги—очень маленькія замѣтнымъ мимоходомъ: пара рябчиковъ напр. продается на мѣстѣ за 10—15 коп.

¹⁾ Поповъ. I. с. 47—48.

²⁾ I. с. III, 250.

³⁾ Ивановъ. I. с.

Обработка, которой въ видахъ приготовленія пищи подвергаются продукты земледѣлія и скотоводства, такъ-же не-сложна, какъ и обработка почвы. На первыхъ порахъ своего знакомства съ земледѣліемъ Пермскіе приготовляютъ муку, раздробляя зерна камнемъ. Позднѣе для этой цѣли была приспособлена ступа съ пестомъ. Дальнѣйшую стадію развитія составляютъ жерновки, которые до сихъ поръ можно встрѣтить почти въ каждой Пермской избѣ. Жерновки бываютъ двухъ родовъ — одни для приготовленія крупы, другіе для муки. Жерновки для крупы устраиваются у Пермскихъ такъ-же, какъ у Черемисъ, Чувашъ, Башкиръ; въ два ровныхъ деревянныхъ круга вколачиваются лучеобразно обломки костей и ножей. Жерновки для размолу муки представляютъ уже неизвѣстное въ нашемъ краѣ явленіе. Они дѣлаются изъ дровы — нижній больше, верхній меньше; для вращенія служитъ рычагъ, который однимъ концемъ упирается въ углубленіе, сдѣланное въ потолкѣ или брусѣ палатей, а другимъ въ верхній жерновокъ. За ручными мельницами слѣдуютъ первобытная по своей конструкціи водяная мельница — такъ называемая „мутовка“. Войдя въ верхнее помѣщеніе такой мельницы мы видимъ, какъ и въ ручной мельницѣ, два горизонтально положенныхъ жернова — нижній неподвижный, верхній вращающійся. Отличіе отъ ручной мельницы заключается въ томъ, что тамъ жерновъ вращается рукой при помощи рычага; здѣсь-же оба жернова надѣты на столбъ — нижній свободно, верхній плотно. Столбъ спускается внизъ, въ помѣщеніе, куда падаетъ вода. Тамъ около него устраивается, также горизонтально, нѣчто въ родѣ пароводнаго колеса съ косвенно расположенными плечами; вода, падая на плечи, приводитъ столбъ въ вращательное движеніе и „мутовка“, ворочая, верхній жерновъ, начинаетъ молоть. Зерно держится надъ жерновами въ наклонно повѣшенномъ лубочномъ ящикѣ съ узкимъ и открытымъ нижнимъ конусомъ; къ ящику придѣлана полочка съ сръзаннымъ наискось концемъ, которая упирается въ верхній жерновъ. Вращающійся жерновъ под-

талкиваетъ палочку и приводитъ въ легкое сотрясеніе коробъ съ житомъ. Отъ этихъ сотрясеній жито по зернышку вытекаетъ изъ коробка и падаетъ въ жернова. Такая мельница работаетъ, понятно, чрезвычайно медленно. Въ теченіе цѣлаго дня на парѣ жерновковъ можно смолоть не болѣе пяти пудовъ муки. Приготовленную такимъ образомъ муку Пермякъ не считаетъ нужнымъ просѣвать. Въ непросѣянномъ видѣ мука идетъ и на хлѣбъ и въ жидкое пермяцкое кушанье — шидъ. Шидъ обыкновенно переводятъ русскимъ словомъ щи; на самомъ дѣлѣ это горячая болтушка или, выражаясь деликатно, мучной супъ; кромѣ овсяной муки и кислаго молока — въ постъ коноплянаго масла въ праздники рыбы, — въ этихъ щахъ ничего нѣтъ.

Молоко въ чистомъ видѣ никогда не поступаетъ въ пищу Пермяка. Онъ ѣстъ его или сквашенномъ или въ видѣ сыра (круто посоленные и высушенные кружки творога). Непривлекательныя подробности о качествахъ пермяцкаго квашенаго молока читатель можетъ найти въ не разъ указанной уже статьѣ г. Добротворскаго. Изъ хлѣба, шиды и сквашенаго молока состоитъ повседневная пища средняго Пермяка. Нѣкоторымъ дополненіемъ къ ней служитъ любимое питье Пермяка суръ (брага) изъ солода и овсяной муки. Суръ — густое, мутно-бѣлое, пѣнистое пиво — по питательности, навѣрное, стоитъ выше пермяцкихъ щей. Выпиваютъ его Пермяки чудовищно-много. Въ большой семьѣ, состоящей изъ трехъ брачныхъ паръ съ старикомъ отцемъ и дѣтьми на приготовленіе его уходитъ до 200 пудовъ овса. Одной изъ нелегкихъ обязанностей женщины въ такой семьѣ является цѣлый день бѣгать за „суромъ“ въ погребъ. Принесетъ Пермячка большую деревянную чашку браги; кажется, хватитъ напоить трехъ-четырехъ человекъ, а черезъ четверть часа въ погребъ бѣжитъ ужъ другая: который нибудь изъ мужчинъ одинъ вытянулъ всю чашку.

Переходимъ къ жилищу Пермяка. Подобно другимъ финскимъ народностямъ, Пермяки въ отдаленную пору своей

жизни пользовался, какъ убѣжищемъ отъ непогоды и дикихъ звѣрей тѣмъ, что давала окружающая его природа—прежде всего пещерами на берегахъ рѣкъ. Позднѣе по образцу пещеры онъ самъ сталъ рыть землянку и укрѣплять ее кусками дерева. О такихъ землянкахъ и теперь еще живы воспоминанія у Пермиковъ Орловскаго уѣзда ¹⁾. За этимъ первымъ шагомъ въ области строительнаго творчества слѣдовали другіе. Рядомъ съ землянкой, которая удобна зимой, явился рядъ легкихъ сооружений на поверхности земли—ч о м о в ы. За чомами явилась бревенчатая постройка—к е р к у, формы которой постепенно сближались съ формами русской избы. На то, чтобы перейти отъ одной формы жилища къ другой потребовались вѣка; каждая новая, болѣе совершенная форма жилья не вытѣсняла старыхъ, а становилась рядомъ съ ними. Такъ постепенно образовались различные типы сооружений, которые мы видимъ въ пермяцкомъ краѣ на службѣ человѣку и окружающимъ его домашнимъ животнымъ. Наблюдая эти типы, мы изучаемъ исторію пермяцкаго творчества въ области архитектуры, приобрѣтаемъ представленіе о размѣрѣ его творческихъ способностей.

Современнымъ жилищемъ Пермьяка является изба, внѣшній и внутренній видъ которой въ наиболѣе обрусѣвшихъ селеніяхъ почти не отличается отъ русскаго. Въ бассейнѣ Обвы, нѣкогда населенномъ Пермьяками, на нижнемъ теченіи Иньвы до предѣловъ Архангельской волости (въ волостяхъ Майкорской и Купросской) мы встрѣчаемъ обычныя на С. русскія избы съ четырехъ-скатной крышей. Только вступивши въ область средняго теченія Иньвы и ея притоковъ, мы начинаемъ замѣчать непривычныя для нашего глаза формы. Двускатная крыша укрѣплена шеломомъ, конецъ котораго обработанъ въ видѣ конской головы съ чудовищно-непропорціональной грудью. Это — о х л у п е н ь. Самые лучшіе образцы его можно видѣть въ Архангельской и Верхъ-Юсвинской волостяхъ. На обработку конька Пермьякъ

¹⁾ Добрет. «Пермяки». I с. III, 235; ср. Поповъ. «Зыряне», 20—прим.

кладеть всю свою изобрѣтательность. Одинъ придаетъ головѣ какой-то придатокъ въ видѣ рога, долженствующій замѣнять ухо, другой просверливаетъ глазъ, третій тщательно обрабатываетъ морду и глубоко прорѣзываетъ ротъ. Мотивъ конька примѣняется не исключительно для шелома. Застрѣхи Пермскихъ избъ поддерживаются рядомъ уключинъ, концы которыхъ также обработаны въ видѣ конской головы и кромѣ того—въ Чердынскомъ уѣздѣ—разрисованы ломаными линиями и точками при помощи дегтя. Откуда попалъ въ пермскій край этотъ мотивъ—занесли-ли его Русскіе съ С. или онъ навѣянъ „чуждскими“ вещами, среди которыхъ попадаются изображенія животныхъ съ такими-же чудовищными пропорціями—рѣшить не беремся. Рядомъ съ этими декорированными избами встрѣчаются постройки, крыши которыхъ не покрыты шеломомъ, а сдерживаются, какъ крыши черемисскихъ еудъ, рамой изъ двухъ жердей, наложенныхъ на крышу поперекъ дрянницъ и скрѣпленныхъ по двумъ концамъ досками.

Всмотрѣвшись въ пермскій домъ, который выходитъ на улицу чаще всего не фасадомъ, а профилемъ, мы замѣчаемъ, что онъ состоитъ изъ трехъ совершенно обособленныхъ частей—избы, сѣней въ столбахъ и клѣти. Видно, что на первыхъ порахъ пермское жилье составляла одна изба и только съ развитіемъ домашняго хозяйства къ ней стали присоединять клѣть. Такую первоначальную форму дома можно видѣть и теперь, но уже только у бѣдняковъ. Близкую къ подобной бѣднѣйшей и болѣе старой по типу постройку представляютъ собой съ одной стороны баня, съ другой лѣсная охотничья избушка (обѣ носятъ одно названія—пывсянъ-жерку). Это четырехугольный срубъ съ односкатной крышей изъ дуба, бересты или досокъ, а зачастую и вовсе безъ крыши съ покрытымъ землей или пихтовыми и еловыми вѣтвями потолкомъ. На верховьяхъ Камы сохранилась еще болѣе древняя, служившая когда-то жилищемъ человѣку постройка—это коническій, сдѣланный изъ тонкихъ жердей овинъ, остовъ благо чума. Такія постройки составляютъ достояніе всего

финнскаго міра. Мы знаемъ ихъ у Мордвы, Черемисъ и болѣе развитыхъ западныхъ Финновъ. Рядомъ съ ней, какъ бывшее зимнее жилье, приспособленное теперь уже къ хозяйственнымъ потребностямъ, стоитъ погребъ.

Къ избѣ Пермьяка въ настоящее время примыкаютъ непосредственно сѣни. Въ настоящее время это покрытый такъ-же, какъ и домъ, помость съ стѣнами, забранными въ столбы. Передъ сѣнной дверью выступаютъ аршина на два изъ подъ помоста сѣней два бревна, на которыхъ устраивается внѣшній „мостъ“ для крыльца. Для подъема на этотъ мостъ служить не лѣстница общерусскаго типа—ни такихъ лѣстницъ, ни нашихъ переносныхъ Пермьяки дѣлать не умѣютъ (вмѣсто переносныхъ служить дерево съ коротко обрубленными сучьями) а нѣчто глубоко первобытное: подъ „мостомъ“ складывается безъ всякихъ скрѣпленій въ клѣтку нѣсколько толстыхъ плахъ такъ, чтобы два ряда плахъ шли вверхъ уступами, на эти уступы владутся такія-же плахи—ступени. Это—сооруженіе народа, который не знаетъ еще пилы. Глядя на такія старыя, почернѣвшія крыльца, чувствуешь невольную тревогу за людей, которые вынуждены ими пользоваться. Кажется, что стоитъ подуть сильному вѣтру и отъ такого крыльца не останется и слѣда.—Нехитрыя сѣни, съ которыми мы познакомились сейчасъ представляютъ собою уже нѣчто болѣе сложное по сравненію съ тѣмъ первообразомъ сѣней, который имѣетъ мѣсто при болѣе древнихъ формахъ пермяцкаго жилья. Этотъ первообразъ мы можемъ представить себѣ, смотря на передбанникъ пермяцкой бани. Передбанникъ устраивается двояко—въ однихъ случаяхъ къ фасаду бани просто ставятся наклонно жерди или доски, въ другихъ онъ представляетъ собою часть сруба, назначеннаго подъ баню: бревна, назначенныя для боковыхъ стѣнъ, рубятся такъ, что съ той стороны, гдѣ предполагается дверь, остается запасъ примѣрно въ аршинъ; такъ получается съ трехъ сторонъ закрытое пространство—преддверіе. Отсюда уже только шагъ

къ пятистѣнному срубу, но у Пермья не хватило силъ сдѣлать его самостоятельно.

Сѣни въ современномъ жильѣ Пермья соединяють избу съ клѣтью — чомомъ. Теперь это въ большинствѣ случаевъ двухъ-этажное деревянное сооруженіе для храненія одежды и разнаго домашняго скарба (вверху) и хлѣбныхъ запасовъ (внизу). Названіе (чомъ) показываетъ, что клѣть образовалась изъ прежняго жилья или строилось по его типу, такъ-же, какъ у современныхъ Вогуловъ чамья, у Черемисъ одноэтажныя клѣти. По аналогіи съ вогульской чамьей можно предполагать, что и пермскій чомъ-клѣть стоялъ въ былое время особнякомъ отъ дома, какъ стоятъ и теперь амбары.

Уже наружный осмотръ пермскихъ построекъ показываетъ намъ, какой культурно-историческій матеріалъ представляютъ собою всѣмъ, въ особенности на мѣстѣ, присмотрѣвшимся вещи. Не менѣе поучительнымъ оказывается знакомство съ внутреннимъ устройствомъ пермцаго жилья. И здѣсь въ предѣлахъ одного хозяйства (двора) мы найдемъ рядъ переходныхъ ступеней отъ простѣйшихъ и въ то же время древнѣйшихъ формъ къ болѣе сложнымъ, новѣйшимъ.

Землянка, овинокъ, баня и изба имѣютъ одну общую черту, свидѣтельствующую о томъ, что они развились изъ жилья человѣка; это огнище. Переходя изъ древнѣйшихъ по типу построекъ къ новѣйшимъ, мы будемъ наблюдать картину его постепеннаго развитія. Въ землянкѣ и въ томъ коническомъ сооруженіи, которое теперь по мѣстамъ служитъ овиномъ, огонь раскладывается по срединѣ, прямо на землѣ. Печи здѣсь еще нѣтъ даже въ самой первобытной ея формѣ. Безъ печи оказываются и другія формы пермцаго овина. Прямо на землѣ по срединѣ раскладывается огонь и въ охотничьей избушкѣ. Въ банѣ мы встрѣчаемся уже съ „каменкой“, печью, сложенной изъ песчаника. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ — и эти случаи особенно характеристичны — печь занимаетъ въ банѣ тоже мѣсто, что и огнище, т. е. располагается посерединѣ. Здѣсь видно еще дѣйствіе традиціи. По большей части однако

„каменка“ помѣщается въ банѣ въ одномъ изъ угловъ—устьемъ къ боковой стѣнѣ. Въ избахъ Пермяковъ мы встрѣчаемся новый видъ печи—глинобитную. Такъ-же, какъ и въ баняхъ, глинобитная печь помѣщается неодинаково. Въ Глазовскомъ уѣздѣ въ старинныхъ пермяцкихъ избахъ печь занимаетъ мѣсто въ одномъ изъ переднихъ угловъ и обращена устьемъ къ двери ¹⁾. Это положеніе будетъ для насъ вполне понятнымъ, если мы припомнимъ, что избѣ предшествовала у Пермяка землянка, у которой единственнымъ пропускающимъ свѣтъ отверстіемъ была дверь. Печь приходилось ставить въ той сторонѣ, которая была всего болѣе освѣщена, обращать устьемъ туда, откуда единственно проникалъ въ землянку свѣтъ. По традиціи это положеніе печь сохранила и въ надземныхъ, бревенчатыхъ постройкахъ. Въ новыхъ избахъ, съ нѣсколькими окнами по стѣнамъ, печь ставится въ одномъ изъ угловъ около двери—у Орловскихъ Пермяковъ влѣво отъ входа, у Глазовскихъ и Соликамскихъ чаще вправо, чѣмъ влѣво.

Уже изъ положенія печи въ пермяцкой избѣ мы можемъ заключить, что у Пермяковъ Глазовскаго уѣзда сохранились болѣе древнія, первобытныя формы жилья. Къ тому-же заключенію прійдемъ мы и послѣ того, какъ подробнѣе ознакомимся съ здѣшней пермяцкой избой. Въ Глазовскомъ уѣздѣ еще уцѣлѣли избы съ землянымъ поломъ ²⁾. Такія избы составляютъ теперь исключеніе; въ большей части избъ имѣется уже „мостъ“, но даже обладая имъ, Глазовскія избы отличаются отъ Соликамскихъ и Чердынскихъ. Онѣ почти всѣ одноэтажны—безъ подпольнаго помѣщенія, которое называется въ Перми „подъизбицей“, иногда голбцемъ.

Избы Соликамскихъ и Чердынскихъ Пермяковъ почти всѣ имѣютъ эту подъизбицу, которая служитъ складомъ для различныхъ хозяйственныхъ принадлежностей; иногда изъ такой

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

²⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

постройки развивается настоящее двух - этажное жилье ¹⁾. Внутренний вид пермяцкой избы резко отличается от избы, которая представляет наш край. Составные элементы жилья тѣ-же—мы видимъ здѣсь полати, лежанку у печи (голбець), лавки и полки вдоль стѣнъ, но пропорціи, размѣры этихъ частей другія. Пермяцкая изба вообще выше казанскихъ русскихъ. Благодаря этому оказывается возможнымъ то, что полати, на которыхъ у насъ можно только лежать и развѣ согнувшись сидѣть, достигаютъ у Пермяковъ такой высоты, что на нихъ можетъ стоять не касаясь головой потолка самый высокій человѣкъ. Зимой въ сильные холода такія полати служатъ для пермяцкой семьи и спальни и столовой и рабочей комнатою.

Присматриваясь къ обстановкѣ избы, мы имѣемъ возможность расширить составленное уже отчасти представленіе объ изобрѣтательности и техническихъ способностяхъ Пермяка. Передъ нами житье-бытье человѣка, который все добываетъ „трудами рукъ своихъ“ и очень смутно подозреваетъ подѣль о возможномъ раздѣленіи труда. Для сидѣнья служатъ вдоль стѣнъ лавки (лавицы, вабицы), которая онъ научился дѣлать у Русскихъ. Дополнительная мебель, сработанная самимъ Пермякомъ, верхъ первобытности: это во первыхъ обрубокъ дерева, пень можно сказать — замѣняющій собою стулъ, во вторыхъ своеобразная скамейка, описать которую въ двухъ словахъ нелегко. Пермякъ отыскиваетъ въ лѣсу дерево, нѣсколько корней котораго (два-три) идутъ не въ глубь, а какъ-бы стелятся по землѣ. Такое дерево онъ выкорчевываетъ, обрубаемъ начисто всѣ корни кромѣ двухъ горизонтальныхъ, у которыхъ обрубаемъ только тонкія части, обрубаемъ стволъ на разстояніи полутора-двухъ аршинъ отъ корня, обтесываетъ этотъ стволъ и получаетъ вещь, которая

¹⁾ Ходъ въ подвѣзбицу бываетъ черезъ голбець или черезъ западню, которая устраивается въ полу за печью, если печь отдалена отъ стѣны примѣрно на аршинъ.

можетъ служить сидѣньемъ, если дерево съ корнями-ножками положить концомъ на лавку или на такой-же обрубокъ дерева, какъ джокъ ¹⁾).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Глазовскомъ уѣздѣ встрѣчается въ пермяцкихъ избахъ „ступка“—подобіе табурета. Устраивается она такъ: изъ четырехъ нетолстыхъ березовыхъ полѣньевъ вытесываются четыре ножи, основанія и вершины ихъ укрѣпляются въ двухъ крестообразныхъ черемуховыхъ или ивовыхъ вязахъ, а сверху къ нимъ приколачивается доска—сидѣнье ²⁾). Не хитрая пермяцкая мебель дополняется столомъ, простѣйшую форму котораго представляетъ доска съ двумя парами скрещивающихся ножекъ; болѣе сложнымъ является столъ — ящикъ, обшитый со всѣхъ сторонъ досками.

Посуда, которой пользуется Пермякъ, гармонируетъ съ его мебелью. Она состоитъ изъ покупныхъ котловъ, кадокъ, ложекъ, блюдецъ и самодѣльныхъ деревянныхъ чашекъ, ковшей, поваренокъ (черпаковъ) и глиняныхъ горшковъ. Чашки, ковши и поваренки приготовляются изъ наростовъ, которые въ обиліи встрѣчаются на березовыхъ корняхъ. Смотря по тому, что предполагается сдѣлать—чашку или ковшъ съ ручкой—вырубается или одинъ наростъ или съ прилегающей къ нему частью ствола. Наростъ въ свѣжемъ видѣ мягокъ и легко поддается ножу, выдалбливается и обдѣливается. Въ Музеѣ Отечества въ дѣлнѣ при Казанскомъ университетѣ имѣются образцы такихъ подѣлокъ изъ Соликамскаго, Чердынскаго и Глазовскаго уѣздовъ.

Важную роль въ древнемъ, а отчасти и современномъ хозяйствѣ Пермяка играетъ ступа. Она изготовляется изъ толстаго березоваго обрубка способомъ, на который стоитъ обратить вниманіе. На одномъ концѣ обрубка высѣкается топоромъ небольшое углубленіе, въ которое накладываются

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

²⁾ Также.

или горящіе угли или раскаленные куски чугуна; перемѣняя нѣсколько разъ тѣ или другіе, Пермьякъ достигаетъ того, что получается нужное ему углубленіе ¹⁾. Снаружи ступа почти не обрабатывается и здѣшніе русскіе, чувашскіе и черемисскіе родичи ея выглядятъ передъ ней совсѣмъ элегантными. Было время, когда такая ступа служила мельницей.

Предметовъ, которые мы описали достаточно было - бы уже для того, чтобы сдѣлать кое-какіе выводы относительно техническаго развитія Пермьяка—но мы повременимъ нѣсколько съ этой работой и познакомимся предварительно съ пермяцкимъ дворомъ.

Мы знаемъ уже большую часть тѣхъ хозяйственныхъ построекъ, которыя входятъ въ составъ пермяцкаго двора. Если мы присоединимъ сюда хлѣвы (гидъ) съ помѣщающимися надъ ними сѣнницами и погребъ, картина средняго пермяцкаго двора будетъ закончена. Не вездѣ совокупность построекъ, принадлежащихъ данной семьѣ отгорожена отъ другой. Въ Соликамскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ намъ случалось бывать въ деревняхъ, гдѣ отдѣльные хозяева не отгораживаются одинъ отъ другого. Въ Вятской губерніи дворъ повсюду уже обнесенъ бревенчатымъ заборомъ. Въ Соликамскомъ уѣздѣ въ особенности въ починкахъ встрѣчаются и крытые на одинъ скатъ дворы на подобіе тѣхъ, которые распространены у Русскихъ въ губерніяхъ Нижегородской, Костромской и Вятской.

На дворѣ помѣщаются разнообразныя хозяйственныя принадлежности, характеризующія своимъ видомъ изобрѣтательность Пермьяка. Вотъ у забора стоитъ мялка для льна и конопля. Для устройства ея Пермьяку немного пришлось подумать. Онъ взялъ ту самую „самородную скамейку“ которую мы видѣли въ избѣ, вырубилъ въ ней вдоль углубленіе, прикрѣпилъ подходящий къ углубленію рычагъ и мялка готова.

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

Вообще дерево съ однимъ или нѣсколькими горизонтально идущими корнями Пермскъ приспособляетъ для самыхъ разнообразныхъ цѣлей.

Изъ пары тонкихъ саженой длины стволовъ съ однимъ коротко обрубленнымъ корнемъ у каждаго онъ дѣлаетъ волокушу—орудіе для лѣтней перевозки тяжестей. Стволы для этой цѣли обращаются корнями вверхъ и скрѣпляются поперекъ корней перекладиной. Пара стволовъ образуетъ оглобли, а перекладина—мѣсто прикрѣпленія тяжестей, напр. бревенъ.

Волокуша вводитъ насъ въ кругъ тѣхъ приспособленій, которыми Пермскъ пользуется для перевозки тяжестей. Не такъ далеко еще отъ насъ то время, когда единственнымъ для зимы и лѣта перевозочнымъ орудіемъ у Пермяка были сани—и при томъ не тѣ снабженные полозьями сани, которыя знаемъ мы. Старыя пермяцкія сани—это большая коробка, спитая изъ бересты, такъ называемый чуманъ. Въ такихъ коробкахъ кое-гдѣ—напр. въ Глазовскомъ уѣздѣ—и теперь еще свозятъ на поля навозъ.

Полозья Пермяки увидали впервые у русскихъ и поспѣшили ихъ заимствовать: самыя не хитрыя сани съ полозьями были удобнѣе, легче для животныхъ, чѣмъ пермяцкія чуманъ. Вмѣстѣ съ предметомъ Пермяки заимствовали и его названіе (повозъ, полость). Сани до сихъ поръ остаются у Пермсково главнѣйшимъ орудіемъ перевозки во всякое время года. Оригинальное зрѣлище представляетъ для непривычнаго чловека дорога въ Пермскомъ краю. На прекрасныхъ усыпанныхъ галькой, окопанныхъ рвами, земскихъ и Строгановскихъ полотнахъ путешественникъ съ величайшимъ удивленіемъ можетъ въ разгаръ лѣта встрѣтить Пермяка, который везетъ кладъ на саняхъ. Присмотрѣвшись, онъ откроетъ, что въ Соликамскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ на колесныхъ экипажахъ лѣтомъ ѣздитъ только коренные русскіе—крестьяне и торговые—да чиновники. Въ сторону отъ почтовыхъ и земскихъ трактовъ, въ деревни, расположенныя среди лѣсовъ

нельзя проѣхать иначе, какъ верхомъ. Кто не можетъ ѣхать верхомъ, того везутъ на саняхъ. Такая участь ждетъ обыкновенно священника, не способнаго по старости или не привычекъ воспользоваться сѣдломъ. Если деревня далеко—а въ Пермскомъ краю случается, что деревня отстоитъ отъ прихода верстъ за 30—священника влечетъ цѣлый поѣздъ: въ сани впрягаются гусемъ 2—3 лошади, на каждой сидить по Пермяку; священникъ запасается войлокомъ, подушкой, укладывается на узкихъ саняхъ и поѣздъ трогается. Уѣздный Чердынскій землемѣръ рассказывалъ намъ, что когда онъ отважился проѣхать въ отстоящую отъ с. Кочева верстъ на 30 деревню на телѣгѣ, его пріѣздъ составилъ для жителей цѣлое событіе. Старикъ лѣтъ 80 выплелся посмотреть на смѣлаго путника и благодарилъ Бога за то что онъ привелъ его еще разъ увидать на старости лѣтъ телѣгу. Для края это было открытіе. Съ тѣхъ поръ деревня вступила такъ сказать въ колесный вѣкъ изъ саннаго. Но піонеръ за это заплатился боками. Пробраться на тележкѣ въ деревню было еще не такъ трудно, какъ на ней-же выбраться. Съ грѣхомъ пополамъ удалось запречь не привычныхъ лошадей въ страшный для нихъ экипажъ. Стоило за тѣмъ телѣгъ-загрохотать на покрытой корнями деревьевъ дорогѣ—и лошади пугались и несли. На помощь ямщика, такъ-же привычнаго къ телѣгѣ, какъ и его лошади, напрасно было разсчитывать: онъ пугался самъ, бросалъ возжи и хватался за сидѣнье, чтобы удержаться и не упасть.—Старики рассказывали намъ, что въ пору ихъ молодости даже по большимъ дорогамъ ѣзда происходила лѣтомъ на саняхъ; такъ возили изъ Кочева въ Чердынъ за 280 верстъ подати—мѣшкн съ тяжелыми Николаевскими мѣдками.

Въ краѣ, гдѣ сани играютъ такую роль, волокуша уже прогрессивное явленіе. Она не такъ тяжела для лошади, какъ сани, въ особенности въ сухое время или на твердомъ грунтѣ. Въ Соликамскомъ уѣздѣ волокуша дѣлаетъ шагъ, упрочивающій ея побѣду надъ саями: она поднимается и

ось съ первобытными колесами-кругляшами въ роѣ тѣхъ, которыя мы видимъ на деревенскихъ игрушечныхъ тѣлѣжкахъ. Такъ возникаетъ первообразъ тѣлѣги. Въ Орловскомъ и Глазовскомъ уѣздахъ только такія тѣлѣги Пермьякамъ и извѣстны. Въ Соликамскомъ уѣздѣ рядомъ съ такой тѣлѣгой занимають мѣсто для перевозки тяжестей небольшія платформы и ящики на оси съ колесами-кругляшами.

Четырехколесная телега, съ колесами обыкновеннаго типа составляетъ уже у Пермьяковъ чрезвычайную рѣдкость. Чаше можно встрѣтить на такихъ колесахъ тарантасъ или плетенку—у людей, которые „ямщичать“. Колеса и ящики для тарантасовъ Пермьяки покупають у Вятчанъ на торжкахъ или сельскихъ ярмаркахъ и совершаютъ для этого поѣздки верстъ за 80, за 100. Сами Пермьяки часто не умѣють даже починить колеса. Въ Кочевской волости Чердынскаго уѣзда, говорилъ намъ одинъ Пермьякъ, едва найдется два—три чело-вѣка, которые сѣмѣють выполнить такую работу.

Продолжимъ образъ тѣхъ предметовъ, которые можно видѣть на пермьяцкомъ дворѣ. Рядомъ съ волокушей мы видимъ въ большинствѣ случаевъ соху. Она устроена изъ того же матеріала, что и волокуша; разница только въ томъ, что на этотъ разъ стволы обращены корнями внизъ и на концы корней насажены ральники. Чтобы покончить съ матеріалами, характеризующими уровень техническаго развитія Пермьяка, скажемъ нѣсколько словъ—несовсѣмъ своевременно—еще объ одномъ видѣ утилизаціи дерева съ идущимъ подъ угломъ корнемъ. Мы видѣли приготовленные изъ него швейки: коротко обрубленный стволъ обрабатывается для донца или сидѣнья, обтесанный корень для прикрѣпленія шитва.

Прежде, чѣмъ перейти въ выводы, познакоимся съ одеждой Пермьяка. Первой одеждой его была звѣриная шкура. Въ настоящее время Пермьякъ носить ткани, по формѣ нѣкоторыхъ принадлежностей костюма сохранилось до сихъ поръ отъ этой старой поры; стоитъ напр. сравнить пермьяц-

кія лапти съ обувью Вогуловъ и Остяковъ, чтобы убѣдиться въ ихъ родствѣ.

Костюмъ современнаго Пермьяка не сложенъ: отъ русскаго крестьянина Пермьякъ отличается круглой войлочной татарскаго образца шляпой, синимъ холщевымъ круглымъ или сборчатымъ шабуромъ, лаптями и кушакомъ. Кушаки составляютъ гордость пермяцкихъ рукодѣльницъ: они ткуются изъ шерстей и отличаются правильными геометрическими узорами. Въ костюмѣ Чердынскихъ Пермьяковъ можно отмѣтить еще одну черту, отличающую ихъ отъ Русскихъ: они носятъ (теперь уже не всѣ) бѣлыя рубашки съ двумя широкими красными вытканными каймами на подолѣ. Въ старину бѣлый цвѣтъ пользовался болѣе широкимъ распространеніемъ.

Женскій костюмъ повсюду въ Пермьскомъ краѣ не отличается отъ обыкновеннаго русскаго: онъ состоитъ изъ сарафана (чаще синяго) и бѣлой рубашки съ вытканными на плечахъ и запястьяхъ рукавовъ узорами, которые многими принимаютъ за вышивку. Чердынскихъ и Соликамскихъ Пермьячекъ можно отличить по головнымъ уборамъ: первыя носили прежде сороку (въ родѣ Черемисской), носятъ теперь кокошникъ, вторыя — шамшуру.

Мы не будемъ описывать обоихъ этихъ уборовъ: тутъ нужны рисунки. Скажемъ только, что въ украшеніи шамшуръ и кокошниковъ развертываются художественныя способности пермяцкихъ женщинъ. Сравнивая фигуры, которыя они создаютъ изъ бисера и грубаго жемчуга, съ узорами шелковыхъ вышивокъ у Вотячекъ и въ особенности у Черемисокъ, мы можемъ замѣтить, что эти способности у Пермьячекъ ниже, чѣмъ у другихъ нашихъ инородковъ.

Мы познакомились теперь со всѣмъ, что создалъ и создаетъ Пермьякъ для удовлетворенія потребностей въ пищѣ, жилищѣ, одеждѣ, и можемъ перейти къ выводамъ. Стоитъ сдѣлать маленькое усиліе мысли, чтобы найти черту, объединяющую всѣ разсмотрѣнныя нами издѣлія Пермьяковъ — чашки, ковши, поваренки, ступы, швейки, волокуши. Выдѣлывая эти

вещи, Пермякъ стоитъ на зачаточной ступени творчества: онъ еще не господинъ того матеріала, который предполагаетъ приспособить къ своимъ потребностямъ, не въ состояніи дать ему ту форму, которая ему желательна; онъ беретъ у природы формы вмѣстѣ съ матеріаломъ. Лѣса окружавшіе Пермяка, въ изобиліи предлагали его вниманію наросты на корняхъ березъ. Рано или поздно Пермяку должна была прійти мысль какъ нибудь приспособить эти наросты для своихъ потребностей. Онъ обрубаешь такой наростъ, выдалбливаетъ ножомъ его внутренность, слегка обчищаетъ снаружи и готова первобытная чашка; случайно или намѣренно онъ обрубаешь такой наростъ съ частью корня или ствола и получается сосудъ съ ручкой—ковшъ, поваренка. Тутъ все дано природой; человѣку принадлежитъ лишь идея приспособить готовое къ своимъ цѣлямъ. Такъ начинается творчество въ каждой области техники. Слѣдующія ступени развитія состоятъ въ томъ, что человѣкъ видоизмѣняетъ данныя формы, создаетъ новыя, даетъ матеріалу ту или другую форму по усмотрѣнію. Пермякъ не дошелъ до нихъ. Онъ остался работою природы—и въ этомъ мѣрка его творческихъ силъ. Первоначальная зависимость въ своемъ творествѣ отъ природы—удѣлъ каждаго народа. Создавшіе высокую культуру Египтяне своими первыми идеями въ области архитектурнаго орнамента обязаны природѣ Нильскаго бассейна, но богатство ихъ творческихъ силъ сказалось въ томъ употребленіи, которое они сдѣлали изъ этого матеріала, въ обиліи видоизмѣненій, въ разнообразіи сочетаній. Разстояніе, отдѣляющее любое изъ такихъ видоизмѣненій отъ даннаго природой первообраза, и служитъ показателемъ тѣхъ творческихъ силъ, которыми располагаетъ народъ. Пермякъ не пошелъ дальше простаго приспособленія готоваго. Чтобы сдѣлать своей женѣ или дочери швейку, онъ долженъ бродить по лѣсу, отыскивая дерево съ подходящимъ расположеніемъ корней; онъ не дошелъ до мысли, что такого-же рода швейку можно гораздо скорѣе приготовить изъ двухъ отдѣльныхъ

и небольшихъ сравнительно кусковъ дерева; здѣсь ужъ нужно создавать, а не приспособлять только.

Достоинство пермяцкихъ издѣлій зависитъ, конечно, не отъ одного размѣра техническихъ способностей народа. Не создавая новыхъ формъ Пермьякъ, могъ-бы тоньше обработать то, что дано вчера природой, но для этого нужны уже не тѣ орудія, которыми пользуется Пермьякъ, и не столько. На примѣрѣ приготовления ступы мы имѣли уже случай замѣтить, что Пермьякъ мастерить въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ, какъ мастерилъ человѣкъ въ ту далекую пору, когда онъ только что овладѣлъ огнемъ. Способъ приготовления остальныхъ пермяцкихъ вещей показываетъ, что Пермьякъ не всегда пользуется даже такими орудіями, какъ долото и пила. Пила представляетъ собою инструментъ, назначеніе котораго знаетъ далеко не всякій Пермьякъ. На почтовомъ трактѣ, въ селѣ Кочевѣ Чердынскаго уѣзда, еще недавно были возможны такіе случаи, что Пермьяки, заготовляя дрова, не пилили, а рубили вывезенныя изъ лѣса деревья. Судебный приставъ, поселившійся здѣсь, рассказывалъ намъ, что ему для этой цѣли пришлось самому купить пилу. Когда онъ разставилъ ее, какъ слѣдуетъ, и далъ Пермьяку—рабочему, тотъ повертѣлъ ее съ удивленіемъ въ рукахъ и заявилъ, что не знаетъ, что съ ней дѣлать.

Въ неподвижности, которая характеризуетъ Пермьяцкое творчество въ области предметовъ домашняго обихода, сказывается и другая черта духовной природы Пермьяка—слабое развитіе, если не отсутствіе потребности перемѣны, лучшаго, потребности, которая является условіемъ развитія въ каждой области.

~~~~~

Глава IV.

Семейныя и общественныя отношенія.

Мы покончили съ тѣмъ отдѣломъ произведеній Пермскаго творчества, который коренится въ удовлетвореніи потребностей въ пищѣ, кровѣ и одеждѣ. Всматриваясь во всю совокупность относящихся въ нему предметовъ, читатель могъ сдѣлать одно—очень важное, какъ мы увидимъ—наблюденіе: не всѣ вещи, которыми пользуется современный Пермскъ, находятся въ строгомъ соотвѣтствіи съ его наличнымъ техническимъ развитіемъ; онъ можетъ напр. сдѣлать глинобитную, подъ часъ даже кирпичную печь, а въ овины огонь раскладываетъ прямо на землѣ, т. е. дѣлаетъ то, что дѣлали въ своемъ жилищѣ его отдаленные предки. Старое, оказывается, выживаетъ, остается на службѣ Пермска, не смотря на ростъ техническаго развитія. Эту живучесть того, что разъ было создано человѣкомъ, мы замѣтимъ и въ области творчества общественно-бытоваго. И здѣсь при внимательномъ изслѣдованіи въ современности окажется масса обломковъ далекой старины. Разница будетъ только въ томъ, что тамъ—въ области вѣшняго быта—старое не соотвѣтствуетъ техническому развитію современныхъ Пермскихъ, здѣсь—въ области творчества общественно-бытоваго—оно не будетъ соотвѣтствовать его современнымъ взглядамъ, понятіямъ и чувствамъ. Жизнь прихотливо комбинируетъ обломки старины—обычаи, которые выполняются по преданію, не зная, зачѣмъ—и рядъ сознательныхъ дѣйствій, вытекающихъ изъ современ-

ныхъ понятій. Этнографъ можетъ двояко отнестись къ этой „натурѣ“. Онъ можетъ тщательно черта за чертой переносить въ свои записи то, что даетъ жизнь заботясь только о томъ, чтобы его записи какъ можно точнѣе воспроизводила дѣйствительность. Онъ можетъ вести дѣло и дальше, можетъ подвергнуть анализу детали скопированной картины, отдѣлать въ ней живое отъ обломковъ старины, отодвинуть старое съ перваго плана въ глубь ея, дать картинѣ культурно-историческую перспективу. Трудность этой операціи заключается въ томъ, чтобы найти для того или другаго обломка настоящее мѣсто въ глубинѣ картины. Основанія этой перспективы, указанія на то, что слѣдуетъ поставить ближе, что дальше даетъ исторія культуры. Условимся еще разъ на счетъ признаковъ стараго. Мы будемъ признавать обломками старины то, что не вытекаетъ изъ современныхъ воззрѣній Пермь, что продѣлывается имъ безотчетно по преданію.

Для безпрепятственнаго и правильнаго удовлетворенія потребности въ продолженіи рода современный Пермь вступаетъ въ бракъ и избираетъ себѣ одну женщину на всю жизнь. Въ выборѣ этой женщины онъ ограниченъ гражданскими законами о совершеннолѣтіи, церковнымъ правомъ и вытекающими изъ него общественными понятіями о дозволенномъ и не дозволенномъ: онъ не можетъ напр. жениться на родственницѣ ближе извѣстной степени. Здѣсь все мотивировано господствующими въ настоящее время понятіями. Рядомъ жизнь даетъ другую картину, которая стоитъ въ полномъ противорѣчій съ этими воззрѣніями. Прежде чѣмъ молодые люди обоого пола вступаютъ въ освященный общественнымъ мнѣніемъ, закономъ и церковью отношенія, они живутъ половой жизнью цѣлые годы. Законъ для вступленія въ бракъ требуютъ извѣстнаго возраста; для внѣбрачныхъ отношеній нѣтъ другихъ ограниченій, кромѣ естественныхъ. Половая жизнь дѣвушки начинается съ 12—13 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ у Пермцевъ, какъ и у Вотавцевъ, почти каждая дѣвушка имѣетъ любовника. Церковь ставитъ

извѣстную степень родства границей для вступленія въ бракъ; въ своихъ вѣнчаемыхъ отношеніяхъ пермяцкая молодежь не признаетъ за родствомъ никакого стѣсняющаго значенія. Г. Добротворскому сообщали, что въ глухихъ отдаленныхъ Пермскихъ починкахъ зачастую встрѣчаются случаи сожительства братьевъ съ сестрами ¹⁾. Г. Шатровъ, живущій въ Пермскомъ приходѣ Глазовскаго у., на вопросъ о вѣнчаемыхъ отношеніяхъ между родственниками отвѣчаетъ намъ: „среди Пермяковъ, населяющихъ Зюдинскій край, не составляютъ рѣдкости половыя сношенія между очень близкой родней; не считается предосудительнымъ имѣть и дѣтей, прижитыхъ въ кровосмѣшеніи“. Нашъ корреспондентъ знакомить и съ нѣкоторыми изъ условій, вызывающихъ кровосмѣшенія. „Всѣ виды кровосмѣшенія совершаются зимою на посидѣнкахъ. Собравшіяся здѣсь молодыя женщины и дѣвушки снимаютъ съ своихъ рукъ по кольцу и складываютъ ихъ всѣ въ одну шапку или коробицу, откуда каждый изъ присутствующихъ на игрищѣ парней не глядя беретъ кольцо. Женщина или дѣвушка, которой принадлежитъ кольцо, переходитъ въ его полное распоряженіе. Онъ сажаетъ ее къ себѣ на колѣни и играя съ нею проводитъ съ нею вечеръ и часть ночи; передъ разсвѣтомъ кто нибудь изъ играющихъ внезапно гаситъ огонь и всѣ присутствующіе на игрищѣ предаются разврату“. Г. Шатровъ къ сожалѣнію не сообщаетъ, такое-ли же значеніе имѣетъ жеребій во время лѣтнихъ игрищъ.

Мы имѣемъ основанія утверждать, что такіе факты, какъ сожительство брата съ сестрой, извѣстны и въ Пермскомъ краѣ — по крайней мѣрѣ въ Соликамскомъ уѣздѣ. Изучая „книги явокъ и жалобъ“ и „книги рѣшеній волостныхъ судовъ“ въ волостяхъ, населенныхъ Пермяками, мы имѣли случаѣ натолкнуться не на одинъ случай, когда Пермякъ привлекается къ волостному суду за то, что назвалъ

---

¹⁾ 1. с. IV, 565. Ср. Роговъ. Ж. М. В. Д. 29, 74.

другого такимъ именемъ, въ которомъ заключается указаніе на сожительство съ сестрой (одни писаря приводятъ его en toutes lettres, другіе переводятъ словомъ сестро-наильникъ). То обстоятельство, что обнаруженіе такого факта считается позорящимъ человѣка, показываетъ, что у Соликамскихъ Пермьковъ родство начинаетъ уже считаться препятствіемъ для половыхъ отношеній. Какъ психопатологическій фактъ, можно отмѣтить встрѣченныя нами въ книгахъ явокъ указанія, что сынъ покушался произвести наилье надъ матерью. Въ рукописи, доставленной намъ П. А. Вологдинымъ, мы находимъ преданіе, записанное въ Архангельской волости. Преданіе это гласитъ что Чудаки, родство которыхъ съ Пермьками мы уже выяснили, не уважали при удовлетвореніи своихъ половыхъ потребностей родственныхъ связей. Свойство еще менѣе, чѣмъ кровное родство, служить у Пермьковъ препятствіемъ для вѣбрачныхъ отношеній. А. П. Ивановъ въ своемъ очеркѣ „Кама-рѣка“ отмѣчаетъ между прочимъ, что въ одномъ пермьцкомъ домѣ Зюздинскаго края родители безъ всякаго стѣсненія сообщили ему, что ихъ дочь прижила ребенка съ мужемъ сестры ¹⁾. Волостнымъ судамъ Пермьцкаго края приходится по временамъ рѣшать ссоры между братьями изъ за того, что холостой живетъ въ связи съ законной половиной женатаго. Случай, когда два брата живутъ вѣбрачныхъ отношеніяхъ съ двумя родными сестрами, не составляютъ рѣдкости. Пермькъ не прочь игнорировать свойство и при заключеніи брака, но сдерживается церковными установленіями.

Какъ слѣдуетъ смотрѣть на факты, подобныя тѣмъ, которые мы только что провели? Наблюдатель, признающій излишнимъ для этнографическихъ цѣлей знакомство съ общей исторіей культуры и исторіей данной народности, безъ колебаній объявитъ эти факты выраженіемъ глубокаго нравственнаго упадка народа. Но дѣло можетъ представлять-

¹⁾ Волж. Вѣст. 1883.

ся и иначе. Мы имѣемъ отъ 1501 г. драгоцѣнный въ этомъ отношеніи матеріалъ. Черезъ 35 лѣтъ послѣ крещенія Чердынскихъ Пермьковъ, Московскій митрополитъ Симонъ ставитъ на видъ новообращеннымъ Пермькамъ и ихъ князю различныя несогласныя съ христіанскими требованіями факты въ жизни ихъ. Между этими фактами мы отмѣчаемъ одинъ: Пермьки вступали въ браки, не стѣсняясь родствомъ („женитьбѣ незаконныхъ не чините, якоже слышу о васъ, что поймаются въ племени по ветхому, по татарскому обычаю: кто у васъ умретъ, а второй его братъ жену его поймасть, третій его братъ также творить '...). Сопоставимъ эти раздѣленные почти четырьмя вѣками бытовыя картины и мы приобрѣтемъ настоящій взглядъ на вѣббрачныя отношенія Пермьковъ: недопускаемое христіанской моралью и закономъ, осуждаемое общественнымъ мнѣніемъ является обломкомъ, переживаніемъ стараго до-христіанскаго порядка вещей. Въ пермьцкой дѣйствительности намѣчаются двѣ крупныхъ группы явленій: явленія новыя, навѣяныя христіанствомъ и явленія до-христіанской, самобытно-Пермьцкой старины. Разбираясь въ явленіяхъ этой послѣдней группы, мы замѣтимъ что и они не всѣ могутъ относиться по своему возникновенію къ одной эпохѣ. Одни носятъ на себѣ печать извѣстнаго и можетъ быть даже заимствованнаго порядка (обычай младшаго брата жениться на вдовѣ старшаго), другія характеризуются полнымъ отсутствіемъ чего-либо упорядочивающаго, обязательнаго (вѣббрачныя половыя отношенія на игрищахъ и т. п.). И здѣсь должна быть та или другая преемственность явленій. Установить эту преемственность позволяютъ намъ 1) сравненіе съ исторіей развитія семейныхъ отношеній у ближайшихъ родичей Пермьковъ—Вотьяковъ, 2) та схема развитія семьи, которую даетъ исторія культуры, точнѣе сравнительное бытовѣдѣніе. Въ семейномъ бытѣ Вотьяковъ извѣстны случаи, а) когда отецъ

---

1) Перм. лѣт. I, 33. Ср. наши «Черемисы» 127.

пользуется совместно съ сыномъ его женой, в) когда братья и родственники жениха символически заявляютъ о своихъ правахъ на его будущую жену, с) когда парни селенія, изъ котораго уходитъ дѣвица, такъ же символически заявляютъ о своихъ правахъ на нее, d) когда молодежь обоего пола вступаетъ въ кратковременныя связи, разрывая ихъ по первому побужденію инстинкта. Сравнительное бытовѣдѣніе показываетъ, что эти явленія извѣстны въ жизни почти всѣхъ народовъ, находятся въ извѣстной преемственности и составляютъ моменты, изъ которыхъ складывается исторія семьи: первый случай (снохачество) представляетъ собою форму выражающейся полиандріи (многомужества), второй—выживающій въ формѣ символа остатокъ той-же полиандріи, третій—такой же остатокъ эндогаміи (половыхъ отношеній внутри группы, связанной кровнымъ родствомъ), четвертый—переживаніе эпохи неупорядоченныхъ еще половыхъ отношеній (коммунальнаго брака, гетеризма).

Исходя изъ указаній, которыя даютъ намъ жизнь Вотяковъ и сравнительное бытовѣдѣніе, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что и обломки старины, сохранившіеся въ современномъ бытѣ Пермьковъ, относятся къ различнымъ періодамъ въ исторіи Пермьцкой до-христіанской семьи. Обычай, противъ котораго ратуетъ митрополитъ Симонъ, представляетъ собою одну изъ формъ угасающей полиандріи—левиратъ. Другое переживаніе той-же полиандріи представляетъ собою снохачество. Въ настоящее время оно считается уже позорнымъ явленіемъ. Пермькъ, назвавшій другаго снохачемъ, привлекается за обиду къ суду. Но было время, когда оно представлялось неизбѣжнымъ при заключеніи брака между мальчикомъ и взрослой дѣвицей. Воспоминаніемъ объ этой порѣ до сихъ поръ служитъ тотъ фактъ, что жена бываетъ на много лѣтъ старше мужа.

Внѣбрачныя половыя отношенія пермьцкой молодежи представляютъ собою переживаніе еще болѣе отдаленной эпохи коммунальнаго брака или гетеризма, эпохи, когда не одна

молодежь, но и всѣ взрослые представители обоихъ половъ жили безпорядочною половой жизнью. Въ пользу того, что Пермьки пережили такой періодъ, свидѣлствуетъ ихъ терминологія семейныхъ отношеній. Эта терминологія такъ же, какъ и вотяцкая, не вается съ современнымъ строемъ Пермьцкой жизни. Въ настоящее время женщина различаетъ мужчину, съ которымъ она связана брачнымъ союзомъ, отъ всякаго другаго представителя мужскаго пола, мужчина въ свою очередь выдѣляетъ изъ среды женщинъ одну, съ которой онъ находится въ бракѣ, оба отличаются среди массы дѣтей и подростковъ нѣсколько особей, къ которымъ они стоятъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, какъ родители. Если бы такой порядокъ вещей существовалъ издавна, естественно было бы ожидать, что въ языкѣ Пермьковъ съ давнихъ поръ существовали бы различныя слова для обозначенія мужа и мужчины, жены и женщины, сына и дочери съ одной стороны, мальчика и дѣвочки съ другой. Словарь современныхъ Пермьковъ между тѣмъ не оправдываетъ этихъ ожиданій. А й ка (мужъ) значитъ въ сущности отецъ, самецъ (ај + суф. ка), инј, инјка (жена) значитъ самка, женщина. Специальное слово г ѳ т ы р не ясно по своему значенію; ныл, нылка — дѣвка, дочь, зон, зонка — парень, сынъ. Несотвѣтствіе терминологіи съ современнымъ строемъ жизни можетъ быть объяснено только тѣмъ, что она сложилась при другихъ отношеніяхъ между полами и пережила ихъ. Каковы были эти отношенія, не трудно опредѣлить. Если языкъ не дѣлаетъ различій между мужемъ и мужчиной, между женой и женщиной, то это значитъ что въ эпоху возникновенія терминовъ родства отношенія между мужчинами и женщинами имѣли такой-же неустойчивый и неупорядоченный характеръ, какъ современные вѣнбачныя отношенія пермьцкой молодежи: особыхъ терминовъ не могло явиться, когда не было особыхъ отношеній къ одной особи изъ цѣлой массы ей подобныхъ.

Состояніе беспорядочнаго сожителства половъ порождаетъ рядъ явленій, которымъ нѣтъ мѣста при нашемъ строѣ жизни. При такомъ состояніи общества прежде всего не можетъ быть, конечно, и рѣчи о какихъ нибудь стѣсненіяхъ родственными отношеніями; половой инстинктъ не подчиняется здѣсь никакимъ ограниченіямъ. Какъ мало подчинялся онъ какимъ бы то ни было ограниченіямъ у древнихъ Пермяковъ, можно судить по внѣбрачнымъ отношеніямъ ихъ потомковъ. Затѣмъ съ беспорядочнымъ половымъ сожителствомъ тѣсно связана преобладающая роль женщины-матери относительно дѣтей: мать и рожденные ей дѣти составляютъ единственное устойчивое, покоящееся на твердомъ сознаніи взаимной близости сочетаніе. Это сочетаніе—зародышъ будущей семьи. Мы не считаемъ нужнымъ входить въ подробности на счетъ того, въ чемъ выражается матриархальный порядокъ, зараждающійся на почвѣ гетеризма. Отмѣтимъ изъ связанныхъ съ нимъ явленій только тѣ, намеки на которые даетъ намъ пермяцкая жизнь. При матриархальномъ строѣ въ роли покровителя женщины и ея дѣтей является наиболѣе близкій къ ней мужчина—ея братъ. Понятно, что въ обществѣ, сохраняющемъ даже только слѣды пережитаго матриархата, братъ и дядя по матери пользуются особымъ значеніемъ и почетомъ. Проблески этого особаго почтенія съ стороны женщины къ брату замѣтны по мѣстамъ въ современномъ Пермяцкомъ свадебномъ обрядѣ. Г. Добротворскій говоритъ, что у Пермяковъ Вятской губерніи (Орловскихъ?) невѣста передъ свадьбой приноситъ прежде всѣхъ благодарность „милому брату за то, что вспоилъ, вскормилъ ее и не далъ никому въ обиду“ и въ заключеніи отцу съ матерью ¹⁾). Въ Чердынскомъ уѣздѣ братъ запираетъ ворота передъ поѣзжанами, пріѣхавшими за невѣстой, и символически защищаетъ ее отъ предполагаемыхъ похитителей. Тайлоръ ставитъ въ связь съ выживающимъ матриархатомъ обычай, чтобы зять

---

¹⁾ 1. с. IV, 561.

поселялся въ домѣ жены ¹⁾). Въ настоящее время этотъ обычай составляетъ у Пермиковъ рѣдкое явленіе—и, конечно, въ силу того безправія, на которое обрекается въ домѣ тестя приемный зять. У Пермиковъ Вятской губерніи онъ теряетъ связь съ своимъ родомъ, свое фамильное имя и принимаетъ имя тестя совершенно также, какъ работникъ въ Пермской губерніи. Его дѣти увеличиваютъ родъ тестя и носятъ также фамильное имя послѣдняго ²⁾). По отношенію къ своимъ дѣтямъ онъ значитъ равно столько, сколько любовникъ незамужной дѣвушки, такъ какъ и тамъ дѣти величаются по отцу матери. Можно думать однако, что этотъ порядокъ въ былое время имѣлъ большее распространеніе. Любопытно то обстоятельство, что Пермяки не имѣютъ особыхъ словъ для обозначенія зятя и тестя: первый обозначается однимъ терминомъ съ пасынкомъ, второй однимъ съ вотчимомъ. Результаты этой своеобразности въ терминологіи, замѣтимъ мимоходомъ, выражаются между прочимъ въ томъ, что Пермяки путаютъ Русскіе термины зять и „пасынокъ“ и среди жалобъ разбираемыхъ волостными судами можно встрѣтить такия, гдѣ Пермякъ проситъ судъ отобрать у п а с ы н к а (т. е. у зятя) имущество умершей безъ дѣтей дочери. Такое отождествленіе отношеній, съ современной точки зрѣнія различныхъ, могло возникнуть только тамъ, гдѣ зять, какъ и пасынокъ, жили въ домѣ тестя.

Слѣдующую за безпорядочнымъ половымъ сожителествомъ ступень въ развитіи семьи представляетъ порядокъ, при которомъ обладаніе женщиной индивидуализируется, дѣлается болѣе устойчивымъ и господство матери по отношенію къ дѣтямъ уступаетъ мѣсто господству отца. Эта перемѣна обыкновенно ставится въ связь съ возникновеніемъ обычая похищать женщинъ. Такъ-ли шло развитіе пермяцкой семьи, мы точно не знаемъ. Несомнѣнно одно—похищеніе невѣсты, „умыканіе“ было въ обычай у

---

¹⁾ Этногр. Обзор. V, 7, 8.

²⁾ Добр. 1. с. IV, 567.

Пермяковъ. Воспоминанія о немъ, не говоря уже о фактивномъ умыканіи невѣсты по соглашенію съ ней, до сихъ поръ сохраняются въ Пермскомъ свадебномъ обрядѣ. Какъ весь современный бытъ Пермяка, свадебный обрядъ заключаетъ въ себѣ черты, которыя не вяжутся съ современными основами жизни. Въ настоящее время бракъ является у Пермяковъ результатомъ соглашенія между родителями обѣихъ сторонъ и до извѣстной степени—доброй воли самихъ брачующихся. Согласно съ этимъ свадьба начинается сватовствомъ, которое ведется совершенно такъ-же, какъ и у Русскихъ. Для переговоровъ съ родными намѣченной невѣсты выбирается свать. Свать заходитъ предварительно къ сосѣдямъ невѣстина отца, наводитъ у нихъ справки и потомъ уже отправляется къ нему въ домъ. Здѣсь начинаются переговоры. Отецъ ссылается на мать, мать замѣчаетъ, что для домашнихъ работъ ей нужна была бы помощница, но выше отца она не станетъ. Дѣло оканчивается тѣмъ, что родители получаютъ за невѣсту задатокъ. Черезъ нѣкоторое время наступаетъ рукобитье. Женихъ ѣдетъ съ отцемъ, крестнымъ братомъ, тысяцкимъ. Въ домъ невѣсты къ невѣстѣ собираются всѣ сосѣди. Женихъ съ отцемъ садятся за столъ и угощаются. Потомъ начинается рукобитье. Отецъ жениха кладетъ свою руку на руку невѣстина отца; оба поднимаютъ сложенные руки и спрашиваютъ присутствующихъ, видѣли-ли рукобитье. Покончивъ рукобитье, родные жениха вызываютъ невѣсту. Невѣста выходитъ изъ кутнаго угла и подаетъ вина женихову отцу. Отецъ проситъ, чтобы она выпила первая сама; невѣста выпиваетъ и подноситъ жениху. Послѣ рукобитья цѣлую ночь идутъ игры. Дѣвушки—подруги невѣсты переходятъ съ рукъ на руки отъ одного гостя къ другому. Неженатая молодежь въ Чердынскомъ уѣздѣ на этотъ вечеръ не допускается (не слѣдуетъ-ли видѣть въ этомъ обычай остатокъ гостепріимнаго гетеризма?). Во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ „женихается“ напротивъ она. Черезъ нѣсколько дней послѣ рукобитья начинается сватъба. Наступаетъ моментъ, когда женихъ долженъ

увести невесту въ свой домъ, и въ обрядѣ являются черты, несогласныя съ дружественнымъ характеромъ всего предшествующаго. Въ деревню, гдѣ живетъ невеста, въѣзжаетъ группа всадниковъ, размѣры которой зависятъ отъ того, какъ велика родня жениха. Отецъ невесты немедленно запираетъ на запоръ ворота. Деревенская молодежь, которую собираютъ на этотъ случай въ домъ невесты, держитъ на готовѣ ружья и стрѣляетъ изъ нихъ въ поѣзжанъ изъ воротъ и сѣней, отецъ невесты между тѣмъ ведетъ съ старшимъ дружкой жениха ведетъ по русски миролюбивые переговоры на счетъ угощенья. Молодежь, собранная женихомъ, въ свою очередь поднимаетъ коней на дыбы, какъ будто готовясь перескочить черезъ ограду. Послѣ долгихъ переговоровъ братъ невесты за извѣстный выкупъ—въ видѣ бутылки водки напр.—отпираетъ ворота и поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ. Дружки вынимаютъ дары и направляются въ избу. Отецъ невесты принимаетъ дары и передаетъ ихъ женѣ, та дочери. Только послѣ даровъ отецъ отпираетъ дверь избы и выпускаетъ поѣзжанъ. Женихъ входитъ въ избу, какъ врагъ—шапки не снимаетъ, богу не молится.

Поѣзжане усаживаются безъ приглашенія за столъ, на который невеста ставитъ пиво и рыбный пирогъ. Съ ними усаживается уже безъ шапки и помолясь женихъ. Старшій дружка жениха выкликаетъ теперь невестина отца. Ему подносятъ пива и вина; дружка приговариваетъ: „батьюшка родимый, за этимъ пивцомъ, за этимъ винцомъ, за этой ѣствой намъ бы нужно было огня летучаго“. Отецъ невесты приноситъ лучину, огнивомъ высѣкаютъ огонь и зажигаютъ свѣчу. Дружка выкликаетъ мать невесты и требуетъ отъ нея „княгиню молодую“. Невеста сидитъ между тѣмъ въ кутномъ углу. Дружка отъ имени жениха вызываетъ ее къ жениху. „NN, приступись ко мнѣ поближе, поклонись пониже“. Отецъ подводитъ невесту и кланяется вмѣстѣ съ ней поѣзжанамъ трижды въ землю. Происходитъ обрученіе. Невеста опять уходитъ въ кутный уголъ. Поѣзжане угощаются и дружка

вызываетъ обрученную невѣсту за столъ. Отецъ ведетъ дочь за платокъ, который она держитъ въ рукахъ, и передаетъ черезъ этотъ платокъ жениху, приговаривая по Пермьцки: у меня хорошо жила, живите и вы хорошо, добрымъ людямъ на похвалу, худымъ на зависть³⁾. Получивъ невѣсту, поѣзжане требуютъ отъ ея родителей угощенія. Начинается свадебный столъ, который проходитъ съ тѣми-же церемоніями, что и у Русскихъ. По окончаніи стола невѣсту уводятъ въ церковь и оттуда въ домъ жениха. Въ Орловскомъ уѣздѣ, прежде чѣмъ выводить невѣсту изъ избы, старшій изъ поѣзжанъ — дядя жениха — связываетъ ей руки лычкомъ или мочаломъ. Въ такомъ видѣ ее везутъ до церкви; здѣсь уже самъ женихъ развязываетъ ей руки¹⁾. Въ Глазовскомъ уѣздѣ женихъ беретъ невѣсту въ охапку и сажаетъ на приведенную для нея лошадь.

Сопоставляя обряды, при которыхъ невѣста увозится въ домъ жениха, съ предшествующими, мы приходимъ къ заключенію, что женихъ и его родня вступаютъ въ домъ отца невѣсты, берутъ ее и увозятъ совсѣмъ не такъ, какъ можно было бы ожидать на основаніи состоявшагося раньше соглашенія. вмѣсто доброй воли обѣихъ сторонъ мы видимъ здѣсь сплошь насиліе — хотя не дѣйствительное, а символическое, разыгрываемое женихомъ и его спутниками. Несоотвѣтствіе сдѣлается понятнымъ, если мы предположимъ, что современный свадебный обрядъ складывается въ сущности изъ двухъ обрядовъ: новаго, основаннаго на соглашеніи сторонъ и стараго, воспроизводящаго „умыканіе“. Логичность свадебнаго ритуала тотчасъ возстановится, лишь только мы отодвинемъ въ глубь картины этотъ кусокъ старины и дадимъ на первомъ планѣ тотчасъ за рукобитіемъ мѣсто вѣчанію и послѣдующимъ обрядамъ. Съ „умыканіемъ“, конечно, стоитъ въ связи до сихъ поръ господствующій у Пермскихъ Вятской губерніи обычай брать невѣсту непременно въ другой

---

³⁾ Добр. I. с. IV, 562.

деревнѣ (экзогамія вмѣсто первичной эндогаміи, на которую указываетъ вѣббрачныя отношенія). Теперь это объясняютъ желаніемъ имѣть мѣсто, куда можно было-бы на праздники ѣздить въ гости.

Умыканіе и замѣняющая его купля неvěсты измѣняютъ строй семьи: на первое мѣсто въ замѣнѣ матери выступаетъ отецъ. О характерѣ бываго патріархальнаго строя можно судить по современной роли отца и мужа. Съ тѣми правами, которыя въ современной Пермской семьѣ принадлежатъ отцу, знакомитъ насъ прежде всего затронутый уже нами свадебный обрядъ. Мы видѣли уже, что въ настоящее время бракъ возникаетъ на основѣ соглашенія, но соглашеніе это устраивается не между брачающимися, а между ихъ родителями. Одинъ изъ нихъ продаетъ свою дочь въ настоящее время по большей части только символически ¹⁾, другой покупаетъ ее для сына, не считая нужнымъ справиться съ его волей. Символическая продажа дѣтей имѣетъ мѣсто и въ другихъ случаяхъ. Въ случаѣ упорной болѣзни ребенка мать отдаетъ его первому встрѣчному на улицѣ и беретъ съ него въ видѣ платы какую нибудь мѣдную монету. Человѣкъ, купившій ребенка, вноситъ его за тѣмъ въ избу и отдаетъ родителямъ, которые дѣлаютъ видъ, что берутъ уже другаго ребенка. На половину уже не символической, а дѣйствительной является продажа, когда отецъ отдаетъ сына въ дѣти — за отчужденіе ребенка обыкновенно уплачивается тѣмъ или другимъ количествомъ хлѣба. Символическая продажа стоитъ на границѣ между современными ограниченными обычаями правами отца и бывшей безграничной властью его надъ личностью и жизнью дѣтей. По одну сторону этой границы въ прошедшемъ мы видимъ намеки на то, что отецъ воленъ былъ принять или непринять родившагося ребенка: у Глазовскихъ Пер-

¹⁾ Калымъ берется за неvěсту только въ Чердынскомъ уѣздѣ. На этомъ основаніи между прочимъ Инвенскіе Пермьки не берутъ женъ у Чердынскихъ.

мяковъ повитуха, вымыши новорожденного, передаетъ его отцу, который принявши кладетъ его или въ зыбку, если она не приготовлена, или на лавку ¹⁾. По другую сторону—въ современномъ быту мы видимъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что отецъ является хозяиномъ если не личности сына или дочери, то по крайней мѣрѣ ихъ труда: онъ отдаетъ дѣтей въ работники, „строшныя“. Отецъ произвольно располагаетъ сыномъ и въ дѣлѣ выбора ему невѣсты. Въ 40-хъ годахъ сынъ не зналъ даже по имени невѣсты. Въ настоящее время въ Чердынскомъ уѣздѣ отъ такого порядка осталось воспоминаніе въ свадебномъ обрядѣ: старшій дружка учить жениха, какъ звать невѣсту—сообщаетъ ему имя и отчество ея. О томъ произволѣ, который въ этомъ отношеніи предоставленъ обычаемъ отцу, можетъ дать понятіе слѣдующій случай, извлеченный нами изъ дѣлъ одного волостнаго суда: Пермскъ почему-то разсердился на выбранную невѣсту, выбѣжалъ на улицу, увидалъ около церкви совершенно неизвѣстную ему до сихъ поръ дѣвушку и порѣшилъ, что она будетъ женой его сыну. Не располагая лично своей судьбой и дѣятельностью, дѣти не несутъ и личной отвѣтственности за свои проступки. Передъ судомъ общества за нихъ отвѣчаетъ отецъ (отецъ отвѣчаетъ за дочь, обвиненную въ кражѣ). Положеніе жены въ общемъ соотвѣтствуетъ положенію дѣтей. Передъ обществомъ интересы ея представляетъ мужъ. Мужъ условливается относительно вознагражденія за побои, нанесенные кѣмъ-либо его женѣ. Жизнь создаетъ на этой почвѣ весьма своеобразныя положенія. Мужъ ведетъ напримѣръ за жену тяжбу съ ея любовникомъ, который избилъ ее стягомъ, и взыскиваетъ съ него вознагражденіе.

Судя по приведеннымъ примѣрамъ отцовской власти, можно было-бы ожидать, что главы семьи должны быть единственнымъ и полноправнымъ хозяиномъ своего имущества. На дѣлѣ мы видимъ не то. Въ распоряженіи семейнымъ имуще-

---

¹⁾ Сообщ. А. Н. Шатровымъ.

ствомъ отецъ находится подъ контролемъ цѣлой семьи. Онъ не имѣетъ напр. права на произвольное отчужденіе принадлежащихъ семьямъ земель. Въ дѣлахъ Кочевскаго волостнаго правленія мы нашли жалобу сына на отца за то, что тотъ безъ его согласія отдалъ крестьянину изъ сосѣдней Юксѣвской волости въ вѣчное пользованіе покось. Здѣсь вступаетъ въ дѣйствіе трудовое начало, которымъ опредѣляется право пользованія и собственности. Это начало регулируетъ экономическія отношенія родичей.

Если большакъ лишаетъ младшаго члена семьи участія въ пользованіи имуществомъ, заведеннымъ общими трудами, судъ приговариваетъ его предоставить младшему его долю (племянникъ жалуется, что дядя не даетъ ему донить корову, которую они купили вмѣстѣ; судъ постановляетъ, чтобы дядя пользовался молокомъ два дня, племянникъ въ третій). Младшій имѣетъ право на долю имущества, если участвовалъ въ приобрѣтеніи его не лично, а черезъ жену (солдатъ). Мать-вдова, выйдя за мужъ вторично, имѣетъ право на долю имущества, которое нажито ею трудомъ.

Права, которыми пользуется въ пермяцкой семьѣ отецъ, распространяются и на всякаго большака—которымъ въ нераздѣлившейся семьѣ является старшій изъ братьевъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ „большину“ правитъ мать—старуха. Большакъ такъ-же распоряжается трудомъ младшихъ членовъ семьи—отдаетъ напр. братьевъ и сестеръ въ работу („въ наймы“). Если кто нибудь безъ согласія старшаго брата, беретъ младшаго въ работники и платитъ ему непосредственно, большакъ взыскиваетъ съ него судомъ вознагражденіе за причиненную хозяйству убыль рабочей силы. Въ настоящее время безъ отца, безъ матери братья рѣдко уживаются вмѣстѣ. Большія семьи (иногда состоящія изъ 8 братьевъ) тотчасъ расходятся по смерти естественнаго главы. Раздѣлъ происходитъ съ вѣдома общества и при его участіи, если дѣлящіеся не могутъ покончить мирно сами. Безъ разрѣшенія общества сынъ отъ отца, братъ отъ брата не можетъ отойти. На.

отцовскомъ гнѣздѣ остается обыкновенно младшій сынъ. Если въ числѣ дѣтей, оставленныхъ отцомъ семейства, находится дочь, имѣющая одного или нѣсколькихъ незаконныхъ сыновей, она участвуетъ въ дѣлѣхъ движимаго и недвижимаго имущества и остается съ своими дѣтьми на гнѣздѣ отца. По воззрѣніямъ Пермьяковъ такая дочь является прямой наслѣдницей отца и притязанія боковыхъ родственниковъ, напр. сыновей ея отдѣленнаго брата не могутъ считаться справедливыми.

Стройная, дисциплинированная семья, которая рисуется предъ нашими глазами на основаніи знакомства съ обычнымъ правомъ, представляетъ собою идеаль. Дѣйствительность—фактическія отношенія между членами семьи—лежитъ въ серединѣ между этимъ идеаломъ и тѣми явленіями жизни, въ которыхъ заключается его полнѣйшее отрицаніе—проступками, подлежащими суду общества. „Книги явонъ и жалобъ“, „книги рѣшеній волостныхъ судовъ“ заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ для сужденія о томъ, въ какой степени идеаль осуществляется въ жизни, какія стороны въ природѣ Пермьяка препятствуютъ полному его осуществленію. Мы будемъ рисовать оборотную сторону медали, набрасывая сначала мелкія черты. Вотъ 17-лѣтній сынъ убиваетъ въ раздраженіи на отца его корову. Вотъ другой наноситъ отцу побои рычагомъ и переламываетъ ему руку, третій бьетъ отца на полѣ стагомъ, четвертый въ пьяномъ видѣ вытаскиваетъ отца изъ избы и сбрасываетъ съ крыльца. Дальше отецъ заявляетъ волостному правленію, что сынъ хочетъ лишить его жизни. Въ другомъ мѣстѣ сынъ грозитъ убить отца и потомъ покончить съ собой. Эти угрозы не пустыя слова. Мы встрѣчаемъ въ одной книгѣ заявленіе отца, что сынъ гонялся за нимъ съ топоромъ, въ другой, что сынъ убилъ отца. Положеніе матери также не всегда совпадаетъ съ идеаломъ. Сынъ не всегда стѣсняется опозорить мать предъ обществомъ доносомъ, что мать въ его домѣ пьянствуетъ и непотребствуетъ съ разными людьми. Подобно отцамъ, матери выносятъ отъ дѣтей и побои, хотя рѣже.

Не лучше выглядят и отношенія родителей къ дѣтямъ. Одинъ отецъ, поссорившись съ сыномъ, не пускаетъ его мыться въ банѣ, которую самъ строилъ, и уноситъ изъ нея печь-каменку, другой при выдѣлѣ сына не даетъ ему полнаго пая, третій выдѣляетъ себѣ лучшую долю изъ земли. Отецъ, побитый сыномъ, требуетъ отъ него судомъ вознагражденія въ видѣ куска пахатной земли ($\frac{1}{4}$ переѣзда). Здѣсь сынъ заявляетъ суду, что отецъ грозитъ лишить его жизни и даже покушался на это, тамъ женщина является въ волостное правленіе и заявляетъ, что ея мужа отецъ забилъ, кажется, до смерти. Споры изъ за земли между родителями и дѣтьми кончаются иногда такъ-же трагически, какъ и домашнія распри. Мы нашли въ одной книгѣ явockъ заявленіе, что отецъ изъ-за пашни зарубилъ сына топоромъ.

Отношенія между братьями представляютъ такія-же рѣзкія уклоненія отъ идеала братской любви. Книги, изъ которыхъ мы черпаемъ свои данныя, представляютъ по этой части обильный матеріалъ. Вотъ братья, которые жестоко подрались изъ-за бастрига, который стоитъ одну копѣйку. Вотъ братаникъ грозитъ выпустить кишки другому изъ-за амбара, который тотъ получилъ при раздѣлѣ. Дальше мы видимъ брата, который грозитъ убить другаго, если тотъ поѣдетъ въ устроенныя имъ ворота. Угрозы убійствомъ составляютъ обычный исходъ братскихъ ссоръ. Одинъ грозитъ убить самаго брата, другой присоединяетъ жену, третій похваляется, что изуродуетъ или убьетъ братова сына.

И здѣсь угрозы бросаются не на вѣтеръ. Книги явockъ заключаютъ заявленія, что въ одномъ мѣстѣ братъ гонялся за братомъ съ топоромъ, въ другомъ мѣстѣ братъ съ своимъ сыномъ нападаютъ въ полѣ на другаго брата и бьютъ его—одинъ рычагомъ, другой обухомъ топора. Имущество такъ-же мало гарантировано, какъ и личность: одинъ жалуется, что у него братъ свезъ со двора на свое поле навозъ, другой—что братъ у него отнялъ покось или гуменникъ, сестра жалуется, что братъ захватилъ ея имущество и выгналъ изъ дома.

Для того, чтобы подобные факты получили все то научное значение, которое они могут имѣть, нужны статистическія операціи—нужно выразить въ цифрахъ отношеніе между зарегистрированными и незарегистрированными фактами этой категоріи, отношеніе общей суммы ихъ къ числу семей или дворовъ, сравнить %, который при этомъ получится, съ % аналогичныхъ фактовъ у другихъ родственныхъ и сосѣднихъ народностей. Изъ ряда этихъ статистическихъ операцій получится то, что нужно этнографу—черта, отличающая Пермяковъ отъ другихъ народностей въ этомъ спеціальномъ отношеніи.

Пока наши факты представляютъ во первыхъ коррективъ для тѣхъ выводовъ, которые можно сдѣлать изъ требованій обычая, во вторыхъ указываютъ на ту силу, которая разрушаетъ крѣпость пермяцкой семьи. — Эта сила рѣзко прорывающійся — особенно въ сферѣ экономическихъ отношеній—индивидуализмъ.

Отмѣтить область, въ которой у Пермяка проявляется индивидуализмъ, существенно важно, такъ какъ въ вопросахъ, касающихся личности, Пермякъ живетъ еще идеями и чувствами родового быта. Въ высокой степени характерный матеріалъ въ этомъ отношеніи представляютъ угрозы местию и самые акты мести, занесенныя въ источники, которыми мы пользуемся. Обиженный Пермякъ мститъ не своему обидчику исключительно, а лицамъ, связаннымъ съ нимъ узами крови. Въ одной явкѣ мы читаемъ, что обиженный пригрозилъ обидчику, что онъ украдетъ у него сына и безъ вѣсти спрячетъ. Другой грозитъ обидчику, что застрѣлитъ или его самого или его сыновей. Третій грозитъ убить или обидчика или его отца. Четвертый похваляется, что убьетъ или самого обидчика или кого-либо изъ его семейства.

Вредныя послѣдствія индивидуализма, конечно, сильнѣе, чѣмъ въ естественной семьѣ, должны чувствоваться въ искусственной, которая создается путемъ усыновленія, особенно когда усыновляемый взрослый человѣкъ или имѣетъ самъ семью. Отношенія въ такой семьѣ принимаютъ уже договорный характеръ. Съ усыновленнымъ заключается условіе въ волостномъ правленіи. Усыновляющій обязуется передать приемышу свое движимое и недвижимое имущество—все, если у него нѣтъ другихъ дѣтей, часть, если есть родной сынъ. Усыновляемый обязуется пропитывать названнаго отца до смерти. На тѣхъ-же условіяхъ, какъ и отдѣльныя лица, принимаются у Пермяковъ въ домъ и цѣлыя семьи. Среди разнообразныхъ сдѣлокъ и договоровъ, которые намъ приходилось просматривать, мы нашли одно условіе въ этомъ отношеніи весьма любопытное. Пермякъ, не имѣя родныхъ дѣтей, принялъ въ домъ другаго съ женой двумя малолѣтками — сыновьями и одной дѣвочкой. Приемышъ обязывался пропитывать старика съ женой до смерти, а ранѣе еще принятую ими дочь до замужества. Въ условіи заключенномъ съ приемышемъ старикъ выговариваетъ себѣ право до своей смерти свободно распоряжаться имуществомъ, обязуясь однако не растерять таковое безъ дѣла. Приемышъ съ своей стороны выговариваетъ себѣ, на случай прекращенія сдѣлки, вознагражденіе за каждый прожитый годъ въ размѣрѣ ста рублей за годъ или половины всего движимаго и недвижимаго имущества усыновителя, не считая того, что принесъ съ собою усыновленный (скота). Нарушеніе условія влечетъ для стороны, которая является въ этомъ виновной, денежную отвѣтственность. Если приемышъ уйдетъ отъ усыновителя, этотъ послѣдній взыскиваетъ съ него денежное вознагражденіе.

Кромѣ родовыхъ связей Пермяковъ объединяетъ во многихъ случаяхъ сотрудничество. Въ исключительныхъ случаяхъ оно пріобрѣтаетъ постоянный характеръ на почвѣ земледѣлія. Одинъ Пермякъ отдаетъ напр. другому свой душевный надѣлъ и поселяется въ его домѣ. Чаше оно имѣетъ мѣсто

въ промыслахъ и въ сооруженіи хозяйственныхъ построекъ. Самый распространенной формой союза, основаннаго на общности труда и капитала, является у Пермиковъ мельничныя компаніи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мельницы строятся трудами и на средства цѣлой деревни и каждый домохозяинъ, когда ему нужно, приходитъ на мельницу и мелетъ самъ свой хлѣбъ (чаще это дѣлають женщины). По большей части мельницы находятся во владѣніи товариществъ иногда очень крупныхъ—человѣкъ въ 40. Доходъ отъ такой мельницы дѣлится по „суткамъ“. Въмѣсто того, чтобы черезъ извѣстный періодъ производить дѣлежъ всего вырученнаго дохода, пайщики по очереди пользуются въ теченіе сутокъ доходомъ, который даетъ мельница. Участіе въ товариществѣ прекращается, какъ только пайщикъ пересталъ участвовать въ ремонтѣ мельницы и въ платѣ повинностей. На мѣсто выбывшаго пайщика приглашается другой или его „сутки“ отдаются въ кортому. Товарищество принимаетъ въ свою среду и такихъ лицъ, которые не участвовали въ сооруженіи мельницы, если такое лицо вноситъ за уступаемыя ему „сутки“ опредѣленную сумму денегъ. По смерти пайщика, участвовавшаго въ устройствѣ мельницы, паемъ можетъ пользоваться его вдова до новаго замужества. Вступая въ новый бракъ, вдова пайщика не можетъ уже безъ согласія другихъ пайщиковъ передать свой пай новому мужу. О лишеніи пая заявляется волостному правленію.

Кромѣ сравнительно крупныхъ мельничныхъ товариществъ въ жизни Пермиковъ имѣютъ мѣсто товарищества болѣе мелкія. Таковы напр. товарищества, возникающія при постройкѣ бань, овиновъ, при покупкѣ пилы у пильщиковъ. Самымъ распространеннымъ видомъ сотрудничества являются помочи. Пермьки охотно устраиваютъ ихъ, когда приходится рубить лѣсъ для постройки дома, класть срубы, жать хлѣбъ, расчищать новины подъ пашни и покосы, и распахивать ихъ, вывозить навозъ ¹⁾.

---

¹⁾ Роговъ. I. с. 85.

Просматривая книги явокъ и жалобъ, книги рѣшеній волостныхъ судовъ, мы можемъ предположить, что имѣемъ дѣло съ людьми, которые не подозреваютъ о существованіи учреждений, призванныхъ ограждать личность и собственность обывателя. Пермякъ самъ является въ своихъ дѣлахъ и судьей и исполнителемъ. Въ ссорѣ онъ пускаетъ въ дѣло стягъ, ножъ или топоръ, не задумываясь надъ послѣдствіями, которыя можетъ имѣть его поступокъ. Пермякъ не знаетъ жалости, ни колебаній, когда уязвлено его чувство и въ особенности когда затронуты его интересы. Стоять завидѣть ему на своемъ огородѣ, скверно защищенномъ покосѣ или на полосѣ чужую скотину и онъ весь проникается желаніемъ нанести и этой скотинѣ и ея хозяину возможно большій вредъ. Онъ хватается первое, что попадается ему подъ руку — стягъ, оглоблю, топоръ — и бросается на забредшую скотину. Свиньи чаще всего зарубаются на смерть, коровы и лошади засѣкаются и получаютъ такія увѣчья, которыя дѣлаютъ ихъ негодными на службу человѣку. Одинъ разсѣкаетъ у лошади бокъ топоромъ, другой наноситъ лошади, забравшейся на скверно огороженное озимое поле, 18 ударовъ стягомъ и переламываетъ ей ногу, третій разрубаетъ попавшей въ изгородь лошади голову. Если хозяинъ забредшей скотины прибѣгаетъ выручить ее отъ вѣрной гибели, животные остаются въ сторонѣ и тѣже орудія обращаются на человѣка. Завязывается тяжелая ссора. Сосѣди бьютъ другъ друга стягами, обухами топора („замѣтимъ мимоходомъ — это тоже распространенный способъ драки; у Пермяковъ даже „воевать“ обозначается словомъ „бить обухомъ“). Если дѣло дошло до стяговъ, а Пермякъ довольно часто прибѣгаетъ къ нимъ, ссора легко можетъ кончиться убійствомъ. Пермякъ пользуется стягомъ такъ, что только счастливецъ можетъ избѣжать ранъ или увѣчья. Онъ бьетъ по головѣ и, конечно, не будетъ удивляться, если раздробитъ ее. Эта тяжелая манера драться, кажется, можетъ быть названа типическою для Пермяковъ. Стягомъ въ голову бьетъ въ ссорѣ и женщина женщину. По головѣ же маленькими

батошками дерутся и дѣти, которые въ своихъ забавахъ и ссорахъ являются точной копіей взрослыхъ. Въ с. Верхъ-Иньвѣ намъ пришлось наблюдать слѣдующую уличную сцену. Дѣти шли играть маленькой кучкой, которая состояла большею частію изъ дѣвочекъ. Игравшіе быстро поссорились и тотчасъ¹-же пошли въ ходъ палочки бывшія у нихъ въ рукахъ. Одна изъ дѣвочекъ нанесла другой пермяцкій ударъ въ голову, другая схватилась за камень. Только окончилась эта ссора, началась другая. Играющіе, повидимому, порѣшили выгнать изъ своей среды дѣвочку лѣтъ 5—6 съ маленькимъ мальчуганомъ лѣтъ 2—3. Ударъ палочкой въ голову началъ ссору. Дѣвочка начала отступать, прикрывая братишку отъ летѣвшихъ щепокъ и палокъ отъ времени до времени она медленно возвращалась съ палкой въ рукѣ, подходила совсѣмъ близко къ кучкѣ и на вѣрномъ разстояніи бросала палку въ голову обидчику; за тѣмъ она отступала также медленно, отбрасываясь палками, которыхъ у нея въ рукахъ образовалась цѣлая куча.

О результатахъ и характерѣ пермяцкой ссоры можетъ дать понятіе слѣдующій случай. Къ дому Пермяка подошли со стягами однопоревенцы и начали бить вышедшаго хозяина. Жена съ полугодовымъ ребенкомъ вышла разнимать. Одинъ изъ пришедшихъ замахнулся на нее стягомъ и разсѣкъ на двѣ части голову ребенка.

Убіенство совершенное въ дракѣ для Пермяка естественное явленіе. Даже христіанство съ своимъ ученіемъ объ отвѣтственности въ загробной жизни не измѣнило его воззрѣній на душегубство. Пермякъ не считаетъ грѣхомъ убить человѣка въ дракѣ или за дѣло, т. е. за нарушеніе чьего-либо интереса ¹⁾).

За полученную обиду онъ грозитъ смертію обидчику или его роднымъ („брюхо распорю“, „кишки выпущу“, „попадешься одинъ на одинъ, живъ не будешь“, „долго-ли ты про-

---

¹⁾ Добротв. I. с. IV, 576

живешь“), чаще общается загубить какую нибудь скотину обидчика и действительно губить; рѣже всего встрѣчаются угрозы поджегомъ. Среди явокъ и жалобъ, которыя намъ приходилось просматривать, особенно часты явки о загубленной изъ мести скотинѣ. Въ явкахъ до свѣдѣнія волостныхъ правленій доводится о заколотой на полѣ коровѣ, о лошадяхъ, пораненныхъ на подножномъ корму топоромъ. Пермскъ изобрѣтателемъ на способы удовлетворенія своего мстительнаго чувства и бываетъ по временамъ виртуозно жестокъ. Вотъ два сосѣда повончили тяжбу изъ-за земли. Проигравшій ловить въ полѣ лошадь своего счастливо противника, заматываетъ ей шею вицей (прутомъ) и пытается такимъ образомъ задушить. Въ другой явкѣ мы читаемъ, что лошадь пострадавшаго загнали въ узкій заулочъ, заперли съ двухъ сторонъ и прокололи ей острымъ коломъ грудь между лопатками. Дальше въ явкахъ фигурируютъ лошадь заколотая на смерть коломъ, корова заманенная въ болото и тамъ убитая, овца, у которой сначала топоромъ посѣчены заднія ноги и потомъ обухомъ раздроблена лопатка. Рядомъ съ убитыми (застрѣленными, заколотыми) животными въ качествѣ жертвъ пермской мести являются отравленные или окормленные коровы и овцы.

Видами мести у Пермиковъ являются кромѣ вышеуказанныхъ покража скота, уничтоженіе и порча (изрубленные изгороди) имущества, потрава полей. Покража лошадей въ угрозахъ фигурируетъ, какъ актъ равнозначащій съ ихъ убійствомъ.

Припоминая факты, въ которыхъ сказывается мстительное чувство Пермяка, мы въ правѣ ожидать, что привлекая противника къ суду Пермскъ проявитъ ту-же неумолимость въ отношеніи требуемаго за обиду вознагражденія. Дѣйствительность не оправдываетъ этихъ ожиданій. Пермскъ дешево цѣнить свои страданія, если уже не успѣлъ воздать око за око. Приведемъ для примѣра нѣсколько образчиковъ современной пермской виры. Два брата, бывшіе своего одноде-

ревенца стягами, уплачиваютъ ему одинъ пять пудовъ ржи, другой—три. Крестьянинъ, избившій жену другого, предлагаетъ мужу 50 к. За ударъ, нанесенный стягомъ по головѣ, 1 р., за побои палкой—2 р., за два выбитыхъ палкой зуба—6 р., за ударъ, нанесенный женщиной женщиной ведромъ, 25 к. Несоотвѣтствіе денежнаго вознагражденія съ тѣмъ удовлетвореніемъ, которое доставляетъ себѣ Пермскъ мстью, громадно. Мы не беремся рѣшить, чѣмъ оно объясняется, въ какой степени сильно здѣсь вліяніе экономическихъ условий, высокой цѣнности денегъ. Для рѣшенія этого вопроса нужно особое морально-статистическое изслѣдованіе.

Обозрѣвая всю область общественно-бытоваго творчества, мы намѣтимъ прежде всего его основное направленіе. Согласно природѣ фактовъ творческая дѣятельность должна сказаться здѣсь въ созданіи нормъ, которыя регулировали-бы инстинкты, первыя побужденія челоука. Мы видѣли, какъ выразилась эта дѣятельность въ области инстинкта продолженія рода. Пермскъ предоставленный самому себѣ до сихъ поръ остается подъ дѣйствіемъ перваго побужденія инстинкта. Инстинктъ опредѣляетъ выборъ и продолжительность половой связи: ни ограниченій узами родства, ни ограниченій возрастомъ, ни опредѣленія времени онъ не признаетъ.

Бракъ самъ по себѣ не вездѣ еще предоставляетъ мужчине исключительныя права на обладаніе женщиной: въ Глазовскомъ уѣздѣ на извѣстныхъ по своему значенію сборахъ молодежи участвуютъ и молодыя женщины. Можно думать, что онъ предоставляетъ мужу право на трудъ, но не на личность жены.

Отношенія между родителями и дѣтьми въ основѣ своей имѣютъ физическое преобладаніе родителей. Когда этотъ факторъ прекращаетъ свое дѣйствіе, мы видимъ случаи прекращенія родительскаго авторитета: авторитетъ нравственный, покоящійся на установившихся понятіяхъ, обезпеченный общественной поддержкой, только заражается и одно сравнитель-

ное изслѣдованіе въ состояніи установить, насколько самостоятельно.

Наиболѣе отчетливо выступающей нормой является у Пермяковъ трудовое начало: мы видимъ его одинаково дѣйствующимъ въ семьѣ и сотрудничествѣ; оно одно налагаетъ узду на инстинкты сильнаго и кладетъ границы его притязаніямъ.

Въ сферѣ тѣхъ общественныхъ явленій, которыя вызываются столкновеніемъ интересовъ, мы видимъ Пермяка подѣйствіемъ перваго побужденія аффекта: почувствовавши личную обиду или ущербъ своимъ интересамъ, онъ стремится немедленно и лично нанести ущербъ или причинить боль обидчику. Сдерживающихъ эти аффекты факторовъ у Пермяка мы не замѣчаемъ: Пермякъ не ждетъ суда, не признаетъ нужнымъ соразмѣрить ущербъ, нанесенный ему, съ вредомъ, который въ видѣ мести онъ наноситъ другому, предоставляя мѣру вознагражденія третьему. Нормы, опредѣляющія поведеніе его въ этой сферѣ, наложены извнѣ и онъ не усвоилъ еще ихъ сознательно. Всѣ эти явленія имѣютъ общую черту—близость къ первому побужденію и эта черта объединяетъ творчество общественно бытовое съ творчествомъ въ области внѣшняго быта, гдѣ мы констатировали уже зависимость отъ формъ, данныхъ природой.

~~~~~

Глава V.

Духовное творчество Пермяковъ.

Языкъ. — Первымъ продуктомъ духовнаго творчества Пермяка является языкъ. Обозначивши извѣстную группу предметовъ однимъ или нѣсколькими отдѣльными именами, онъ сдѣлалъ первую попытку разобратъся въ окружающихъ вещахъ и классифицировать ихъ. Въ глагольныхъ корняхъ Пермяцкаго языка заключаются представленія Пермяка объ отношеніи между вещами, между окружающей природой и имъ самимъ и наконецъ о происхожденіи вещей—то, что у другихъ народовъ въ развитой формѣ является натур - философій. Изучая съ этой точки зрѣнія пермяцкій языкъ, значеніе пермяцкихъ словъ, мы приобретаемъ представленія объ особенностяхъ пермяцкаго ума или, можетъ быть, точнѣе—особенностяхъ человѣческаго ума въ тотъ моментъ развитія, на которомъ находятся Пермяки. Какъ ни скудны въ общемъ тѣ свѣдѣнія, которыми располагаетъ наука относительно финскаго міра, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она поднялась уже подъ уровнемъ пестрой массы единичныхъ фактовъ, установила крупныя группы, въ которыя они укладываются въ настоящее время, и отношеніе этихъ группъ къ тому единому цѣлому, которое дало имъ начало. Область этихъ единственныхъ захватывающихъ весь финскій міръ обобщеній представляетъ собою языкъ. Идя вслѣдъ за лингвистами, которые установили звуковыя отношенія между различными финскими нарѣчійми, пользуясь уже обработаннымъ ими матеріаломъ,

этнографъ имѣетъ возможность въ свою очередь дѣлать извѣстныя обобщенія на счетъ философской стороны языка, тѣхъ особенностей, которыми въ области пониманія себя и окружающаго міра обнаруживаетъ объединенная на основаніи чисто филологическихъ данныхъ группа. Здѣсь больше, чѣмъ гдѣ либо, этнографъ имѣетъ право предполагать у данной народности существованіе явленій, которыя констатированы у ближайшихъ родичей.

Въ очеркѣ „Вотяки“ мы ознакомились съ нѣкоторыми особенностями вотяцкаго творчества въ области языка и тѣмъ уровнемъ развитія мысли, который породилъ эти особенности. Мы видѣли, что Вотякъ проявляетъ слабое развитіе обобщающей способности: такія слова, какъ дитя, братья, слова въ которыхъ являются объединенными одними существенными свойствами объекты, отличающіеся въ одномъ случаѣ поломъ, въ другомъ возрастомъ, замѣняются у Вотяковъ сложными, описательными: дитя—пиналъ (сынъ - дочь), братья—агайовыно (старшій - младшій). Другой пробѣлъ въ языкѣ Вотяковъ составляютъ слова отвлеченнаго характера, напр. выражающія состояніе. Затѣмъ изучая значеніе отдѣльных словъ мы отмѣтили, что Вотякъ по случайному признаку—сходству формы напр.—обозначаетъ общимъ терминомъ различныя явленія: ошмесь=глазъ и родникъ, собственно отверстіе, изъ котораго бьетъ вода. Въ виду того, что Вотяки являются ближайшими родичами Пермьковъ по языку, мы имѣемъ право ожидать, что встрѣтимъ такія-же явленія и въ пермяцкомъ словарѣ. Изученіе пермяцкаго языка со стороны значеній вполне подтверждаетъ это предположеніе. Черты, намѣченныя у Вотяковъ, даже съ большей рельефностью выступаютъ въ пермяцкомъ языкѣ. Стремленіе къ сложнымъ словамъ для обозначенія понятій, являющихся на почвѣ нѣкотораго обобщенія, выражается въ цѣломъ рядѣ словъ: родители — ай-мамъ (отецъ - мать), сутки—ой-вунъ (ночь - день), одежда—пасј - комъ (шуба - сапоги), обувь—кѡмъ-кѡтъ, охотиться—кыйны-выйны (стрѣлять-ловить) и т. д.

Рядомъ съ такими словами мы видимъ слова, которыми объединены рѣзко обособленныя вещи: пымъ = потъ, кипятокъ; тѡвъ = вѣтеръ, зима; тусъ = крупа, зерно, ягоды; гѡнъ = шерсть, пухъ, мелкія перья. Къ категоріи такихъ словъ относятся слова, означающія цвѣта: вежъ = зеленый, желтый, лѡзъ = синій и какой-то цвѣтъ (масть) лошадиной шерсти мы встрѣчаемъ въ дѣлахъ названіе лошади синекъ, синько, но не могли узнать, какую масть тутъ слѣдуетъ разумѣть. Было бы любопытно изслѣдовать эти факты съ точки зрѣнія чутья Пермскими цвѣтовъ (Farbensinn). Типическимъ для Пермскаго языка сравнительно съ Вотяцкимъ является стремленіемъ обозначать одно дѣйствіе различными терминами по различію предметовъ на которыя оно направляется: мы имѣемъ напр. лемавны — собирать ягоды черемухи (лемъ — черемуха), ошавны — охотиться на медвѣдя (ошъ — медвѣдь), кѡчжавны — зайцевъ ловить, бить (кѡчъ — заяць).

П р и м ѣ т ы.—Примѣты являются тѣмъ видомъ творчества, въ которомъ сказываются представленія народа объ отношеніяхъ, связи между явленіями. Говоря о вотяцкихъ примѣтахъ, мы имѣли случай замѣтить, что въ нихъ связаны причинной связью явленія, не имѣющія ничего общаго, кромѣ отношеній простой послѣдовательности. То же можно сказать и о Пермскихъ примѣтахъ.

Приводимъ нѣсколько образчиковъ этихъ примѣтъ.

Хорошій топоръ продавать не слѣдуетъ; купишь новый, ломаться будетъ, да пожалуй онъ и коровъ со двора выведетъ.

Одежду ношеную тоже продавать не слѣдуетъ, другая будетъ скоро драться.

Волосы встанутъ дыбомъ къ смерти.

Если весной дѣти играя собираютъ галю, хлѣбъ родится; — шишки, не родится.

Зимой курицы роются въ шестѣ къ пургѣ.

Если зимой у горящей лучины уголь долго держится и изъ трещины идетъ дымъ, будетъ снѣгъ и мятель; если отскакиваетъ, будетъ морозъ.

Если рыба не попадаетъ, будетъ гроза.

Если ястреба неподвижно держатся въ небѣ, будетъ дождь.

Если весной первый громъ загремитъ въ скоромный (молочный) день, будетъ много молока; — въ постный, рыбы.

Если при таяніи снѣга весной у желобовъ образуются длинныя сосульки, будетъ длинный лень.

Если весной много цвѣта на вербѣ, будетъ много овса, на березѣ—ржи, на ели—льна ¹⁾).

Погребальныя обряды и культъ умершихъ (представленія о жизни и смерти, о душѣ).—Общіе термины, сохранившіеся въ языкѣ Пермьковъ и Вотьяковъ для обозначенія важнѣйшихъ явленій, связанныхъ съ смертію и тѣми послѣдствіями, которыми она сопровождается въ жизни родичей (дул потонъ—исходъ духа, кисьтонъ—поминки, мыжъ—кара, несомая усопшими за попоченіе), даютъ намъ право и въ этой спеціальной области идей держаться на почвѣ сравнительнаго изслѣдованія. Но прежде, чѣмъ воспользоваться этимъ матеріаломъ, взглянемъ на то, что даетъ намъ современная пермяцкая жизнь. Познакомимся прежде всего съ пермяцкимъ кладбищемъ.

Для того, чтобы составить себѣ представленіе о томъ, каково было въ недавнее время христіанско-пермяцкое кладбище въ Соликамскомъ уѣздѣ, взглянемъ на „могильникъ“ села Ошиба. Заброшенный въ лѣсную глушь, недавно лишь пріобрѣтшій собственную церковь и приходъ, чисто-пермяцкій по своему населенію, Ошибъ больше, чѣмъ любой старый „погостъ“ Соликамскаго уѣзда, сохранилъ въ своей жизни пермяцкой старины.

Здѣсь можно наблюдать такія особенности погребальнаго обряда, о которыхъ только со словъ узнаешь въ другихъ мѣстахъ. Свообразную картину представляетъ собою этотъ могильникъ. Первое, что бросается въ глаза на легкомъ скло-

¹⁾ Другія примѣты см. у Попова «Ив. дача».

нѣ занятой имъ площади — это обиліе саней оставленныхъ въ разныхъ положеніяхъ. Одни опрокинуты вверхъ полозьями прямо надъ могилой, другія лежатъ около на боку, третьи также возлѣ могилы, но въ обычномъ при ѣздѣ положеніи; цѣлая группа стоитъ около часовни, въ которую привозятъ покойниковъ. Хорошія сани Пермязъ теперь уже оставляетъ не на могилѣ, а по дорогѣ къ дому и черезъ шесть недѣль забираетъ ихъ. Вступая въ предѣлы самаго могильника, мы замѣчаемъ, что сани далеко не всегда остаются въ цѣломъ видѣ на могилѣ усопшаго: между могилами и въ ложбинкахъ кладбища встрѣчаются отдѣльныя полозья и вязы. Полозья служатъ для нѣкоторыхъ могилъ вмѣсто креста, вставляются въ могилу и поднимаются подъ ней своей загнутой частью. Тоже назначеніе выполняютъ на другихъ могилахъ оглобли. Своеобразное употребленіе оглобель и полозьевъ краснорѣчиво говоритъ о томъ, сколько христіанскаго имѣется въ погребальномъ обрядѣ предоставленнаго себѣ Пермязъ. Пермязъ смотритъ на крестъ, какъ на примѣту, по которой онъ можетъ отличить могилу близкаго ему человека отъ чужой. Чтобы отличить эту могилу, онъ не прочь воспользоваться полозомъ и оглоблей.

Кто не хочетъ ломать сани, втыкаетъ въ могилу въ головы лопату, колъ, столбъ съ грубо вырубленной шейкой и закругленной верхней частью, или роетъ могилу такъ, чтобы она пришлась къ пню срубленнаго дерева. Кресты, которые мы встрѣчаемъ на Ошибскомъ кладбищѣ по своей формѣ очень далеко они тѣхъ, которые можно встрѣтить на кладбищахъ нашихъ инородцевъ. И тутъ Пермязъ старается воспользоваться матеріаломъ, который представляетъ сани: въ дыру одного изъ брусковъ продѣвается кусокъ дерева и получается крестъ. Въ лучшемъ случаѣ крестъ сдѣланъ изъ двухъ палокъ и чуть-чуть поднимается надъ могилой. Всмотриваясь ближе въ обстановку пермязцаго кладбища, мы замѣчаемъ тамъ и сямъ валяющіеся обрывки или обрѣзки тканей — холста, пестради. Одни лежатъ прямо на землѣ, дру-

гіе, повидимому, были обернуты около могильныхъ крестовъ и сползли съ нихъ.

Таже картина, но съ новыми деталями, представится намъ, если мы взглянемъ на „могильникъ“ села Кочева Чердынскаго уѣзда. Могильникъ примыкаетъ къ колочку еловаго лѣса и возвышается надъ селомъ, которое расположено по склону къ рѣкѣ Сеполу. На этомъ могильникѣ рядомъ съ знакомыми предметами мы встрѣчаемъ и нѣчто новое. Кромѣ саней, брошенныхъ тамъ и сямъ, почти около всѣхъ могилъ можно найти легкій деревянный срубъ, чаще влѣтку въ одинъ рядъ; въ этотъ срубъ закладывается вырытая изъ могилы земля. На могильной насыпи въ ногахъ стоитъ грубый глиняный горшокъ—иногда съ небольшимъ количествомъ углей. Иногда такіе горшки опрокинуты надъ могильной насыпью и вдавлены въ нее, иногда они просто валяются около могилы. Тутъ-же разбросаны орудія, которыми были выкопаны могилы—лопаты и деревянные кирки, на которыхъ насаживается ральникъ. Въмѣсто горшковъ около иныхъ могилъ встрѣчаются сломанные, продыравленные желѣзные ковши и уполовники. Направленіе могилы во всемъ пермяцкомъ краѣ одинаково—съ З. на В.

Въ настоящее время умершіе съ цѣлаго прихода хоронятся на общемъ приходскомъ могильникѣ. Въ былое время каждая болѣе или менѣе отдаленная или крупная деревня имѣла свой особый могильникъ. Такіе могильники легко можно издали узнать въ Чердынскомъ уѣздѣ: они выглядятъ лѣсистыми островками среди окружающихъ полей. О существованіи такихъ особыхъ могильниковъ по деревнямъ Соликамскаго уѣзда мы знаемъ изъ земельныхъ статистическихъ книгъ волостныхъ правленій и изъ рассказовъ Пермяковъ. Старики хоронили, говорили намъ, около деревень на веселыхъ, то есть возвышенныхъ съ обширнымъ горизонтомъ мѣстахъ. Около деревень хоронили и некрещенныхъ. Сохранились такія старыя отдѣльныя кладбища и въ Глазовскомъ уѣздѣ. Здѣсь замѣчается въ ихъ положеніи особенность, объединяющая.

старыхъ Пермьковъ и Вотьяковъ: могильники располагаются не только на возвышенностяхъ, но и по берегамъ рѣкъ. Г. Шатровъ сообщаетъ намъ, что въ старину, когда Зюдинскій край не былъ раздѣленъ на приходы, покойниковъ хоронили здѣсь и отдѣльно — въ лѣсу или въ полѣ, поодаль отъ жилья.

Обзоръ пермьцаго кладбища оставляетъ открытымъ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся погребенія—таковы вопросы о глубинѣ могилы, способѣ погребенія тѣла и обстановкѣ, которой окружается усопшій; еще менѣе онъ въ сострянаніи дать намъ матеріалъ для исторіи погребальнаго обряда, а она въ богатомъ чудскими могилами пермьцкомъ краѣ существенно важна. Для рѣшенія этихъ вопросовъ намъ придется прибѣгнуть къ языку, повѣрьямъ, рассказамъ и наконецъ къ аналогіи съ явленіями изъ жизни ближайшихъ родичей нашей народности.

Языкъ свидѣтельствуетъ, что Пермьки издавна „прятали“ (хоронить—дзевавны || прятать) трупы своихъ усопшихъ. Первоначально мѣстомъ, гдѣ прятался покойникъ, служили естественныя углубленія въ землѣ—ямы. Можетъ быть самой ранней формой погребенія было просто оставленіе умершаго въ томъ чумѣ, который ему принадлежалъ. Намекъ на это какъ будто заключается въ ходячихъ въ Чердынскомъ уѣздѣ рассказахъ, что въ большихъ волокахъ встрѣчаются одинокія избушки съ лежащими въ нихъ покойниками, которые хранятъ съ собой большія сокровища. Позднѣе мѣсто естественныхъ ямъ заступили искусственныя могилы. Могилы рылись очень неглубоко—на $\frac{3}{4}$ аршина—1 аршинъ. О такихъ мелкихъ могилахъ помнятъ до сихъ поръ Пермьки Зюдинскаго края. Раскольники-Пермьки роютъ такія могилы здѣсь и до сихъ поръ ¹⁾.

Зюдинскіе Пермьки сохраняютъ до сихъ поръ воспоминаніе о томъ, какъ въ старину полагались въ могилу усоп-

¹⁾ Сообщено А. П. Шатровымъ.

шіе. Трупъ обвертывался берестой и опускался въ такомъ видѣ въ яму безъ всякаго гроба ¹⁾. Дѣтей здѣсь по словамъ г. Шатрова хоронятъ такимъ образомъ нѣкоторые и теперь. Въ настоящее время этотъ обычай по отношенію къ взрослымъ уже вышелъ изъ употребленія. Одни погребаютъ умершихъ въ колодахъ (раскольники; мугортъ—земляной домъ), другіе въ досчатыхъ гробахъ, сшитыхъ лыками. Послѣдній способъ распространенъ въ Соликамскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ; сверху гробъ прикрывается здѣсь еще берестой. Въ Инвенской дачѣ лѣтъ 30 тому назадъ нѣкоторые Пермьки сами заготовляли себѣ гроба. Въ гробѣ или безъ него покойникъ кладется въ настоящее время въ направленіи съ З. на В. Но было время, когда Пермькъ клалъ своихъ усопшихъ въ направленіи съ С. на Ю. Мы предполагаемъ это прежде всего на основаніи аналогіи съ обычаями, которые въ этомъ отношеніи имѣютъ мѣсто у Финновъ нашего края. У Вотяковъ-язычниковъ, какъ и у язычниковъ-Черемисъ рядомъ съ усвоеннымъ у мусульманскихъ сосѣдей обычаемъ класть покойника въ направленіи съ З. на В. существуетъ свой собственный обычай—класть трупъ въ направленіи съ С. на Ю. ²⁾. Кромѣ аналогіи мы имѣемъ указаніе на господство этого обычая у предковъ современныхъ Пермьковъ въ одной пермьцкой примѣтѣ. Пермьки Инвенской дачи наблюдаютъ весной передъ выгономъ скотины на поля, какъ лежитъ она на дворѣ: если животное лежитъ головой на С., хозяинъ соображаетъ, что лѣтомъ она умретъ ³⁾. На счетъ объясненія этой примѣты не можетъ быть затрудненій: соображенія на счетъ грозящей животному смерти основаны, конечно, на томъ, что оно лежитъ въ томъ положеніи, въ которомъ кладется мертвецъ. Примѣта возникла въ пору, когда

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

²⁾ См. наши «Черемисы», 159 и «Вотяки».

³⁾ Поповъ. «Инв. дача».

Пермяки клали усопшихъ головой на С., и пережила этотъ обычай. Констатировать намеки на существованіе разсматриваемаго обычая у древнихъ Пермяковъ существенно важно въ виду того, что мы приобретаемъ благодаря этому новую связь, объединяющую Пермяковъ и Чудь: чудскія могилы на всемъ пространствѣ занятаго Пермцакаго края имѣютъ, какъ и древнія Вотяцкія, направленіе съ С. на Ю. и костяки обращены головой на С. ¹⁾). Изъ обстановки погребенія мы имѣемъ уже возможность вывести кое-какія данныя на счетъ Пермцевыхъ представленій объ усопшемъ и смерти.

Пермякъ снабжается пищей и одеждой, получаетъ для чего-то палку и деньги. Около его могилы остается все, съ чѣмъ онъ имѣлъ то или другое соприкосновеніе въ послѣдніе моменты своего земнаго бытія. Очевидно, онъ и въ могилѣ сохраняетъ кое-какія потребности живаго существа.

Взгляды Пермяковъ на смерть и усопшаго выяснятся предъ нами съ большей отчетливостью, если мы всмотримся въ тѣ обряды, которые имѣютъ мѣсто около умершаго въ домѣ Пермяка и при позднѣйшемъ поминаненіи его.

Въ Зюздинскомъ краѣ, по словамъ г. Шатрова, Пермяки-раскольники, сохранившіе какъ мы уже видѣли, повидимому, въ большей чистотѣ старыя пермяцкіе обычаи, выносятъ умирающаго изъ избы въ сѣни, на дворъ, на улицу. Что значитъ этотъ обычай, Пермяки не знаютъ; но его можно объяснить, обратившись къ обычаямъ родственныхъ финскихъ народностей ²⁾).

Большинство Пермяковъ оставляетъ умершаго въ избѣ. Когда онъ испуститъ духъ, семейныхъ зовутъ когонибудь изъ родственниковъ, живущихъ отдѣльными домами или постороннихъ людей обмыть покойника и сдѣлать гробъ. Въ Инвенской дачѣ для изготовленія гроба приглашается нечет-

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатовымъ. Ср. Перм. Сборникъ. II, 36.

²⁾ Ср. наши «Черемисы», 152.

ное число 3, 5, 7 чел. ¹⁾). Хозяйка принимается тѣмъ временемъ дѣлать пельняни. Лице, призванное обмывать покойника, обращается къ нему съ просьбой не сердиться: „не сердись на меня; я тебя хочу ополоскать“. Съ такими же просьбами обращаются къ усопшему люди, которые дѣлають ему гробъ, когда приступаютъ къ устройству гроба и когда кладутъ усопшаго въ его домовину. Гробъ дѣлается на улицѣ, потомъ вносится въ избу и ставится на полъ около стола. Въ него складываютъ инструменты, которыми его дѣлали. Потомъ покойника и гробъ окуриваютъ верескомъ или ладаномъ, вещи выбираютъ и кладутъ покойника съ запасомъ одежды на перемѣну. Гробъ съ покойникомъ ставится на лавку или скамейку передъ столомъ, въ старину ставился на полу. На другой скамейкѣ, стоящей около стола, въ Зюдинскомъ краѣ усаживаются родные покойнаго и, помолившись Богу, обращаются къ усопшему съ приглашеніемъ раздѣлить ихъ трапезу: „приходи въ послѣдній разъ поѣсть съ нами хлѣба—соли ²⁾“. Въ Соликамскомъ уѣздѣ около покойника въ головахъ ставится ярушникъ и чашка съ брагой и покойника приглашаютъ ѣсть — не сердиться: „с'ой, эн выгас'“ — говорятъ усопшему родные. Подъ подушку въ гробъ кладутъ одну перемѣну бѣлья; около покойника кладется палка, въ руку ему дается мелкая монета, чтобы онъ могъ окупить могилу. Дѣлавшіе гробъ получаютъ въ даръ вещи покойнаго черезъ гробъ. Въ старину ставили стеклянку съ водкой, туясокъ съ пивомъ и рыбный пирогъ. Покончивъ эти обряды, Пермьки покойника торопятся отвезти на кладбище, запрягаютъ въ сани гусемъ пару или тройку лошадей и поскорѣе гонятъ со двора. На гробъ покойника въ голову кладется хлѣбецъ (челпанъ), который на дорогѣ кидаютъ первому встрѣчному. Повидимому это остатокъ какой-то жертвы, но какой, пока трудно сказать. Съ гробомъ на саняхъ помѣ-

¹⁾ Роговъ. Перм. Сборн. II, 122.

²⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

щается и береста. Пермьякъ издали готовится къ этому путешествію. Онъ прячетъ обрѣзываемыя ногти, чтобы его легче было везти на могильникъ. Въ 40-хъ годахъ, по словамъ Хлопина, провожавшіе садились на гробъ и пѣли дорогой въ честь усопшаго во всю мочь хвалебныя гимны особымъ напѣвомъ ¹⁾. Хоронили безъ священника, который прѣѣзжалъ послѣ. Опуская умершаго въ могилу, Пермьяки открываютъ крышку гроба, чтобы покойникъ взглянулъ на свѣтъ въ послѣдній разъ ²⁾. Изъ обрядовъ, которые выполняются въ домѣ умершаго, оказывается, что Пермьяки, подобно Вотьякамъ, предполагаютъ у умершаго тѣ же потребности, что и у живаго: его кормятъ, поятъ, снабжаютъ одеждой.

Эти потребности умершій сохраняетъ и послѣ погребенія. Родные считаютъ своею обязанностью снабжать его отъ времени до времени пищей. Обыкновенно это дѣлается по субботамъ или воскресеньямъ. Въ настоящее время старый обычай утратилъ уже свои первоначальныя формы. Угощеніе усопшему носятъ въ церковь и потомъ съѣдаютъ дома сами родные.

Орловскіе Пермьяки въ продолженіе трехъ дней послѣ смерти ходятъ на могилу усопшаго, носятъ ярушниковъ, шанегъ, иногда водку ³⁾. На третій день въ Орловскомъ уѣздѣ зовутъ за поминальный столъ сосѣдей. Передъ началомъ стола зажигаютъ нѣсколько восковыхъ свѣчъ и ставятъ ихъ на окна и по обѣ стороны порога. Потомъ на нѣсколько времени дверь отворяется, гости садятся за столъ и приглашаютъ душу тѣнь (лола) за общую трапезу. Въ передній уголъ кладется шапка или платокъ смотря по тому, мужчина или женщина былъ усопшій. Мѣсто, гдѣ лежитъ шапка, нигѣмъ не занимается; противъ него на столѣ ставится особая чашка, которую до верху наполняютъ блинами, вислымъ

¹⁾ Изв. Р. Геогр. Общ. 1849, I, 31.

²⁾ Добр. I. с. IV, 577.

³⁾ Ibid.

молокомъ, друшниками, водкой. Всякій гость считаетъ своею обязанностью положить въ чашку покойнаго часть каждаго кушанья, которое подается на столъ, говоря при этомъ: „ѣшь, сватушка“ или „пей брательникъ“. Послѣ обѣда блюдо это выносятъ въ огородъ и ставятъ тамъ въ крапиву, въ какойнибудь укромный уголокъ, чтобы собаки не съѣли. Черезъ три дня смотреть, осталось-ли что въ чашкѣ или нѣтъ. Если вороны не успѣли растаскать всего и въ чашкѣ чтонибудь осталось, — значитъ ѣсть не хочетъ, сердится¹⁾.

Въ Соликамскомъ уѣздѣ угощеніе покойника происходило у богатыхъ ежедневно въ теченіе шести дней.

Въ 9-й день за покрытый яствами столъ садятся родные умершаго и сидятъ нѣсколько минутъ безмолвно. Въ это время, предполагается, душа принимаетъ предложенныя ей яства. Потомъ кушанья убираются до появленія гостей²⁾.

Торжественное угощеніе усопшему устраивается въ 40-й день и въ годины. Остатками языческой старины поминальный обрядъ изобилуетъ у Чердынскихъ—Косинскихъ Пермскихъ. Приступая къ устройству поминальнаго стола, большакъ ставитъ для покойника чашку, ложку, посуду съ брагой. До прибора усопшаго никто изъ поминальныхъ не долженъ дотрагиваться. На столъ ставятся затѣмъ приготовленные для поминаемыхъ кушанья — рыбный пирогъ, ячница, каша, на блюдахъ съ обоими послѣдними кушаньями лежатъ ложки, которыми должны ѣсть ихъ умершіе. Когда все приготовлено, большакъ беретъ свѣчку и три раза обходитъ съ ней вокругъ стола, окуривая яства дымомъ отъ него. Затѣмъ онъ беретъ горячій рыбный пирогъ и разламывая его называетъ имя усопшаго и говоритъ „азъ вошши“ — да дойдетъ. Пожеланіе относится къ горячему царю, который поднимается изъ пирога и составляетъ то, что потребляетъ изъ пред-

¹⁾ Добр. I. с. IV, 577—578. Ср. «Черемисы».

²⁾ Роговъ. Мат. Пер. Сб. II, 126.

лагаемаго яства душа усопшаго. Съ такимъ-же пожеланіемъ разламываетъ и ѣсть свою часть и каждый изъ присутствующихъ родичей. Затѣмъ устраивается столъ для постороннихъ и нищихъ. Главнымъ лицомъ здѣсь является человекъ, который дѣлалъ гробъ или обмывалъ покойнаго. Онъ возсѣдаетъ за столомъ вмѣстѣ съ нищими. На поминкахъ присутствуетъ не одинъ усопшій. Въ Чердынскомъ уѣздѣ приглашаются вмѣстѣ съ поминаемымъ усопшимъ „влюшники, ларешники, дѣдушки, бабушки, души безродныхъ, въ лѣсу заблудшіе, въ водѣ утопшіе“. Пермьки убѣждены, что всѣ приглашаемые невидимо присутствуютъ на поминальномъ пирѣ. При этомъ замѣчаютъ обыкновенно, что такіе посѣщенія земли не для всѣхъ усопшихъ легки. Вѣры должны въ такихъ случаяхъ таскать съ собой то, что было ими украдено. Кто укралъ напр. соху, борону, сани, тотъ обязательно съ ними является на пиръ, и страшно мается, стараясь протащить въ избу громоздкую ношу.

Когда поминальная трапеза оканчивается, человекъ, обмывавшій умершаго и представляющій его своей особой встаетъ и выходитъ первый изъ избы. Родные его провожаютъ со свѣчами, съ нимъ уходитъ душа поминаемаго родителя. Въ Соликамскомъ уѣздѣ за нимъ ѣдутъ изъ села до перваго перекрестка¹⁾. Въ Глазовскомъ уѣздѣ, по сообщенію г. Шатрова, поминки устраиваются нѣсколько иначе. Хозяйка накрываютъ столъ, ставятъ на него кушанья, очищаютъ и разрѣзаютъ на части свареное яйцо, открываютъ жбанъ съ брагой, свертываютъ на подобіе треугольника блины, кладутъ на кушанья по ложкѣ, ставятъ передъ иконами горшечекъ съ ладыномъ на каленыхъ угляхъ и отодвигаютъ волоковое окно, чтобы душа могла прилѣтѣть въ избу и насладиться приготовленнымъ ей угощеніемъ. Предполагается, что душа успѣваетъ воспользоваться трапезой пока родные молятся. Здѣсь-же, когда поминаютъ усопшихъ на улицѣ

¹⁾ Роговъ. Перм. Сборн. II, 127.

близъ церкви, бросаютъ остатки поминальныхъ яствъ на траву и просятъ птичекъ помянуть усопшихъ. Въ години поминальная трапеза устраивается на могилѣ. Разстилается скатерть, на нее ставятся кушанья, вино, пиво. Старшій изъ поминающихъ и здѣсь обращается отъ имени всѣхъ къ усопшему: „вотъ мы годъ къ тебѣ не ходили, теперь пришли, принесли тебѣ угощеніе; пей, ѣшь, къ намъ не ходи“. За одно съ поминаемымъ родичемъ приглашаются и ранѣе умершіе. По окончаніи поминальнаго пирѣ остатокъ пива выливается или прямо на могилу или, какъ это было въ 40-хъ годахъ, въ особое углубленіе на ней. Въ Чердынскомъ уѣздѣ помянуть покойнаго на кладбище ходили женщины, выкапывали въ могилѣ ямку противъ рта покойнаго и лили туда брагу, приговаривая „ю, ю!“ (пей, пей!) ¹⁾. Годиичными поминками оканчивается кругъ періодическихъ угощеній усопшаго. Затѣмъ онъ наравнѣ съ старыми покойниками получаетъ отъ живыхъ родичей угощеніе въ семьѣ и радоницу.

Въ Глазовскомъ уѣздѣ такіа угощенія сохраняютъ въ наибольшей чистотѣ старую форму. Родные кладутъ яства въ берестяныя коробочки, уносятъ на могильники и вѣшаютъ на вѣтвяхъ растущихъ тамъ деревьевъ, призывая усопшихъ ѣсть. Мы уже имѣли случай указать на то, что такіа дары умершимъ уносятся и на чуждскіе могильники ²⁾.

Сопоставляя поминальный и погребальныя обряды Пермско-Вотьяцкихъ, мы замѣчаемъ, что они больше, чѣмъ эти послѣдніе, подверглись христіанскому вліянію, но подъ слоемъ этихъ позднѣйшихъ вѣрованій скрываются старыя и составляющія достояніе всей пермской группы. Для Пермска, какъ и для Вотьяка, смерть не означаетъ прекращенія бытія; это только перемѣна мѣста, переселеніе въ иную область. Усопшій, въ особенности если онъ колдунъ (знаткой), можетъ

¹⁾ Поповъ. Ж. М. В. Д. 1852, т. 29, 463.

²⁾ Сообщ. А. Н. Шатровымъ.

посѣщать своихъ родныхъ. Разказы о такихъ посѣщеніяхъ распространены между Пермьками, какъ и между Вотьяками. Приведемъ нѣсколько подобныхъ разказовъ, чтобы уяснить представленія Пермьковъ объ умершихъ.

Пермькъ, умирая наказываетъ женѣ, чтобы она не боялась, если онъ будетъ приходить въ свою избу послѣ смерти. Стоитъ затенуть подъ матицу обломовъ стальной косы и онъ ничего не сдѣлаетъ худаго. Умеръ Пермькъ, похоронили его и онъ дѣйствительно сталъ посѣщать свой домъ не только днемъ, но и ночью. Когда жена уходила куда нибудь или уѣзжала и оставляла дома однихъ ребятъ, ребята разсказывали ей потомъ, что унихъ былъ татька, весь въ бѣломъ—сидѣлъ на скамейкѣ и ничего не говорилъ. Однажды ночью, когда всѣ спали, Пермькъ-покойникъ сталъ стучаться въ дверь и просить жену, чтобы она его пустила. Жена проснулась и крикнула „не пущу, убирайся!“. Покойникъ въ отвѣтъ на это сталъ грызть дверные косяки, но въ избу не попалъ (почему?). На утро, когда всѣ встали, оказалось, что ворота и двери хлѣбовъ растворены и скотина вся выпущена ¹⁾.

Какъ совершаютъ свои путешествія умершіе, показываетъ другой разказъ, записанный тамъ-же. Умершій мужъ одной Пермьки пришелъ однажды ночью домой. Вставъ передъ постелью жены, онъ разбудилъ ее и, дрожа отъ холода, сталъ просить погрѣть ему руки. Женщина взяла его руки, но сейчасъ-же выпустила ихъ: вмѣсто человѣческихъ рукъ она ощутила собачьи лапы. Бросивши руки покойника, женщина стала добывать огонь. Покойникъ тѣмъ временемъ бросился въ подполье; женщина услышала, какъ стукнула ведущая туда западня. Съ зажженной лучиной въ рукахъ женщина спустилась въ подполье и увидѣла, какъ покойникъ выпорхнулъ въ отдушину на улицу ²⁾.

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

²⁾ Также.

Относительно утопленниковъ Пермьки, какъ и Вотяки, убѣждены, что они не умираютъ, а поступаютъ на службу къ водяному. Если черезъ нѣкоторое время тѣло утопленника и выбрасывается иногда на берегъ или всплываетъ на поверхность рѣки, то это на самомъ дѣлѣ не трупъ, а обрубокъ дерева, которому водяной придаетъ видъ мертвого человека („обороченный“, „подмѣненный“, в ѣ ж ѝ м). На счетъ этихъ „вѣжѝм'овъ“ существуетъ не мало разсказовъ. Приводимъ одинъ изъ нихъ, доставленный намъ г. Шатровымъ.

Человѣкъ утонулъ въ рѣкѣ. Черезъ нѣкоторое время тѣло его было выброшено и родные его похоронили. Послѣ похоронъ былъ устроенъ поминальный столъ. Жена пошла въ погребъ за пивомъ и видитъ: ея похороненный мужъ сидитъ тамъ нагой и говоритъ: вы не меня похоронили, а осиноый чурбанъ. Когда я тонулъ, водяные подхватили меня, сняли съ меня одежду, надѣли ее на этотъ чурбанъ, а на меня надѣли другую одежду. Водяные („ичетики“) вмѣстѣ со мной вышли на луга погулять и наказали мнѣ не проходить мимо травы огневика. Я не послушался, прошелъ мимо этой травы, одежда моя загорѣлась, опалила „ичетиковъ“, они разбѣжались, а я пришелъ сюда. Надѣла баба на мужика одежду, привела его въ избу, потомъ пошли на могилу, разрыли ее и въ самомъ дѣлѣ нашли тамъ осиноый чурбанъ.

Тождественный по содержанію разсказъ мы слышали въ селѣ Ошибѣ Соликамскаго уѣзда.

Подобно Вотякамъ, Пермьки убѣждены, что покойники пріобрѣтаютъ способность невидимо присутствовать среди людей. Эту способность можно заимствовать у нихъ, взявши что нибудь принадлежащее покойнику. На этомъ вѣрованіи сложились спеціальныя воровскія предметы. Если отнять у покойника руку, зубы или взять его рубашку или монету, съ которой онъ погребается, то можно невидимо для другихъ красть. Въ Чердынскомъ уѣздѣ это-же вѣрованіе породило болѣе мрачную примѣту: если убить женщину, снять съ нея кожу и надѣть на себя, то сдѣлаешься невидимымъ.

Имѣя одинаковыя съ Вотяками представленія на счетъ смерти и умершихъ, Пермьки естественно такъ-же, какъ и Вотяки, чтутъ ихъ, какъ сверхъестественныхъ дѣателей. Покойникъ, по пермяцкимъ вѣрованіямъ, не разрываетъ связи съ живыми. За то пропитаніе, которое они ему доставляютъ, онъ охраняетъ ихъ интересы, бережетъ скотину. Благодарное дѣйствіе усопшаго простирается однако лишь до тѣхъ поръ, пока родные его не забываютъ. Забывчивымъ усопшій напоминаетъ о себѣ щипками, послѣ которыхъ на тѣлѣ остаются синія пятна. Если родные и послѣ такихъ напоминаній продолжаютъ не обращать вниманія на него, усопшій караетъ ихъ. Вѣра въ кару усопшаго составляетъ общее достояніе пермской группы, какъ и служащее для обозначенія этой кары слово—*мыжъ*. Покойники караютъ, насылая на своихъ потомковъ болѣзни или падежъ на скотину.

Въ ряду усопшихъ имѣются такіе, въ дѣятельности которыхъ зло составляетъ преобладающую черту. Это духи убитыхъ, самоубійцъ и утопленныхъ матерями младенцевъ. Духъ самоубійцы или убитаго остается на мѣстѣ, гдѣ совершено убійство. Проѣзжая мимо такихъ мѣстъ, слышать свистъ или стоны. Духи такихъ усопшихъ гоняются за людьми. Духи утопленныхъ въ водѣ младенцевъ обращаются во враждебныхъ человѣку духовъ „ичетиковъ“ (маленькіе). Ичетики—маленькія существа съ длинными волосами. Живутъ по большей части въ глубокихъ рѣкахъ. Въ представленіяхъ современныхъ Пермьковъ „ичетики“ сливаются съ водяными, т. е. испытываютъ ту же участь, что и родственные имъ по происхожденію вотяцкіе духи—кутыси. Ичетики начинаютъ разсматриваться, какъ владыки водъ и рыбы; рыбаки бросаютъ имъ передъ ловомъ частицы: яйца, блины, хлѣбъ, деньги, клочки ситца ¹⁾).

Изъ пермяцкихъ представленій о самоубійцахъ и „ичетикахъ“ очевидно, что первоначальнымъ новымъ жилищемъ

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

усопшаго они считали то мѣсто, гдѣ погребено было его тѣло. Христіанство внесло представленія о загробномъ мірѣ—раѣ (свѣтломъ мѣстѣ) и адѣ (черномъ мѣстѣ). Для обозначенія ада Пермьки употребляютъ слово, которое можетъ озадачить любого изслѣдователя незнакомаго съ народнымъ языкомъ—вакрамежъ. Слово это отсутствуетъ у Вотяковъ; нѣтъ его и у Зырянъ. Оно составилось, безъ сомнѣнія, изъ русскаго выраженія: въ адъ кромѣшній.

Съ сложившимися у Пермьковъ подъ вліяніемъ христіанства понятіями о загробной жизни мы отчасти уже познакомились благодаря приглашеніямъ, съ которыми обращаются къ обитателямъ его во время поминальных трапезъ. Загробный міръ находится въ вѣдѣніи какихъ-то ключниковъ и ларешниковъ, которые, повидному, завѣдуютъ имъ и приглашаются вмѣстѣ съ усопшими родными за поминальную трапезу. Въ этомъ мірѣ усопшіе терпятъ наказаніе за свои грѣхи: воры осуждены напр. таскать съ собой украденные предметы. Въ Глазовскомъ уѣздѣ на счетъ веровъ—полуночниковъ существуетъ другой разсказъ. Они ходятъ по заостренному „князьку“ (коньку) високаго дома и до крови изрѣзываютъ себѣ ноги. Другіе грѣшники брошены въ огненную рѣку, изъ которой видны только головы ихъ (черезъ эту рѣку,—замѣтимъ мимоходомъ—нужно переправиться на тотъ свѣтъ каждому умершему. Праведныхъ черезъ нее переносятъ ангелы)¹⁾. Представленія на счетъ раи блѣднѣе. Дѣти, повидному, превращаются тамъ въ ангеловъ: тѣ, которые передъ смертью были приобщены, имѣютъ по два крылышка; неприобщенныя—одно²⁾.

Остатки языческихъ воззрѣній на природу.—Сходство, которое мы обнаружили между Пермькими и Вотяцкими вѣрованіями относительно смерти и загробной жизни, даетъ намъ право предполагать, что и въ области

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

²⁾ Также.

остальныхъ вѣрованій окажется тоже близость. Это предположеніе имѣетъ для насъ существенное значеніе. Было время, когда Пермь и Вотьяки исповѣдывали одну и ту же религію; но Пермь крестилась 400 лѣтъ назадъ тому, Вотьяки только 150—да и то не всѣ; часть ихъ до сихъ поръ остается язычниками. Понятно поэтому, что, пользуясь современными Вотьяцкими вѣрованіями, мы можемъ возстановить въ Пермцахъ то, что или стерто исторіей или покрылось слоями позднѣйшихъ, чуждыхъ идей.

Современный Пермь—усердный христіанинъ. Духовенство края довольно его усердіемъ въ церкви и въ особенности его стойкостью предъ расколомъ. Въ какой степени онъ усвоилъ себѣ міросозерцаніе христіанства, каковы его представленія о природѣ божества, не легко узнать. Пермь не большой любитель точныхъ формулъ и опредѣленій. Одинъ казанскій офицеръ рассказываетъ намъ, какъ онъ бесѣдовалъ съ пермякомъ—деньщикомъ о Богѣ. Въ первый разъ столкнувшись съ представителемъ незнакомой ему народности, незнакомый въ добываніи этнографическихъ свѣдѣній, офицеръ вознамѣрился узнать; какъ смотритъ его деньщикъ на природу Бога. Ты знаешь, что есть Богъ.—„Знаю, в. б.“ Гдѣ же онъ?—„Вотъ в. б. (показываетъ на уголъ, гдѣ висѣла икона).—„Это икона; не знаешь-ли ты другаго Бога, кромѣ нея?“—„Какъ-же, в. б. (сообщаетъ цѣлый рядъ другихъ „боговъ“—и все это образа святыхъ)“.—Послѣ долгихъ и безплодныхъ разговоровъ офицеръ долженъ былъ отказаться отъ своего замысла. Этотъ случай очень характеристиченъ и поучителенъ для этнографовъ. Для человѣка, знакомаго съ религіознымъ міровоззрѣніемъ Пермца, онъ не заключаетъ въ себѣ ничего удивительнаго. Любой Пермь, поставленный въ такое положеніе, давалъ-бы тѣ-же отвѣты. Нужно прожить годы среди Пермцевъ, ловить отдѣльныя, случайно брошенныя фразы, чтобы составить себѣ картину пермцаго міровоззрѣнія. Этнографъ, не располагающій такими условіями для изслѣдованія, поступить цѣлесообразнѣе, если бу-

дѣтъ заключать о пермяцкихъ воззрѣніяхъ на божество, по тѣмъ отношеніямъ, въ которыя становится къ нему вѣрующій.

Въ честь христіанскаго Бога, который „хочетъ милости, а не жертвъ“, Пермякъ колетъ коровъ и мелкую скотину.

Въ Чердынскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Кочѣ имѣется часовня, возлѣ которой почти въ буквальномъ смыслѣ принесся гекатомбы. Лѣтъ 20 тому назадъ здѣсь заколалось до 80 коровъ. Коча является своего рода религіознымъ центромъ Пермяцкаго края. Сюда къ 18 августа идутъ, ѣдутъ, ведутъ обѣщанную скотину, больныхъ лошадей со всего Соликамскаго и Чердынскаго уѣзда. Въ жертву приносится скотина, которая была передъ этимъ больна. Пермякъ изъ болѣзни животного заключаетъ, что она нужна Богу и обѣщаетъ привести ее въ Кочу, если она выздоровѣетъ. Обычныя животныя колятся наканунѣ 18 числа. Священники прѣзжаютъ благословить заболотныхъ животныхъ и получаютъ для себя лопатки, для церкви кожу. Остальное мясо частью варится и поѣдается толкающимися здѣсь въ массѣ богомольцами, частью разрѣзывается на куски и раздается нищимъ, которые собираются сюда со всего Пермяцкаго края. Хворые кони вводятся въ рѣчку, протекающую близъ часовни, и стоятъ, пока совершается молебствіе и обвящается вода. Коней и ихъ хозяевъ набирается въ рѣчку такая масса, что рѣчка запруживается и вода, раньше едва доходившая человѣку до пояса, поднимается до плечъ. По окончаніи молебна хозяева въ былое время садились на выведенныхъ изъ рѣки коней и скакали на нихъ что есть мочи отъ берега. Въ настоящее время этотъ обычай преслѣдуется полиціей, такъ какъ при этомъ однажды скачущіе затоптали мужика. Благословеніе коней въ день Фрола и Лавра—замѣтнымъ мимоходомъ—имѣетъ мѣсто во всемъ Пермскомъ краѣ, какъ и на всемъ нашемъ сѣверѣ. Въ селѣ Бѣлоевѣ всадники по окончаніи молебствія становятся въ два ряда въ ожиданіи священника, который окропляетъ лошадей святой водой, и за тѣмъ тихо разѣзжаются.

Пермякъ глубоко вѣрить въ то, что Богу нужны кровавыя жертвы. Даже скотина, по его мнѣнію, чувствуетъ важность той цѣли, для которой ее ведутъ въ Кочу. „Не повѣришь, говорилъ мнѣ одинъ ямщикъ, рассказывая о томъ, какъ онъ водилъ свою обѣщанную корову въ Кочу, сама бѣжала всю дорогу, ни раза не пришлось подогнать ее“. Другимъ пунктомъ, куда пригоняются крупныя животныя (быки) является деревня Палино Гайнской волости Чердынскаго уѣзда. Часовень, въ который приносятся живыя или заколотыя телята, поросята, бараны, курицы, имѣется въ каждомъ приходѣ по нѣсколькѣ. Въ однихъ часовняхъ жертвы приносятся на новый годъ (колотые поросята и свиньи, надъ которыми служатъ молебны)¹⁾. Въ нѣкоторые часовни изъ дальнихъ мѣстъ осенью приносятъ курицъ (въ Мелехиной Ошиб. прих. въ день Маріи Галиндухи). Въ Сервѣ Кудымкорской волости при этомъ соблюдается такой порядокъ: одни кладутъ птицу на столъ, другіе даютъ кому нибудь поддерживать птицу надъ головой и потомъ раздаютъ нищимъ.

Живыя жертвы приводятся по преимуществу въ Чердынскомъ уѣздѣ. Въ обрусѣвшемъ Юрлинскомъ приходѣ имѣется часовня, куда приводятъ и колятъ живыхъ телятъ и агнать.

Въ Гайнской волости въ часовню при деревнѣ Лупъ, въ Юсьѣ, въ д. Сіѣ Гайской вол. въ дер. Гайинцахъ, въ дд. Деминой, Новинской Кочевской вол. къ Рождеству со всего Пермскаго края приводятъ живыхъ барановъ, пускаютъ на нѣсколько минутъ, въ часовню, гдѣ животное бѣгаетъ, и затѣмъ рѣжутъ и часть съѣдаютъ сами, часть отдаютъ нищимъ. Живые бараны приводятся и въ деревню Половину Юрлинской волости. Въ Соликамскомъ уѣздѣ въ часовни приносятся уже и поступаютъ „попамъ“ части колотаго мяса — лопатка овцы, свиньи.

¹⁾ Роговъ Мат. Перм. Сбор. II, 26.

Обязательнымъ является приношеніе колотата мяса въ Ильинъ день. На этотъ разъ по мѣстамъ (напр. въ с. Ошибѣ) въ церкви устанавливаются скамьи, на которыя молящіеся раскладываютъ жертвенное мясо. Жертвой является или плечо или головы барановъ. Роговъ кромѣ того упоминаетъ возы головы и горохъ ¹⁾).

Часовни съ жертвоприношеніями встрѣчаются въ приходахъ, гдѣ Пермьки наиболѣе обрусѣли — въ Майкоровскомъ, Купросскомъ, Архангельскомъ.

Убѣжденіе, что богу нужны кровавыя жертвы и что онъ указываетъ на нужное ему животное, посылая на него болѣзнь, имѣетъ всеобщее распространеніе среди Пермьковъ. Не всякій Пермькъ ведетъ такое животное въ Кочу, но почти всякій общается ее по выздоровленіи „богу“ въ ту или другую часовню, „попамъ“, „на міръ“ — выраженія варьируются, смотря по степени приближенія хозяина къ христіанскимъ понятіямъ о богѣ. Въ Ошибскомъ приходѣ въ исполненіе своего обѣта хозяинъ такой скотины колотъ ее, отдаетъ часть священнику, остальное съѣдаетъ самъ съ приглашеннымъ народомъ. Рѣжутъ „попамъ“ коровъ и въ другихъ случаяхъ напр. при новосельи. Часть зарѣзаннаго животного поступаетъ духовенству, часть съѣдается.

Богъ или „боги“, по Пермьцки т. е. святые изображенны на иконахъ, стоящихъ въ тѣхъ или другихъ часовняхъ, добиваются отъ человѣка жертвъ, посылая болѣзнь или на скотъ или на него самого. Они поступаютъ въ данномъ случаѣ совершенно такъ же, какъ души умершихъ: для обозначенія ихъ кары служить тоже слово *мыжъ*. Первой заботой пораженнаго болѣзнью человѣка является узнать, кто поразилъ его („нашелъ“ на него, какъ переводятъ Пермьки слово *мыжъ емъ*) — умершій родственникъ или „богъ“ изъ какой нибудь часовни. Рѣшить этотъ вопросъ берутся особенныя гадальщицы. Гадальщикъ беретъ щепотку соли съ

¹⁾ Перм. Сборн. II,

божницы, бросаютъ ее на раскаленный уголь, надъ углями онъ вѣшаетъ, какъ безмѣнь, на шнуры топоръ и начина-
етъ перебирать имена умершихъ родныхъ и затѣмъ святыхъ;
при чемъ имени топоръ колыхнется, тотъ насылъ кару.
Если поваравшимъ оказался „богъ“, знахарь указываетъ,
куда надо сходить къ нему и что принести. Въ жертву по-
варавшему богу приносится особеннаго рода завитая въ спи-
раль свѣчка и нѣсколько копѣекъ „на прикладъ“. Размѣръ
свѣчки опредѣляется характеромъ болѣзни. Если болной
испытываетъ общее недомоганіе, свѣчка дѣлается въ ростъ
человѣка, если болитъ рука—въ длину руки, если болитъ го-
лова—въ объѣмъ головы.

Уже въ жертвоприношеніяхъ Инвенскихъ и Чердынскихъ
Пермяковъ замѣтна ихъ приуроченность къ извѣстному вре-
мени. (У Пермяковъ Вятской губерніи, какъ у Зырянъ Воло-
годской губ., связь жертвоприношеній съ періодами хозяй-
ственной жизни и ихъ общественный характеръ выступаютъ
съ полной опредѣленностью. Въ высокой степени цѣнный
матеріалъ въ этомъ отношеніи представляютъ сообщенія
г. Добротворскаго.

Пермяки встрѣчаютъ, читаемъ мы у этого автора, празд-
никами первое вскрытіе рѣки, первую осень, празднуютъ
нѣсколько дней передъ посѣвомъ хлѣба и послѣ уборки его;
праздникомъ завершаютъ они и осеннюю охоту¹⁾). Къ величай-
шему сожалѣнію г. Добротворскій не считъ нужнымъ со-
общить, какъ называются всѣ эти праздники, къ каковымъ
христіанскимъ приурочены, какими обрядами сопровождаются.
Пожелаемъ Вятскимъ изслѣдователямъ восполнить этотъ про-
бѣлъ и отмѣтить тѣ изъ связанныхъ съ общественными
праздниками явленій, которыя нашли себѣ мѣсто въ очеркѣ
г. Добротворскаго.

Весной, когда оголится земля и наступитъ время ви-
ѣзжать съ сохой, собирается сходъ, на которомъ за водной

¹⁾ I. с. IV, 578.

обсуждается, какъ распорядиться участками маломочныхъ работниковъ. Обряды, которые предшествуютъ распиванію водки, являются единственнымъ намекомъ на тотъ характеръ, который имѣло это весеннее собраніе въ старину: изъ толпы выдѣляется старшій по возрасту Пермязъ, наливаетъ водки въ деревянную чашку и долго пристально смотритъ въ нее. затѣмъ онъ выливаетъ водку на землю и объявляетъ, какого урожая слѣдуетъ ждать въ этотъ годъ. За старшимъ къ водкѣ поочереды подходятъ остальные члены схода и каждый льетъ остатки своей водки на землю ¹⁾).

Въ Ильинъ день на общественныя деньги покупается быкъ (въ былое время, какъ мы уже знаемъ, олень). Деньги собираются старостой, размѣръ жертвованія не установленъ, жертвующій даетъ отъ себя и отъ своихъ родителей. Колать жертву за селомъ на берегу рѣки особымъ священнымъ ножомъ, который хранится у наиболѣе уважаемаго въ деревнѣ старика. Часть мяса поступаетъ духовенству, остальное варится въ общественномъ котлѣ, который хранится при церкви. Жертвенное мясо частью съѣдается, частью хранится, какъ талисманъ, частью относится на могилу къ родителямъ или зарывается въ землю на полюсы, чтобы хлѣбъ родился лучше. — Небольшія деревни соединяются вмѣстѣ; роль священника исполняетъ мѣстный старикъ, который импровизируетъ молитву. По мѣстамъ такіа жертвоприношенія бывають передъ началомъ или окончаніемъ полевыхъ работъ ²⁾). Въ виду того, что обычай приносить отъ имени общества въ жертву была объединяетъ Вятскихъ Пермязовъ и Вологодскихъ Зырянъ, мы позволяемъ себѣ дополнить картину жертвоприношенія нѣкоторыми деталями, можетъ быть недосмотрѣнными г. Добровольскимъ. Зыряне приносятъ жертвы предъ началомъ сѣва, при выгонѣ скота на подножный кормъ, въ случаѣ обществен-

¹⁾ I. с. IV, 547.

²⁾ Ibid. 579.

ныхъ бѣдствій. Мясо употребляется также, какъ и у Перм-
ковъ, но кости и отваръ зарываютъ въ землю
— чтобы не съѣли животныя, говорятъ теперь Зыряне ¹⁾).

Отношеніе къ иконамъ („богамъ“), которыя держатся въ до-
махъ, отличаются своеобразностью. Пермязъ приписываетъ ико-
нѣ, которая стоитъ у него на божницѣ добро и зло своей до-
машней жизни. Онъ свыкается съ извѣстной иконой, если
жизнь его не выдается изъ жизни другихъ особенной неудач-
ностью. Когда икона устарѣетъ—выцвѣтетъ и является не-
обходимость купить новую, Пермязъ старается приобрѣсти
изображеніе того-же святаго и не возьметъ иконы съ дру-
гимъ святымъ: новый богъ можетъ натворить зла. Если
все-же случается, что Пермязъ—хотя бы по ошибкѣ—при-
обрѣтаетъ новую икону и за этой покупкой въ домѣ слѣду-
ютъ какія нибудь непріятности, Пермязъ торопится куда
нибудь—чаще всего въ церковь—убрать неподходящаго бо-
га. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Пермязъ пытается наказать
карающаго „бога“. Духовенству приходится иногда видѣть
на божницѣ Пермяза икону поставленную внизъ головой.
На вопросы, почему такъ стоитъ икона, Пермязъ отвѣчаетъ,
не стѣсняясь, что въ домѣ случилась бѣда и онъ наказыва-
етъ допустившаго ее „бога“. Особенной способностью тво-
рить зло, по мнѣнію Пермязовъ, отличается Николай—Чу-
дотворецъ. Образъ св. Николая странно раздвоился въ
сознаніи Пермязовъ. Св. Николай, „Никола - богъ“, безъ
эпитета чудотворецъ пользуется громаднымъ почтеніемъ Пер-
мязовъ. Но тотъ-же святой, если въ иконной подписи ему
данъ эпитетъ чудотворецъ, считается особымъ и притомъ
способнымъ производить всякое зло „богомъ“ ²⁾). Корень этого
недоразумѣнія лежитъ въ своеобразномъ представленіи о „чу-
дѣ“. Пермязъ понимаетъ „чудо“ какъ бѣдствіе, которое мо-
жетъ произвести „богъ“; почему, мы увидимъ ниже. Образъ

¹⁾ Кл. Поповъ. «Зыряне». 47.

²⁾ Перм. Еп. Вѣд. 1889, № 14.

Николая Чудотворца Пермякъ купить только по ошибкѣ и немедленно водворить его въ церковь, лишь только ошибка раскроется.

Въ виду фактовъ, которые мы привели, читатель не найдетъ ничего удивительнаго въ томъ, что Пермякъ не проявляетъ особаго уваженія къ христіанскому храму и держитъ въ немъ себя, какъ на базарѣ. Шумъ, громкіе разговоры въ церкви составляютъ обычное явленіе. Пермякъ не прочь забрести въ церковь пьяный, завести тамъ ссору и подчасъ прибѣгнуть къ кулаку. До какой степени далеко могутъ доходить уклоненія отъ церковной дисциплины, показываетъ слѣдующій случай: Пермячка поручила кому-то изъ молящихся поставить свѣчу Божіей Матери; принявшій свѣчу началъ ее между тѣмъ ставить передъ другой иконой; „какому ты лѣшему ставишь, кривнула на весь храмъ разсерженная Пермячка: я богородичѣ велѣла“.

Дополнимъ эту картину нѣсколькими деталями, которыя дасть намъ священникъ, прослужившій въ чисто-Пермяцкомъ (Ошибскомъ) приходѣ 12 лѣтъ. До 70-хъ годовъ въ средніе праздники Пермяки считали лишнимъ ходить въ церковь и въ тѣхъ случаяхъ, когда нужны были люди — напр. нести иконы на воду—духовенство обращалось къ содѣйствію волостныхъ властей, которые оповѣщали, точнѣе сгоняли, народъ. Исповѣдуются коренные Пермяки очень рѣдко, иные доживаютъ безъ исповѣди до старости; причащаются еще рѣже. Бываютъ впрочемъ случаи, когда Пермякъ самъ проявляетъ готовность исповѣдываться, но въ побужденіяхъ для этого мало религіознаго; такъ бываетъ послѣ драки, когда побитый хочетъ напугать обидчика, показать, что тотъ избилъ его смертельно.

Всматриваясь въ картину вѣрованій и обычаевъ, сложившихся у Пермяковъ на почвѣ христіанства, мы прійдемъ къ неизбѣжному заключенію, что эта картина не вяжется съ сущностью христіанства. Въ ней слишкомъ много чертъ, чуждыхъ христіанству. „Боги“, которыхъ нашелъ въ христіан-

ствѣ Пермѣ, вполнѣ человѣчны по своей природѣ и всего ближе напоминаютъ покойниковъ; какъ покойники, они нуждаются въ жертвахъ, точнѣе въ пищу и питѣ, какъ покойники, требуютъ отъ людей удовлетворенія своихъ потребностей, насылая на нихъ лично или на скотъ болѣзни; ихъ кару, какъ и кару усопшихъ, узнаютъ и возвѣщаютъ пораженному одни и тѣ же гадатели и однимъ способомъ.

Подъ какимъ вліяніемъ христіанскія представленія такъ исказились въ сознаніи Пермѣ? Перенесемся за пять столѣтій назадъ, къ той картинѣ, которую встрѣтилъ св. Стефанъ, явившись съ христіанской проповѣдью къ сѣвернымъ Коми. „Бяху бо въ Перми, читаемъ мы у Елифанія, кумири разнообразніи, ови болшіи и меншіи, другіи-же средніи, а иніи нарочитіи и словутніи... овѣмъ убо рѣдци м о л я х у с я и х у д у ч е с т ь в о з д а я х у , а д р у г и м ѣ ж е м н о з и н е т о к м о б л и ж н і и , н о и д а л ь н і и п о г о с т о в е , с у т ь ж е у н и х ѣ т е р и к у м и р и , к ѣ н и м ѣ ж е и з д а л е ч а п р и х о ж д а х у и о т ѣ д а л ь н и х ѣ м ѣ с т ѣ п о м и н к и п р и н о ш а х у и з а т р и д н я и з а ч е т ы р е и з а н е д ѣ л ю с у щ і “¹⁾. „Боги ихъ раскопа, говоритъ тотъ-же Елифаній въ другомъ мѣстѣ, еже суть болваны истуканные, изваанные, издѣленные, вырѣзомъ вырѣзаемыя... самъ по лѣсу обходя безъ лѣности съ ученики своими и по погостомъ распытуя и въ домѣхъ изысхуя и въ лѣсѣхъ находя и въ привѣжкахъ обрѣтая... А еже повѣшанное около идолъ, или кровля надъ ними или на приношеніе или на украшеніе имъ принесенное или соболи или куніцы или... мѣдвѣдка или рыси или бѣлки—то все сбравъ во едину кущу складе и огневи предасть я...²⁾“. „Вшедъ въ етеро мѣсто, идѣже нарочитая ихъ кумирница и покушашеся идола ихъ разорити, и опроверже требища ихъ и боги ихъ раскопа, и божією силою нарочитую кумирницу ихъ зажже и пламенемъ

¹⁾ Пам. Стар. Р. Лры. III, 136.

²⁾ Ibid.

запали ю... кумирникомъ не бывшимъ ту ¹⁾“. Дополнимъ эту картину тѣми данными, которыми мы располагаемъ относительно обращенія съ своими домашними идолами Остяковъ и Вогуловъ, припомнимъ преданія о томъ, что часовни возникли на мѣстѣ древнихъ языческихъ требищъ и мы восстановимъ тѣ старыя языческія мѣхи, въ которые было влито новое вино христіанства. Сожженные языческія кумирницы смѣнились христіанскими часовнями, идола — иконами, но въ душѣ Пермяка эта перемѣна не отразилась. На старомъ мѣстѣ, но уже новымъ богамъ приносить онъ по прежнему жертвы. Въ 1501 г. черезъ 30 лѣтъ послѣ водворенія на Камѣ христіанства, митрополитъ Симонъ считалъ нужнымъ наставлять Пермяковъ и ихъ князя, чтобы они кумирамъ не служили ²⁾. Измѣнившіяся экономическія условія измѣнили родъ жертвъ — земледѣлецъ и скотоводъ приносить не то, что приносилъ охотникъ, но идея жертвы, которой требуетъ богъ, осталась старая. По прежнему Пермякъ знаетъ многихъ боговъ, и между этими богами есть такіе, которымъ молятся немногіе, и есть такіе „нарочитые“, къ которымъ сходятся съ дальнихъ погостовъ, за три, четыре дня и даже за недѣлю пѣшаго пути. По прежнему Пермякъ считаетъ возможнымъ ругать неизвѣстнаго „бога“, наславшаго на него „мыжь“ и наказывать бога, охраняющаго интересы его дома, когда тотъ допускаетъ какое нибудь семейное несчастье. Начавши съ христіанскихъ воззрѣній Пермяка, мы незамѣтно переходимъ въ языческую старину.

Туда-же прійдемъ мы, если вмѣсто историческихъ справокъ обратимся къ сопоставленію пермѣцкихъ обрядовъ съ вотяцкими. Мы знаемъ уже, съ какими временами года совпадаютъ праздники Пермяковъ, какъ они проходятъ и кто въ нихъ играетъ главную роль. Все это не согласно съ ду-

¹⁾ Нам. Стар. р. Лрм. III, 132.

²⁾ Перм. лѣт. I, 33. Солов. V, 276.

комъ христіанства, но вполне гармонируетъ съ вотяцкимъ язычествомъ.

Первый праздникъ Вятскихъ Пермьковъ совпадаетъ съ вскрытіемъ рѣкъ; этотъ же моментъ въ жизни природы приветствуетъ и Глазовскими Вотяками (приводы льда, з-желанъ) ¹⁾.

За вскрытіемъ рѣкъ наступаетъ пора, когда начинается зеленѣть озимь, появляется травка на покотинахъ и поля просыхаютъ для яровой пашни. Пермькъ приветствуетъ и этотъ періодъ: въ однихъ мѣстахъ льютъ при этомъ на землю водку, въ другихъ рѣжутъ на общій счетъ какое нибудь животное и часть мяса зарываютъ на полосы (Зыряне—кости и отваръ въ землю). Мольбы къ богу возносятъ отъ имени общества старикъ, молятъ Пермьки о томъ, чтобы богъ далъ хорошій сѣнокосъ, уродилъ обильно хлѣбъ.

У Вотяковъ-язычниковъ или язычествующихъ въ это-же время совершается напольное моленіе (бусы-вось), приносятся кровавыя жертвы—лошади, быки, овцы (смотря по мѣстности); моленіе совершаетъ картъ (жрецъ), жертвующіе сѣдаютъ жертву, богамъ остаются кости и наваръ, которые или сжигаются или зарываются въ землю, въ былое время кожа жертвеннаго быка, которая оставалась на деревѣ; въ видѣ питья отливается по немногу кумышка. Приступая къ пашнѣ, хозяинъ Вотякъ зарываетъ въ землю кусокъ говядины, яйцо и блинъ ²⁾. Въ Глазовскомъ и Сарапульскомъ уѣздахъ въ мѣстностяхъ, гдѣ христіанство уже завоевало для себя кое-какую почву, наблюдается компромиссъ — надъ заволотымъ быкомъ совершается сначала моленіе языческой жрецы, потомъ его благословляетъ христіанскій священникъ.

Слѣдующій моментъ, когда Пермьки всюду приносятъ кровавую жертву является Ильинъ день, совпадающій съ окончаніемъ сѣнокоса, началомъ озимой жатвы и пригото-

¹⁾ Первухинъ. Эск. II, 22.

²⁾ См. наши «Вотяки».

ніемъ въ озимой пашнѣ и сѣву; какъ происходитъ у нихъ праздникъ, мы уже знаемъ. Отмѣтимъ здѣсь тѣ черты его, которыя мы встрѣчаемъ въ языческихъ праздникахъ Вотяковъ. Передъ началомъ сѣновоса у Вотяковъ совершается поминовеніе предковъ (закалается баранъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ совершается большое моленіе стихійнымъ божествамъ (гѣрбѣрѣ), совпадающее обыкновенно съ Петровымъ днемъ. У Вотяковъ Малмыжскаго и Сарапульскаго уѣздовъ въ это время, какъ и весной, при участіи языческаго жреца и христіанскаго священника совершается napольное моленіе надъ жертвеннымъ быкомъ, голова и кости котораго зарываются въ ржаномъ полѣ въ особо вырытой ямѣ богу земли — Му-кличину. Не смотря на свою приуроченность къ Петрову дню, этотъ праздникъ связанъ несомнѣнно съ началомъ озимой жатвы: въ Глазовскомъ уѣздѣ моментами его являются смотрѣніе и чествованіе ржи; объ этой связи говоритъ и тотъ фактъ, что жертва приносится въ ржаномъ полѣ. Съ Ильинымъ днемъ у Глазовскихъ Вотяковъ совпадаетъ такъ называемый почи-гѣрберѣ — закалается старшимъ въ домѣ бѣлый баранъ, кости котораго уносятся въ лѣсъ и сжигаются — и путемъ переноса, праздникъ осенней пашни, при которомъ каждый хозяинъ на своей полосѣ также приноситъ въ жертву барана, выпуская въ землю его кровь ¹⁾).

Если пермяцкое жертвоприношеніе совершается осенью по окончаніи полевыхъ работъ, оно совпадаетъ съ таковымъ же вотацкимъ, которое носитъ названіе сизиль-курбонъ (осенняя жертва). Различіе заключается лишь въ томъ, что Вотякъ, обязательно закалающій крупную жертву весной и въ Петровъ день, обходится на этотъ разъ бараномъ, кровь котораго выливается на очагъ.

Звеномъ, соединяющимъ современныя пермяцкія и вотацкія жертвоприношенія, являются сохранившіяся среди Пермяковъ преданія о культѣ некрещеныхъ Чудаковъ. Въ

¹⁾ Первухинъ. Эскизы, II, 78.

полутора верстахъ отъ деревни Игъ (Ивненской волости) на правомъ берегу р. Иньвы Пермьки показываютъ мѣсто, покрытое массой лошадиныхъ и коровьихъ костей. Груды костей образуетъ маленький холмъ. Это—„чучкое молитвище“. Чудаки, принуждаемые принять христіанство, собрались сюда, закололи сорокъ животныхъ, съѣли ихъ, сложили кости ихъ въ груды и потомъ задавили себя землей. Другое преданіе о чудскомъ молитвищѣ находимъ мы въ статьѣ покойнаго А. Θ. Теплоухова „Die Opferstätte...“¹⁾.

Всматриваясь въ характеръ современнаго христіанскаго культа у Пермьковъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что формы стараго языческаго культа пережили смѣну вѣрованій. Не сохранились-ли и старыя вѣрованія подъ тонкимъ слоемъ новыхъ христіанскихъ? Дать точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, повидимому, не трудно. Мы имѣемъ извѣстія о древней религіи Коми въ жизнеописаніи Стефана Пермскаго, лѣтописяхъ и посланіи митрополита Симона. Но этотъ матеріалъ возбуждаетъ у изслѣдователя нѣкоторые недоразумѣнія. Епифаній, какъ мы уже знаемъ, не считаетъ нужнымъ излагать вѣрованія Пермьнъ. Все богословіе ихъ укладывается у него въ рѣчи, вложенной въ уста Пама. „У насъ мнози боги... тѣ намъ даютъ ловлю и все елико на водахъ и елико на воздусѣ и елико въ блатахъ и дубровахъ и въ борѣхъ и въ лузѣхъ и въ порослѣхъ и въ чашахъ и въ березнякѣ и соснягѣ... бѣлки или соболи или куницы и прочая ловля наша“²⁾.... Если къ этому прибавить, что боги, по пермьскимъ вѣрованіямъ, корчили человѣка, который осмѣлился-бы воспользоваться тѣмъ, что принесено имъ въ жертву, то мы исчерпаемъ всѣ данныя, заключающіяся въ трудѣ Епифанія.

Въ неопредѣленныхъ фразахъ Епифанія вырисовываются фигуры боговъ, завѣдующихъ воздухомъ, водами, лѣсомъ; какъ представляли себѣ Коми этихъ существъ, исчерпывался-ли

¹⁾ Изъ рукописи П. А. Вологодина. Ср. Archiv für Anthropologie, 1879.

²⁾ Пам. Стар. р. Лит. III, 141.

ими міръ духовъ, которымъ они поклонялись, остается неяснымъ. Лѣтописи даютъ голый перечень предметовъ, которымъ поклонялся Коми: мы узнаемъ, что они воздавали божескія почести солнцу, огню, водѣ, камнямъ, деревьямъ, животнымъ и златой бабѣ ¹⁾). Златая баба вмѣстѣ съ Войпелемъ-болваномъ фигурируетъ и въ посланіи митрополита Симона. И Златая Баба и Войпель, очевидно, названія идоловъ, которымъ рядомъ съ явленіями природы поклонялись древніе Коми. Лѣтописи даютъ намъ право сказать, что въ пору св. Стефана религія Пермлянъ слагалась изъ поклоненія явленіямъ природы непосредственно и изъ служенія многочисленнымъ человѣкообразнымъ идоламъ. Что такое представляли собою идолы, находились-ли они въ какихъ нибудь отношеніяхъ къ явленіямъ природы, остается темнымъ. Относительно Войпеля еще можно возлагать нѣкоторыя надежды на языкъ, на значеніе названія. Исслѣдователи Пермской старины дѣлали уже попытки истолковать это названіе изъ Пермскаго языка, но предлагавшіяся до сихъ поръ объясненія отдають комизмомъ: Войпель — вой—сѣверъ + пель — ухо = сѣверное ухо. Мы думаемъ, что отъ попытокъ опредѣлять значеніе слова „Войпель“ изъ нарѣчій пермской группы слѣдуетъ отказаться. Ключъ къ объясненію его долженъ находиться въ языкѣ Югры—Вогуловъ и Остяковъ. Пермьки заимствовали поклоненіе Войпелю и Золотой Бабѣ у вытѣсняемой Югры (если только—что представляется весьма правдоподобнымъ—русское духовенство не смѣшало предметовъ поклоненія Вымскихъ Вогуличей и Пермлянъ собственно). Въ пользу такого предположенія говоритъ прежде всего тотъ фактъ, что идолъ Золотой Бабы стоялъ по свидѣтельству писателей XVI в. за Ураломъ въ Обдоріи ²⁾), затѣмъ обычай золотить идоловъ, который существовалъ у Югры въ началѣ XVIII в. по словамъ Новицкаго ³⁾). Писатели, отождествляющіе древнихъ Коми и Біар-

¹⁾ Перм. Лѣтоп. I, 5, 17.

²⁾ Гваньини. *ibid.* 17.

³⁾ Описаніе о нар. ост.

мійцевъ, сближаютъ Золотую Бабу съ идоломъ Біармійскаго Юмалы, который яко-бы изображался въ видѣ безобразной бабы. Это сближеніе слѣдуетъ признать безусловно несостоятельнымъ. Мы знаемъ уже, что между Коми и Біармійцами Скандинавовъ нѣтъ ничего общаго. Утвержденіе - же, что Юмала изображался въ видѣ женщины, противорѣчатъ всему тому, что мы знаемъ о немъ изъ источниковъ. Небо представлялось язычествующимъ Суоми (лопарямъ¹), какъ и Пермскій Іентъ мужскимъ существомъ. Идолъ Юмалы въ сагахъ также называется богомъ, а не богиней. Г. Поповъ думаетъ, что воспоминаніе о культѣ Юмалы-бабы сохранилось въ мифической, повидимому, Йома-баба (злая баба), которая фигурируетъ въ зырянской пословицѣ Йома-баба кодъ лжокъ (золъ, какъ жома-баба)²). Созвучіе въ данномъ случаѣ ничего однако не говоритъ. Йома по Зырянски значитъ просто злой и имя Йома-баба по значенію тождественно съ именемъ 'яга-баба. У Зырянъ былъ собственный богъ, соотвѣтствующій Финнскому Юмалу по значенію, Іентъ—небо.

Оставляя въ сторонѣ болѣе, чѣмъ сомнительное, родство Йумалы съ Золотой Бабой, мы имѣемъ возможность установить, что древняя религія Коми была поклоненіемъ природѣ. Объ источникѣ этого поклоненія, о возрѣніяхъ на сущность окружающихъ Пермска предметовъ мы можемъ догадываться по легендѣ о св. Стефанѣ и „прокудливой“ березѣ. Чтобы побѣдить языческое упорство Пермлянъ, св. Стефанъ рѣшилъ срубить священную березу, стоявшую на мѣстѣ нынѣшняго Усть-Выма. Едва онъ прикоснулся къ священному дереву топоромъ, въ воздухѣ раздались жалобные стоны и крики: „Стефанъ, Стефанъ! за что ты насъ гонишь; это наше старое жилище!“; изъ надрубленныхъ мѣстъ дерева полилась кровь³). Легенда сильно испорчена, безъ сомнѣнія; кромѣ г. Михайлова, который украсилъ ее цвѣтами своей реторики,

¹) Поповъ. «Зыряне», 18.

²) Ibid. 25.

она потерпѣла уже отъ того ритора-христіанина, который ее впервые записалъ. Къ числу такихъ прикрасъ слѣдуетъ отнести слова о женскихъ, мужскихъ, старческихъ и младенческихъ голосахъ, раздавшихся изъ березы. Береза представляется обиталищемъ цѣлаго сонма разнообразныхъ духовъ. Мы не можемъ допустить того, чтобы такъ представлялось дѣло въ первоначальной редакціи легенды. Возстановляя ее старыя черты при помощи сравненія съ родственными вѣрованіями западныхъ, восточныхъ и южныхъ родичей Коми—Лопарей, Югры и Вотяковъ, мы можемъ допустить три предположенія: или культъ воздавался непосредственно березѣ, какъ одухотворенному существу ¹⁾ или она была временнымъ обиталищемъ того духа, для котораго назначалась кумирня ²⁾ или наконецъ его метаморфозомъ ³⁾; въ каждомъ изъ этихъ случаевъ аналогія не допускаетъ рѣчи о множествѣ связанныхъ съ деревомъ духовъ. Кровь, льющаяся изъ дерева и человѣческіе звуки, которые оно издаетъ, свидѣлствуютъ о томъ, что древнему Коми дерево представлялось живымъ одухотвореннымъ существомъ. Это воззрѣніе даетъ намъ основаніе предполагать, что такой-же анимистическій источникъ имѣло поклоненіе и остальнымъ явленіямъ окружающаго міра.

Остатки этого стараго анимизма въ представленіяхъ о природѣ можно и теперь, черезъ 500 лѣтъ, наблюдать въ мировоззрѣніи и бытѣ Пермѣя.

Первымъ изъ фетишей, которыхъ предлагала древнему Коми природа, было небо—Іенъ. Въ настоящее время Іенъ, какъ вотяцкій Инмаръ, черемисскій Юмо и западно-финскій Юмала, означаетъ прежде всего Бога въ христіанскомъ смыслѣ этого слова, затѣмъ терминъ для обозначенія всякаго высшаго сверхъ-естественнаго существа. Первичное значеніе его однако

¹⁾ Ср. Лопарей.

²⁾ Ср. Вотяковъ.

³⁾ Ср. Остяковъ.

можно возстановить тѣмъ-же путемъ, каковымъ мы опредѣлили назначеніе вотяцкаго Инмара.

Приводимъ рядъ фразъ въ которыхъ слово *јенъ* употребляется въ значеніи неба: *јенъ југдѣ* = свѣтаеть, *јен пѣмдѣ* = темнѣеть, *јен пемдысь* = небо потемнѣло („Богъ потемнѣлъ“), *јен* = небо просвѣтлѣло („Богъ засвѣталъ“), *јен-курегъ* (звѣзда, „Божья, небесная курица“) „*јен-ошка*“ = небесный быкъ, радуга, *јен зорѣ* = дождить, *јен-уткѣ* = небесная утка, зарница, *јен гымылѣ*, *чарлалѣ* = гремить, *јен вирдѣлѣ* = молнія блескитъ, *јенъ лымја* = снѣгъ идетъ. Непосредственное поклоненіе смѣнилось позднѣе культамъ челоѡкообразнаго существа, владѣющаго небомъ. Первоначальныя представленія объ этомъ существѣ живы у Пермскихъ до сихъ поръ, перейдя на христіанскаго Бога. Орловскимъ Пермцамъ *Іенъ* рисуется въ видѣ челоѡка громаднаго роста и одареннаго необыкновенной физической силой. Онъ живетъ на небѣ въ прекрасно устроенной кереѣ и можетъ прожить тысячу лѣтъ.

Слѣды религіозныхъ воззрѣній, съ которыми познакомился Пермскъ въ теченіи своей исторіи, обнаруживаются въ томъ, что *Іенъ* является источникомъ добра и врагомъ зла, которое нашло себѣ воплощеніе въ *Кулѣ* или *шайтанѣ*. Образъ *Куля* слѣдуетъ признать заимствованіемъ въ виду того, что имя, которымъ онъ называется, не принадлежитъ языкамъ пермской группы. Выѣстъ съ *Кулемъ* въ Пермскія вѣрованія проникли и дуалистическія представленія о борьбѣ *Іена* и *Куля*, о роли того и другаго въ мірозданіи (*Куль* создалъ мошекъ, комаровъ, посылаетъ морозы, жары, дожди).

За небомъ въ каждой религіи природы слѣдуютъ небесныя свѣтила. Лѣтопись говоритъ, что Пермцы полагались солнцу; Вотяки чтутъ до сихъ поръ солнце-мать или солнцеву мать. У Пермскихъ слѣдовъ этого почитанія мы не нашли, но предположить его мы имѣемъ основаніе въ виду того отношенія къ нему, которое Пермскъ обнаруживаетъ въ своихъ сказкахъ. Въ селѣ *Йогвѣ* мы записали сказку о мальчикѣ „трехъ отцевъ сынѣ“. Сущность сказки заключается

въ томъ, что три разбойника захватили къ себѣ мальчика, отечески заботились о немъ и при смерти предостерегали не брать пера жарь-птицы. Когда умеръ послѣдній разбойникъ, мальчикъ поѣхалъ по свѣту, встрѣтилъ на дорогѣ перо жарь-птицы, поднялъ его и съ этихъ поръ для него начались испытанія, которыя онъ счастливо проходитъ благодаря своему коню. Для нашей цѣли имѣетъ значеніе по картинѣ, которую рисуетъ рассказчикъ, и въ особенности по вставочнымъ замѣчаніямъ то мѣсто сказки, гдѣ рассказывается, какъ мальчика баринъ послалъ узнать отъ Солнца Праведнаго, отчего оно бываетъ и утромъ красно и вечеромъ красно.

„Поѣхалъ паренекъ. Ъхалъ-ѣхалъ, подѣбжаетъ къ солнечной избушкѣ. Выходитъ изъ избушки мужикъ, умывается, увидалъ мужикъ паренька и спрашиваетъ „ты трехъ отцевъ сынъ“ („какъ богу не знаты!“). Мальчикъ говоритъ: пріѣхалъ узнать, отчего ты бываешь каждое утро краснымъ. Входи въ избу, сегодня ужъ запоздали. На утро солнце окунулось въ котлѣ, гдѣ было вскипачено молоко отъ трехъ кобылицъ и красное вышло на небо.—Замѣчаніе, брошенное рассказчикомъ, въ высшей степени характеристично: оно до сихъ поръ показываетъ, что Пермязъ смотритъ на солнце, какъ на божественное существо. Уваженіе, которое они оказываютъ лунѣ, является, конечно, обломкомъ стараго культа этого свѣтила. Сообщая намъ извѣстное у Вотяковъ повѣрье о дѣвушкѣ на лунѣ, Пермязъ-рассказчикъ выразился такъ: „Господь мѣсяцъ праведный поднялъ ее“.

Періодъ цвѣтенія ржи представляетъ собой у Пермязовъ время дѣятельности новой сверхъ-естественной силы: это время, вунъ-шорики, полудницы. Вунъ-шорика расхаживаетъ по межамъ и волнуетъ цвѣтущую рожь. Пермязъ, не желающій разсердить ее, не долженъ выходить въ полдень въ поле, на межи. Забота о томъ, чтобы угодить вунъ-шорикѣ, доходила въ былое время до того, что Пермязки въ полдень забирались въ избы, закрывали окна кошмами и сидѣли тихо;

дѣтей въ теченіе нѣсколькихъ дней не выпускали въ полдень на улицу, у бабъ, которые выходили колотить холсты, десятички отбирали ихъ ¹⁾).

За духами одиночныхъ явленій природы слѣдуютъ духи лѣсовъ и водъ. О томъ, въ какомъ видѣ представляютъ себѣ Пермьки этихъ духовъ, свидѣлствуютъ названія вѣрысь-мортъ, ваисъ-мортъ, т. е. лѣсной человѣкъ, водяной человѣкъ. Эти названія слѣдуетъ считать древнѣйшими, оставшимися еще отъ эпохи совѣстной жизни съ Вотяками. Подъ вліяніемъ тюрско-мусульманскихъ и христіанскихъ идей мортъ сталъ замѣняться въ нихъ словомъ кул и теперь мы чаще слышимъ ва-куль, кул-піапъ, чѣмъ ваисъ-мортъ; въ названіи лѣшаго мортъ замѣнилось почтительнымъ дядя. Сходные съ вотяцкими по именамъ, пермяцкіе лѣшій и водяной оказываются тождественными съ ними и по существу. Богатый матеріалъ для ознакомленія съ природой обоихъ существъ предлагаютъ рассказы о нихъ.

Угрюмый, подозрительный, скрытный Пермькъ въ особенности въ большой компаніи не скупится на рассказы о лѣсномъ дядѣ или ваисъ-мортѣ. Въ богатыхъ еще лѣсами приходахъ Ошибскомъ, Верхъ-Инвенскомъ, Кочевскомъ можно записать не десятки, а сотни рассказовъ; въ которыхъ при однообразіи основнаго содержанія будутъ попадаться масса интересныхъ деталей, раскрывающихъ представленія Пермьковъ о сверхъ-естественномъ. Этотъ матеріалъ еще почти не тронутъ. Приводимъ въ сокращеніи нѣсколько такихъ рассказовъ.

Рассказы о лѣшемъ.—1. Пошелъ Пермькъ (для рассказчика) за рабками въ лѣсъ. Стрѣляетъ, рабки падаютъ, а найти ихъ Пермькъ не можетъ. Что за диво? Тутъ явился ему молодецъ въ синей шабурѣ и говоритъ: „убирайся, ты моихъ курицъ стрѣляешь!“

¹⁾ Все это имѣетъ мѣсто у Вотяковъ въ такъ называемый Вождыръ. Ср. Первухинъ. Эск. I, 59—60.

2. Ночевали Пермяки около Кувинского завода. Вотъ ночью забирается къ нимъ человѣкъ громаднаго роста и присаживается съ ними къ огню. Погрѣлся, всталъ и говорить одному „не хочешь-ли посмотрѣть мою скотину?“ Пермякъ вышелъ съ нимъ и видятъ—кругомъ черно отъ всякаго звѣрья. Свиснуль лѣшій и всѣ звѣри съ шумомъ бросились въ одну сторону.

3. Пошелъ лѣсникъ въ лѣсъ. Идетъ мимо плотины и видитъ—лѣшій сражается съ водяными. Водяныхъ выгнать видимо-невидимо и всѣ кидаютъ въ него камнями, а лѣшій одинъ и отбивается отъ нихъ деревомъ, вывороченнымъ съ корнемъ. Водяные начали одолавать лѣснаго, лѣшій кричитъ лѣснику: помоги мнѣ—выйдетъ сейчасъ ихъ набольшій, стрѣлай въ него, а съ мелочью я одинъ управлюсь. Только сказалъ онъ это, изъ воды выходитъ главный вайсъ—въ золотой одеждѣ и золотой шапкѣ. Лѣсникъ какъ хватить въ него изъ ружья—водяной повалился, а лѣшій тѣмъ временемъ разогналъ маленькихъ куль-шановъ. Потомъ лѣшій взялъ мужика къ себѣ въ избу, угостилъ его и далъ денегъ.

4. Загнулался Пермякъ и попалъ въ лѣшему въ избу. Лѣшій совсѣмъ какъ мужикъ. Только приходятъ въ избу три его дочери и лицъ не показываютъ. Тутъ только мужикъ догадается, у кого онъ въ гостяхъ ¹⁾.

5. Лежатъ Пермяки въ охотничьей избушкѣ ночью. Среди избушки огонь горитъ, не спятъ. Вотъ приходитъ къ нимъ старуха съ пряслицей, въ черной одеждѣ. Одинъ старикъ догадался, кто эта старуха и бросилъ въ нее полѣномъ. Тутъ вскочили собаки и протнали лѣшачиху въ лѣсъ.

6. Лѣшій утащилъ дѣвку, покормилъ ее и держитъ у себя. Прошло немного времени ведетъ онъ парня и угощаетъ его своимъ хлѣбомъ. Дѣвка говоритъ—не ѣшь. Парень не сталъ ѣсть. Лѣшій подержалъ, подержалъ его и унесъ на старое мѣсто.

¹⁾ Ср. у Потанина Вот. сказку о Шуралѣ-лѣшемъ. Изв. Каз. Общ. Арх. Ист. и Эт. III,

7. Жилъ богатый мужикъ-знахарь. У него были срочные (работники). Разъ срочные въ воскресенье плетутъ лапти. Вдругъ въ избу заходитъ мужикъ — не высокій, толстый, въ русской одеждѣ — помолился образамъ и спрашиваетъ, дома-ли хозяинъ. Говорятъ: спитъ. Велѣлъ разбудить. Хозяинъ проснулся, выслалъ работниковъ и остался одинъ съ гостемъ въ избѣ. Спустя немного гость вышелъ, хозяинъ его проводилъ, зашелъ къ работникамъ и говоритъ: „посмотрите-ка, гдѣ гость“. А онъ на другой горѣ, верстъ за 8, вихремъ несется.

8. Шелъ мужикъ и увидалъ — вихрь вертитъ пылъ на одномъ мѣстѣ. Мужикъ бросилъ въ середину столба ножикъ, вихрь пропалъ, пропалъ и ножикъ. Прошло немного времени, пошелъ онъ въ лѣсъ и забрелъ въ избушку. Въ избушкѣ сидитъ старуха, увидала его, посадила за столъ и начала рѣзать хлѣбъ. Смотритъ мужикъ на ножикъ въ рукахъ старухи и признаетъ его. Что смотришь — спрашиваетъ старуха. — Ножикъ какъ будто мой. — Твой, спасибо, что бросилъ имъ въ сына; ты поранилъ ему правый бокъ; теперь его не возьмутъ на службу. Навормила лѣшачиха мужика обѣдомъ, а лѣшакъ вывелъ его изъ лѣсу и отдалъ ножикъ.

9. Заплутался и попалъ мужикъ къ лѣшему въ избу. Лѣшій держалъ его у себя мѣсяца два, потомъ уѣхалъ въ городъ со скотиной — продавать. Мужикъ благословился и убѣжалъ. Приходитъ домой, а тамъ ужъ его поминали, какъ мертвого.

10. Лѣшакъ разбрасывалъ у Пермяка сѣно. Пермякъ не сталъ его ругать, а сталъ молиться: „не ходи, пожалуйста, оставь мою работу, я одинъ, мое дѣло жалко“. Лѣшакъ пересталъ трогать его сѣно, а у тѣхъ, кто его ругалъ, все побросалъ въ воду.

11. Развели лѣсники на пустырькѣ съ сухимъ, выбитымъ лѣсомъ огонь. Вотъ несется вихрь-лѣшакъ. Кто позволилъ на моей дорогѣ огонь раскладывать! — весь костеръ разбросалъ.

12. Пошла баба въ лѣсъ за грибами. Незадолго до нея вышелъ изъ дому къ лѣсу изъ того-же мѣста мужикъ знахарь. Баба смотритъ, что съ мужикомъ: скачетъ на сажень отъ земли, катается по травѣ. Потомъ самъ мужикъ рассказъ ей: его трепалъ лѣшій за то, что по пусту кабалы ему писалъ, подналъ выше себя, бросилъ на земь и давай трепать: зачѣмъ попусту кабалы пишешь, скотину звѣрь ѣсть, а ты меня тревожишь.

13. Ломаеть вихрь у Пермяка крышу. Пермякъ взмолился: пощади, я лучше тебѣ водки привезу, пожди немного. Ждалъ-пождалъ лѣшій, догадался, что у мужика денегъ нѣтъ. Выѣхалъ Пермякъ боронить, боронить—вдругъ мѣдный котелъ съ серебряными деньгами. Мужикъ подобралъ деньги и говорить—ну теперь надо дядѣ вина поставить. Тутъ показался старикъ и спрашиваетъ, куда поставишь? Мужикъ поѣхалъ, купилъ три ведра водки и поставилъ за гумномъ. Лѣшаекъ скорехонько выпилъ.

14. Ёдетъ Пермякъ въ Юмъ за хлѣбомъ. Попадается ему въ лѣсу человекъ и не сторонится. Пермякъ стегнулъ его плетью и ёдетъ дальше. Вдругъ остановка. Смотритъ мужикъ—лошади нѣтъ. Искали, искали, черезъ 12 дней нашли въ лѣсу, привязана къ дереву.

15. Одинъ „знаткой человекъ“ изъ деревни Новожиловой, Бисеровской волости, подружился съ „долгимъ“, принималъ его по ночамъ къ себѣ въ гости и выпивалъ ему по ведру пива и по четверти ведра водки. Долгій помогалъ ему обворовывать сосѣдей и крестьянъ прочихъ деревень, съ условіемъ, чтобы часть добычи знаткой ему отдавалъ за труды. Когда мужикъ разбогатѣлъ и пересталъ воровать, ему вздумалось раздружиться съ „долгимъ“. „Долгій“ на это разсердился, разломалъ крышу у амбара, въ которомъ хранилось все награбленное и попытался похитить его, мужикъ замѣтилъ продѣлку „долгаго“, закрылъ крышу и начертилъ на ней крестъ. „Долгій“ еще пуще разсердился, въ глазахъ народа схватилъ у мужика съ поскотинны корову, подналъ ее вверхъ

высоко и бросилъ въ низъ головою, корова тутъ-же и сдохла, ушла рогами въ землю ¹⁾).

16. Напустился „долгій“ на одного мужика и частенько началъ раззорять его: то утащить у него скотину въ лѣсъ куда-нибудь, то развѣсть сѣно на лугу, то раскроетъ хоромину (крышу у избы) и т. под. Мужикъ долго терпѣлъ напасти отъ „долгаго“, вышелъ изъ терпѣнья и потомъ подмѣтилъ, какъ „долгій“ началъ во дворѣ у него подымать щепки, солому, хворостъ и т. под., выхватилъ изъ за пояски ножъ и бросилъ имъ въ верхъ. Послѣ этого, вдолгъ уже, идетъ мужикъ по лѣсу и видитъ на встрѣчу шагаетъ большой человекъ въ бѣлой одеждѣ и обѣ одномъ глазѣ. Повстрѣчались, мужикъ и спрашиваетъ большаго человека: „гдѣ у тебя другой глазъ?“—а помнишь, тотъ отвѣчаетъ ему:— какъ ты ножомъ-то бросилъ въ верхъ, тогда и выкололъ у меня глазъ-то. Мужикъ понялъ, что съ нимъ разговариваетъ „долгій“, а большой человекъ исчезъ и больше ужъ не зорилъ мужика“.

Разсказы о водянномъ. — 1. Пошелъ одинъ Пермякъ стрѣлять утокъ, замѣтилъ кучку и крадется къ ней. Видитъ вайсъ-куль спитъ на солнышкѣ за рѣкой, а къ нему крадется медвѣдь, хочетъ его съѣсть. Пермякъ крикнулъ вайсъ-кулю: „вставай, тебя хочетъ съѣсть медвѣдь“. Вайсъ-куль всочилъ и бросился въ воду. Пришелъ Пермякъ вечеромъ домой и легъ спать. Въ полночь къ нему приходитъ вайсъ-куль и зоветъ къ себѣ въ гости. Пошелъ Пермякъ съ водяннымъ, залѣзли въ воду. Водяной угостилъ его, вывелъ изъ воды и отпустилъ.

2. Пошелъ Пермякъ стрѣлять утокъ. Приходилось переходить черезъ рѣку. По небу тѣмъ временемъ туча идетъ, огнемъ палить; вайсъ-куль вышелъ изъ воды и дразнить бога (тучу), поколачивая себя по задѣ. Пермякъ подкрался и какъ треснетъ его. Вайсъ не успѣлъ броситься въ воду и богъ

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

его спалилъ. Съ тѣхъ поръ у Пермяка ружье стало мѣткое и онъ много настрѣливалъ дичи.

3. Сидитъ вайсь-куль на плотинѣ. Пермякъ выстрѣлилъ въ него изъ ружья.—Водяной упалъ въ воду. Маленькіе водяные вылѣзли изъ воды и погнались за мужикомъ. Нѣсколько ночей потомъ они ревѣли у его крыльца: „зачѣмъ убилъ у насъ отца!“

4. Жила старуха съ сыномъ. Сынъ былъ дуракъ. Идетъ онъ разъ мимо рѣки, видитъ—рыбаки поймали маленького водяного. Парень проситъ—„дайте мнѣ его“. Ночью вайсь-кули вышли изъ воды, собрались вокругъ дома старухи и просятъ—„отдай ребенка, дадимъ казны“. Парень выкопалъ ямку и поставилъ надъ нею колпакъ съ дырой; водяные сыпали-сыпали деньги, насыпали полную ямку.

5. Пошелъ мужикъ не благословясь ловить рыбу. Водяной сидитъ на берегу и чешетъ волосы. Пермякъ забранилъ его. Вайсь схватилъ его за полу и утащилъ съ собою въ воду.

6. Идетъ Пермякъ по плотинѣ и видитъ — держится у мельничнаго затвора громадная щука сажени въ три длиной. Пермякъ ударилъ ее острогой, щука ушла. Ночью къ Пермяку пришелъ вайсь-куль и кричитъ: „пускайте, вашъ мужикъ засѣкъ моего сына; загублю вашу семью“. Маялись, маялись люди и придумали: пошли къ мѣсту, гдѣ былъ засѣченъ вайсь, развели огонь, положили около него чурбанъ, одѣтый въ тряпки, и спрятались. Вайсь-куль вылѣзъ и идетъ схватить спящаго. Тутъ его засѣкли острогой.

7. Маленькій водяной пугалъ у рыбака рыбу. Рыбакъ его ударилъ острогой. Водяной вышелъ изъ воды и говоритъ рыбаку: пойдѣмъ за мной, защурь глаза. Пошелъ Пермякъ, видитъ въ водѣ большой домъ, въ немъ водяной съ острогой въ тѣлѣ. Пермякъ вынулъ ее, ему дали денегъ и проводили на берегъ.

8. Спалъ старикъ Пермякъ на мельницѣ въ избушкѣ. Пришли водяные, вытащили его до половины изъ избушки

и стали давить; пальцы у них холодные. „Кто вы“—спрашивает старикъ,—„Мы водолазы, тундру ѣдимъ“—говорятъ водяные.

9. Шель Пермякъ-охотникъ по берегу, на бережкѣ сидитъ водяной. Пермякъ подстрѣлилъ его. Водяной упалъ въ воду и рѣчка окрасилась синею кровью. Тутъ вышли три водяныхъ и говорятъ: „зачѣмъ убилъ нашего товарища“,—схватили его и засунули до поясицы въ болото.

10. Попалъ солдатъ къ водяному въ омутъ, женился тамъ на его дочери и выжилъ много лѣтъ. Потомъ какъ-то ему удалось уйти отъ водянаго. Приходить онъ домой. Войти въ избу нельзя—мѣшаетъ крестъ. А тамъ въ это время была пирушка—жена выходила за другого за мужъ. Пошелъ солдатъ въ погребъ и сталъ ждать, когда пойдетъ жена за брагой. Вотъ приходитъ жена. Солдатъ здоровается съ ней; жена его не видитъ. Солдатъ говоритъ — ступай, принеси мнѣ вѣнчальную одежду и кидай въ меня на отмашь. Жена сдѣлала все, какъ онъ велѣлъ. Солдатъ одѣлся и стало всѣмъ его видно. Спрашиваютъ солдата сосѣди: а какъ-же мы тебя похоронили—тебя выбросило на берегъ. Ступайте, говоритъ солдатъ, на могильникъ и посмотрите, что тамъ зарыто. Пошли мужики, разрыли могилу, нашли тамъ березовую чурку (чурбанъ).

Мы уже имѣли случай замѣтить, что души утопленныхъ младенцевъ начинаютъ въ представленіи Пермяковъ сливаться съ водяными. Приводимъ здѣсь рассказъ, характерный въ этомъ отношеніи.

„Однажды мужикъ пріѣхалъ на мельницу, засыпалъ свою рожь въ жерновый тюрикъ, а самъ прилегъ рядомъ съ мельницею въ „дербенѣ“ въ ожиданіи, пока смелется засыпанная рожь. Въ дербенѣ и на мельницѣ кромѣ его никого не было. Вдругъ, изъ подъ полу выходятъ „ичетики“—маленькіе мохнатенькіе человѣчки, садятся мужику на руки, ноги и грудь и начинаютъ просить у него пудовку муки и въ случаѣ отказа грозятъ задавить мужика и утащить его къ себѣ въ

воду. Мужикъ общается имъ пудовку ржи, оговариваясь только тѣмъ лишь, что печѣмъ муки свѣинать. Ичетики говорятъ, что вѣсы у нихъ найдутся, и тотчасъ-же исчезаютъ. Мужикъ послѣ этого поспѣшно встаетъ и бросивъ засыпанную рожь, съ испугу уѣзжаетъ домой.

Къ разряду водяныхъ-же духовъ относится „шишига“, которая обитаетъ преимущественно въ озерахъ и прудахъ. „Шишига“ по виду будетъ съ взрослою женщиною, одежды у ней нѣтъ, на головѣ имѣетъ длинныя волосы, которые она перѣдко чешетъ гребнемъ, выходя на землю изъ воды. „Одинъ рыбакъ Зюдино-Воскресенскаго прихода, выйдя однажды на известное всѣмъ „чертовое озеро“ порыбачить, увидѣлъ „шишигу“ которая сидѣла на кочкѣ и заплетала свои волосы въ косы. „Шишига“ замѣтивъ мужика и испугавшись его, нырнула въ воду, а гребень, которымъ чесала свои волосы, оставила на кочкѣ. Рыбакъ подплылъ къ кочкѣ на лодкѣ, взявъ гребень оставленный „шишигою“ и принесъ его къ себѣ въ избу. Въ тотъ-же день, лишь-только с ерклося и все семейство рыбака улеглось спать, послышалось постукиванье въ дверь и голосъ „шишиги“, жалобно умолявшей рыбака возвратить ей гребень. Рыбакъ отворилъ окно и выбросилъ гребень,—схватила его проворно „шишига“ и исчезла“ (Шатровъ).

Прежде чѣмъ дѣлать выводы изъ того матеріала, который заключается въ предложенныхъ разсказахъ, сдѣлаемъ кое-какія поясненія къ деталямъ, которыя представляются непонятными. Въ 4 разсказѣ мужикъ узнаетъ дочерей лѣшаго по тому, что онѣ не показываютъ своихъ лицъ. Ключъ къ этой примѣтѣ, мы думаемъ, заключается въ вотяцкой сказкѣ о лѣшемъ и его дочери, въ которой эта послѣдняя представляется. Въ 13-мъ разсказѣ мы видимъ, что лѣшій треплетъ знахаря за то, что онъ пишетъ кабалы. Объ этихъ кабалахъ первое упоминаніе въ литературѣ встрѣчаемъ мы у Подосенова. Пермякъ въ случаѣ пропажи скотины считаетъ нужнымъ обратиться къ лѣшему съ просьбой, чтобы онъ воротилъ се. Писать кабалы берутся особые знахары. Кабала пи-

шется на кускѣ бересты углемъ и состоитъ по рассказамъ лицъ, выдавшихъ ихъ случайно въ лѣсахъ, изъ подобія геометрическихъ фигуръ, нацарапанныхъ въ серединѣ куска. Знахарь укладкой, чтобы никто не видалъ, относитъ ее въ лѣсъ и вѣшаетъ на дерево или кладетъ на пенъ. Если скотина не заѣдена звѣремъ, лѣшій иногда исполняетъ просьбу. Назойливымъ знахарямъ за то подѣ часъ отъ него достается ¹⁾).

Подбирая изъ приведенныхъ рассказовъ черты, характеризующія лѣшихъ и водяныхъ, мы видимъ, что родъ этихъ стихійныхъ духовъ представляется Пермьямъ такъ-же, какъ и Вотякамъ. „Лѣсной человѣкъ“ живетъ, какъ и всякій Пермь, въ домѣ, ведетъ хозяйство, держитъ скотину, работниковъ, торгуетъ. Избы его указываютъ очень опредѣленно въ глухихъ лѣсахъ той или другой волости. И скотъ, и людей онъ забираетъ въ лѣсу и возвращаетъ, если его объ этомъ стануть просить. Появляясь среди людей, онъ принимаетъ видъ человѣка то обыкновеннаго, то очень высокаго роста и одѣвается въ бѣлый шабуръ (какъ одѣвались прежде и сами Пермьки—замѣтимъ мимоходомъ). По словамъ Хлопина, лѣшаго все-же можно узнать по отсутствію рѣсницъ и бровей ²⁾). Отличительный признакъ „долгаго“ у Зюздяковъ это бѣлый „зицунъ“ (армякъ) запахнутый лѣвою полою наверхъ. Запахнувшихъ лѣвою полою наверхъ, хотя-бы и невзначай, въ Зюздинѣ считаютъ людьми подозрительными и непременно имѣющими сношенія съ „долгимъ“. Лѣшіе живутъ семьями, вступаютъ въ бракъ и плодятся. Во время свадебъ у нихъ бываютъ такіе-же поѣзды, какъ и у людей. Путь, по которому проѣхалъ свадебный поѣздъ лѣшихъ, можно узнать по сломаннымъ деревьямъ. Подобно своему Вотяцкому тезкѣ, пермьцкій лѣшій путешествуетъ и совершаетъ свои проѣзды

¹⁾ Тоже имѣетъ мѣсто у Олонцъ крестьянъ. Этн. Сборн. VI, 12.

²⁾ Изв. Р. Геогр. Общ. 1849, 24.

ки надъ людьми — въ особенности похищаетъ женщинъ — въ видѣ вихря. Въ силу такого воззрѣнія на природу вихря женщины особенно его боятся. Въ селѣ Верхъ-Инвенскомъ мы имѣли случай наблюдать характерную въ этомъ отношеніи сцену. На пригоркѣ надъ р. Иньвой собралась кучка дѣвушекъ и молодыхъ людей — пѣли пѣсни, ходили кругомъ. Вдругъ на дорогѣ между огородами показалось несущее прямо на игрище облачко пыли. „Лѣшакъ, лѣшакъ!“ закричали дѣвушки и разсыпались по сторонамъ.

Сходство пермяцкаго лѣшаго съ вотяцкимъ этимъ не исчерпывается. Мы имѣли случай замѣтить въ очеркѣ „Вотьяки“, что лѣшій играетъ въ жизни Вотяка видную роль въ такихъ случаяхъ, которые не вяжутся съ его прямымъ стихійнымъ значеніемъ: онъ является покровителемъ семьи и домашнего благополучія. Тамъ-же мы дали и объясненіе для этого явленія. Съ такой-же ролью является верысь-мортъ и у Пермяковъ. „Власть Верчена, говоритъ г. Добротворскій не ограничивается однимъ лѣсомъ, какъ у Русскаго лѣшаго; она обнимаетъ всю жизнь Пермяка, одинаково чувствительна въ верѣ, въ семьѣ и въ полѣ... Захвораетъ-ли жена или кто либо изъ домашнихъ, отправляется-ли онъ въ извозъ, случится-ли какое несчастіе — вездѣ и всегда призываетъ онъ на помощь Верчена, принося ему посильную жертву ¹⁾“. Слѣды такого отношенія можно замѣтить и у Инвенскихъ Пермяковъ. Мы припоминаемъ, съ какою грустью отвѣтилъ намъ Пермякъ на вопросъ, участвуетъ-ли лѣшій въ войнахъ: „теперь пушки пошли, дядѣ нѣтъ больше дѣла до рабовъ („рабами“ до сихъ поръ часто называютъ себя Пермяки, бывшіе Строгановскіе крѣпостные). Кажется, подобно Вотяцкимъ повитухамъ въ случаѣ трудныхъ родовъ обращаются къ лѣшему и Пермякія. Главной областью вліянія „дяди“ остав-

¹⁾ Добр. I. с. IV, 574. Замѣтимъ, что слова Верченъ мы у Пермяковъ не встрѣтили. Намъ кажется, что вмѣсто него должно быть Верысь-женъ лѣсной богъ.

ся все же лѣсъ и его населеніе. Лѣшій перегоняетъ съ мѣста на мѣсто звѣрей и въ силу этого въ одинъ годъ здѣсь бываетъ удачная охота, въ другой — тамъ. Возрѣнія Пермиковъ на счетъ водяного „вайсь-морта“ такъ-же не отличаются отъ вотяцкихъ. Водяной — человѣкообразное, смертное существо, живетъ въ водѣ въ хорошо устроенной избѣ, забираетъ къ себѣ въ работники утопленниковъ, подмѣнивая ихъ чурками. Человѣкъ можетъ проникнуть въ его жилище, но для этого такъ-же, какъ и по Вотяцкимъ вѣрованіямъ, долженъ закрыть себѣ глаза. Вопросъ о томъ, какъ человѣкъ живетъ въ водѣ, Пермязи разрѣшаютъ одинаковымъ съ Вотяками образомъ: водяные обладаютъ какой-то тайной, которая даетъ имъ возможность свободно передвигаться въ водѣ; болѣе простое рѣшеніе заключается въ общемъ обоимъ народамъ повѣрью, что водяной принимаетъ видъ рыбы — щуки.

Послѣ водяного и лѣшака, образы которыхъ отчетливѣе всего сохранились въ воображеніи Пермиковъ, можно указать слѣды былого поклоненія вѣтрамъ и землѣ. Духи вѣтровъ блѣдно рисуются, какъ и въ вотяцкой мифологіи, сливаясь съ лѣшимъ-вихремъ. Только изъ выраженія „тыль-пэри шуккемъ“ которое употреблялось для обозначенія паралича, можно догадываться, что Вотяки приписываютъ нѣкоторыя болѣзни вѣтрамъ. Отголоски этого вѣрованія слышатся и у Пермиковъ въ названіи судороги ой-тов (сѣверный вѣтеръ).

На былой культъ земли указываетъ обычай зарывать въ землю кости жертвеннаго животнаго, лить при празднествахъ, водку, класть при закладкѣ дома мясо и шерсть и оставлять на полосѣ нѣсколько несжатыхъ колосьевъ.

Съ культомъ растений мы уже до извѣстной степени знакомы по легендѣ о „прокудливой березѣ“. Кромѣ березы большимъ уваженіемъ Пермиковъ пользуется верескъ, вѣтвями котораго они, какъ и Вотяки, запасаются въ великій четвергъ, чтобы отгонять злыхъ духовъ. Въ тоже время, по словамъ Хлопина, приносятся пихтовые кражики, которые остаются цѣлый годъ у печки. На культъ растений указываетъ и обы-

чай приносить при закладѣ дома изъ лѣса небольшую елочку, вырванную съ корнемъ, ставить ее въ переднемъ углу и произносить около нея различныя пожеланія. Этотъ обычай имѣетъ мѣсто и у Вотьяковъ и находится, какъ мы показали въ своемъ мѣстѣ, въ связи съ поклоненіемъ деревьямъ-покровителямъ. Хлопинъ говоритъ объ обычаѣ Пермьяковъ носить во время путешествія на шеѣ ладонку „съ заветными травами и кореньями“. Когда Пермьякъ дома, такая ладонка хранится на божницѣ и чествуется, какъ святыня ¹⁾). По словамъ Рогова, пихтовое помело, сдѣланное въ Великій четвергъ, защищаетъ печь отъ разрушенія ²⁾).

Лѣтописи говорятъ намъ о культѣ животныхъ. Не вполне довѣряя ея показаніямъ, мы можемъ сказать, что Пермьяки не чужды были тому культу медвѣдя, который такъ развитъ у ихъ восточныхъ родичей—потомковъ древней Югры. Медвѣдь рисуется въ пермяцкихъ сказкахъ, какъ существо человекообразное и обладающее сверхъ-естественными свойствами. Приводимъ двѣ характерныхъ сказки о медвѣдѣ.

Пошли три дѣвочки въ лѣсъ за ягодами, заплутались и ночью пришли въ избушку медвѣдя. Спустя немного времени пришелъ медвѣдь и началъ варить кашу; варить и бросаетъ въ нее съ себя шерсть. Когда каша поспѣла, медвѣдь велитъ дѣвочкамъ ѣсть. Двѣ старшія дѣвочки поѣли этой каши, младшая отказалась. Когда дѣвочки поѣли, медвѣдь принесъ ступу и велѣлъ дѣвочкамъ черезъ нее прыгать: которая изъ дѣвочекъ перепрыгнетъ, ту онъ отпуститъ. Двѣ старшія перепрыгнули, младшая не смогла и попала въ ступу. Пришлось ей остаться у медвѣдя. Медвѣдь принесъ зыбку, влѣзъ въ нее и велѣлъ дѣвочкѣ качать, приговаривая: „спи медвѣдь, спи толстой!“ Такъ прожила дѣвочка нѣскольکو дней. Приходитъ къ ней баранъ и предлагаетъ увезти ее. Дѣвочка сѣла на барана и поѣхала. Медвѣдь проснулся,

¹⁾ Извѣст. Р. Геогр. Общ. 1849, 24.

²⁾ Перм. Сборн. II, 23.

догналъ дѣвочку и снова посадилъ ее качать. Въ другой разъ, когда медвѣдь спалъ, дѣвушка убѣжала на быкъ.

Пошелъ мужикъ охотится на медвѣдей. Убилъ одного медвѣдя, содралъ съ него шкуру и идетъ домой. Вдругъ слышитъ, кто-то за нимъ гонится, оборачивается — медвѣдь. Испугался мужикъ, не знаетъ, что дѣлать. Тутъ появляется передъ нимъ старичекъ и говоритъ: „сдѣлай липовый лукъ, липовую стрѣлу и выстрѣли въ медвѣдя, потомъ забей ему копь въ голову и изруби все его тѣло на части—тогда уже медвѣдь не встанетъ“. Мужикъ такъ и сдѣлалъ.

Въ связи съ этой способностью медвѣдя мстить своему убійцѣ стоитъ безъ сомнѣнія повѣрье, что если подъ строящійся домъ подбросить медвѣжьи кости, то домъ будетъ несчастливый.

Къ былому культу огня слѣдуетъ отнести обычай разводить „живой огонь“, „деревянный огонь“ (д'урт-би). Огонь этотъ добывается треніемъ одинъ о другой двухъ кусковъ дерева. Одинъ кусокъ устанавливается неподвижно, другой вращается въ горизонтальномъ направленіи при помощи ремня. Когда огонь добытъ, выходы изъ деревни закладываются зажженными торфяными кочками и черезъ нихъ перегоняютъ скотину. „Живой огонь“ разводится осенью или когда скотина болѣетъ. Анимистическое воззрѣніе на огонь сказывается въ томъ, что Пермькъ, желая сказать „огонь не гаснетъ“—говоритъ „огонь живетъ“.

За существами, которыхъ Пермькъ видитъ въ окружающей природѣ, слѣдуетъ рядъ существъ, которые связаны такъ или иначе съ жилищемъ человѣка. Главнымъ изъ нихъ является—домовой. Но кромѣ „сусѣдка“ Пермьки знали въ былое время рядъ другихъ существъ.

Въ настоящее время Пермькъ, не отдавая отчета—почему, считаетъ необходимымъ заколотъ и съѣсть въ новоотстроенномъ овиѣ пѣтуха. Разгадка этого обычая заключается въ обрядахъ и вѣрованіяхъ Вотьяковъ. И Вотьякъ въ извѣстное время — по окончаніи молотбы — относитъ въ овинную яму

хлѣба и кумышки или колетъ тамъ утку, но онъ знаетъ, для чего это дѣлаетъ. Передъ тѣмъ, какъ совершить жертву и приступить къ трапезѣ, онъ молится Обинь-мурту—,овиньному человѣку“ (духу) ¹⁾ и благодарить его за то, что тотъ берегъ овинъ.

Въ заброшенныхъ постройкахъ и нежилыхъ старыхъ избахъ поселяется „кусь-дядя“ (долгій дядя или дѣдушка —гѣсной, гѣшій?). Сначала „кусь-дядя“ поселяется одинъ себѣ, а потомъ съ подругою „киниморой“, вскорѣ у нихъ нарождаются дѣти. Нѣкоторые изъ Пермиковъ, проходя мимо такихъ мѣстъ въ ночную пору, слыхивали дѣтскій плачь и говоръ... При большомъ плодородіи, наполнивъ амбары хлѣбомъ, зюдаки поручаютъ храненіе таковаго „кусь-дядѣ“. — Если хлѣбъ долго пролежитъ въ амбарѣ и запахнетъ, то „кусь-дядя“ старается такой хлѣбъ забрать въ свою собственность. Рассказываетъ одинъ крестьянинъ, что залежавшумся у него въ амбарѣ рожь онъ вздумалъ продать мѣстному торговцу. Но не смотря на усилія какъ собственныя, такъ равно и своихъ семейныхъ, онъ не могъ отворить амбарной двери, хотя замокъ державшій дверь хорошо отперся. Кто-то посоветовалъ этому крестьянину купить табакъ и подарить его „кусь-дядѣ“. Купивъ табакъ, крестьянинъ побросалъ его на крышу амбара. На другой-же день смотреть: табакъ на крышѣ нѣтъ, а дверь ведущая въ амбаръ свободно отворяется (Шатровъ). На основаніи обычая относить въ ночь на 1 января (Васильевъ вечеръ) въ хлѣвъ кости отъ свиныхъ и овечьихъ головъ и ногъ можно предположить, что Пермяки нѣкогда приносили жертвы духу, охраняющему хлѣвъ и скотину ²⁾. Къ числу существъ, связанныхъ съ жилыми постройками, относятся у Пермиковъ „чуды“. У Зырянъ Вологодской и Архангельской губерній существуетъ обычай сжигать въ

¹⁾ Первухинъ. Эскизы. I, 96.

²⁾ Ср. Первухинъ. Эскизы.

Крещенье на лошадяхъ по улицамъ ¹⁾. Мы нашли этотъ обычай широко-распространеннымъ во всемъ Пермскомъ краѣ и имѣемъ возможность объяснить его. Скачка эта называется у Пермиковъ „Чуддз вашетлыны“, Чудовъ топтать, гонать. Въ Крещенье между заутреней и обѣдней („какъ богъ засвѣтаетъ“) около церкви собирается народъ—верхомъ на лошадяхъ, съ вольями, нагайками, человѣкъ до сотни и скачутъ, топчутъ Чудовъ и гонать до другой деревни. Чуды бѣгутъ изъ деревень въ воду, въ избу зайти они не могутъ. Изъ распросовъ о томъ, что это за существа Чуды, оказалось, что они появляются на землѣ въ то время, которое приходится ровно черезъ полгода со времени цвѣтенія ржи („цвѣтье“—р. святки) и расхаживаютъ, указывая людямъ, что съ ними будетъ. Къ этому времени у Пермиковъ приурочиваются разнообразнаго рода гаданья на счетъ будущаго. Пермяки ходятъ „слушаются“. Собирается нѣсколько человѣкъ, выходятъ на рѣчку на ледъ, обводятъ три круга, садятся въ немъ съ иконою и слушаютъ. Кому умереть,—Чуды строгаютъ доски, вколачиваютъ гвозди, у кого пожаръ будетъ,—услышится шумъ, крикъ народа, у кого коровы пропадутъ, начнутъ Чуды ногами ежки набрасывать. Чтобы узнать, какой хлѣбъ будетъ, ходятъ на гумно: если услышать пѣсни, хорошій урожай будетъ. По описаніямъ Пермиковъ Чуды—маленькіе человѣчки. Одинъ Пермякъ чуть отбился отъ нихъ на своемъ гумнѣ. Въ остальное время года Чуды живутъ въ пустыхъ, заброшенныхъ домахъ и поѣдаютъ всякаго, кто туда забредетъ: „не ходи въ пустой домъ, Чуды свѣдятъ“—говорятъ Чердынскіе Пермяки. Живутъ Чуды и въ баняхъ („чудъ-піаны“) и похищаютъ, перемѣняютъ людей, которые царятся тамъ не благословясь. Одного старика Чуды „перемѣнили“ и онъ сталъ страшнымъ обжорой—сѣдалъ по 5 челпановъ хлѣба.

Что такое представляютъ собою чуды, остается неяснымъ. По имени можно было-бы предположить, что это духи ста-

¹⁾ Максимовъ. Годъ на сѣверѣ.

рыхъ Чудаковъ, освобождающіеся временно изъ другаго міра. У Пермиковъ чудэвъ означаетъ и Чуда, какъ дука, и Чудака, чучкаго—древнѣйшаго обитателя края. Въ пользу такого предположенія говоритъ какъ будто и то, что и Чуды и Чучкіе представляются Пермикамъ съ одинаковыми физическими признаками: тѣ и другіе маленькіе человѣчки. Такъ по крайней мѣрѣ рисуются чучкіе въ Пермичьихъ разсказахъ, которые безъ сомнѣнія лежатъ въ основаніи насмѣшливыхъ разсказовъ о „Вятскихъ“, „попеховцахъ“. Позволяемъ себѣ привести здѣсь одинъ изъ такихъ разсказовъ, потерявшій свой смыслъ въ русской передачѣ. — Чучкіе были маленькіе человѣчки, жали хлѣбъ шилами, складывали его въ мѣшки размѣромъ съ нынѣшній чулокъ. Однажды 40 чучкиныхъ жали. До полдня они нажали одинъ суслонъ и легли спать. Пока они спали, пришелъ Іенъ съ серпомъ, нажалъ 40 суслоновъ и оставилъ серпъ (черла, по южн. черва) въ суслонѣ. Чучкіе проснулись, увидали незнакомую вещь, приняли ее за живое существо и порѣшили утопить: привязали къ ручкѣ веревку, сѣли въ лодку, дернули и опрокинулись въ воду.—Было-бы очень желательно собрать нобольше разсказовъ о Чудахъ, чтобы выяснитъ ихъ природу¹⁾.

Языческіе боги, до сихъ поръ живущіе въ воображеніи Пермика, какъ и боги, данныя христіанствомъ, требуютъ отъ человѣка жертвъ — и эти жертвы иногда превосходятъ то, что можетъ предложить Пермиакъ новымъ богамъ. Среди Чердынскихъ и Солянскихъ Пермиковъ распространено убѣжденіе, что мельникъ, устранившаго новую мельницу, отдаетъ водяному одного или нѣсколько человѣкъ изъ рабочей артели. Этотъ обѣтъ, остатокъ былаго обычая приноситъ

¹⁾ Природа Чудовъ, время ихъ дѣятельности и отношенія къ нимъ Пермиковъ соотвѣтствуетъ тому, что мы знаемъ у Глазовскихъ Вотиковъ относительно Вожа. Въ Крещенье у нихъ также бываютъ «проводы Вожа», которые подобно Чудамъ разгуливаютъ по землѣ въ теченіе всѣхъ святокъ (зимняго цвѣтя). Ср. Первухинъ. Эск. II, 195—в. III—сказки о Вожа.

человѣческія жертвы—обычая, который имѣлъ мѣсто у Коми, Югры и Суоми. Вятскіе, Орловскіе Пермьки сохранили до сихъ поръ воспоминаніе о томъ, что у ихъ предковъ былъ богъ, который требовалъ человѣческихъ жертвъ ¹⁾). Стоитъ послѣ того какъ устроена мельница, по близости ея утонуть человѣку и Пермьки говорятъ, что это ваясь - куль взялъ обѣщанную ему мельникомъ жертву. Бойкіе на языкъ люди сообщаютъ, сколько обѣщаль человѣкъ мельникъ. Въ Ошибѣ намъ рассказывали, что въ ихъ волости строилась въ одномъ мѣстѣ мельница. Хозяинъ обѣщаль 9 человѣкъ помочанъ водяному и водяной началъ ихъ вскорѣ забирать. Подошелъ праздникъ. Одинъ молодецъ ходилъ въ часовню, напился и сталъ переходить рѣку — ледъ въ это время уже таялъ — и провалился: водяной взялъ его, осталось еще 8 человѣкъ. Водяной, который извелъ одного мельника, даетъ уже другому свободу. — Въмѣсто человѣка въ настоящее время даютъ водяному кошекъ, собакъ. Представленіе о томъ, что духи могутъ требовать человѣческихъ жертвъ—несомнѣнный остатокъ былого обычая человѣческихъ жертвоприношеній—имѣетъ мѣсто и у Глазовскихъ Пермьковъ. Г. Спицынъ, со словъ А. Н. Шатрова, сообщаетъ любопытное въ этомъ отношеніи преданіе о „чудскомъ вампѣ“ близъ деревни Подгорной Бисеровской волости. Въ былое время въ семикъ, въ Петровъ день и въ Ивановъ день старики приносили на чудской камень яства. Тотъ, кому назначались эти приношенія, видимо не вполне оставался ими доволенъ: разъ передъ однимъ изъ стариковъ явился изъ подъ камня человѣкъ и сказалъ по пермяцки: „дай мнѣ человѣка съѣсть — и я тебѣ выкачу три корчаги денегъ“ ²⁾).

Приступая къ постройкѣ новаго дома, Пермькъ владеть въ землю нѣсколько мѣдныхъ монетъ, разной зерновой хлѣбъ и разныхъ цвѣтовъ овечью шерсть. Въ насто-

¹⁾ Добротв. III, 230. Шурма (не Турма? Ср. вогул. Торомъ).

²⁾ Вят. Губ. Вѣд. 1889, № 62.

ящее время этотъ обычай истолковываютъ желаніемъ, чтобы въ новомъ домѣ водились деньги, хлѣбъ и скотъ ¹⁾). Когда положить окладные вѣнцы на мѣсто, хозяйка приноситъ хорошую овчину и стелетъ ее въ верхъ шерстью на землю по срединѣ сруба. На овчину кладутся приготовленные яства и питія и начинается пиръ помочанъ ²⁾). Поднявъ избу до матицы, хозяинъ предлагаетъ помочанамъ новое угощеніе и опять на овчинѣ посреди пола; въ маточныя гнѣзда кладется разноцвѣтная шерсть. Переходятъ въ новый домъ около полуночи. Хозяинъ дома, взявши съ божицы икону, подходитъ въ голбцу и зоветъ домового: „сусѣдушко, братунушко, пойдѣмъ въ новый домъ; какъ жили въ старомъ домѣ хорошо, такъ будемъ жить и въ новомъ — люби мой скотъ и семейство ³⁾). Затѣмъ всѣ отправляются въ новый домъ. Прежде, чѣмъ войти, хозяинъ пускаетъ въ избу пѣтуха и курицу и ждетъ до тѣхъ поръ, пока пѣтухъ пропоетъ. Икона ставится на божницу, сусѣдо приглашается въ новый голбецъ.

Наканунъ Рождества въ каждомъ домѣ готовились изъ тѣста фигурки разныхъ домашнихъ животныхъ—овецъ, свиней, телятъ и т. д. и складывались на божницу, гдѣ ихъ держали до Крещенья ⁴⁾). Въ связи съ старыми вѣрованіями стоятъ, конечно, нѣкоторые трудно объяснимые въ настоящее время обычаи. Таковъ напр. обычай во время грозы выбрасывать въ окно икону, косу, не ѣсть, во время града выбрасывать метелку, икону, яйца, топоры, косы. Въ этихъ обычаяхъ какъ будто перепутались два отношенія къ духамъ, производящимъ грозу и градъ: желаніе умиловити (выбрасываніе яицъ) и желаніе напугать духа отогнать его новымъ для него предметомъ (икона, желѣзная вещь).

¹⁾ Роговъ. Мат. 98.

²⁾ Ibid. 99—100.

³⁾ Ibid. 102.

⁴⁾ Перм. Сборн. II, 31.

Посредниками между людьми и богами были у древних Пермьковъ волхвы, обаянники. Типомъ ихъ является противникъ св. Стефана Памъ. Памъ былъ сотникомъ въ Вымской области, „держалъ своимъ волшебствомъ всю Пермскую землю“; онъ являлся между прочимъ рѣшителемъ судьбы виновнаго въ святотатствѣ. По отношенію къ богамъ его роль выражается въ томъ, что онъ выдавалъ себя способнымъ напустить боговъ на своего противника и узнавать при помощи ихъ, что дѣлается въ дальнихъ странахъ. Эту способность или искусство Памъ, какъ и другіе „волхвы“, приобрѣтали по наслѣдству отъ родителей и, конечно, передавали дѣтямъ¹⁾. Для выполненія священной миссіи волхвы должны были приходиться въ особенное возбужденное состояніе. На это намекаетъ выраженіе—„волхвевіемъ одержимые“. Сила волхвовъ выражалась въ господствѣ надъ стихіями.—Всматриваясь въ черты, которыми характеризуется Пермскій волхвъ, мы открываемъ полное тождество его съ Лопарскимъ нойдомъ и Остяцкимъ шаманомъ. Христіанство уничтожило общественную роль волхвовъ. У новыхъ боговъ явились новые служители. Даже тамъ, гдѣ сохранились общественныя богослуженія, старшій въ деревнѣ только при отсутствіи священника выдвигается впередъ. „Вѣжливыцы“ сохранили однако свое значеніе въ области христіанскаго культа. Мы знаемъ уже, какъ грубо-матеріалистически смотритъ Пермькъ на свои отношенія къ „богамъ“: имъ нужны жертвы, пища и чтобы получить ее, они посылаютъ мыжь. Задача постигнутаго мыжемъ заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, какой „богъ“ требуетъ угощенія и разрѣшить ее можетъ только „вѣжливецъ“, черешванникъ. „Вѣжливецъ“ въ данномъ случаѣ выполняетъ точь въ точь ту роль, которая у Черемисъ принадлежитъ мужедамъ, у Вотяковъ туно.

Искусство напускать боговъ не чуждо и современнымъ вѣжливымъ съ той разницей, что теперь вѣжливецъ напу-

¹⁾ Пам. Стар. р. Лит. III, 145. «У батка своего сего не навькохомъ».

скасть болѣзни или какое нибудь другое бѣдствіе. Вѣжливецъ можетъ испортить человѣка прикосновеніемъ, дуновеніемъ, взглядомъ. Подобно вотяцкимъ туно и Лопарскимъ войдамъ, „вѣжливы“ обладаютъ способностью оборачиваться разными животными сами и оборачивать другихъ. Въ особенности опасными являются „знаткіе“ во время свадебъ: тутъ они могутъ оборотить въ волковъ или другихъ звѣрей цѣлый свадебный поѣздъ. Чтобы предупредить такую бѣду, въ поѣздъ обязательно приглашаютъ человѣка, извѣстнаго за знаткаго. Если въ деревнѣ или околицѣ есть другой „знаткой“, между противниками возникаетъ формальное состязаніе: одинъ обернется напримѣръ коровой и неровитъ загадить дорогу, другой оборачивается волкомъ или медвѣдемъ и бросается за коровой. Результаты этого состязанія выражаются послѣ въ томъ, что одинъ изъ знаткихъ является помятымъ и лежитъ нѣкоторое время въ постели. Старая близость войдовъ къ богамъ выражается въ настоящее время въ томъ, что знаткіе дружатъ съ лѣшими, водяными и при помощи ихъ пользуются удачей въ охотѣ. „Знаткой“ ловитъ, напр., рыбу безъ сѣтей, прямо руками. Къ „знаткимъ“, какъ мы уже знаемъ, обращаются Пермьки и въ томъ случаѣ, когда нужно написать кабалу лѣшему.

„Знаткимъ“, конечно, принадлежитъ изобрѣтеніе разнаго рода гаданій, которые въ настоящее время являются извѣстными каждому Пермьку. Въ случаѣ кражи всѣмъ сосѣдямъ раздаются ровныя лучинки въ видѣ спицъ. Вора узнаютъ по тому, что онъ обкусываетъ свою лучинку, чтобы сдѣлать незамѣтнымъ ея ростъ. Если воръ остается неизвѣстнымъ, стараются узнать, найдется-ли вещь. Для этого одинъ бросаетъ рукавицу и смотрять, какъ она легла: если пальцемъ вверхъ, найдется; другіе запутываютъ длинное лычко, рѣжутъ на части, потомъ связываютъ на узелки и если изъ связанныхъ частей лычка образуется цѣльная лента, воображаютъ, что пропажа нашла дорогу, т. е. ее не найти. Чер-ашванщики дѣлаютъ видъ, что они гадая приходятъ въ особенное состояніе. Выраженіемъ этого состоянія является усиленная зѣвота.

Въ 40-хъ годахъ по свидѣтельству Хлюпина искусствомъ колдовать славились особенно Чердынскіе знахари. Имъ ничего не стоило сглазить человѣка, вселить въ него гадинъ, прицѣпить вилу ¹⁾). Вѣжливцы являются у Пермяковъ и наиболѣе пользующимися довѣріемъ лекарями. Христіанское духовенство и вѣжливцы не вытравили однако воспоминанія о былой жреческой роли отца семейства. Въ Великій четвергъ онъ еще въ 60-хъ годахъ приносилъ по обычаю жертву домашнему „богу“: ставилъ передъ иконами въ рѣшетѣ зерновой хлѣбъ, челпанъ и соль ²⁾). Въ другіе праздники онъ зажигалъ передъ иконами свѣчу, курилъ ладаномъ и молился во главѣ семьи надъ столомъ, покрытымъ праздничными яствами, которыя потомъ на время убирались ³⁾). Яствами этими въ Васильевъ вечеръ служили овечьи и свиныя головы.

Мы обозрѣли всю область духовнаго творчества Пермяка. Явленія, въ которыхъ оно выражается, показываютъ, что и здѣсь, какъ въ области приспособленія къ своимъ нуждамъ природы и въ области творчества общественно-бытового Пермякъ не пошелъ дальше зачаточныхъ стадій. Въ языкѣ, который служитъ выраженіемъ его понятій о вещахъ и явленіяхъ, онъ не пошелъ дальше конкретныхъ терминовъ; разбираясь въ отношеніяхъ между явленіями, стараясь отыскать ихъ связь, онъ руководствуется исключительно послѣдовательностью ихъ; вопросъ о сущности явленій онъ разрѣшилъ анимистически, признавши жизнь, духъ въ каждомъ предметѣ окружающаго міра; въ культѣ этихъ явленій - духовъ онъ не пошелъ далѣе удовлетворенія ихъ потребностей въ пищу и нитьѣ.

Нашъ очеркъ конченъ. Для того, чтобы матеріалъ собранный нами относительно Пермской группы, пригодился для болѣе широкихъ выводовъ, желательно обсто-

¹⁾ Изв. Геогр. Общ. 1849, ср. Москвит. 1847.

²⁾ Роговъ. Перм. Сбор. II, 27.

³⁾ *ibid.* 25.

ятельное изслѣдованіе сѣверныхъ Коми (Зырянахъ). Эта работа уже начата параллельно Императорскимъ Географическимъ Обществомъ и Московскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи. Пожелаемъ-же ей скорого и успѣшнаго конца.

ПОПРАВКА.

На стр. 104, 5 стр. снизу напечатано Со с в ы, должно быть Сыгвм.

Содержаніе ранѣе вышедшихъ томовъ „Извѣстій Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“.

Т. X. Уставъ Общества, списокъ членовъ-учредителей Общества, Протоколы засѣданій Совѣта и Общаго Собранія. Проектъ Публичнаго Историко-Этнографическаго Музея, сост. В. М. Флоринскимъ.—Приложенія. Свѣдѣнія о древностяхъ, найденныхъ близъ деревни Увекъ. Описаніе русскихъ монетъ клада 4 сентября 1878 г. В. К. Савельева, и Н. А. Толмачева. О нѣкоторыхъ малознакомыхъ матеріалахъ, служащихъ къ изученію исторіи Казанскаго края. Д. А. Корсакова. Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. П. А. Износкова. О замѣчательной Китайской монетѣ конца X или начала XI в., приобрѣтенной въ селѣ Болгарахъ. В. П. Васильева. 1879. Ц. 1 р.

Т. XII. Годовой отчетъ за 1878 г. Протоколы засѣданій Общества.—Приложенія. Два городища Спасскаго уѣзда. П. Фанагорскаго. Объ историческомъ значеніи библіотекъ Соловецкаго монастыря, хранящейся при Казанской Духовной Академіи. П. В. Владыкірова. Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древн. жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи П. А. Износкова. Описаніе части клада русскихъ денегъ XV в., открытаго въ Казанскомъ кремлѣ 4 сент. 1878 г. А. Ф. Лихачева. Замѣтка о харатейномъ Евангеліи к. XIV или нач. XV в. П. Д. Шестакова. Нѣсколько словъ о могильникѣ, находящемся близъ деревни Ананьиной. П. Д. Шестакова. Описаніе монетъ, найденныхъ въ д. Карташихъ Каз. г. В. К. Савельева. Описаніе городищъ и кургановъ, находящихся въ окрестностяхъ г. Сенигиае Симб. губ. М. И. Извошкова. О старинномъ кладбищѣ близъ с. Беляморскаго Вят. губ. А. Рязанцева. Попытка объясненія одного мѣста изъ Булгарской лѣтописи Шерефъ-Эддина. П. Д. Шестакова. Выдержки изъ архива Елабужскаго духовнаго Правленія. Ею-же. Описаніе дополнительной лекціи Джучидскихъ монетъ изъ развалинъ г. Увека. В. К. Савельева. Описаніе чудскихъ вещей, пожертвованныхъ въ музей Общества А. Е. Теплоуховымъ. Бытъ Вотиковъ Саранульскаго уѣзда. В. Котурникова. К. 1880. Ц. 1 р.

Т. XIII. О задачахъ дѣятельности К. О. Н. А. и Э. С. М. Пнилевскаго. Лингвистическая замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биляръ и Моркваша. Н. И. Золотницкаго. По поводу сообщенія Н. И. Золотницкаго. П. Д. Шестакова. Замѣтка о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Каз. губ. П. А. Износкова. Объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ въ Билярскѣ. Ею-же. Описаніе Билярскихъ и Баранскаго городищъ. В. А. Казаринова. Замѣтка о Калмыкахъ Астрахан. губерніи. П. Смирнова. Изъ поѣздки въ село Шуматово Ядр. у. Каз. губ. (бытъ Чуваши) Б. К. Маинтскаго. О раскопкахъ близъ д. Палкиной на р. Чусовой. П. И. Кротова. У Вотиковъ Елабужскаго уѣзда. Г. И. Потанина. Изъ дорожныхъ замѣтокъ во время этногр. экскурсій. С. К. Кузнецова. О Чалдынскомъ городищѣ. А. М. Зайцева. Одно изъ древнихъ булгаро-татарскихъ городищъ

въ Тет. у. *Е. Т. Соловьева*. Преданія Чувашъ и Татаръ Чебокс. у. Каз. г. *М. А. Арамазова*. Остатки древности въ с. Увекѣ. *Г. С. Саблукова*. Предварительное сообщеніе о раскопкахъ близъ с. Шурана. *П. А. Покомарева*. Предп. сообщеніе о раскопкахъ надъ Ройскимъ истокомъ. *С. К. Кузнецова*. Замѣтки о вышенномъ раскопкахъ. *А. А. Штукенберга*. Краткое описаніе Краснослободскаго муж. монастыря (Пенз. г.). *Д. В. Ильченко*. Описаніе рус. сер. копѣекъ изъ склада 1881 г. *В. К. Савельева*. Описаніе двухъ коллекцій джуч. монетъ пожерт. обществу. *Его-же*. Описаніе клада золотордынскихъ монетъ, найденнаго въ 1881 г. *Н. П. Заюскаина*. Атамановы кости. *С. К. Кузнецова*. К. 1884. Ц. 2 п. 50 к.

Т. IV. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1880—88 г. Приложенія.—Духовная *В. П. Татищева*. О Мишаряхъ чистот. уѣзда *В. А. Казаринова*. Свидѣнія о Мишаряхъ. *Е. А. Малова*

Т. V. Протоколы засѣданій Совѣта и общихъ собраній за 1882—1884 гг. Спесскій слѣдъ на биларской почвѣ. *А. Θ. Лихачева*. Особенности русскаго говора въ Урж. у. Вят. г. *В. К. Мамитскаго*. Смѣсь. К. 1884. Ц. 1 р.

Т. VI. Вып. 1 и 2. Нѣсколько словъ о русскомъ вліяніи на инородцевъ Казанскаго края. *И. Н. Смирнова*. Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма. *Н. Θ. Высоцкаго*. Развалины древнихъ зданій при селѣ Болгарахъ. *В. А. Казаринова*. Одинъ изъ источниковъ исторіи Вятскаго края. *А. А. Спицына*. Ненданныя грамоты изъ Афонскихъ архивовъ. *В. В. Качановскаго*. Матеріалы для русскаго словаря. *А. Д. Жилина*. Обычай колядованія въ Симб. г. *М. Извоицкаго*. Каз. 1888. Ц. 1 р.

Т. VII. Исслѣдованія о нарѣчіяхъ Черемисскаго языка *М. П. Веске*. Новая антропологическая находка въ с. Болгарахъ. *Н. Θ. Высоцкаго*. Древній Булгаръ и татарскія преданія о немъ. *А. Дмитриева*. Гдѣ былъ древній Булгарскій городъ Керманчукъ. *Е. Т. Соловьева*. Старая церковь въ селѣ Богородскомъ. *Н. В. Сорокина*. Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова*. Каз. 1889. Ц. 2 р.

Т. VIII. Вып. I. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. *М. П. Веске*.

— Вып. II. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ *И. Н. Смирнова*. Каз. 1890. Ц. 2 р. 25 к.

— Вып. III. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній Каз. 1890. Ц. 25 к.

Т. IX. Вып. I. Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ Коммисіи. *Н. Н. Ойрсова*. Памяти П. Д. Шестакова. *Н. А. Ойрсова*. Толкованіе икона села Царицына (съ фотографіей). *Н. В. Сорокина*. Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища. *Н. З. Тилова*. Ирихи у Чувашъ. *В. К. Мамитскаго*. Русскія имена и прозвища въ XVII в. *А. Н. Соколова*. Свадебные обычаи Казанскихъ татаръ. *М. Н. Липецкаго*. Каз. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

Вып. II. Пермьки. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова*. Каз. 1891. Ц. 1 р. 75 к.

Всѣ изданія Общества, за исключеніемъ I и II томовъ, можно получать въ Казани у книгопродавцевъ *А. А. Дубровина* и *Н. Я. Ваммакова*, въ С.-Петербургѣ у *А. С. Суворина* и *Карбасникова*.

RETURN CIRCULATION DEPARTMENT
TO → 202 Main Library

LOAN PERIOD 1	2	3
HOME USE		
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

RENEWALS AND RECHARGES MAY BE MADE 4 DAYS PRIOR TO DUE DATE.
 LOAN PERIODS ARE 1-MONTH, 3-MONTHS, AND 1-YEAR.
 RENEWALS: CALL (415) 642-3405

OCT 13 1990 DUE AS STAMPED BELOW

JAN 14 1991

APR 08 '91

AUTO DISC AUG 22 '91

**JAN 04 1993
 AUTO DISC CIRC**

JUL 13 '93

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
 FORM NO. DD6, 60m, 1/83 BERKELEY, CA 94720

®s

